

ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКИ

2005

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

2005

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ИСТОРИЯ

И

ИСТОРИКИ

2005

Историографический вестник

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН
А.Н. САХАРОВ

МОСКВА НАУКА 2006

УДК 930
ББК 63.2
И90

Издание основано в 1965 году,
возобновлено в 2001 году

Редакционная коллегия:

М.Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ, Р.А. КИРЕЕВА, Л.П. КОЛОДНИКОВА,
Д. СВАК, Л.А. СИДОРОВА (ответственный секретарь)

Рецензенты:

доктор исторических наук В.М. ЛАВРОВ,
доктор исторических наук К.А. СОЛОВЬЕВ

История и историки : историографический вестник / Ин-т рос. истории РАН. – М. : Наука, 1965–
2005 / отв. ред. А.Н. Сахаров. – 2006. – 363 с. – ISBN 5-02-035069-9
(в пер.).

В сборнике представлены статьи по истории России от древности до XXI в. Их объединяет актуальность поднятых проблем и исследовательский метод авторов, в основе которого – научная объективность и базирующаяся на источниках доказательность. Ряд статей посвящен формированию исторического образа Руси в польской хронографии XV–XVI вв., вероисповедной политике русского “просвещенного абсолютизма”, национальным меньшинствам в Советской России, проблемам государственного управления в России. Много внимания уделено творческим портретам отечественных историков. Среди них – Н.В. Ястребов, В.Е. Иллерицкий, А.П. Кучкин, А.Д. Малявский. Впервые публикуются письма М.С. Корелина В.И. Герье, дополняющие наши знания о мире российских историков, их научном творчестве.

Для историков, преподавателей общественных наук, широкого круга читателей.

Темплан 2006-II-324

ISBN 5-02-035069-9

- © Институт российской истории РАН, 2006
- © Коллектив авторов, 2006
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “История и историки” (разработка, оформление), 1965 (год основания), 2001 (год возобновления), 2006
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

*

Н.Ф. Бугай

ПРОБЛЕМЫ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Обращение к названной проблеме не случайное. Дело в том, что до начала 1990-х годов вопрос о репрессированных национальных меньшинствах в условиях Союза ССР вообще не упоминался. Изучению истории национальных меньшинств, конечно же, обращалось внимание, однако они исследовались в историко-этнографическом аспекте.

Что касается непосредственно названной проблемы, то изучение ее находилось продолжительное время под запретом. Развал Союза ССР способствовал в определенной мере новому повороту в исследовании национальных процессов в государстве в 1930–1950-е годы, т.е. в период советской истории, на который как раз и приходился пик репрессивных воздействий правительства СССР, сталинского режима в отношении национальных меньшинств (национальные – в современной европейской транскрипции) и народов.

Безусловно, в 1990-е годы изучению названной проблемы содействовало появление основополагающих государственных актов, доктрин, концепций государственной национальной политики. Важное значение имела публикация документов, отражавших ситуацию не только в масштабе Российской Федерации, но и в масштабе отдельных ее составляющих регионов, выполненная с учетом их специфики, особенностей. Для их обоснования требовались более обстоятельный анализ процессов, разработка новых “моделей” выстраивания российской национальной политики, взаимоотношений по вектору “народы и власть”, отношений между так называемыми “титულными этносами”, именем которых назывались союзные, автономные республики, области, национальные округа, и этническими меньшинствами. Новые исторические условия российской государственности поставили на повестку дня выработку подходов в изучении этой сложной проблемы исторической науки, необходимость обеспечения единства и целостности России, согласования общегосударственных ин-

тересов и интересов всех населяющих Россию народов, налаживание всестороннего сотрудничества, развитие национальных языков и культур. Это в полной мере относится и к проблеме национальных меньшинств, в том числе и подвергшихся репрессиям в названный исторический период.

Жизнь выдвигала необходимость выстраивания совершенно новых “моделей” “национального развития и регулирования межнациональных отношений, обеспечения конституционных прав человека и гражданина”¹ в Российской Федерации в 1990-е годы на основе сохранения целостности российской государственности, с учетом принципов федерализма и гражданского общества. Конечно, и в новых условиях России национальные меньшинства не могли оставаться в стороне от имевших место открытых конфликтов, порождавших миграционные процессы, разделения народа, трудности с жизнеобеспечением им сопутствовавшие, безработицу, существовавшую правовую неурегулированность земельных и других отношений. Отсюда проистекала и необходимость пристального внимания к национальным меньшинствам, исправления ошибок в политике по отношению к ним, обеспечения их политической и правовой защищенности, развития национальных культур, языков, укрепление духовной общности.

Решение этих задач становилось возможным только в условиях выработки новых концептуальных подходов в определении роли и места национальных меньшинств в государственной системе межнациональных отношений, вывода национального вопроса, а точнее, вопроса межнациональных отношений, из сферы спекуляций в политической борьбе, переориентации национальной политики в консолидирующую силу общества, обеспечения гарантии прав коренных малочисленных народов в соответствии с Конституцией Российской Федерации, запрещения деятельности, направленной на возбуждение национальной и религиозной розни.

Что касается конкретно национальных меньшинств, то их положение вытекает из обязательств государств, что находило воплощение, в частности, в Конвенции о правах и основных свободах человека независимо от национальной принадлежности, подписанной государствами-участниками СНГ в 1995 г., которой предусматривалась “реализация международных соглашений о защите национальных меньшинств”.

Следует заметить, что в 1990-е годы перед национальными меньшинствами России, в том числе и подвергшимися репрессиям, стояла проблема самоопределения, которая нашла свое выражение в создании такой “модели” обустройства национальных

общностей, как национально-культурная автономия, позволяющая решать вопросы сохранения и своей самобытности, традиций, языка, культуры, образования.

Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации не были детализированы положения применительно национальных меньшинств, подвергшихся репрессиям, однако в отношении всех репрессированных народов указывалось, что “требует своего разрешения ряд проблем репрессированных народов: следует ускорить разработку и реализацию соответствующих законодательных актов, направленных на устранение последствий репрессий и депортаций в отношении этих народов”².

Понять разные стороны предпринимавшихся мер репрессивного воздействия по отношению к национальным меньшинствам можно посредством проведения мониторинга состояния межнациональных отношений, в том числе и в этот рассматриваемый сложный период истории.

Изучение проблемы репрессий национальных меньшинств позволяет выделить группу меньшинств, которой в значительной мере стало уделяться больше внимания в 1990-е годы и в начале XXI в. Перечень этносов, к которым принимались меры репрессивного воздействия, довольно обширный. По имеющимся данным НКВД Союза ССР, он включал 14 наименований народов, подвергшихся полностью репрессиям, и 47 когорт населения (по определению российских социологов), принадлежавших к разным национальностям. В настоящей статье уделяется внимание анализу литературы применительно таких национальных меньшинств, как греки, армяне, болгары, корейцы, курды, поляки, турки-месхетинцы, финны, чеченцы-аккинцы, а также частично немногочисленные контингенты населения других нацменьшинств.

Исследуемая проблема в научном плане предполагает решение такой кардинальной задачи современности, как защита прав этнических меньшинств, к которым относятся и названные меньшинства, проживающие в субъектах Российской Федерации. Разумеется, изучаемый вопрос не возможно отнести к числу просто разрешаемых. Его в значительной мере конфликтное происхождение, сложная эволюция способствовали “озвучиванию” не только в рамках стран СНГ, в масштабе Российской Федерации, но уже и в последнее время в международном плане. В определяемых подходах решения проблемы проявилась необходимость выработки приемов и форм в международном масштабе, когда именно многие международные неправительственные организации, призванные к решению вопросов жизнеобустройства и жизнеобеспечения этнических меньшинств, обратили внимание и на

положение этнических меньшинств стран СНГ, включая Российскую Федерацию.

Все это позволило рассматривать положение этнических меньшинств, подвергавшихся репрессиям еще в 1930–1940-е годы и скитавшихся по различным областям республик Средней Азии и в Казахстане, как проблему поиска мирового порядка, основанного, естественно, на примере справедливости и торжестве закона. Кстати, это стало возможным в условиях Российской Федерации только тогда, когда российское общество избрало путь создания истинно правового государства, во главе развития которого находится основная Закон государства – Конституция Российской Федерации.

Однако провозглашение этого важного лозунга еще не означает на практике то, что именно таким образом и пошло развитие народов, включая этническое меньшинство – турок-месхетинцев (турок из Месхетии), неотложное решение их наболевших проблем. Скорее всего, провозглашенный ход развития событий принял уродливые формы. На историческом срезе 1980 – 1990-х годов проблема больше прослеживается на стыке соотношения или на уровне слабо различимой границы между позициями – “закон, как он должен быть” и “закон, каков он есть”.

Такая ситуация в плане решения острейших вопросов жизнеобустройства и жизнеобеспечения этнических меньшинств, в частности, на территории Российской Федерации, вызывает необходимость совершенствования (зачастую новой разработки) нормативной базы, защищающей права этнических меньшинств. На стороне этнических меньшинств, в классическом их понимании, должен быть мировой порядок, государство (в частности, Российская Федерация и другие страны, выступающие своеобразным посредником между личностью, конкретно репрессированными лицами разных национальностей и международным порядком).

В данном случае государство обеспечивает функционирование законов, направленных на защиту интересов этнических меньшинств и реализацию принципов, определенных Уставом Организации Объединенных Наций, а также компетентными органами ООН, в частности, такими как Управление Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ ООН)³, Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)⁴, Международная организация по миграции (МОМ)⁵ и др.

Национальные меньшинства, оказавшиеся в конфликтной ситуации, адекватно названным меньшинствам, разумеется, должны были стремиться к поиску возможного решения своих насущных проблем, предусматривая при этом единственную цель – выжить, сохраниться в той чрезвычайной, экстремальной ситуации, в которую они были ввергнуты.

Проходившая таким путем миграция, как свидетельствуют выполненные научные исследования в 1980–1990-е годы, оказалась не только неплановой, стихийной, вынужденной, но и протекавшей в крайне сложных условиях, сопровождавшихся трудностями функциональной и природной адаптации переселенцев. Выявился и другой аспект, а именно – утрата влияния провозглашавшегося ранее одним из основополагающих принципов в развитии общества с социалистическим укладом – принципа интернационализма, имевшего различную силу влияния на том или ином временном историческом срезе.

Рассматривая исследуемую тему, нельзя обойти вопрос о роли и месте этого принципа в советский период, в решении проблем взаимоотношений между этническими общностями, их становлении, развитии и совершенствовании. Фактически определяющим влиянием этого принципа пронизывались все сферы общества – социальная, экономическая, культурная, международная и, конечно же, национальная, как самая хрупкая сфера отношений между людьми различных национальностей.

События второй половины 1980-х годов, особенно после распада Союза ССР, воочию свидетельствуют о том, что влияние этого феномена (принципа интернационализма) на развитие общественных процессов значительно изменилось. Получили существенный сдвиг акценты в вопросе об этнических меньшинствах. Ослабление силы государства, базировавшегося в своей идеологии, в том числе и на широком использовании принципа интернационализма, не способствовало не только обеспечению законодательного порядка для защиты прав этнических меньшинств, но и защите права человека независимо от его национальности. Не была проявлена гибкость по отношению к этническим меньшинствам, как к особым когортам населения.

Обращаясь к проблеме этнических меньшинств, по нашему мнению, важно рассмотреть этот вопрос в эволюционном плане, с анализом самого понятия “национальное (этническое) меньшинство”, его возникновение, проведение государственной национальной политики в отношении этнических меньшинств, формы его складывания и расселения. Однозначно, на практике применялся метод насильственных переселений, выселений, насаждения меньшинств на той территории, где они никогда не проживали. Случаи эти имели место в истории. Поэтому крайне важно прибегнуть частично и к анализу интересующего исторического момента. Налицо были нарушение принципа приверженности этносов к историческому месту проживания, навязывание этническому меньшинству воли, установление против его волеизъявления нового порядка в регионах, на территорию которых расселя-

ли эти этнические меньшинства. К сожалению, так именно и было в истории. В то же время ошибки повторяются до сих пор.

Начиная с 1940-х годов XX столетия, в мировой науке неоднократно уделялось внимание определению содержания понятия “национальное (этнические) меньшинство”. Однако продолжительное время глубокие научные обоснования по этому вопросу отсутствовали.

В советской этноисторической науке продолжительное время было расхожим определением, что “национальное меньшинство” – это тот народ, который находится в угнетенном положении к (коренному) главному народу. Если придерживаться такого определения, то на практике это приводит к путанице. Почему? Получается, что этническая структура становится в прямую зависимость от политики. Национальное меньшинство при таком подходе “возникает”, “исчезает” в зависимости от того, существует ли угнетение одного этноса другим. Рассмотрение меньшинства в качестве дискриминационной группы присуще многим авторам.

Для развития национального меньшинства необходима особая политика по сохранению его хозяйственного уклада и особое отношение с учетом того, что национальные меньшинства являются представителями этносов, не входящих в территориальные границы данной страны. Одним словом, национальные меньшинства – это этническая общность людей, составляющая часть этноса, сохранившая традиционный образ жизни, этнические особенности этого этноса и проживающая в сфере инационального населения.

Кто относится к этническим меньшинствам? К ним следует причислять граждан, принадлежащих к национальностям, проживающим в Российской Федерации, в других странах СНГ и не имеющих своих государственных и территориальных образований как в составе страны, так и за ее пределами – в СНГ (например, в Российской Федерации – турки-месхетинцы, курды, хемшины, греки, немцы, поляки, ингерманландцы и др.); граждан, принадлежащих к национальностям, проживающим в Российской Федерации, имеющих свои государственные образования за ее пределами (бывшие союзные республики, национальные округа и т.д.); граждан, принадлежащих к национальностям, проживающим в странах СНГ и имеющие свои государственные образования за пределами СНГ.

Особенность развития современных национальных процессов вызывает необходимость более тесного контакта правительств в использовании имеющегося опыта управления национальными процессами, взаимной договоренности об обеспечении

представителей тех национальностей, которые проживают за пределами своих национально-государственных образований.

В Концепции государственной национальной политики Российской Федерации (1996 г.) была определена позиция этнических меньшинств на территории России, которая затем нашла детальное отражение в законах Российской Федерации “Об общественных объединениях” (1995 г.), “О национально-культурной автономии” (1996 г.). Правда, законы не получали распространения на те этнические меньшинства, например, на турок-месхетинцев, которые имели (получили) статус временного проживания в субъекте Российской Федерации, без регистрации лиц турецкой национальности в местах их проживания, за редким исключением.

Научная литература, работы публицистов по проблеме, изданные в основном в 1990-е годы, выявленные новые архивные документы и материалы, особенно те, которые долгие годы не были доступны для исследователей, а также изъятые из частных коллекций публикации воспоминаний, бесед с непосредственными участниками этих сложных социальных процессов позволяют рассмотреть многие аспекты темы.

В этой связи в числе важных научных направлений по-прежнему остаются накопление, изучение и обобщение богатого эмпирического материала по истории этнических меньшинств, подвергшихся репрессиям в 1940-е годы, выявление потенциальных возможностей для научных изысканий по проблеме депортации и реабилитации народов Союза ССР⁶. Все это актуально как для Российской Федерации, так и других стран СНГ, особенно в условиях современности, в период, когда начат процесс демократизации, очищения всех сторон жизни государств от деформации и искажения общечеловеческих принципов гуманизма. Повсеместно усиливается стремление знать всю правду о прошлом народов, чтобы усвоить его уроки во имя будущего.

Проблема принудительных переселений этнических меньшинств из Крыма напрямую сливается с проблемой депортации крымских татар, в числе которых были такие этнические меньшинства, как армяне, болгары и греки караимы и др. Около 40 тыс. граждан (греков – 14 300, болгар – 12 075, армян – 9919 и др.) этих национальностей постигла та же судьба, что и ранее депортированных с территории других республик. Однако до 1990-х годов мало что было известно в литературе по этому вопросу. В большей мере рассматривались процессы заселения этими народами территории Крыма⁷.

Но в последнее время и эта проблема становится объектом внимания незначительной части исследователей. Благодаря их

усилиям выявлены и стали известными многочисленные факты, связанные с переселением названных этнических меньшинств, об отношении к ним Центра, о роли местных партийных и советских органов власти в их переселении; выявлена география расселения этого контингента депортированных граждан бывшего Союза ССР⁸.

Комплекс опубликованных источников, включающих архивные материалы, воспоминания и т.д., изучение новых архивных документов способствовали и появлению первых обобщающих трудов по столь сложной проблеме российской исторической науки, выполненных как в масштабе страны⁹, так и в региональном масштабе.

Только в конце 1990-х годов был опубликован первый обобщающий научный труд о репрессиях в отношении национального меньшинства советских греков¹⁰. Наряду с изложением хода мероприятий, связанных с осуществлением репрессий сталинским режимом в отношении советских греков, авторами были одновременно опубликованы архивные документы из так называемой “Особой папки Сталина”. Последовательно раскрыты причины репрессий в отношении греков. “Что же касается греков, проживавших в Крыму, на Черноморском побережье Краснодарского края и в Грузии, – пишут авторы, – то их переселение осуществлялось с целью очищения пограничных районов от нерусских народов ввиду неверия в их благонадежность”.

Как известно, реализация этой меры проводилась на основе постановления ГКО “О выселении государственно-опасных лиц” от 29 мая 1942 г. № 1828 под грифом “совершенно секретно”. Хотя это не означает, что из других территорий греки не выселялись.

Среди публикаций по конкретно рассматриваемому вопросу заслуживает внимания появившаяся в то время статья Б. Сагария¹¹. Автор пытался разобраться в причинах проводившейся политики, которая имела широкое применение не только в масштабе Союза ССР, но и в рамках республик – Грузии, Армении, когда, например, по воле правительства Грузии переселяли колхозников из районов Западной Грузии в Абхазию. В предписании прямо указывалось “передать переселенческим колхозам все имущество совхозов, в которых состояли спецпереселенцы, т.е. греческие колхозы”. МВД Грузии и Абхазии занимались переселением 2800 хозяйств в Гагринский и Гудаутский районы. По данным МГБ Абхазии, было выселено 28 289 греков, из них 4671 – советские граждане.

Обобщающий характер носит и появившийся труд “Депортация народов Крыма” (М., 1993). Это своеобразная документи-

рованная история депортации народов с территории Крымской АССР. Наряду с суждениями о депортации крымских татар, публикуются многие новые факты о депортации греков, армян, болгар. В книге рассматриваются причины проведения подобных мер по отношению к народам Крыма, выявлены количественные характеристики этих процессов, а также раскрываются на базе документов последствия депортаций, показаны роль и место органов государственной власти в бывших союзных республиках, т.е., куда в принудительном порядке переселялось крымское население.

В связи с имевшими место миграционными процессами особую актуальность приобретала проблема советских корейцев, которая имела и определенный международный оттенок. Безусловно, важным шагом в деле укрепления отношений между Россией и Республикой Корея явился состоявшийся в мае 1999 г. визит Президента Республики Ким Тэ Чжун. В ходе визита удалось устранить имевшиеся противоречия в отношениях государств, найти многие подходы для совместного решения проблем, включая и отношение к корейским соотечественникам в России, которые ранее подвергались репрессиям.

Ким Тэ Чжун высоко оценил зарубежных соотечественников (российские корейцы), которые, по его мнению, “образцово проявили себя в своих странах, демонстрируя при этом лучшие качества корейского народа”¹². Президент призвал российских корейцев “жить в согласии с различными национальностями России, активно участвовать в ее жизни и продолжать выполнять нашу высокую роль по укреплению связей между нашими двумя странами”¹³.

В ходе визита Ким Тэ Чжун выразил свое отношение и к проблеме пережитых российскими корейцами репрессий, в том числе депортаций. “Много горя пришлось пережить нашим российским соотечественникам, – замечал президент, – когда они по решению сталинского правительства были насильственно переселены в отдаленные районы Центральной Азии. В результате этой политики как народ они были разобщены и выдержали тяжелые духовные страдания, связанные с отчуждением от национальной культуры и языка. Однако это не согнуло наших соотечественников, обладающих великим терпением корейского народа”.

Действительно, это так и было. 172 тыс. граждан корейской национальности (советских корейцев), превентивно обвиненные сталинским режимом в принудительном порядке были переселены в районы Казахстана (сегодня там проживают около 100 тыс. человек), республики Средней Азии (около 200 тыс.) и некото-

рые области Российской Федерации (Астраханский округ Сталинградской области и др.). Насильственное отторжение корейцев из районов своего обитания, разрыв их семей, ущерб, нанесенный их культуре, национальному сознанию, традициям, сложившимся взаимоотношениям с другими народами, заметно задержали развитие корейского российского этноса.

Очень сложным оказался процесс адаптации корейцев в новых местах проживания, определенных режимом накануне переселения. Сказывалось в первую очередь тяжелое экономическое положение, неустроенность с жильем, трудности общения с местным населением, отсутствие минимальных бытовых условий для проживания корейских семей. Именно такой была действительность конца 1930 – начала 1940-х годов для советских корейцев, поселившихся принудительным порядком в регионах Средней Азии и в Казахстане¹⁴.

На мой взгляд, был нарушен главный принцип развития любого национального общества – приверженность к исторической родине, к исконному месту обитания. Гражданин, личность, независимо от национальности, всегда помнит о своей исторической родине, в широком смысле этого слова. Пренебрежение этим принципом в государственной национальной политике, как правило, приводит к тяжелым последствиям. Об этом наглядно свидетельствует имеющийся “богатый опыт” в Союзе ССР, накопленный с 1920-х годов, а в последующем и опыт реализации подобных мероприятий во Вьетнаме, Югославии, Румынии, других странах социалистической ориентации (1950–1960-е годы).

Весьма пагубным оказался и другой факт. На территориях, на которых никогда не проживали эти этнические меньшинства, они были принудительно расселены, однако местным населением рассматривались как “временные гости”. Все это вызывало необходимость выработки новых форм взаимоотношений между народами. По своему содержанию они были далеко не простыми. В ходе их применения обнаруживались заметные противоречия, несогласованность, которые приводили к утрате равноправного положения этносов.

Эти положения подтверждаются событиями в Узбекистане и Таджикистане. Так, из Узбекистана с использованием военной силы были депортированы в конце 1980-х годов турки-месхетинцы, курды, хемшины. Начиная с 1992 г., это испытали на себе и граждане корейской национальности. В связи с военными действиями, а точнее гражданской войной в Таджикистане, в ходе которой погибли и многие корейцы, а также неприязненным отношением со стороны местного населения, они вынуждены были

покинуть обжитые места, переселившись в регионы Российской Федерации, в частности, в Волгоградскую область (туда прибыло около 1 тыс. граждан корейской национальности). Численность корейцев в Волгоградской области на 2006 г. возросла до 6066 человек¹⁵.

В трудных условиях приходится выживать в начале XXI в. российским корейцам. Они проявляют себя через общение с другими народами России, русскую культуру, культуру других народов России, занимают достойное место в российском обществе. Справедливо заметил в связи с этим Президент Республики Корея во время своего последнего визита в Россию: «Несмотря на исторические испытания, наши соотечественники (российские корейцы. – Н.Б.), действуя в единстве с другими народами, сохранили свою национальную идентичность (буквально горделиво выросли как образцовый малый народ)... демонстрируя при этом великое упорство корейской нации...»¹⁶

Операция по переселению советских корейцев оценивалась Правительством СССР в 1937 г. в сумме 190 млн руб. В соответствии с разнарядками принудительно выселяемые направлялись в Казахстан и республики Средней Азии, частично в Астраханский округ Сталинградской области.

Заодно с корейцами терпели лишения и представители других народов Дальнего Востока, в частности, были выселены проживавшие там немцы, поляки. Особо жестоко обошелся режим и с китайцами, проживавшими в тот период на территории края. Наряду с расстрелянными более 2200 корейцами эта же участь постигла и почти 8 тыс. китайцев.

Недавно опубликован новый сборник документов под общим названием «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938». Материалы сборника позволяют сделать непреложный вывод, что фактически два года из жизни страны в условиях тоталитарного режима – это по своему объему целая историческая эпоха, сопровождаемая, если учесть и первую половину 1930-х годов, усилением репрессий, новыми жертвами во имя укрепления функционировавшего режима. Разве это не кошмар со стороны власти, когда в Центр направлялись доклады о ходе социалистического соревнования по тому трудовому показателю, кто больше разместит в вагонах для перевозки скота депортировавшихся граждан¹⁷.

Впервые документы сборника проливают свет на ход депортации китайского этнического меньшинства в 1930-е годы. 5 марта 1937 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло предложение Китайского посольства в СССР о выселении китайцев с Дальнего Востока в Сынцзян, Казахстан и некоторые районы Запад-

ной Сибири¹⁸. Однако уже 10 июля 1938 г. было отправлено на места указание прекратить переселение китайцев, особенно в Казахстан. Разрешался только их переезд в Синьцзян на добровольной основе¹⁹.

Были освобождены также из мест заключения 400 китайцев, китайско-подданных, осужденных на разные сроки и отбывавшие наказание в тюрьмах Союза ССР. Н. Ежов и Л. Берия просили И. Сталина разрешить выезд этому контингенту в Синьцзян. 10 ноября 1938 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о переселении этой категории китайцев²⁰.

К сожалению, в адрес советских корейцев голос защиты в то время не прозвучал. На основе постановлений Совнаркома Казахской ССР “О расселении и хозяйстве корейских переселенцев” от 9 октября 1937 г., постановления СНК Узбекской ССР “О расселении корейских хозяйств”, принятого 1 сентября 1937 г., в Казахстане, по отчетным данным областных исполнительных комитетов, на декабрь 1938 г. были расселены 18 525 (18 461) корейских хозяйств. В Узбекистане на середину ноября 1938 г. было устроено 16 453 семьи корейских переселенцев (74 206 человек).

К весне 1938 г. примерно половина корейских переселенцев была устроена в “самостоятельных корейских колхозах”, остальную часть “доприселили” в узбекские колхозы. По данным исследователей П.Г. Кима и Г.Н. Кима, в Ташкентской области тогда в Нижнечирчикском районе было создано 6 корейских колхозов; в Среднечирчикском районе – 13; в Верхнечирчикском – 4. В других областях республики корейские колхозы составили следующее число: в Самаркандской – 9, в Ферганской – 5, в Хорезмской – 3 и в Каракалпакии – 5. В 211 узбекских колхозах разместили 5145 корейских семей. В городах Узбекистана – Ташкенте, Самарканде, Фергане, Намангане, Андижане, Коканде, Бухаре и других расселили свыше 2500 корейских семей²¹. Соглашаясь с мнением Г.Н. Кима, что “взрыв интереса к своему историческому прошлому наряду с восстановлением исторической справедливости принес целый букет ложных стереотипов о депортации”²², хотелось бы на этой стороне проблемы остановиться подробнее.

В конце 1937 и в 1938 г. корейцы оказались на территории Казахстана и республик Средней Азии, претерпев за период принудительного переселения невероятные трудности и лишения. Конечно, как экономике, так и культуре советских корейцев наносился существенный ущерб. Вряд ли можно подвергнуть сомнению по этому поводу вывод Хан Ён Сук, который сводится к тому, что “для корейцев, пострадавших в советское время, самой лучшей стратегией выживания было подчинение русификации,

которая была тотальной в Союзе ССР, приспособлением к советской политике в сфере национальных отношений”²³.

В плане глубокого изучения проблемы от ее исходных, которые включают прежде всего выяснение причин депортации этноса и его реабилитации, необходим анализ дискуссионных моментов этого вопроса.

Основной посыл в данном случае сводится к тому, что *советские корейцы были депортированы как превентивно обвиненные режимом*, т.е. по превентивному признаку²⁴. Этой точки зрения придерживается и известный востоковед В.Ф. Ли²⁵, а также исследователь Республики Корея Сим Хон Ёнг²⁵.

С иных позиций выступает историк Г.Н. Ким. Он отмечает: “Нельзя согласиться с утверждением Н.Бугая о превентивном характере депортации корейцев”. Ким аргументирует свой вывод, ссылаясь на то, что советское руководство еще “в конце 20-х – начале 30-х годов строило планы по отселению корейцев из пограничных районов Приморья в отдаленные территории Хабаровского края”. Автором приведены и ценные документы – материалы заседаний Политбюро ВКП (б) от 25 февраля 1930 г. и 10 июля 1932 г.

На наш взгляд, такая трактовка не всегда точная. Правда, в первой половине 1920-х годов корейцы-рабочие уже депортировались. Однако в данном контексте спутаны два понятия: административное переселение в целях заполнения районов в рамках одного и того же региона страны, пропорционального их обеспечения рабочей силой. Это как раз и была та разновидность переселения, которая проводилась в чисто хозяйственных целях. Разумеется, применительно Дальнего Востока переселение осуществлялось с политическим подтекстом, толкуемым органами власти, якобы необходимостью пресечь тем самым проникновение японского шпионажа в Дальневосточный край, учета международного внешнеполитического фактора в политике Союза ССР в регионе, также как и переселение, проводимое по национальному признаку, с полным нарушением принципа приверженности этноса к месту проживания.

Что же касается приводимых Г. Кимом постановлений СНК, ЦК ВКП(б), других документов, появившихся во второй половине 1930-х годов, то это уже свидетельства о механизме самого осуществления принудительного переселения этноса с Дальневосточного региона в Казахстан и республики Средней Азии. Подтверждением именно политического характера акции, связанной с переселением корейцев в 1937 г., как раз и является факт выселения их исключительно со всех городов Российской Федерации, даже из Москвы.

Не совсем убедительно звучит и довод, касающийся поступков, как пишет Г. Ким, иерархически строго “структурированного чиновно-бюрократического правящего класса, увенчанного высшими партийными бонзами”, естественно, ставившего целью своих действий добиться переселения корейцев. Но однозначно, что к этим “бонзам” необходимо причислять и партийных секретарей, секретарей комсомольских организаций, исполнительных органов власти. Однако все они наравне с простыми гражданами также подлежали спецпереселению.

Все-таки более правдивой остается существующая версия, в первую очередь о бесконечной маниакальной подозрительности со стороны лидеров государства враждебности социализму у групп людей, принадлежавших к разным национальностям. Это коснулось и советских корейцев Дальнего Востока.

На наш взгляд, более правильную позицию в толковании названного аспекта проблемы занимает М.Н. Пак, увязывая ее с расстановкой сил на международной арене, и в первую очередь на Дальнем Востоке, боязни режима, опять-таки, выступления корейского населения на стороне Японии²⁷.

К международному аспекту проблемы как основы для превентивного обвинения корейцев апеллирует и Г.В. Кан, правда, поясняя уже с учетом развития событий по вектору: СССР–Китай–Япония²⁸. Несомненно, эта точка зрения имеет право на существование.

Что касается мнения отдельных авторов увязать причины переселения со стремлением воспрепятствовать требованиям корейцев создать автономию, то это вообще не имеет под собой основания для рассматриваемого периода, так как в 1930-е годы этот вопрос фактически был снят с повестки дня. Сказывалась и жесткость позиции по этому вопросу со стороны партийных органов власти Дальневосточного региона. Таким образом, причины депортации очевидны.

В начале 1990-х годов появились статьи Н.Ф. Бугая, посвященные конкретно принудительному переселению советских корейцев²⁹. На основе новых архивных документов, к которым ранее не было доступа, автор изложил ход событий самого процесса переселения корейцев, было заявлено о более или менее точных данных о численности переселявшихся корейцев с территории Дальнего Востока в районы Средней Азии и Казахстана. Удалось также проследить работу местных партийных организаций, органов советской власти по подготовке самих акций по переселению, выявить порядок их осуществления, раскрыть отношение самих переселявшихся к этим антигуманным акциям. Был рассмотрен вопрос и о судьбе районов компактного проживания корейцев.

Из монографических исследований, появившихся в первой половине 1990-х годов, следовало бы особо выделить прежде всего работы Б.Д. Пак и Г.Б. Хвана, в которых на богатом фактическим материале были раскрыты роль и место российских корейцев в системе межнациональных отношений в Союзе ССР (России), в частности, в Казахстане, обращалось внимание выявлению сути изменений, которые были отмечены в жизни граждан корейской национальности, их связям с народами, проживавшими в Казахстане, а также в разных районах Российской Федерации³⁰. Авторами были затронуты и отдельные аспекты сложной научной проблемы – депортации советских корейцев в 1930–1940-е годы.

Изучение темы депортации советских корейцев было продолжено Н.Ф. Бугаев и во второй половине 1990-х годов. Обращалось внимание на исследование новых вопросов, в частности, об участии корейцев наряду с немцами, финнами, крымскими татарами в работе трудовых колонн и батальонов, создававшихся в основном на принципе применения принудительных форм труда. Удалось выявить к этому времени и районы трудового использования граждан корейской национальности. Правда, в данном случае автор ограничивался лишь констатацией фактов, не подвергая глубокому анализу эту сторону проблемы³¹. Была издана книга автора “Переселить все корейское население... В. Молотов, И. Сталин” (Сеул, 1996). В ней в обстоятельной форме были изложены события, связанные с депортацией корейцев в Советском Союзе в конце 1930-х годов. Читатели Республики Корея впервые познакомились и с документами той поры, которыми определялись действия Советского правительства и органов государственной власти на местах – советов, исполкомов, различных комитетов и комиссий, связанных с принудительным переселением корейского национального меньшинства.

В 1998 г. были опубликованы монографии Н.Ф. Бугая и С.Г. Нам. В книге Н.Ф. Бугая были обобщены предшествующие исследования, раскрыты роль и место корейского национального меньшинства в системе межнациональных отношений, во взаимодействии с другими народами, обращено внимание на теоретический аспект проблемы в целом, на суть мер, связанных с вопросом о депортации корейцев в 1920–1930-е годы, развитием корейского общественного движения на территории Советского Союза. Монография автора существенно дополнила развивавшуюся теорию этнополитики и предупреждения национально-политических конфликтов, пополнила банк данных разработки этнических конфликтов, возникавших в советский период истории, показана

в работе и роль этнического фактора на стадии перехода новых государств к внедрению рыночных отношений.

Не менее интересным явилось и новое монографическое исследование С.Г. Нам “Российские корейцы: история и культура” (М., 1998). Автором собран богатейший материал о школьном образовании, прессе, театральном и музыкальном искусстве корейцев, их традициях, обычаях.

В 1990-е годы по истории российских корейцев появлялись и первые диссертационные исследования. В МГУ им. М.В. Ломоносова в 1992 г. А.П. Митиным защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук “Детерминанты поведения этнодисперсных групп”. Работа базировалась на материалах корейского национального меньшинства, проживавшего в районах Дальнего Востока – в Приморском крае, в Сахалинской области и в других регионах. Автор раскрывает процесс формирования национального самосознания российских корейцев, причины, влияющие на эти процессы, взаимоотношение дисперсных групп и другие аспекты темы. Научную работу завершил в этот период и исследователь из Республики Корея Сим Хон Ёнг, подготовив ряд статейных публикаций³² и диссертационный труд по теме “Корейский этнос в системе межнациональных отношений СССР” (М., 1998). В политологическом по своему характеру исследовании автором рассмотрены в значительной части теоретические аспекты проблемы, затронуты такие глобальные вопросы современности, как политическое обустройство национальных меньшинств. Автор предпринял попытку обобщения историографии проблемы применительно к российским корейцам, дал оценку научным трудам, выявил слабо изученные аспекты проблемы³³.

Примечательным событием этого периода развития историографии проблемы стало появление диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук П.М. Поляна по теме “География принудительных миграций в СССР”. Несмотря на наличие определенной рыхлости в подаче самого материала, отсутствие концентрации в его изложении по каждому репрессированному народу, диссертация содержит богатые данные по расселению корейского национального меньшинства. Диссертант выявил статистические сведения по российским корейцам, связанные с их размещением в Приморье, на Сахалине, показал международную направленность темы, широкие рамки применения принудительных переселений народов.

Разумеется, разработка проблемы депортации национальных меньшинств не может сводиться только к изучению этого процесса. Она требует и взаимосвязи с другими социальными про-

цессами, обуславливавшими жизнеобустройство и жизнеобеспечение этноса. Эти проблемы, в том числе и применительно к российским корейцам, не оставались без внимания ученых.

В.Ф. Ли в монографии “Россия и Корея в геополитике евразийского Востока (XX век)”, вышедшей в свет в 2000 г., конкретизирует на основе своих многочисленных выводов такое понятие, как “современный политический процесс”. Это приобретает особую важность для анализа происходящих событий в условиях современности, способствует раскрытию сути геноцида и эволюции элиты, бюрократии в переходных структурах Востока, сущности симбиозной “модели” рыночной модернизации.

Продолжая мысль о сущности “моделей” как техногенных, так и “моделей” выстраивания взаимоотношений между странами и этносами, их населяющими, в том числе и российскими корейцами, важно представить их такими, какими они имеются в наличии на начало XXI в. Это не только решение вопросов обустройства этноса на территориальном пространстве в новых условиях развития государства, в частности, российских корейцев на территории Российской Федерации и других стран СНГ, но и вопросов, касающихся проблем частного плана, участия представителей этноса в управлении государством, в развитии общественного корейского движения, культурного возрождения этноса и др.

Так, например, Администрацией Ростовской области была представлена своеобразная “модель” формирования культуры межнационального общения, в которой, наряду с определением самого понятия, раскрывалось и значение использования ее в многонациональной области, в которой проживает и более 10 тыс. граждан корейской национальности (по неофициальным источникам – до 14 тыс. человек).

В представленном документе читаем, что под культурой межнационального общения понимается “совокупность личностных, идейных и морально-политических установок, социально-нравственных ценностей, норм и требований, правил, привычек, осуществление которых обеспечивает мир, стабильность, сотрудничество в сфере межнациональных отношений”³⁴.

Положения представленного документа носят обобщающий характер и с учетом специфики регионов могут быть использованы применительно к другим регионам страны. Вывод однозначный, подобные концепции направлены на достижение толерантности в обществе, гражданского мира и согласия.

В этой связи, как справедливо замечено доктором исторических наук А.С. Ващук на состоявшейся во Владивостоке 5–6 ноября 2004 г. Международной конференции ученых России, Респуб-

лики Корея, Японии и Китая, важно провести работу и по подготовке “модели” закрепления населения на территории Дальнего Востока, и не только Приморья. «Миграционные процессы на Дальнем Востоке, – отмечено в выступлении, – опережают разработку концептуальных основ политики. Советская “модель” привлечения и закрепления населения в Дальневосточном регионе в условиях социально-экономических реформ быстро ушла в прошлое»³⁵.

Поясняя различные стороны складывающихся отношений в экономическом секторе, а также, оценивая степень взаимозависимости развития национальных народнохозяйственных комплексов стран СНГ, ученые (экономисты и др.) прибегают зачастую к известной в науке концепции “разноскоростной интеграции”³⁶. Если предпринять попытку использовать ее составляющие для характеристики интеграции этносов в современных условиях, в частности, интеграции корейцев, прибывающих в Россию, то можно констатировать о ее приемлемости к национальным сообществам в государствах.

Российские корейцы относительно легко интегрируются в инонациональную среду и особенно русскую. Вероятно, это объясняется тем, что корейцам приходится сегодня возвращаться к своим корням культуры через русскую культуру, почти полуторавековую совместную историю, взаимосвязанную с трудовой деятельностью в экономической сфере. О русском и корейском народе вполне можно сказать, что не много есть в мире этносов, человеческие судьбы которых были бы столь тесно переплетены.

Очевидно и то, что общества нуждаются в четко выверенной концепции взаимодействия религий разных направлений с государством и общественными организациями. В этом плане накоплен большой опыт как в других государствах Северо-Восточной Азии, так и в Российской Федерации. Он постоянно требует к себе внимания и обобщения в целях выработки рекомендаций для государственных органов власти.

В плане взаимодействия государств Северо-Восточной Азии и Российской Федерации в решении проблем возрождения культуры народов, в том числе и корейского, привлекает внимание представленная еще в феврале 2001 г. Советом Федеральной национально-культурной автономии российских корейцев “Концепция Корейского центра образования и культуры”. Рациональное зерно ее заключается в сосредоточении усилий трех государств – России–Республики Корея–КНДР (имеется в виду при дальнейшем успехе объединительного процесса).

Авторы разработки Концепции проанализировали ситуацию

с развитием отношений между Россией и двумя Кореями в 1990-е годы и пришли к выводу, что в культурно-образовательной и других гуманитарных сферах отношения между Россией и Кореями «намного отстают от развития аналогичных отношений Российской Федерации с Францией, США, Германией, Японией, Индией и рядом других государств. По сей день в Российской Федерации, – писали тогда они, – крайне ограничено число центров просвещения, где желающие могли бы знакомиться с культурой корейского народа, ее традициями, языком»³⁷. Одновременно в Республике Корея, как отмечалось в документе, насчитывается более 30 учебных заведений, центров и лабораторий изучения российской словесности и культуры. В целом документ глубоко аргументирован и представляет не только научный, но и практический интерес³⁸. Концепцией определены направления деятельности подобных центров, а именно – образовательное, просветительское, культурно-образовательный обмен между Российской Федерацией и двумя Кореями, синтез культур.

В числе заметных событий культурной жизни России кануна 140-летия добровольного переселения корейцев в Россию можно назвать публикацию серии исследований, в том числе и выход из печати второго издания монографии «Россия и Корея», принадлежащих перу крупнейшего ученого, специалиста по истории российско-корейских отношений Б.Д. Пака³⁹. Автору удается в трудах выстроить по крупницам процесс самого становления и развития отношений между государствами, воссоздать их реальную картину, раскрыть роль корейского сообщества в этих процессах.

Исследования базируются на широком архивном материале, что еще больше придает им элемент новизны, не говоря уже об освещении того огромного количества рассматриваемых проблем и сюжетов, далеко непростых отношений между Россией и странами Корейского полуострова. С глубоким интересом воспринимается картина развития событий в корейском общественном движении в Советской Республике. Фактически автором восстанавливается скрупулезно все детали, предшествующие развитию событий 1920–1930-х годов на Дальнем Востоке, связанные с принудительной депортацией корейского этноса в Союзе ССР.

Многие из сюжетов темы затрагиваются и в коллективной монографии Б.Д. Пака и Н.Ф. Бугая. На основе большого корпуса использованных архивных документов и материалов ими определяется дата добровольного переселения корейцев в Россию – 1864 г. С тех пор корейцы неразрывно связаны с Россией, из поколения в поколение являясь связующим звеном многонационального мира России⁴⁰. Впервые в книге представлен в обобща-

ющем виде раздел, повествующий об участии советских корейцев в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Это и своеобразная, новая страница истории советских корейцев. Многие из корейцев добровольно уходили на фронт защищать свое Отечество. Естественно, тема заслуживает самостоятельного специального исследования.

Страшное слово “депортация” отозвалось эхом в сердцах корейцев осенью 1937 г. 172 тыс. корейцев в принудительном порядке были направлены для дальнейшего проживания в Казахстан, республики Средней Азии и в Сталинградскую область Российской Федерации. Эта сторона столь сложных социальных процессов обстоятельно разработана в трудах, вышедших в основном в 1990-е годы⁴¹.

Продолжением монографии Б.Д. Пака и Н.Ф. Бугая явилась книга с О Сон Хваном “Испытание временем”⁴², в которой четко и последовательно авторами раскрыт международный аспект проблемы, при этом основной упор сделан на 13-летнем периоде сотрудничества России и Республики Корея, затронуты и вопросы отношений с КНДР.

Монография Н.Ф. Бугая и политолога Сим Хон Ёнга (Республика Корея) посвящена конкретно проблеме общественных объединений корейцев в Союзе ССР–России. Книга многоплановая, в ней затрагивается в том числе и международный аспект проблемы. Как замечает автор предисловия к книге, почетный доктор Дипломатической академии России профессор Ли Ин Хо, “на богатом архивном материале показаны усилия, предпринимаемые государственными структурами России, Республики Корея, КНДР, для развития демократических общественных институтов. Впервые в российской исторической науке названо огромное количество организаторов корейского движения на территории Союза ССР (России), о которых наука умалчивала по субъективным причинам длительное время”⁴³.

В последнее время в России проблеме российских корейцев в мировом контексте большое внимание уделила в своем диссертационном исследовании Е.Н. Фаттахова⁴⁴. Повествование подчинено вопросу эволюции этнического меньшинства. Процесс прослеживается на примере двух государств – России и США – на территории которых “собирались” народы, включая и корейцев, организовывавших свою жизнь в новых условиях, адаптируясь к ним, определяя свои приоритеты и в то же время оставаясь корейцами. Безусловно, в работе не обойдены и процессы, имеющие место непосредственно на территории двух государств Корейского полуострова, так как именно они были и остаются стартовой площадкой расселения корейцев в других зарубежных государствах.

Что касается России, то развитие федерализма предполагает строгий учет особенностей народов, в том числе и корейцев, при проведении экономических реформ, организации их сотрудничества и взаимодействия для обеспечения стабильности в обществе, в том числе и в сфере национальных отношений, в сфере развития и сохранения самобытных культур этносов. Сохранение культур этносов определено в Конституции Российской Федерации в качестве кардинальной задачи государства.

Российские корейцы проживают на территории России 140 лет. 98% из них не знают родного языка, кто они: диаспорная группа или корейская общность, корейское этническое меньшинство, проживающее на территории России? Однозначно, вопрос существует. Е. Фаттахова пытается дать ответ на него, выстраивая в этом ключе и свои рассуждения. Ею рассмотрены социальное положение корейцев в России и США, те трудности, которые ими преодолевались в ходе переселений, адаптации в государствах проживания: безработица, правовая урегулированность земельных и других отношений, наличие территориальных (земельных) споров, проявление этнократических устремлений, корпоративность сознания, замкнутость проживания. В связи с этим анализируются и возможности преодоления этих явлений в жизни корейцев, переселявшихся в другие страны, показано, что, несмотря на имевшиеся трудности, корейцы как этнос повсюду сохранили свою культуру, традиции, обычаи и глубокое уважительное отношение к своей исторической родине.

Можно заключить, на примере корейцев (Россия, США) выстроена своеобразная “модель”, которая вполне приемлема для характеристики этой стороны проблемы применительно к другим этническим меньшинствам – цыганам, туркам-месхетинцам, хемшилам, курдам и др. Вывод при этом однозначный – к проблеме глобализации сферы культуры необходим осторожный взвешенный подход, накопленные в обществе культурные ценности легко поддаются разрушению, в том числе и под воздействием процессов протекающей глобализации, однако восстанавливаются крайне сложно и при огромных материальных и духовных затратах.

Однозначно, общество нуждается в выработке “модели” участия этносов в новых условиях России в общественной жизни, в управлении в государственном масштабе, а также на уровне субъектов Российской Федерации.

Не случайно в 1990-е годы в центре внимания ученых находились местные этнические группы корейцев, проживающие в субъектах Российской Федерации. В частности, проблемам корейского сообщества Краснодарского края, его историко-куль-

турным аспектам в XX – начале XXI вв. посвятила свое исследование Ю.Н. Попова⁴⁵. Подготовленный труд способствует глубокому изучению происходящих в стране национальных процессов и связанных в первую очередь с более эффективным проведением мер, направленных на исправление ошибок прошлого, воспитание культуры межнационального общения, выстраивание цивилизованных отношений между народами, населяющими Российскую Федерацию. В диссертационном исследовании “реконструированы основные этапы миграции корейцев на территорию Краснодарского края. обстоятельно представлены характеристики этапов переселенческого движения, сделаны выводы о том, что основные формы социально-экономической и культурной адаптации корейцев в инокультурном обществе и формирование этнической идентичности зависят от ряда выявленных автором факторов, в числе которых условия социализации, связь поколений, исторический опыт семьи” и др.

Безусловно, необходимо осторожно “обращаться” с таким институтом гражданского общества, чего не делает автор, как Национально-культурная автономия (НКА) Южного федерального округа. Создание подобных НКА проводилось исключительно снизу, по инициативе самих корейских общественных организаций, однако этот институт в планах федерального округа не был прописан ни в законе, ни в положении о федеральных округах. Поэтому говорить о них конкретно можно только после внесения поправок в Закон Российской Федерации “О национально-культурных автономиях” (1996). Тем не менее этому “феномену” следовало бы дать в диссертации пояснение. Автором несколько преувеличено его значение.

Труд автора не лишен момента идеализации корейской национальной общины Краснодарского края. Она не является такой многочисленной, чтобы на основании ее деятельности делать глобальные выводы. Наблюдается и определенная нестыковка в самих суждениях диссертанта. Численность корейцев “невелика” (какая же?), к 1989 г. выросла в 6 раз – 1800 человек, затем с 2000 г. ежегодно прибавлялась по 138 человек и равнялось 552 человекам. Всего = ? и т.д. В этом случае необходимо учитывать и сезонный фактор пребывания корейцев в крае.

Требуется определенное уточнение и численности общественных объединений корейцев на территории Российской Федерации – НКА, общественные организации (создавались и действуют на основе закона “Об общественных объединениях”), культурные центры.

К сожалению, надо признать процесс обустройства корейцев в России протекает повсеместно в крайне трудных условиях. Не

является исключением и Краснодарский край. Однако автор не останавливается на трудностях этого процесса, каким образом они преодолевались в первую очередь самими корейцами, так как у НКА весьма скромные возможности для решения этих задач. Так какой же остается роль государства, в том числе и органов власти Краснодарского края в облегчении адаптации российских корейцев? Эта задача только поставлена, но деятельность НКА российских корейцев в развитии межкультурного диалога и толерантности в Северо-Кавказском регионе не показана. И вообще ведется ли работа по установлению отношений НКА корейцев края с другими НКА Северокавказского региона остается под вопросом.

В данном случае вряд ли надо делать поспешные выводы применительно к корейцам о толерантности в обществе, данные МВД, да и в этом не трудно убедиться по материалам газеты "Российские корейцы", говорят совершенно об ином. Корейцам приходится испытывать на себе удары судьбы не менее чем лицам "кавказской национальности".

Для исследователя проблемы ценными являются материалы состоявшихся российско-корейских форумов, начало которым было положено весной 1999 г. Уже стало традиционным обращение участников форумов к проблеме глобализации при рассмотрении таких кардинальных вопросов современности, как развитие экономических связей, достижение безопасности в Дальневосточном регионе, культурное развитие народов, борьба с экстремизмом и международным терроризмом⁴⁶.

Обсуждение проблем взаимоотношений между странами Корейского полуострова и Российской Федерации были продолжены участниками V Российско-корейского форума, состоявшегося в середине октября 2003 г. Значительная часть докладов его посвящалась месту российских корейцев в этих процессах⁴⁷.

Несомненно, вклад в разработку, в том числе и исследуемой нами в историографическом плане проблемы, вносят многочисленные научные и научно-практические конференции, форумы ученых как в Российской Федерации, так и за рубежом. Они различны по своему характеру и масштабам – как всероссийского уровня, так и регионального, краеведческого, однако же касаются во многих случаях проблем глобализации процессов экономики, культуры и роли в этих процессах национальных меньшинств. Особую ценность приобретают материалы научно-практических конференций. Некоторые из них опубликованы⁴⁸.

Безусловно, выводы историков, политологов, обществоведов представляют ценность для выработки мер по улучшению жизни этносов. "Наши страны связывает история, география, политика

и, конечно, экономика, – замечал в своем выступлении на форуме Посол Республики Корея в Российской Федерации Чон Тэ Ик. – Мы должны стать намного ближе друг к другу. У нас существует много совместных проектов, которые нам необходимо воплотить в реальность”⁴⁹.

Проблемы Дальнего Востока, а точнее, вопросы дальневосточной составляющей государственной национальной политики, положение региона в глобализации отношений между Россией и странами Северо-Восточной Азии были затронуты также в выступлениях, прозвучавших на Международной научной конференции, проходившей в сентябре 2004 г. в Москве, в Институте российской истории РАН.

В ходе дискуссии по вопросу оценки современной политики Правительства Российской Федерации по отношению к Дальнему Востоку участники были единодушны во мнении. Они полагают, что политика выстраивания отношений Центра с Дальневосточным регионом носит по своей сути “преступный характер” (В.А. Михайлов, Г.Н. Севостьянов, В.В. Романова и др.).

Вывод однозначный. Правительство Российской Федерации слабо учитывает значение геополитического фактора региона, принижается его роль в экономическом возрождении страны. Дальневосточный федеральный округ Российской Федерации рассматривается лишь в качестве “кладовой природных ресурсов”, не прорабатывается система кардинальных мер по приостановлению имеющего место оттока населения, не ведется работа по определению стимулов притягательности Дальневосточного региона, не использована возможность для численного увеличения населения на Дальнем Востоке. Это, по мнению ученых, можно было бы сделать за счет мигрантов, выезжавших в 1990-е годы из Казахстана и республик Средней Азии, когда можно было поселить в краях и областях Дальнего Востока около 3 млн человек, в том числе и бывших советских корейцев. К сожалению, все эти возможности были упущены⁵⁰.

Важное значение приобретает в этом случае региональный аспект: установление отношений в сфере культуры между территориями, объединяющими несколько субъектов (для Российской Федерации это федеральные округа⁵¹). Этому посвящены многочисленные публикации в средствах массовой информации и особенно приуроченные к 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию⁵².

Несомненно, для исследователя представляет большую научную ценность и такой документ, как распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. о проведении в 2004 г. мероприятий, посвященных 140-летию добровольного пе-

реселения корейцев в Россию. Значимость его в том, что это первый документ, относящийся к государственному статусу, касающийся жизни корейского этнического меньшинства на территории Российской Федерации, фиксирующий не только сам исторический факт, что немаловажно в политическом аспекте, но и поручающий государственным структурам и общественным организациям проведение этих мер.

“Россия, – одна из стран, – замечал заместитель министра культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации Л.Н. Надиров, выступая 27 июля 2004 г. в Москве на первом заседании Оргкомитета по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию, – где эта диаспора (российские корейцы. – *Н.Б.*) представлена достаточно внушительно и по культурной составляющей, и по экономической составляющей, это наша страна, и я не помню случаев, чтобы такое внимание было уделено событию 140-летней давности, связанному с возникновением культурной и экономической общности на территории соседнего государства, что для меня представляется самым главным с точки зрения политической”⁵³.

Реализация распоряжения Правительства Российской Федерации на практике как на государственном, так и на местном уровне нашла всестороннее освещение в монографическом исследовании Н.Ф. Бугая “Третья Корея: миссия и проблемы глобализации...” (М., 2005). Автором приведен большой фактический материал, раскрывающий процесс реабилитации российских корейцев в условиях новой России, адаптации и интеграции прибывающих на территорию России корейцев из стран СНГ, показаны трудности этих процессов, решение проблем этнокультурного развития⁵⁴.

Руководитель Администрации Волгоградской области, обращаясь к участникам III Волгоградского фестиваля корейской культуры, констатировал, что “волгоградские корейцы стали россиянами, не испытывая при этом дискомфорта со своей этнической принадлежностью”⁵⁵. Несомненно, в этой ситуации, как замечают руководители области, крайне важно “стремление к гармонии и слиянию интересов российского государства и корейского народа”. Глобализация, какое-то особое давление извне, в частности в сфере культурного развития российских корейцев, вряд ли сможет оказать воздействие на формирование их национального самосознания.

В последние годы повышенный интерес к проблеме этнических меньшинств в России способствовал появлению многочисленных публикаций документов и материалов, которые во мно-

гом расширяют познания по вопросу о месте и роли корейцев как в мировом масштабе, так и конкретно в регионе Юго-Восточной Азии⁵⁶.

Совокупность выводов, публикуемых в трудах ученых, материалов и документов по изучаемой проблеме позволяют определиться в системе тех тонких взаимоотношений, которые складывались и развиваются между этносами в направлениях взаимоотношений национальных сообществ, включая и российских корейцев, с другими этносами.

Удалось продвинуться в изучении проблемы репрессированного национального меньшинства – поляков. Историческая наука располагает богатыми сведениями о переселении поляков, проводившемся со второй половины 1930-х годов и в 1940-е годы с территории Украины⁵⁷.

В числе публикаций по этому вопросу особо следует выделить труды В.С. Парсадановой. Автор, используя документы архивов Внешней политики СССР, Российского центра хранения и изучения документов новой истории, Государственного архива Российской Федерации восстанавливает не только события прошлых лет, но и выявляет количественные характеристики переселявшегося польского населения из западных районов страны, показывает сложный процесс переселения, анализирует трудности обустройства поляков в местах нового проживания.

В.С. Парсаданова прослеживает взаимосвязь проблемы депортации польского населения с отношениями, складывавшимися на этой почве между Союзом ССР и Польшей, в развитии которых место и роль исследуемого вопроса были не последними.

Автором обращалось внимание на выяснение самой сути понятия “депортация”, на правовую сторону спецпоселения (паспортный режим, выезд за рубеж, право на службу и т.д.), на роль органов Народного комиссариата внутренних дел, расселение поляков по территории страны, трудоустройство, занятость, организацию питания и т.д. Сделаны выводы о негативном значении предпринимавшихся акций Советского правительства по переселению граждан польской национальности с территории Украины⁵⁸.

Изучение проблем депортации национальных меньшинств проводилось параллельно как в Украине, России, так и в Польше. В начале 1990-х годов прошлого столетия в Польше был основан журнал “Карта”. Он собрал вокруг себя ученых и практиков сферы государственного управления, а также занимающихся в той или иной мере проблемами межнациональных отношений. Ими было положено начало изучению запрещенного на длительное время для исторической науки вопроса о депортации поляков в 1930–1940-е годы с территории Украины (1935), Западной Укра-

ины и Западной Белоруссии (1939–1941). В это же время редколлегией журнала по этой теме в Варшаве было проведено и первое собрание обществоведов 11 европейских стран. До 1990-х годов любое обращение к проблеме не встречало поддержки ни в научных, ни в правительственных кругах Польши. Так было и в СССР, и в Украине. Хотя сами граждане страны, особенно пережившие депортацию, проявляли живой интерес к этому сложному, тяжелому и противоречивому вопросу в истории поляков.

Наряду с имевшимся западным направлением депортации и вынужденных переселений поляков, в конце 1980-х – 1990-х годов обществоведы обращают внимание и на восточное направление. Именно в журнале “Карта” были опубликованы первые подборки документов о депортации поляков в столь отдаленные места в СССР. Благодаря изменениям в СССР, состояния самой исторической науки, расширения ее возможностей, открытости стали известными факты и события из жизни многих этнических меньшинств, в том числе и российских поляков. В конце 1980 – начале 1990-х годов к проблеме обратились такие периодические журналы, как “Отечественная история” (Россия), и “Украинский исторический журнал” (Украина).

Как отмечалось, в значительной мере поляки подверглись принудительному переселению с территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Частично с ними были депортированы и евреи. Названные территории принадлежали Польше. Поэтому, рассматривая проблему депортации, необходимо строго учитывать сбалансированное соотношение между историческим прошлым и сложившейся реальностью, не подвести народы-соседи к определенной конфронтации по причине требования территорий или изложения определенных претензий.

Исследователи Польши высказывают подобные мысли. Они прозвучали и из уст выступавших, в частности, на конференции в 1998 г. во Франкфурте-на-Одере (Германия). Так, в выступлении Гарлицкой, Кочаровского проявилась определенная ностальгия по Львову (Лемберг), звучало доказательство “польскости” этого города и т.д. В мировой практике попытки поспешного решения территориальных проблем приводили, как правило, к международным неурядицам.

Для раскрытия проблемы депортации поляков, немцев особую значимость имеет сборник документов “Депортации, особые переселения, трудовые армии”, изданный в 1996 г. в Гёттингене (Германия). В издании значительное место отведено и крымским татарам, и грекам, и болгарам, и армянам, сообщаются многочисленные факты, раскрывающие процесс выселения народов Крыма, а также содержатся многие сюжеты о переселении других на-

родов, проживавших на территории Украины. Богатый аналитический и документальный материал по проблеме репрессированного польского меньшинства содержится в публикациях польской комиссии общества “Мемориал”⁵⁹.

В Польской Республике историография проблемы депортаций поляков в Союзе ССР складывалась постепенно. Еще в начале 1990-х годов в Союзе ССР была опубликована книга воспоминаний Ежи Климовского, посвященная истории Армии Андерса. Он прослеживает процесс формирования армии, характер взаимоотношений польского офицерства между собой, с советскими властями, с польским эмигрантским правительством в Лондоне. Как известно, значительная часть состава армии была подвергнута депортации и последующему выселению из Союза ССР⁶⁰.

В 1994 г. в Париже появилась монография непосредственно о депортации польского населения в Союзе ССР. В этом же труде публиковалась одновременно подборка документов, раскрывающих механизм осуществления самих процессов, взаимодействие властей, положение поляков в местах поселений, а также трудности адаптации польских переселенцев на бескрайних сибирских просторах России⁶¹.

Тема депортации и судеб поляков в Союзе ССР, в том числе и в Украине, постоянно находится в центре внимания польских публицистов. Они касаются одновременно действий Украинской повстанческой армии (УПА), сложности и противоречивости взаимоотношений украинцев и поляков. Несомненно, депортации оказывали негативное воздействие на отношения между народами. Тематика Волыни присутствует в публикациях Гжегоша Мотыки (“Тыгодник Повшехны”. 2003. 1 июля; “Речь Посполита”. 2003. 24 мая.), Томаша Поткай и др. Последующее обобщение материалов, связанных с депортациями национального меньшинства, – поляков в Украине, Белоруссии, России позволит в будущем создать обобщающий труд. Внимание полякам уделено и в монографии Н.Ф. Бугая «Народы Украины в “Особой папке Сталина”» (М., 2006).

О турках-месхетинцах весьма скудные сведения содержатся в литературе конца XIX – начала XX в. В основном они имеют статистический характер и содержат данные о расселении народов в южных районах Грузии, раскрывают отдельные стороны их взаимоотношений, а также некоторые аспекты вопроса о роли и месте национальных меньшинств как в системе межнациональных отношений в Грузии, так и в международном аспекте. В работах рассматривается проблема “исламизации и отуречивания” грузин-месхов как производная от действий царских чиновников, а также другие вопросы⁶².

Этого же периода истории Грузии, в частности, вопроса изменений классово-национальной структуры населения Абхазии с конца XIX в. по 70-е годы XX в. касался Г.П. Лежава⁶³. Им же затрагивались и сюжеты, связанные с депортацией отдельных этнических меньшинств в Грузии.

В начале 1990-х годов появилась статья профессора Русского исследовательского центра Гарвардского университета (США) А. Некрича “Наказанные народы”. В ней автор анализировал причины депортаций народов, уделил особое внимание раскрытию сущности характера самой репрессивной политики в Союзе ССР, охарактеризовал ее изнутри. Касаясь мусульманских народов в системе межнациональных отношений в Союзе СССР, А. Некрич отмечал: «Принцип имперского государства прост: только силой можно обеспечить единство народа, а значит, и собственную мощь. И вот в сороковых годах советское руководство сочло необходимым “укрепить” границы империи, заполнив пограничные территории так называемым “реальным населением”. К такому относились только русские и украинцы, мусульманская же часть жителей считалась заведомо ненадежной. Власти ссылались на то, что во время войны резко усилилось турецкое влияние на советских границах. Выселение потенциальной турецкой агентуры – крымчаков, месхов, курдов и других – подавалось как превентивная стратегическая мера»⁶⁴.

Относительно названного среза истории этнических меньшинств в Грузии в более поздних изданиях встречаются сведения о том, что судьба этих этносов изначально была нелегкой. Н.Ф. Бугай, Т.М. Броев, Р.М. Броев приводят в своей работе такой факт, что “вступая из Месхетии в Турцию, командование русских войск, исходя из пожеланий царского правительства, рекомендовало в 1914 году грузинскому дворянству изгнать месхетинцев, как турок, в Турцию, а опустевшие земли передать малоземельным крестьянам Западной Грузии”⁶⁵.

Об этом же отмечает в своей работе М. Бараташвили. В частности, он пишет: “Грузинская общественность в 1914 году не поддавалась на эти предложения. И если почти век назад под давлением правительства Николая I часть месхов вынуждена была переселиться в Турцию, то на этот раз им удалось избежать горькой участи”⁶⁶.

Отрывочные сведения о турках-месхетинцах содержатся в работах грузинских историков, опубликованных в 1920–1930-е годы, а также в работах, появившихся в 1950–1980-е годы. Однако в них рассматривались в основном социалистические преобразования в южных районах Грузии, на территории которых проживали до середины 1940-х годов этнические меньшинства, под-

вергшиеся репрессиям, а также затрагивались вопросы истории тех народов, которым были переданы эти районы для заселения после депортации турок-месхетинцев и других этнических меньшинств⁶⁷.

Конкретно проблема турок-месхетинцев оказалась в центре внимания в конце 1980-х и в 1990-е годы. Как уже отмечалось, столь повышенное внимание объяснялось противоречивым развитием национальных процессов в Узбекистане, определенной реакцией властных структур в Союзе ССР – особенно Верховного Совета СССР, поставившего целью доведение мероприятий по реабилитации репрессированных народов в Союзе ССР до логического завершения.

В выступлениях многих известных государственных и общественных деятелей можно услышать названия доселе мало упоминавшихся народов в исследованиях по их истории. Депутат Верховного Совета Союза ССР Д. Кугультинов, выступая на заседании Верховного Совета Союза ССР в Кремле 14 ноября 1989 г., в своей речи, в частности, заметил: «А теперь я хочу назвать народы, которые по этому документу (Декларация “О признании незаконными и преступными репрессированных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав”) подлежат наказанию за самовольный выезд из мест обязательного поселения: чеченцы, карачаевцы, ингуши, балкарцы, калмыки, немцы, турки, крымские татары, крымские болгары, крымские армяне, курды, хемшины. Все они будут благодарить нас с вами, будут благодарить Господа Бога те, кто верует за то, что правда есть на земле и есть носитель этой правды...»⁶⁸

В конце 1980-х годов были опубликованы первые статьи, касающиеся как вопросов положения турок-месхетинцев в Узбекистане, Грузии, так и их вынужденного переселения в Российскую Федерацию. В начале это были статьи⁶⁹, а затем работы публицистов, отвечающие требованиям времени⁷⁰.

Из названных научных статей особо следует выделить работу М. и К. Бараташвили. Авторами был впервые представлен интересный и содержательный материал о турках-месхетинцах. И, хотя они были, судя по изложению статьи, еще мало знакомы с архивными документами, тем не менее, читатель получил возможность узнать, каким образом протекали национальные процессы в Грузии, какое место отводилось этническим меньшинствам, в частности, туркам-месхетинцам. Авторами сообщаются данные о численности подвергшихся репрессиям, хотя эти характеристики позднее уточнялись в исследованиях других авторов.

Во второй половине 1990-х годов авторы продолжили свои научные изыскания по теме. Ими были изданы небольшие по объему работы: К. Бараташвили “Грузинские фамилии месхов-мусульман” (Тбилиси, 1997) и М. Бараташвили “Правовое положение месхов репатриантов в Грузии” (Тбилиси, 1998). Наряду с общей характеристикой процессов депортации турок-месхетинцев (с 1578 г.) из Грузии в Гюрджистанский вилайет Турции (насилственное присоединение территории), авторы обратили внимание и на принудительное обращение месхов в азербайджанцев (1923 г.), нарушение прав репатриантов в Грузии, на принятие крестьянами ислама, получение Месхетией статуса автономии (до 1744 г.), эволюцию реабилитации турок-месхетинцев, трудности реализации этой меры в Грузии, определили также роль, которую играют государственные органы власти Грузии в судьбе этнического меньшинства турок-месхетинцев.

В целом следует отметить, что работы носят в большей мере информационный характер и раскрывают процессы в турко-месхетинском обществе второй половины 1990-х годов.

Э.Х. Панеш, Л.Б. Ермолов известны своей последовательностью в изучении проблемы турок-месхетинцев⁷¹. Они внесли заметный вклад в разработку истории малоизученного этнического меньшинства. Значительная часть их работ посвящена процессу консолидации турок-месхетинцев в самостоятельный народ, отличный от анатолийских турок, хозяйству турок, их традициям, обычаям, взаимоотношениям с другими народами, влиянии грузин на культуру турок-месхетинцев. При этом география исследования авторами довольно широкая, ими охватываются буквально все районы бывшего Союза ССР, в которых компактно и дисперсно расселялись турки-месхетинцы. Авторами по горячим следам проводилось исследование причин межнационального конфликта в Узбекистане, первые шаги этнической мобилизации турок в Узбекистане, созыв Учредительного съезда турок, создавшего Временный организационный комитет (ВОК), в обязанности которого и вменялась подготовка турок к возвращению на родину, т.е. в Грузию.

Убедительно и аргументировано авторами разоблачаются отрицательные стороны проводимого Грузией курса (в начале 1990-х годов) на ущемление прав национальных меньшинств и протаскивание столь не популярного лозунга “Грузия для грузин”, что не может находить поддержки и признания со стороны международных организаций и способствует обострению межнациональных отношений в государстве. Труды Э.Х. Панеш, Л.Б. Ермолова отличаются постановкой дискуссионных проблем и их тщательным анализом.

Первая половина 1990-х годов отмечена появлением коллективной монографии Н.Ф. Бугая, Т.М. Броева, Р.М. Броева “Советские курды: время перемен” (М., 1993). Это было первое обобщающее исследование о курдах, подвергшихся совместно с турками-месхетинцами депортации из южных районов Грузии. Ценность труда в его богатой источниковой базе. Значительная часть документов касается турок-месхетинцев, которые как бы составляют своеобразный фон для раскрываемых национальных процессов, протекавших в курдском обществе в Грузии⁷².

Следует особо отметить об изданной правозащитным центром “Мемориал” книги “Нарушение прав вынужденных мигрантов и этническая дискриминация турок” (М., 1996), представляющей собой доклад с комментариями. Авторы провели большую аналитическую работу, поставили цель выявить роль и место турок-месхетинцев в современной системе межнациональных отношений в Краснодарском крае.

Однако подходы авторов в ряде случаев вызывают определенное недоумение. Уже само название работы с присутствием в ней понятия “этническая дискриминация”, мягко говоря, граничит с определенной предвзятостью и натянутостью, стремлением авторов занять позицию одной стороны, участвовавшей в решении проблемы, и строго следовать этому правилу, т.е. альтернативы по этому вопросу быть не может.

Явно не стыкуется с действительностью положения мигрантов и приписываемая им “дискриминация”. В тех условиях, в которых пребывает экономика страны, решение социальных, национальных проблем вряд ли возможно при одновременном удовлетворении всех потребностей. Одним словом, к какому из разделов труда мы бы не обратились, он носит чисто тенденциозный характер, игнорируются любые усилия по достижению стабильности, предпринимаемые федеральным центром, администрациями Краснодарского края, хотя известно, что решение проблемы турок-месхетинцев в крае “упирается”, прежде всего, в решение ее в самой Грузии. Авторы также знакомы с этой ситуацией, однако по неизвестным причинам уклон в их исследовании именно в эту сторону не замечается, что не позволяет сделать вывод о научной объективности представленного исследования.

Судя по всему, что содержание “доклада с комментариями” оказало воздействие и на ход совместного заседания Общественной палаты по правам человека при Президенте Российской Федерации и правозащитного центра “Мемориал”, состоявшегося 20 марта 1998 г. и посвященного все тому же вопросу “О дискриминации вынужденных мигрантов в Краснодарском крае”.

Характеризуя состоявшееся совещание, можно констатировать отсутствие объективности, характеристики истинного положения дел, стремление под оболочкой якобы защиты прав дискриминированных турок-месхетинцев решать совершенно иного характера задачу, не имеющей прямого отношения к проблеме в целом.

Превысив свои функциональные полномочия, Палата в своем итоговом документе (розданный участникам вариант решения) вынесла приговоры о наказании главы Администрации Краснодарского края, руководства краевой миграционной службы, представителя Президента Российской Федерации в крае и руководителей многих других служб.

Безусловно, руководство Палаты не ставило целью оказать действительную помощь местным органам власти в реализации столь сложной проблемы, в поиске консенсуса, сбалансированности в действиях органов, призванных к решению вопросов по жизнеобустройству и жизнеобеспечению турок-месхетинцев прежде всего в Грузии, а уж затем в субъектах Российской Федерации.

Ни слова не прозвучало в докладе и о роли Узбекистана в создании этой проблемы. Ученым-историкам, правоведам, этнографам с учетом такого подхода отрегулировать данную ситуацию не удалось. Избранный путь оказался ошибочным, мало содействовал формированию положительного момента в отношениях этнических меньшинств, в том числе турок-месхетинцев к самой Российской Федерации, к жителям Краснодарского края.

К проблемам депортации обращается целый ряд историков⁷³. Научный интерес представляет и труд В.Н. Земскова⁷⁴, в частности, в плане всестороннего изучения темы принудительных переселений этнических меньшинств Закавказья в то время. На основе богатого корпуса выявленных архивных документов автор обобщил свои ранние статистические наработки по проблеме, обратив при этом особое внимание на специальное поселение раскулаченных крестьян в отдаленные регионы Союза ССР, частично в этой связи затрагиваются им и народы Закавказья ("закавказские курды" и др.).

Из исследований, подготовленных в последнее время, привлекает внимание диссертация В.А. Симоненко⁷⁵. Автор исходит из того положения, что в России "исторически бок о бок живут славянские и тюркские народы, всегда она (Россия. – Н.Б.) была и остается центром притяжения и соединения многих культур". Постановка исследователем избранной проблемы не стандартна, претендует тем самым на определенную новацию. На наш взгляд, именно в этом видится перспектива развития межнационального общения в российском обществе. Оно "будет выстраивать и корре-

ктивы в политике государства в вопросах содействия национально-культурному развитию, сохранения национальных языков и традиций". Именно в этом видится сила и прочность государства. В.А. Симоненко полемизирует по многим вопросам со своими предшественниками, уточняя отдельные формулировки, показывая возможность развития событий в том или ином конкретном случае, их значение для формирования этнических меньшинств на юге Грузии, в частности, в четырех районах Аджарии.

Перипетии развития событий, по мнению В.А. Симоненко, складывались таким образом, что именно в России народы видели свою защитницу, гаранта их прав, возможность дальнейшего развития на цивилизованном уровне. Содержание работы В.А. Симоненко позволяет сделать вывод о том, что сама проблема этнического меньшинства турок-месхетинцев приобрела в последнее время геополитический характер. Столкнулись интересы России, Грузии, Азербайджана (в меньшей степени), Узбекистана (последний руководствуется в своей практике международных отношений принципом умолчания). Не преминули в этой мутной воде "половить" определенную выгоду для себя и США.

Россия рассматривается в данном конкретном случае как приемница бывшего Союза ССР, а значит и все беды взяла на свои плечи. Однозначно, такое положение не совсем правильное, чтобы не твердили по этому поводу борцы всех мастей за права народов⁷⁶. В исследовании верно расставлены акценты в ходе рассмотрения вопроса адаптации турок-месхетинцев в инациональной среде, обращалось внимание на характеристику составляющего это понятие, его содержание с учетом достижений социологов, историков, политологов, практиков сферы национальных отношений. В.А. Симоненко определены также направления социальной адаптации населения, придается при этом большое значение анализу конфессиональной составляющей.

Использование широкого круга источников позволило автору внести определенные коррективы в вопрос о количественных характеристиках проживания турок-месхетинцев в разных субъектах Северного Кавказа Российской Федерации, в оценку важности адаптационного процесса вообще, и для турок-месхетинцев, в частности, прежде всего, в сфере культуры.

На наш взгляд, положительно можно оценить и тот факт, что, хотя автором и используются активно личные суждения лидеров турок-месхетинцев, их оценки по тому или иному вопросу (М. Тедоров и др.), тем не менее, они не применяются в представленных выводах. Это правильно, так как подобные суждения могут в значительной мере расходиться с истинным состоянием дел под воздействием эмоциональной реакции на события.

В.А. Симоненко обратилась и к функционирующему институту общественных организаций турок-месхетинцев в крае. Надо признать, что для российской действительности в современных условиях это единственная возможность у этнических меньшинств организации защиты и отстаивания своих прав, свобод, хотя назначение подобного института общеизвестно, это, прежде всего, преобразования в сфере культуры.

Несомненно, различно содержание названных трудов, их научный уровень, однако все они подчинены обобщению накопленного материала, многие стороны темы еще не изучены, в частности такие, как международное право в решении проблем вынуждено и насильственно переселенных групп населения, историко-правовой аспект проблемы депортированных, принудительные формы использования труда, реабилитация народов, трудности осуществления мер по облегчению их положения в государственном масштабе, правовые аспекты возникновения этнических общностей на территории субъектов Российской Федерации.

Публикации позволяют сделать вывод о глубоком анализе столь сложной темы развития национальных отношений в СССР, форм их совершенствования, о прохождении адаптации народов, об обитании групп населения в совершенно новых для них климатических зонах, реабилитации и т.п.

Параллельно изучалась проблема и в международном плане⁷⁷. Авторами предпринимались попытки выработки общих подходов к решению проблемы, созданию законодательных актов, направленных на оценку депортации и реабилитации “наказанных народов”, включая и национальные меньшинства.

Безусловно, появление исследований по теме в целом давало возможность проведения научных и научно-практических конференций как всероссийского, так и регионального масштаба, на которых не только подводились итоги изучения темы, но и определялись новые направления исследований. Удалось рассмотреть многочисленные дискуссионные вопросы: о сущности геноцида, о депортации как принудительной форме переселения народов, о бандповстанческом движении в районах проживания подвергшихся депортации народов, взаимоотношениях Центра и национальных окраин, об отношении между народами, о “виновности” их и “невиновности”, о национально-политическом конфликте, причинах депортации и др.

И хотя не было достигнуто по многим аспектам темы определенного консенсуса, тем не менее российская историческая наука в 1990-е годы заметно продвигалась вперед в ее изучении, что позволило ей выйти и на международную арену, о чем свидетельст-

вует участие исследователей в международных форумах, на которых рассматривалась изучаемая тема⁷⁸.

В серии научных конференций особое место занимает научно-практическая по теме “Месхетинские турки: история и современность”, состоявшаяся 21–22 января 1994 г. в Институте российской истории РАН⁷⁹. На конференции были всесторонне рассмотрены вопросы жизнеобустройства 74-тысячного контингента турок-месхетинцев на территории России, ставших беженцами после “ферганских событий” конца 1980-х годов в Узбекистане.

Участники конференции анализировали не только события 1940-х годов в Грузии, 1980-х годов в Узбекистане, но и возможности реализации применительно к туркам-месхетинцам международного права защиты этнических меньшинств, в частности, резолюции ООН № 429 от 14 декабря 1950 г. и других последующих нормативных актов, касающихся этнических беженцев и вынужденных переселенцев.

Удалось рассмотреть и вопрос о насильственном превращении в 1920–1930-е годы представителей одних наций в другие (“титulyные”), в частности турок-месхетинцев в азербайджанцев, грузин и т.д., о стремлении титульных народов прирастить свою территорию за счет малочисленных народов, увеличить бесплатную рабочую силу для освоения и дальнейшего развития отсталых в этническом отношении районов и т.д.

В итоге участники конференции пришли к неопровержимому выводу: необходимости получения турками-месхетинцами статуса “гражданин России” (проистекало это из невозможности их возвращения в Грузию и Среднюю Азию), принятия указа о реабилитации; решения социальных проблем, культурного возрождения турок-месхетинцев в регионах их компактного проживания на территории Российской Федерации.

Прозвучавшие на конференции научные доклады В.И. Котова (“Турки-месхетинцы: проблемы демографического развития в 40–80-е годы”), И.В. Сабенниковой («Понятие “национальные меньшинства” в зарубежной и российской историографии: исторический аспект»), А.Г. Осипова (“Идеологические аспекты проблем месхетинских турок”), несмотря на спорность отдельных положений, несомненно, стали достойным вкладом в разработку истории турок-месхетинцев в 1940–1990-е годы.

Острая дискуссия развернулась по докладу А.Г. Осипова, проанализировавшего ситуацию с турками-месхетинцами в России и Грузии и попытавшегося дать своеобразный прогноз ее развития. По мнению докладчика, сложившаяся политическая обстановка, характеризующаяся крайней нестабильностью, военными действиями и противостоянием сторон не давала основания

для оптимизма. В Грузии не было и нет реальных сил, которые могли бы однозначно решить вопрос возвращения турок-месхетинцев и более того – сама Грузия пребывает в бедственном состоянии.

Докладчик, акцентируя внимание на двух общественных объединениях месхетинских турок – “Ватан” (придерживается позиции сохранения турок-месхетинцев как народа, имеющего право на полную реабилитацию и возвращение на свою историческую родину) и “Хсна” (является сторонником теории, согласно которой этноса “турки-месхетинцы” не существует, а есть просто “омусульманившиеся грузины”, готовые записаться в паспорте грузинами), предложил идеи, которые, по его мнению, смогли бы сдвинуть с места решение проблемы (по состоянию на 1994 г.). В частности, обществу “Ватан” необходимо отказаться от статуса общественного объединения, изменить лозунги, не провозглашая идеи национального движения.

Однозначно, идея национального выживания сплачивает народ (Г.А. Осипов не отрицал этого фактора). Однако вызывал полное несогласие вывод докладчика, который сводился к тому, что якобы “при таком условии народ способен на любые действия”. Видимо подразумевалась возможность возникновения конфликтов, но, как известно, именно ссылаясь на гипотетическую вероятность таких событий, и Сталин и Л. Берия содействовали депортации целых народов и когорт населения.

Далее, становясь на позиции тогдашнего руководства Грузии, Г.А. Осипов отмечал: «Если на границе Грузии, Турции сосредоточится большое количество турок-месхетинцев, кто даст гарантию того, что “Ватан” или другая любая организация не поднимет вопрос о присоединении к Турции». В результате – международный конфликт, поэтому автор делает вывод, что “никто из грузинских лидеров такую ответственность на себя не возьмет”.

По мнению Г.А. Осипова, если переговоры с Грузией (к этому времени они так и не состоялись) приведут к позитивным малейшим результатам, конечно же, в Грузию в первую очередь будут “впущены турки-месхетинцы, которые согласны записаться грузинами-мусульманами”. Так что “возможно стоит изменить правила игры, лозунги”. “Упорство же в этом направлении, – по мнению докладчика, – может подвести в конечном счете к большой крови и малым результатам”.

Как известно, ничего подобного не произошло, да и представители “Хсна” не получили реализации обещаний правительства Грузии. Что же касается заключений докладчика, то, несомненно, само выступление его было выдержано в строго тоталитар-

ных тонах и отличалось пренебрежением к проблеме восстановления исторической справедливости к правам этнического меньшинства – турок-месхетинцев.

Интерес представляла и позиция Турции по рассматриваемой проблеме. Она была изложена в выступлении секретаря Посольства Республики Турция в Российской Федерации Альберта Дюшкюна, подчеркнувшего, что Турция воспринимает турок-месхетинцев как неотъемлемую часть турецкого народа. И, естественно, принимает посильное участие в их судьбе. Выражается это, как замечал А. Дюшкюн, и в предоставлении права переселяться в Турцию, и в увязывании их проблем с другими проблемами при официальных межправительственных переговорах Турции с Россией и Грузией. “Но, главное, – как замечал А. Дюшкюн, – у Турции очень простая позиция: каждая нация имеет право жить на своей территории. Однако при этом нужно сохранять трезвый подход, чтобы избежать трагедии крови. Нужно терпение и время. Сейчас, где бы народ ни находился, он должен иметь нормальные условия для существования”.

Обсуждение темы было продолжено в выступлениях заместителя председателя общества “Ватан” Т. Асланова, доктора исторических наук Х.М. Ибрагимбейли, заместителя председателя московского общественно-культурного центра “Балкария” А. Алафаева. В итоге докладчики пришли к идентичному выводу, сводившемуся к признанию турок-месхетинцев, как дважды депортированному этническому меньшинству, народом изгнанником, а также признали необходимость принятия закона о защите прав этнических меньшинств.

Проблема “наказанных народов”, включая и турок-месхетинцев, оказалась и в центре внимания конференции, проходившей под эгидой УВКБ ООН в конце мая 1996 г. Основные положения конференции по проблеме турок-месхетинцев изложены в публикациях “Наказанные народы” и “Турки-месхетинцы – впереди еще долгий путь”. Обращалось внимание и на эволюцию процесса по реабилитации этнических меньшинств из Грузии⁸⁰.

Вопросы деятельности Международного общественного объединения месхетинских турок “Ватан”, общественных объединений турок-месхетинцев “Хсна” и “Умид” частично рассматривались и на состоявшейся в июле 1999 г. научно-практической конференции “Московские греки в системе общественных объединений России: проблемы национально-культурного развития”, посвященной 10-летию Московского общества греков.

В конце декабря 2000 г. в Москве проходил межакадемический симпозиум “Трансформирующиеся государства и вызов этнических конфликтов: российский и международный опыт”. Уча-

стники симпозиума предприняли попытку рассмотреть вопрос о положении в Краснодарском крае, о негативном отношении местного населения края к нахлынувшим стихийно туркам-месхетинцам? С обобщающим докладом попыталась выступить Галина Витковская (Американский центр Карнеги в Москве). Правительство Краснодарского края оценивалось ею как “одноозное”, действующее не конституционными методами в решении проблемы турок-месхетинцев, что, в конечном счете, порождало, по мнению докладчика, и межнациональную напряженность. К сожалению, никто из участников не обратился к существовавшей в крае живой исторической памяти, которую нельзя было сбрасывать со счетов при выводах по столь сложной проблеме взаимоотношений между этносами.

В связи с 60-летием депортации народов Закавказья, в том числе турок-месхетинцев, Московский дом национальностей при Правительстве Москвы в рамках постоянно действующего “круглого стола” в сентябре 2004 г. провел очередное заседание, посвященное ситуации, складывающейся с турками-месхетинцами в Российской Федерации. В заседании приняли участие ученые, практики, лидер Международного общественного объединения месхетинских турок “Ватан” Сулейман Барбакадзе. Выступавшие были едины в оценках происходящего вокруг турок-месхетинцев, в необходимости решения столь сложной проблемы, связанной с судьбой целого народа, в рамках Российской Федерации. Многие участники, включая и С.Барбакадзе, расценивали возможность выезда части турко-месхетинского населения на поселение в США, “как третью депортацию турок-месхетинцев, однако, проводимую несколько в цивилизованных рамках. Какие бы блага не сулили США, однозначно, турки должны проживать на их исторической родине – в Грузии”, – таков был главный лейтмотив прозвучавших выступлений. “Для нас это очередная, третья депортация, только уже на край света”⁸², – заключил Сулейман Барбакадзе.

Для раскрытия изучаемой темы большое значение имеют многочисленные решения, принимавшиеся еще в конце 1980-х годов Верховным Советом СССР. В их числе такие ценные документы, как Декларация “О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав”, стенограмма тридцатого заседания второй сессии Верховного Совета СССР (14 ноября 1989 г.)⁸², Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, Закон “О национально-культурной автономии Российской Федерации”, проект опубликованных в 1999 г. “Основных направлений государственной национальной

политики на Северном Кавказе” (рассматривались Правительством Российской Федерации 2 июля 1999 г.), Закон РСФСР “О реабилитации репрессированных народов” (26 апреля 1991 г.), “О жертвах политических репрессий” (октябрь, 1991 г.).

В плане разработки направлений темы в последующем приобретали особое значение и материалы проходивших Парламентских слушаний Комитета Государственной думы по делам национальностей. Одно из таких слушаний состоялось 21 марта 1995 г. на тему “Северный Кавказ: проблемы межнациональных отношений, укрепление единства Российской Федерации”. Разумеется, затрагивался и вопрос о турках-месхетинцах, таким образом, государственные органы власти не упускали из виду столь сложную тему. Об этом свидетельствует содержание стенограммы состоявшихся слушаний, в разделах которой читаем: “На Кубани сохраняется напряженность вокруг 13 тыс. месхетинских турок, которые в 1989 году выехали из Узбекистана в связи с произошедшими там событиями, и осели здесь, несмотря на достижение принципиальной договоренности с Грузией о возвращении турок-месхетинцев на историческую родину. Проблема эта до сих пор не решена по вине принимающей стороны, поскольку не создаются условия для их возвращения и расселения”⁸³. Это высказывание принадлежало заместителю Главы Администрации Краснодарского края. Таким образом, администрация края доводила создававшуюся ситуацию до центральных органов власти. Как свидетельствует из принимаемых в таком случае рекомендаций участников Парламентских слушаний, направленных за подписью председателя комитета Б. Жамсуева на имя руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации В.С. Бабычева, участники прореагировали на прозвучавшее обращение. В связи с этим читаем: “Президенту Российской Федерации и Правительству Российской Федерации ускорить подписание соглашения с руководством республики Грузия по решению проблем граждан Грузии, ранее депортированных в Среднюю Азию и Казахстан и за последние годы транзитом остановившихся на Северном Кавказе”⁸⁴. Однако принимались ли меры с учетом рекомендации, эта информация нигде не фиксировалась.

Доступ к закрытым документам архивов способствовал появлению публикаций сборников документов, в частности, по проблеме депортации и реабилитации турок-месхетинцев⁸⁵, а также подборок многочисленных документов, в которых можно почерпнуть богатые сведения по интересующему нас вопросу⁸⁶.

Несомненно, следует особо выделить публикацию документов о турках-месхетинцах. Читатель впервые был ознакомлен документально с мерами по депортации народов Грузии в

1930–1940-е годы, а также по выходу из создававшегося положения с этническими меньшинствами. Во введении к сборнику анализируется изучение проблемы, уточнены имевшиеся к этому времени количественные характеристики периода депортации народов из Грузии. В числе публикуемых документов – материалы центральных республиканских, краевых и областных архивохранилищ. Они принадлежат ведомствам, которые руководили переселенческим процессом в Союзе ССР.

В этом ряду и публикация сборника документов “Реабилитация: как это было” (М., 2000), который содержит большой комплекс материалов, раскрывающих меры государства по реабилитации подвергшихся репрессиям в 1920–1950-е годы, в том числе и турок-месхетинцев. Они характеризуют и процесс оживления общественной жизни в государстве в 1940–1950-е годы, и, особенно, в послевоенный политический период, в определенной мере путем документов раскрываются противоречивость и половинчатость процесса реабилитации граждан и народов в 1950–1960-е годы.

Источниковая база проблемы заметно обогатилась в связи с публикацией книги-хроники “По решению Правительства Союза ССР...” (Нальчик, 2003 г., составители Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов)⁸⁷.

В числе значимых содержатся и документы Государственного Комитета Оборона Союза ССР, прежде всего, постановление № 5279 “совершенно секретно” от 31 июля 1944 г., которым фактически начиналась депортация турок-месхетинцев, других этнических меньшинств с территории Грузии. С конца июня и до середины ноября 1944 г. протекал подготовительный процесс предстоящей операции по принудительному переселению этносов в Грузии.

Названное постановление детально расписывает практическую сторону мер, финансирование, полномочия и обязанности ответственных руководителей тех регионов, куда предписывалось направлять новые контингенты депортируемых; о том, как поступить с оставшимся инвентарем и имуществом людей покидавших в принудительном порядке обжитые места.

Несомненно, ценность представляют и другие материалы, выходящие из стен ГКО и раскрывающие в строгой лаконичной форме национальные процессы 1940-х годов на территории Грузии.

Особый блок материалов составляют документы Министерства по делам федерации и национальностей Российской Федерации, ФМС России, МИД России, Общественной палаты по правам человека при Президенте Российской Федерации, патриотического движения “Мемориал”, Управления анализа, информа-

ции и прогноза Администрации Краснодарского края, администраций Крымского, Абинского и других районов края с компактным проживанием турок-месхетинцев.

В начале 1990-х годов появились первые публикации о репрессированном национальном меньшинстве – финнах-ингерманландцах. Они базировались исключительно на архивных материалах. Стали известными не только количественные характеристики ингерманландцев, подвергшихся репрессиям, но и география их расселения, положение в местах депортации, трудности, которые им приходилось переносить в ходе принудительных переселений⁸⁸.

С конца 1980-х годов в научных исследованиях появляются упоминания и о депортации чеченцев и ингушей⁸⁹. Авторы, затрагивавшие в той или иной мере проблему, придерживались в главном единого мнения – рассматривать депортацию как “грубое нарушение принципов ленинской национальной политики и социалистической законности”⁹⁰. Так, Х.А. Гакаев наряду с освещением событий кануна Великой Отечественной войны на Северном Кавказе, действий фашистских диверсионно-разведывательных групп в районах Чечено-Ингушетии, мобилизационной деятельности партийных и советских органов республики в годы войны, делает аргументированный вывод о выселении народов как об “акте произвола и грубого нарушения ленинской национальной политики и революционной законности, явившемся открытым посягательством на дружбу и братство советских народов”.

Анализ разработки в исторической науке проблемы репрессированных национальных меньшинств в 1990-е годы – начале XXI в. позволяет сделать вывод о том, что многие стороны проблемы последовательно изучаются, накоплен определенный материал, получен доступ к многочисленным ранее закрытым архивным документам, принадлежавшим как советским органам власти, так и партийным органам. Удалось опубликовать сборники документов и материалов, помогающие в раскрытии проблемы в целом. Выявлены многочисленные документы в зарубежных архивах и особенно в странах СНГ, где также проводится большая работа по изучению названной проблемы. Это обусловлено и проводящимися в этих государствах реабилитационными мерами, необходимостью глубокого исторического пояснения событий, связанных в первую очередь с выработкой подобной политики в условиях функционировавшего социалистического эксперимента и проработки необходимых законодательных актов по исправлению допущенных ошибок.

В то же время мало было сделано по объединению усилий историков разных стран и в первую очередь историков стран СНГ по изучению настоящей проблемы. Совместное исследование различных направлений темы способствовало бы получению более точной картины событий того времени, выработки совместных подходов к решению многих проблем реабилитации народов и этнических общностей, определения путей взаимодействия различных структур государственной власти в реализации мер по возрождению культуры народов, социально-экономическому развитию регионов их настоящего постоянного проживания.

Все эти совместные шаги необходимы во имя мира и добра, создания благополучных условий для проживания всех народов стран СНГ, включая народы и этнические меньшинства подвергшиеся ранее жестокому репрессивному воздействию.

¹ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации / Реабилитация репрессированных народов России: сб. док. М., 2000. С. 8.

² Там же. С. 19.

³ Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев является политическим гуманитарным учреждением Организации Объединенных Наций. Оно начало действовать в 1951 г., было дважды удостоено Нобелевской премии мира за работу по осуществлению своего двойного мандата: обеспечение международной защиты беженцев во всем мире и оказание содействия в долгосрочном решении их проблем. УВКБ ООН – одно из ведущих учреждений, выполняющих оперативную работу, которое способно действовать в чрезвычайных крупномасштабных ситуациях. В последние годы к УВКБ ООН все чаще обращаются с просьбой об оказании помощи лицам, перемещенным внутри своих стран. В настоящее время под его опекой находятся примерно 27 млн беженцев, перемещенных лиц внутри страны, репатриантов и мирных жителей, пострадавших в войнах. Около 5 тыс. сотрудников УВКБ ООН работают в 250 его отделениях в 120 странах, из них 80% – непосредственно на местах.

⁴ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе начало действовать в середине 1970-х годов как многосторонний форум для связи и сотрудничества между Востоком и Западом. С окончанием “холодной войны” хельсинкский процесс стал претворяться в практические действия в результате формирования институтов СБСЕ: Секретариата в Праге, Центра по предотвращению конфликтов в Вене и Бюро по свободным выборам в Варшаве. В 1992 г. государства – участники СБСЕ, которых сейчас насчитывается 53, преобразовали Бюро по свободным выборам в Бюро по демократическим институтам и правам человека. В январе 1995 г. СБСЕ было переименовано в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Ее Бюро по демократическим институтам и правам человека отвечает за более полное обеспечение прав человека и дальнейшее развитие демократии и правопорядка.

⁵ Международная организация по миграции была создана в 1951 г. для обеспечения во всем мире упорядоченной миграции лиц, которые нуждаются в международном содействии в этой сфере. В рамках программ гуманитарной и чрезвычайной помощи, а также программ “миграции в целях развития”

МОМ оказала помощь более чем 8 млн беженцам, перемещенным и другим лицам. MOM – межправительственная организация, в работе которой участвуют свыше 100 государств-членов и государств со статусом наблюдателя. Вместе со своими партнерами по международному сотрудничеству MOM оказывает помощь в решении оперативных проблем в области миграции и содействия социальному и экономическому развитию посредством миграции. Она также стремится способствовать реальному уважению человеческого достоинства и благосостоянию мигрантов. См.: Конференция: беженцы и мигранты в странах СНГ. 30–31 мая 1996 г. М., 1996.

- ⁶ См. частично: *Бугай Н.Ф.* Проблемы реабилитации этносов Союза ССР в российской историографии // История и историки. 2004: историогр. ежегодник. М., 2005; и др.
- ⁷ Крым национальный: вопросы и ответы. Симферополь, 1988. Вып. 1; *Сичка И.* Крымская история // Комс. правда. 1988. 21 мая; *Басов А.* Крым: прошлое и настоящее // Аргументы и факты. 1988. № 33. С. 7; Крым национальный: вопросы и ответы. Симферополь, 1989. Вып. 2; *Бугай Н.Ф.* Депортация крымских татар в 1944 году // Укр. ист. журн. 1992. № 1; *Он же.* “Настоящим докладываем, на основе указаний депортируются...” // Страницы истории Башкирской республики. Уфа, 1991; *Земсков В.Н.* Вслед за крымскими татарами // Таврические ведомости. 1992. № 22; *Он же.* Спецпоселенцы из Крыма. 1944–1956 гг. // Республика Крым. 1992. № 7; *Циплин В.О.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы. Перепись 1939 года. Док. источники ЦГАНХ СССР. М., 1980; *Мальшев В.* Из варяг в греки // Культура. 1992. 28 нояб.; *Губогло М.Н., Симченко Ю.Б.* Этнографические портреты репрессированных народов // Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации. М., 1993; и др.
- ⁸ *Калинина К.В.* Национальные меньшинства в России. М., 1993; *Попов Г.Х.* Я всегда считал себя греком // Понтоз (Геленджик). 1993. 19 окт.; *Бугай Н., Коцонис А.* Лабиринт: ист. очерк о депортации греков в СССР // Омония (Афины). 1994. № 7, 13, 15, июля, ноябрь; *Триандафилов Х.В.* Греки России – уезжать или оставаться. М., 1994; *Бугай Н.Ф.* Репрессированные народы: армяне, греки и другие // Шпион. М., 1994, № 2(4), 3(5); и др.
- ⁹ *Козлов А.И.* Сталин: борьба за власть. Ростов н/Д. 1991; *Брошеван В. Тиглянци П.* Изгнание и возвращение. Симферополь, 1994. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: “Согласно Вашему указанию...” М., 1995; *Он же.* Депортация народов в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1996 (на англ. яз.); и др.
- ¹⁰ *Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н.* “Обязать НКВД СССР... выселить греков”. М., 1999.
- ¹⁰ См.: *Сагария Б.* Раскроем тайны “Особой папки” // Абхазия (Сухуми). 1992. № 11.
- ¹² Российские корейцы. 1999. № 2. С. 5.
- ¹³ Там же. Один из политических деятелей России, бывший председатель Правительства Российской Федерации Е. Примаков, направляя поздравление по случаю начала выпуска газеты “Российские корейцы”, отметил, что корейцы как никто сохраняют “неповторимое этническое и культурное наследие своей нации” (Там же. № 3. С. 5).
- ¹⁴ См. подробнее: *Бугай Н.Ф.* Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт российских корейцев). М., 1998; и др.
- ¹⁵ Информационное сообщение председателя Комитета по делам национальностей и казачества Администрации Волгоградской области от 18 января 2006 г. № 23 за подписью председателя комитета А.А. Бирюкова (Текущий архив Минрегиона России).

- 16 См.: Солнечная политика Республики Корея. Корейская служба культуры и информации на зарубежные страны. Сеул, 1999.
- 17 См.: Шифротелеграмма начальника Дальдороги И.В. Кудрявцева И.В. Сталину, Н.И. Ежову о перевозках корейцев // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938: сб. док. М., 2004. С. 400.
- 18 Там же. С. 498.
- 19 Там же. С. 539.
- 20 Там же. С. 539–540.
- 21 *Ким П.Г.* Корейцы Республики Узбекистан. Ташкент, 1993. С. 170; *Ким Г.Н.* Расселение и обустройство депортированных корейцев в Казахстане и Узбекистане // Интернет. www.Koryosagam.freenet.KZ/articles/deportation/deportation-stereotijpes.doc.
- 22 *Ким Г.* Стереотипы и новые подходы исследования депортации корейцев 1937 года // Там же.
- 23 *Хан Ён Сук.* Восстановление корейского языка у советских корейцев – путь к возрождению менталитета / Казахский государственный университет им. Аль-Фараби. Ист. ф-т. Алматы. 2003. Об этом же см.: *Стельман В.Г.* Корейское школьное образование в Москве. М., 2000. Сентябрь–ноябрь.
- 24 *Бугай Н.Ф.* Трагические события не должны повториться. К вопросу о положении корейцев в СССР в 30-е годы // Актуальные проблемы российского востоковедения. М., 1994. С. 115.
- 25 См. об этом: *Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах.* М., 1992. С. 65–66.
- 26 *Сим Хон Ёнг.* Корейский этнос в системе межнациональных отношений СССР: Дисс. ... на соискание канд. полит. наук. М., 1998; и др.
- 27 См.: *Пак М.Н.* О причинах насильственной депортации советских корейцев Дальнего Востока в Центральную Азию. М., 1997. С. 31.
- 28 См.: *Кан Г.В.* История корейцев Казахстана. Алматы, 1995. С. 46–47.
- 29 *Бугай Н.Ф.* К вопросу о депортации народов в 30–40-х годах // История СССР. М., 1989. № 6; И. Сталин – Л. Берия: “Их надо депортировать ...” М., 1992; Депортация: Берия докладывает Сталину // Коммунист. М., 1991. № 8; НКВД СССР: корейцев – “взять на учет как спецпоселенцы” // Отечественная история. М., 1992. № 6; Осень 1937-го на Дальнем Востоке // Дальний Восток. Хабаровск, 1992. № 7; 20–40-е годы: трагедия народов // Восток. М., 1992. № 1; Из истории депортации “русских” корейцев // Дружба народов. М., 1992. № 7; Из истории депортации и трудоустройства корейцев в Казахстане и Узбекистане // Информационный вестник Евразийской ассоциации корейцев (Коре ЕАН). М., 1992; “Корейский вопрос” на Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего востока. М., 1992. № 4; Депортация корейцев в СССР. Как это было // Инбунгаккаи Кио. Саппоро, 1992. № 52(12); О выселении корейцев с территории Дальневосточного края // Отечественная история. М., 1992. № 6; Досье “Востока”. Корейцы в СССР. Из истории вопроса о национальной государственности // Восток. М., 1993. № 2; Насильственное переселение корейцев // Сейко (“Синие горы”). Токио, 1993. № 15 (на яп. яз.); Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // Вопр. истории. М., 1994. № 5; Депортация народов (конец 30-х – начало 40-х годов) // Россия в XX веке. М., 1994; Трагические события не должны повториться // Актуальные проблемы российского востоковедения. М., 1994; Депортация народов (конец 30-х – начало 40-х годов) // Историка спорят. М., 1994; 60 лет депортации российских корейцев // Независимая газета. 1997. 20 сент.; Из истории “русских корейцев” // Дружба. М., 1997. № 7 (в соавт.); Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев в России). М., 1998.

- ³⁰ Пак Б.Д. Корейцы в российской истории. Иркутск 1994; *Он же*. Корейцы в советской России (1917 – конец 30-х годов). М.; Иркутск; СПб., 1995; Хван Б.Г. Прошлое и настоящее корейцев Казахстана: ист.-док. повествование о жизни корейской диаспоры (1937–1997). Алматы, 1997; и др.
- ³¹ См.: Бугай Н.Ф. Российские корейцы в трудовых колоннах и батальонах: выполнение планов НКВД // Вера и жизнь. 1998. № 11. Эта сторона проблемы частично затрагивалась и в названной монографии “Переселить все корейское население... В. Молотов, И. Сталин” (Сеул, 1996), а также в книге автора “Депортация народов в Советском Союзе”, изданной в США (Нью-Йорк, 1996. На англ. яз.). См. также специальный раздел в книге “По решению Правительства Союза ССР...” Нальчик, 2003.
- ³² См. Сим Хон Ёнг. Динамика демографических изменений расселения корейцев на Дальнем Востоке (вторая половина XIX–XX век) // Мирное сотрудничество в Северо-Восточной Азии и проблемы объединения на Корейском полуострове. М., 1995; *Он же*. Корейский этнос в системе межнациональных отношений на Евразийском континенте: проблемы депортации в 30–40-е годы // Россия и Восток: проблемы взаимоотношений и политика движений. Челябинск, 1995; и др.
- ³³ Сим Хон Ёнг. Историография проблемы “русских” корейцев в 30–40-е годы // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Майкоп, 1997; *Он же*. Историография проблемы депортации российских корейцев в 30–40-е годы в Союзе ССР // Вера и жизнь. 1997. № 9/10; и др.
- ³⁴ См.: Концепция формирования культуры межнационального общения. Ростов н/Д, 2002; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX века). М., 2004. С. 390–391.
- ³⁵ См.: Ващук А.С. Миграционная политика в России на рубеже 20–21 веков: региональный аспект: организационно-правовые вопросы // Материалы Международной научно-практической конференции по изучению проблем совместного проживания и взаимодействия народов в Приморье. Владивосток, 5–6 ноября 2004 г. Сеул; Владивосток, 2004. С. 16.
- ³⁶ См., например: Зиядулаев Н.С. СНГ: дорога в третье тысячелетие. М., 2002. С. 30–31.
- ³⁷ Там же. С. 9.
- ³⁸ См. Бугай Н.Ф., Сим Хон Ёнг. Общественные объединения корейцев России: конститутивность, эволюция, признание. М.; Сеул, 2004. С. 308.
- ³⁹ Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 2004. Период развития дипломатических отношений между Россией и Кореей с 1860 по 1897 г. рассматривается в кн.: Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. М., 2004. См. также статью: Пак Б.Д. Труды по истории российских корейцев // Единство: ежем. информ. бюл. М., 2004. Вып. 5/47. С. 32.
- ⁴⁰ Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России: очерк истории российских корейцев. М., 2004.
- ⁴¹ Сим Хон Ёнг. Историография проблемы депортации российских корейцев в 30–40-е годы в СССР // Вера и жизнь. М., 1997. № 9/10; Бугай Н.Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт российских корейцев). М., 1998.
- ⁴² Бугай Н.Ф., О Сон Хван. Испытание временем... (российские корейцы в оценках дипломатов и политиков. Конец XX – начало XXI в.). М., 2004.
- ⁴³ Бугай Н.Ф., Сим Хон Ёнг. Общественные объединения корейцев России: конститутивность, эволюция, признание. М., 2004. С. 6–7. Рец.: И.Н. Ильина // Отечеств. история. 2005. № 3. С. 202–203.

- 44 *Фаттахова Е.Н.* Корейские диаспоры в России и США: история, адаптация и интеграция (конец XIX–XX вв.): дисс. ... на соискание ученой степени канд. ист. наук. Краснодар, 2004.
- 45 *Попова (Бахмет) Ю.Н.* Корейская диаспора Краснодарского края: ист.-культ. аспекты (XX – начало XXI в.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2004; и др.
- 46 См.: Третий российско-корейский форум. М., 2002. Первый российско-корейский форум состоялся по инициативе министров иностранных дел двух стран в Москве в 1999 г., а второй – в Сеуле в 2002 г. и был посвящен десятилетию установления дипломатических отношений между Республикой Корея и Российской Федерацией. См.: *Томилини Н.* Общественная дипломатия в действии // Корус-форум. 2000. № 1. С. 39–41.
- 47 См.: Пятый российско-корейский форум. М., 2004.
- 48 См., например: *Репрессированные народы: история и современность.* Элиста, 1992; *Репрессированные народы: история и современность.* Нальчик, 1994; *Российские греки: история и современность.* М., 1997; *Сотрудничество: материалы 6-й Международной конференции.* Москва, 29–30 ноября 2000 г. М., 2001; *Материалы Международной научной конференции в Сеуле 27–28 августа 2004 г., посвященной 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию и 100-летию миграции корейцев в Мексику.* Сеул, 2004; “Национальный вопрос в интеграции и распаде Союза ССР”. М.: Институт российской истории РАН, 14–15 сентября 2004 г.; *История и положение корейцев в России.* Хабаровск, 2004; *Проблемы этнической истории и культуры российских корейцев: материалы областной научно-практической конференции, посвященной 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию.* Оренбург, 2005; и др.
- 49 См.: Пятый российско-корейский форум. М., 2004.
- 50 Однако с учетом новой миссии России, которая “становится ключевым игроком глобальной экономики (а значит и политики)” наблюдается резкое изменение и в отношении Дальневосточного региона. Он выступает в качестве главной составляющей геэкономике. Этим самым объявлен новый курс России на Дальнем Востоке, что повлечет изменение роли этнических общностей, в частности, российских корейцев. См.: *Христенко В.* Прорыв на Восток // *Ведомости.* 2006. 6 февр.
- 51 Так, Дальневосточный федеральный округ с центром в Хабаровске был учрежден Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 13 мая 2000 г. № 849. Согласно перечню федеральных округов, утвержденному Президентом Российской Федерации от 21 июня 2000 г., в состав округа включены: Приморский и Хабаровский края, Амурская, Камчатская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская Автономная Область, Корякский и Чукотский Автономные Округа.
- 52 См., например: *Новости Сарепты (Южный федеральный округ).* Волгоград, 2004. 13 авг.; и др.
- 53 Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации. Стенограмма заседания Организационного комитета по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию. Москва, 2004. 27 июля. С. 3.
- 54 См. рецензии: *Аманжолова Д.Н.* Третья Корея // *Российские корейцы* 2005. Окт. № 10(77). С. 4; *Она же.* Корейцы России и стран СНГ в глобализационных процессах // *Этнопанорама.* Оренбург, 2005. № 3/4. С. 122–124; *Ким Г.П.* Глобализация: путь к интеграции или разъединению // *Этнопанорама.* Оренбург, 2005. № 3/4. С. 124–126.
- 55 *Новости Сарепты.* 2004. 13 авг.

- 56 Корейцы в Союзе ССР–России. XX-й век: история в документах. М., 2004; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М., 2004; и др.
- 57 *Калиниченко П.М.* Польская прогрессивная эмиграция в годы Второй мировой войны. Киев, 1957; В единой семье советских народов // Материалы республиканской межвузовской конференции, посвященной 30-летию воссоединения белорусского народа в едином советском социалистическом государстве. 18–19 сентября 1969 г. (Гродно). Минск, 1970; *Пирицкулов Ш.Д.* Трудовая деятельность и социальное обеспечение польских эмигрантов в СССР в 1943–1946 годах // Советское славяноведение. М., 1978 № 2.; *Масловский В.И.* В борьбе с врагами социализма // Очерки истории классовой борьбы в период построения основ социализма в западных областях Украины. 1939–1950. Львов, 1984; *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. М., 1982; *Она же.* Польская армия Андерса в СССР в 1941–1942 годах // Новая и новейшая история. 1988 № 5; *Она же.* Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. М., 1989. № 2; и др.
- 58 Анализ статей В.С. Парсадановой проведен В.Н. Земсковым. См.: *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003.
- 59 См.: “Мемориал”: ист. сб. М., 1997. Вып. 1: Репрессии против поляков и польских граждан; и др.
- 60 См. подробнее: *Климовский Е.* Я был адъютантом генерала Андерса. М., 1991.
- 61 *Zeszyty historyczne* Institut literarcki. Paryz, 1994.
- 62 См.: *Хаханов А.* Месхи // Этногр. обозрение. М., 1891. № 3. Сборник материалов по описанию населения Тифлисской губернии за 1870 г. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 года. Тифлис, 1983; *Вахушти Г.* География Грузии // Западно-Кавказское отделение РГО. Тифлис, 1904. Т. XXIV; *Вешапели Г.* Турецкая Грузия, Лазистан, Трапезунд и Чорохский край. М., 1916; и др.
- 63 *Лежава Г.П.* Изменения классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е годы XX в.). Сухуми, 1989.
- 64 См.: *Некрич А.* Наказанные народы // Родина. 1990. № 6.
- 65 *Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М.* Советские курды: время перемен. М., 1993. С. 7.
- 66 См.: *Бараташвили М.* Правовое положение месхов – репатриантов в Грузии. Тбилиси, 1998. С. 7.
- 67 *Самойлович А.* Кавказ и турецкий мир. Баку, 1926; *Шенгелия Н.Н.* Сельджуки и Грузия в XVI в. Тбилиси, 1968; *Джаошвили В.Ш.* Население Грузии. Тбилиси, 1968; *Волков Н.Г., Джавахишвили Г.Н.* Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и новации. М., 1982; Страны и народы. М., 1984; и др.
- 68 Цит. по: *Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М.* Указ. Соч. С. 14.
- 69 *Зеймаль Е.* Народности и их языки при социализме // Коммунист. М., 1988. № 10; *Хуршут А.* Турки // Лит. Киргизстан. Фрунзе. 1988. № 12.; *Бараташвили К., Бараташвили М.* Мы – месхи // Лит. Грузия. Тбилиси, 1988. № 9; *Панеш Э.Х.* Современные этнокультурные контакты месхетинских турок // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 1989; *Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б.* Месхетинские турки (ист.-этногр. анализ проблемы) // Вопр. истории. М., 1991. № 9/10, и др.
- 70 *Тютюнник В.И.* Кто они, месхетинские турки // Сов. культура. М., 1989. 17 июня; *Бжагноков Б.* При свете гласности // Родина. М., 1989. № 2; *Шенгелия Э.* Полуправда питает ложь // Сов. культура. М., 1989. 19 июня; *Арутюнян С.А.* Оглядываясь на прошлое // Поиск. М., 1989. № 7; *Бугай Н.Ф.* Как это

- было // Поиск (Москва), 1988, 12–18 окт.; Соколова В. Овладеть ситуацией // Лит. газ. 1989. 21 июня; Королевский Ф. Национальный вопрос. Гостям указали на дверь // Призыв. Крымск, 1997. 17 сент. и др.
- 71 См.: Панеш Э.Х. Современные этнокультурные контакты месхетинских турок // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 68–72; Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б. О роли этнической психологии в межнациональном конфликте // Этнокультурные процессы: традиции и современность. Л., 1990; и др.
- 72 См. также обзорную статью: Бугай Н.Ф. 20–50-е годы: принудительные переселения народов // Обозреватель. 1993. № 11 (15). С. 122–127.
- 73 См. например: Хуришт А. Турки // Лит. Киргизстан. Фрунзе, 1998. № 12. С. 102–111, и др.
- 74 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003.
- 75 Симоненко В.А. Месхетинские турки: историческая судьба и проблемы культурной адаптации. Краснодар, 2003.
- 76 Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая в Анкаре во время визита в Турцию, в очередной раз открыто заявил, что “Россия не готова, не хочет, и не будет брать на себя ответственность за полное решение конфликтов на постсоветском пространстве. Мы будем играть конструктивную и посредническую роль”. Таким образом, предложен конструктивный подход, и он может быть широко использован при решении сложных вопросов, возникающих в отношениях между государствами, в частности, между Россией и странами Балтии. В мае 2005 г., во время торжеств, приуроченных 60-летию победы Союза ССР в Великой Отечественной войне, Президент России В.В.Путин напомнил, что еще в 1989 г. Съезд народных депутатов СССР принял постановление, в котором осудил пакт Молотова–Риббентропа, считая его юридически несостоятельным, не отражающим мнение народа, являвшимся сделкой политиков. В этой ситуации вряд ли возможно выполнение выдвигаемых перед Россией требований со стороны стран Балтии.
- 77 Собакин В.К. Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе и международное право. 1975. М., 1977; Репрессированные народы Советского Союза. Наследие сталинских депортаций. Отчет Хельсинкской группы по правам человека. Сентябрь, 1991. Хельсинки, 1991; Работа с беженцами и переселенцами: руководство для активистов Красного Креста и Красного Полумесяца. М., 1992; Государственное право и межнациональные отношения в странах западной демократии. М., 1993; СССР и “холодная война”. М., 1995; Информационный бюллетень по вопросам миграции. 1996. Май, № 6. Бюро МОМ в Москве. М., 1996; и др.
- 78 Репрессированные народы: история и современность. Элиста, 1992; Казачество в истории России. Краснодар, 1993; Проблемы межнациональных отношений и пути их стабилизации: материалы научно-практической конф. (Железноводск, 1993). Ставрополь, 1994; Репрессированные народы: история и современность, Нальчик, 1994; Пятидесятилетие Великой победы над фашизмом: история и современность: материалы Международной конференции. М., 1995; Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: материалы Российско–германской научной конференции. Анапа, 23–26 сентября 1994 г. М., 1995; Материалы Международной конференции. Март, 1995. Мюльхайм–Рур (Германия). История лагерей, переселений, депортаций, массовых уничтожений в СССР и в Германии (1933–1945 гг.) // Обозреватель. М., 1995. № 10; Лагеря, принудительная работа, изгнание и депортация. Эссен, 1999; и др.

- 79 См. об этом: Голос курда. М., 1993. № 12(22–23). Янв.–февр.
- 80 См.: Материалы конференции: беженцы и мигранты в странах СНГ. 30–31 мая 1996 г. УВКБ ООН. М., 1996. С. 6, 13.
- 81 Из дневниковых записей Н.Ф. Бугая.
- 82 См. раздел о реабилитации народов, опубликованный в “Теегин герл” (“Свет в степи”). Элиста, 1990. № 3. С. 3–20.
- 83 Стенограмма Парламентских слушаний Комитета Государственной думы Российской Федерации по делам национальностей от 21 марта 1995 г. С. 74.
- 84 См.: Рекомендации Парламентских слушаний Государственной думы Российской Федерации по вопросу “Северный Кавказ: проблемы межнациональных отношений, укрепление единства Российской Федерации” от 21 марта 1995 г. С. 6.
- 85 См.: Бугай Н.Ф. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. 15.XI. 1944–1994 гг. М., 1994.
- 86 См.: Документы из архива. Берия докладывает Сталину // Коммунист. М., 1991. № 3; “Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений...” Л. Берия – И. Сталину // История СССР. М., 1991. № 1; Досье “Востока”. 20–40-е годы: трагедия народов // Восток. М., 1992. № 2; 40–50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД–МВД СССР) // История СССР. М., 1992. № 1; Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: “Их надо депортировать...” Документы, факты, комментарии. М., 1992; Материалы к серии “Народы и культура”. М., 1992; Вып. 12: Депортация народов (1930–1950-е годы), ч. 1: Так это было. М., 1993. Т. 1–3; Реабилитация репрессированных народов и граждан. 1954–1994. М., 1994; и др.
- 87 См. подробнее рец.: Широков С. Без ретуши и перекосов // Комсомолец Калмыкии. 2003. 10 дек.; Отечественная история. М., 2004. № 4. Этот же аспект проблемы рассматривается и в книге “Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа”: сб. док. (Нальчик, 2003), и др.
- 88 Из истории ингерманландских финнов // Радуга. 1990. № 10; Бугай Н.Ф. Север в политике переселения народов // Север. 1991. № 4; Он же. Конец 30-х – 40-е годы. Европейский Север: депортации народов / Труды института, языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. Сыктывкар, 1991. Вып. 52; Он же. Ингерманландцы под грифом “секретно” // Север. 1992. № 3; Он же. Трагедия ингерманландцев в документах // Обозреватель: информ.-аналит. журн. 1994. № 19/20; Гильди Л. Беда народа: сб. статей и материалов. СПб., 2003, и др.
- 89 До 1990-х годов было довольно сложно публиковать что-либо по проблеме принудительных переселений чеченцев и ингушей.
- 90 Виноградов В.Б., Хашегульгов Б. Основные вехи истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1988; Гакаев Х.А. В годы суровых испытаний. Грозный, 1988; Боков Х. Эхо невозвратного прошлого. М., 1989; Живая память. О жертвах сталинских репрессий. Грозный, 1991; Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990; Он же. Убийство чечено-ингушского народа: народоубийство в СССР. М., 1991; Бугай Н.Ф. Депортация народов Северного Кавказа: проблемы административно-территориального устройства // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Майкоп, 1997; Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны (на примере национальных республик Северного Кавказа). М., 1998; Дауев С. Чечня: коварные страницы истории. М., 1999; и др.

Д.В. Карнаухов

**ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО
ОБРАЗА РУСИ
В ПОЛЬСКОЙ ХРОНОГРАФИИ XV–XVI вв.**

(Источники и историография исследования)

История России как предмет историографической рефлексии вызывала интерес у многих поколений зарубежных ученых. Этот интерес, изначально обусловленный формированием особого комплекса культурно-цивилизационных ценностей восточного славянства в эпоху раннего средневековья, в дальнейшем постоянно усиливался по мере укрепления российской государственности, стимулировался ростом активности и авторитета России на международной арене.

При этом важно помнить о том, что исследовательские приемы и мотивы зарубежных интеллектуалов, пытавшихся осмыслить историческое развитие России, отличались от подходов отечественных историков. С одной стороны, иностранцам были совершенно чужды патриотические соображения – в их рефлексии преобладал прагматизм, а также конъюнктурность восприятия исторических событий, в той или иной степени обусловленная влиянием актуальных отношений представляемых ими стран с Россией. С другой стороны, не следует забывать и о том, что зарубежные историки, обращавшиеся к изучению российской истории, нередко были носителями принципиально иных цивилизационных ценностей, иных традиций и подходов к интеллектуальной деятельности.

Таким образом, “внешний” образ отечественной истории является достаточно сложным объектом изучения для историка исторической науки, требующим применения взвешенного комплексного исследовательского подхода, а также выработки специальной научной методологии. Понимания этой сложности порой не доставало отечественным ученым, которые нередко предпочитали глубокому научному анализу представлений иностранцев о России огульную критику. По справедливому замечанию А.Н. Сахарова, зарубежная историография истории России “в течение долгого времени подвергалась отрицанию и квалифицировалась как фальсификация истории”¹.

Едва ли столь пренебрежительное отношение к достижениям зарубежной историографии может быть приемлемо на современном этапе развития отечественной истории исторической науки,

важной чертой которого являются стремление к преодолению самоизоляции и интеграция в мировую историческую науку. Очевидно, что реабилитация “внешних” представлений о российской истории, их серьезная научная оценка могут быть востребованы в рамках столь актуальной “интеграционной” парадигмы.

Настоящая статья являет собой попытку осуществления такой оценки на примере анализа достижений польской историографии конца XV – начала XVII в., в рамках которой был создан образ русской истории, охватывающий период от “начала мира” до эпохи, современной авторам исторических сочинений – его непосредственных творцов. Не имея возможности, ввиду ограниченности объема нашего очерка, рассмотреть эти представления полностью, ограничимся общей характеристикой источников, на основе которых может быть осуществлено дальнейшее изучение вопроса, а также анализом накопленного на данный момент опыта их исследования.

Говоря об “историческом образе Руси”, мы имеем в виду совокупность представлений польских историков, специфическим образом интерпретировавших имевшиеся в их распоряжении исторические свидетельства, освещавшие прошлое русских земель, в том числе сюжеты происхождения, этнической и географической дифференциации, возникновения и эволюции русской (восточнославянской) государственности, взаимоотношение Киевской Руси и отдельных русских княжеств с соседними государствами и др.

Данный спектр вопросов приобретает актуальность для польской просвещенной элиты прежде всего по причине усиления польского государства, последовавшего после начавшегося в первой половине XV в. политического сближения Польского королевства и Великого княжества Литовского, большую часть населения которого составляли восточные славяне. В определенном смысле можно говорить и о наличии своеобразного “заказа” со стороны польской правящей элиты, нуждавшейся в описании восточнославянских земель, которые рассматривались ею как потенциальное “жизненное пространство” на Востоке. Планировавшаяся “инкорпорация” части русских земель в состав Польши должна была получить достаточно мощное историческое обоснование. В свою очередь, эта задача едва ли могла быть решена без глубокой интеллектуальной проработки исторического материала. Результатом усилий, предпринятых в этом направлении, стало возникновение самобытной и разнообразной в своих проявлениях польской традиции восприятия русской истории. На протяжении одного лишь столетия – с 1480 по 1589 г. – в Польше

возникло немало авторских концепций ранней истории Руси, каждая из которых была ориентирована на то или иное направление общественно-политической мысли Польского королевства.

Плоды этой работы были востребованы не только польским государством как “заказчиком”. Польские историографы во многом “открыли” русскую историю для образованных европейцев, а также позволили переосмыслить многие события своего прошлого самим восточным славянам.

В своей деятельности польские авторы исторических трудов этого времени, как правило, ориентировались на формы и методы историописания, утвердившиеся в интеллектуальной среде средневековой Европы. Наиболее распространенной формой исторического сочинения в эпоху позднего средневековья становится хроника.

В свое время О.Л. Вайнштейн определял хронографию как порождение “феодально-церковной историографии”². Вместе с тем переход к гуманистическому историописанию не изменил приверженности историков хронике как жанру – несмотря на изменившиеся методы работы, названия исторических произведений, как правило, включали в себя это универсальное понятие. Таким образом, его применение, с нашей точки зрения, в равной степени допустимо как в отношении средневековой, так и ренессансной историографии, чем и продиктован наш выбор обобщающего маркера “хронография” для обозначения польской литературной традиции исторической направленности XV–XVI вв.

Хроника как разновидность исторического труда становится в интересующий нас период полноценным литературным произведением, посвященным описанию событий всеобщей, национальной или локальной истории³. В отличие от ориентированных на механическое изложение фактов средневековых анналов, в хрониках проявляется авторский подход к организации излагаемого материала, о чем свидетельствует наличие сюжетного повествования, назидательных пассажей, содержащих морализаторские или панегиристические рассуждения историка, комментарии к фактам и событиям, выводов и т.д. При этом стиль и характер этих элементов повествования зависели от той культурной среды, в которой сформировалось мировоззрение автора конкретного сочинения.

Польская хронография интересующего нас периода впитала в себя черты двух культурных эпох – позднего средневековья и Ренессанса.

По общему сложившемуся в научной литературе мнению, самым ярким представителем польской средневековой историографии признается Ян Длугош, автор исторической хроники, оригина-

нального названия которой не сохранилось⁴. Этот фундаментальный труд, состоявший из 12 книг, был создан в рукописной форме на латинском языке к 1480 г. и представлял собой изложение преимущественно польской истории с глубокой древности до современной его автору эпохи.

В хронике Длугоша уделяется внимание истории русских земель. Этому вопросу не посвящено отдельного раздела, сведения о Руси встречаются в разных книгах и представляют собой в большинстве своем интерпретированные Длугошем сведения, почерпнутые из русских же источников. При этом пассажи, посвященные истории Руси, в той или иной степени ориентированы на “полоноцентрическое” восприятие мира и вплетены в канву изложения польской истории.

В первой книге сочинения содержится описание древнейшего периода истории человечества и восточноевропейского региона. Длугош здесь обращается к потенциалу библейской традиции, интерпретирует ветхозаветный сюжет происхождения народов. Его рассуждения на эту тему не были авторской находкой – и до него европейские историки выводили первопредков тех или иных современных народов от библейских персонажей – однако Длугош создает универсальную “генеалогию” народов, в которой нашлось место восточнославянским этническим сообществам, номинированным согласно сложившейся в его эпоху традиции.

Также в первой книге нашел отражение сюжет этнической дифференциации восточных славян в эпоху раннего средневековья. В одних случаях, говоря на эту тему, польский историк прибегает к использованию фигур легендарных первопредков, в других – приводит знакомое нам по русской начальной летописи описание расселения восточнославянских племен. С исторической этнографией Руси у Длугоша тесно связана география русских земель, а также сюжет происхождения русской государственности. Причем здесь нас могут заинтересовать не только интерпретации фактов русской истории, но и тот контекст, в котором они излагаются.

В последующих книгах своего сочинения Длугош неоднократно обращается к изложению русской истории, но упоминаемые им события здесь получают еще большую привязку к польской проблематике.

Хроника Яна Длугоша стала своего рода обобщающим трудом, который подвел итоги развития польской средневековой историографии. Для последующих поколений польских историков он стал универсальным справочником – без него немислимо было занятие историографией. Таким образом, данная в этом сочинении интерпретация русской истории также стала для польской

традиции исторических представлений следующего XVI в. своеобразной отправной точкой для будущего осмысления прошлого русских земель.

Особенностью развития исторической мысли XVI в. была ориентация на принципиально иной подход к историографической деятельности, сформировавшийся в результате восприятия ренессансной интеллектуальной традиции. Влияние гуманистической историографии (представленной преимущественно трудами итальянских и немецких авторов) испытали на себе многие польские авторы исторических произведений XVI в.

Общей чертой польских хроник этого направления была ориентация на европейскую читательскую аудиторию, предъявляющую высокие требования как к оформлению исторических произведений, так и к их содержанию. Польским авторам удалось приобрести репутацию писателей, наиболее компетентных в вопросах, связанных с историей и современным положением Восточной Европы. Большинство их произведений имели выраженную региональную ориентацию. Причем наряду с информацией о Польше здесь представлялись свидетельства и о ее восточных соседях.

Первым в ряду историков, “открывших” просвещенной Европе славянский Восток, был польский интеллектуал-гуманист Мачей Меховский (Maciej Miechowski). Он был автором двух произведений, написанных на латыни – “Трактата о двух Сарматиях” (*Tractatus de duabus Sarmatiis*, 1517) и “Польской хроники” (*Chronica Polonorum*, 1519). Оба сочинения были опубликованы, что сделало их доступными широким кругам образованной публики в разных странах Европы.

“Трактат” Меховского, хотя и не являлся в чистом виде историческим произведением, тем не менее позволял читателю получить некоторое представление об истории Руси. Сочинение имеет сложную структуру – оно разделено на “трактаты”, “книги” и “главы”, причем каждая глава играет роль самостоятельного произведения со своей сюжетной основой. Описанию восточных соседей Польши посвящены отдельные разделы: Меховский вводит главу “О Руси...” и главу “О Великом княжестве Московском”. Повествование само по себе не является историческим, не подчинено хронологическому принципу, поскольку автор “Трактата” ориентировался на жанр так называемой “космографии”, географического описания, особенно популярной среди интеллектуалов его времени, благодаря публикации произведений классиков античной литературы – Геродота, Птолемея и др. Такая жанровая путаница создает определенные трудности для историка историографии, пытающегося решить проблему реконструк-

ции исторических представлений на основе этого произведения Меховского.

Облегчить решение этой задачи позволяет обращение к “Польской хронике”, представляющей собой чисто историческое произведение, в котором предпринята попытка создания синтетического образа национальной истории Польши. В отличие от компендиума Длугоша, эта работа меньше по объему и популярнее по содержанию. Вместе с тем она уступает сочинению патриарха польской историографии по информативности. Это замечание касается также и сведений об истории Руси, которые в сокращенном виде заимствуются из данного труда Длугоша или из “Трактата о двух Сарматиях”.

Четверть столетия спустя, в середине XVI в., интерес польских интеллектуалов к истории Руси еще больше усиливается благодаря политическим изменениям регионального масштаба. На политической сцене Восточной Европы доминируют и соперничают друг с другом польско-литовский союз (вскоре преобразованный в Речь Посполитую) и Московское царство. Еще в начале XVI в. казавшееся незыблемым господство Польши в регионе оказалось под угрозой, и эта угроза исходила со стороны Москвы, прямо заявившей о намерении объединить под своей властью все русские земли, используя в качестве консолидирующей идеи фактор православной конфессиональной принадлежности и исторический аргумент восстановления былого величия Киевской Руси. Столь серьезные претензии нашли подтверждение в военных акциях Москвы как на Востоке (завоевание поволжских ханств), так и на Западе (Ливонская война).

Польская просвещенная элита немедленно отреагировала на эти изменения геополитического баланса сил в регионе. Без преувеличения можно говорить о том, что в польской историографии возник острый интерес к восточному славянству, выразившийся не только в создании новых произведений, содержащих оригинальные концепции русской истории, но и в конкуренции между подходами разных авторов.

Важной особенностью польской хронографии второй половины XVI в. было появление польскоязычных исторических сочинений. Это событие сыграло огромную роль в развитии исторических представлений не только поляков, но и восточных славян, православная конфессиональная ориентация которых создавала своеобразный “языковой барьер”, не позволяла восточнославянским интеллектуалам в полной мере воспринять наследие польской латиноязычной историографии.

На польском языке публиковались как переводы латиноязычных сочинений (польский перевод “Трактата о двух Сарма-

тиях” издавался трижды – в 1535, 1541 и 1545 гг.), так и оригинальные исторические сочинения. В 1551 г. издается первое авторское историческое произведение на польском языке – “Хроника всего света” (*Kronika wszytkyego swyata*) Марчина Бельского (*Marcin Bielski*). Впоследствии первоначальный замысел ее автора неоднократно претерпевал изменения, и последующие издания этого труда – второе, 1554 г., третье, 1564 г.⁵ и четвертое, 1597 г. (сокращенная редакция, опубликованная сыном М. Вельского Иоахимом под названием “Польская хроника”)⁶ – дополнялись новыми сведениями, а также содержали обновленные авторские интерпретации тех или иных фактов и событий.

Само название хроники указывало на стремление М. Бельского представить описание всеобщей истории. По своей структуре “Хроника всего света” (с некоторыми вариациями в трех первых изданиях) состояла из космографии, очерка всеобщей истории и обзоров истории восточноевропейских королевств – Чехии, Венгрии и Польши. Бельский следует уже привычному подходу к описанию русской истории – оно, как и у его предшественников, “интегрировано” в описание польской истории. При этом в рамках последнего выделен самостоятельный раздел “О Руси”⁷. Вместе с тем целый ряд ремарок по поводу географии русских земель и этногенеза восточных славян можно встретить в пространном введении к польской хронике⁸, а также в разделах, посвященных истории других народов региона (болгар, готов, вандалов)⁹.

Третье издание хроники 1564 г. примечательно тем, что труд М. Бельского пополняется отдельной книгой, посвященной Москве¹⁰. В книгу был включен пересказ неоднократно издававшегося в Европе описания Московии С. Герберштейна, дополненный М. Бельским краткой “генеалогией” русских князей, а также несколькими иллюстрациями, изображающими Ивана Грозного и образцы военной амуниции московитов. Здесь историческая информация сочетается со сведениями по географии земель, подчиненных московским царям – т.е. используется прием, известный нам по трактату Меховского.

Наряду с М. Бельским, польский язык для написания своего исторического сочинения использовал еще один выдающийся польский автор – Мачей Стрыйковский (*Maciej Strykowski*). Его главный исторический труд “Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси...” ([...] *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszyskiej Rusi* [...]) был опубликован в 1582 г. в Крулевце (Кёнигсберге). Само название этого сочинения указывает на стремление его автора отразить историю многонационального восточноевропейского региона, что в определенной степени контрастирова-

ло с господствующей в его время “полоноцентрической” тенденцией в развитии польской историографии.

Хроника Стрыйковского состоит из 25 книг, каждая из которых посвящена описанию определенной этнополитической общности или определенного исторического периода. Помимо восточных славян и поляков, в сочинении Стрыйковского представлено описание истории их соседей по региону – литовцев, пруссов, жмуди, лифляндцев и др. По сложившейся традиции, первая книга посвящена описанию древнейшей истории человечества, где Стрыйковский находит место и восточным славянам. Очерк русской истории, до момента поглощения русских княжеств Литвой, занимает три книги хроники – четвертую, пятую и, частично, шестую, – которые дают исчерпывающе полное представление о прошлом русских земель и взаимоотношениях русских княжеств с Польшей и другими соседними государствами. Московскому государству ни один раздел хроники не посвящен, информация о нем представлена в описании истории Великого княжества Литовского, начиная с 21-й книги, описывающей события XVI в. Впрочем, Москва упоминается и в первых книгах хроники, где Стрыйковский, давая общую характеристику региона, характеризует ее как мощное в политическом и культурном отношениях образование.

Зарождение традиции создания исторических сочинений на национальном языке в то же время не привело к кризису латиноязычной хронографии в Польше. Последняя даже укрепила свое положение, позиционируя себя в качестве “профессиональной” историографии, способной составить конкуренцию во многом еще несовершенной, с точки зрения уровня развития техники исторического описания, “дилетантской” польскоязычной литературе.

Примером историка-профессионала, признанного мастера исторического жанра, ставшего известным не только в Польше, но и во всей Европе, является представитель латиноязычного направления в польской историографии Марчин Кроммер (Marcin Kromer). В 1555 г. в Базеле было опубликовано его сочинение “О происхождении и деяниях польского народа” (*De origine et rebus gestis polonorum*), впоследствии неоднократно дорабатывавшееся и переиздававшееся как на языке оригинала (в 1558, 1568, 1582 и 1589 гг.), так и в переводах на иностранные языки (в 1562 г. был опубликован немецкий, а в 1611 г. польский перевод этого произведения). По форме изложения материала труд Кроммера был блестящим образцом научной монографии (если ориентироваться на критерии научного знания, принятые во второй половине XVI в.). Этот историк полемизирует с оппонентами, выстраивает

собственные гипотезы, подтверждает их, пользуясь основанной на “здравом смысле” техникой научного доказательства. Благодаря работе Кромера, исторический образ Руси был в значительной степени демифологизирован, прежде всего в вопросах, касающихся этногенеза восточных славян. При этом представленная в его труде концепция ранней этнической истории Руси последовательно видоизменялась, о чем свидетельствуют авторские редакции VIII главы I книги, предпринятые при подготовке к публикации третьего и четвертого изданий хроники.

Историческое сочинение Кромера было рассчитано на европейского читателя, проявлявшего все больший интерес к восточной части Европы. Этот интерес послужил стимулом для литературной деятельности других польских авторов, в числе которых тогда более преуспел Александр Гваньини (Alexandro Guagnino) – итальянский офицер на польской службе, который во время Ливонской войны провел многие годы в Витебской крепости и имел возможность собрать материал для публикации собственного историко-географического сочинения. Под названием “Описание Европейской Сарматии” (Sarmatiae Europaeae descriptio) труд Гваньини впервые был опубликован на латинском языке в 1578 г.¹¹ и в дальнейшем неоднократно переиздавался не только на латыни, но и в переводах на иностранные языки¹².

По форме “Описание” было близко “Трактату о двух Сарматиях” Меховского. Однако содержание было значительно расширено за счет введения новых сведений и увеличения числа описываемых стран. Вводные разделы труда Гваньини (первые две главы) посвящены описанию исторической этнографии региона в целом – здесь воспроизводятся известные к тому времени концепции происхождения народов, в том числе освещается вопрос этногенеза восточных славян. Далее следуют так называемые “хроники” – фрагменты, представляющие историю и современное положение отдельных регионов – Польши, Литвы, Пруссии, Ливонии, Москвы и “Тартарии”. При этом интересен тот факт, что в первых латинских изданиях “Описания” русские земли в составе Литвы не удостоены “своей” хроники, они описываются как “регионы” Великого княжества Литовского. Однако опубликованный в 1611 г. под названием “Хроника Европейской Сарматии” (Kronika Sarmacyeu europiskiey) польский перевод сочинения Гваньини вышел в свет в новой редакции, и в структуре этого труда появляется “Хроника земли Русской”, отделенная от предшествующей ей “Хроники В[еликого] к[няжества] Литовского”. Более того, отличия между оригинальным латинским и польским переводным изданиями не ограничиваются лишь компоновкой материала – в тексте польского перевода имеются также доста-

точно характерные смысловые различия, дающие повод задуматься над мотивами Гваньини, который, если судить по указаниям, содержащимся во введении к польской редакции, лично занимался переработкой и подготовкой к печати польскоязычной версии своего сочинения.

Так или иначе, работа Гваньини в силу своей популярности за пределами Польши, в не меньшей степени, нежели работы его предшественников, повлияла на формирование представлений просвещенных европейцев об истории Руси и Московии, тем более, что эти представления были актуализированы бурным и непредсказуемым развитием событий на востоке Европы на рубеже XVI и XVII вв.

Наконец, наш обзор польских авторов, внесших свой вклад в формирование исторического образа Руси, будет неполным без упоминания имени Станислава Сарницкого (Stanislaw Sarnicki), писателя, нанятого в качестве “официального” историографа советниками польского короля Стефана Батория. Самым известным произведением Сарницкого было солидное по объему сочинение “Анналы, или О происхождении и деяниях польского и литовского народов” (*Annales, sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lithuanorum*), опубликованное в 1587 г. и ни разу с тех пор не переиздававшееся. Это сочинение не имело у читателей успеха, в силу чего выводы Сарницкого можно рассматривать не столько как фактор формирования исторических представлений в обществе, сколько как результат авторской рефлексии, осмысления истории с позиции отдельного представителя польской просвещенной элиты, чьи взгляды были порождены своеобразием интеллектуальной культуры того времени.

В какой-то степени научный анализ исторических представлений Сарницкого может быть интересен при сопоставлении последних со взглядами Кромера, ибо первый (и исторического образа Руси это касается не в последнюю очередь) создал гипермифологизированную историческую концепцию, тогда как второй приложил массу усилий для демифологизации представлений о прошлом.

Таким образом, польская традиция исторических представлений отличалась разнообразием подходов к нашему вопросу. Предпринятый выше обзор преследовал цель показать имеющиеся возможности и потенциальные направления для исследования вопроса формирования исторического образа Руси в польской историографии конца XV – начала XVII в. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют провести такое исследование, хотя следует признать, что при всем обилии содержащихся в них ценнейшей для историка историографии информа-

ции, они практически не доступны для российского исследователя. Из упомянутых нами работ на русский язык лишь одно сочинение переведено полностью (“Трактат о двух Сарматиях” Меховского¹³) и одно частично (фрагмент сочинения Гваньини “Описание Московии”¹⁴).

Определенные предпосылки для дальнейшего развития этого исследовательского направления способны создать анализ опыта научного изучения польской историографии конца XV – начала XVII в., накопленного отечественными и зарубежными учеными различной специализации.

На ранних этапах развития отечественной научной историографии созданный польскими авторами исторический образ Руси во многом воспринимался как образец для подражания. Этот тезис можно наглядно подтвердить на примере (в свое время изученного А.И. Роговым) явления – рецепции хроники М. Стрыйковского в восточнославянской ученой среде, оказавшей огромное влияние на развитие украинского летописания и деятельность российских историков конца XVII – начала XIX в. – А.И. Лызлова, В.Н. Татищева, А.П. Манкиева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина¹⁵. Критика в адрес польских “учителей” со стороны российских историографов этого времени, как правило, ограничивалась частными вопросами и носила конъюнктурный характер, тогда как сами по себе трактовки начальной русской истории, предложенные в свое время польской ренессансной историографией, сомнению не подвергались.

Впрочем, не только в России, но и в самой Польше долгое время не предпринималось попыток пересмотреть подходы к изучению ранней истории России, поскольку последние были гармонично вписаны в комплекс крайне лестных для поляков представлений о своей собственной героической истории, отказ от которых мог негативно отразиться на культурно-исторической самоидентификации поляков¹⁶.

Радикальный пересмотр ставших каноническими представлений о начальной истории русских земель происходит лишь в первой половине XIX в. под влиянием открытий в области археологии и сравнительного языкознания, позволивших совершенно иначе дифференцировать население Восточной Европы по этнолингвистическому признаку. Эти открытия привели к возникновению новой “подлинно научной” историографии древнейшего этапа развития народов региона. Вследствие этих перемен прежние представления о прошлом народов региона были охарактеризованы как “псевдонаучные домыслы” и решительно отвергнуты.

В первую очередь критике подверглись этногенетические и политические (династические) мифологемы. Скептическое отно-

шение к этой традиции под влиянием культа позитивного знания проявили как российские (“скептическая школа”), так и польские историки (И. Лелевель, Ю. Крашевский), которыми исследовательские методы старой историографии характеризовались как “баснословия”, “несообразимые глупости”, “сказки” и т.д.¹⁷

Поскольку польская хронография конца XV – начала XVII в. преимущественно ориентировалась именно на такие формы осмысления прошлого, она в одночасье потеряла былое значение авторитетного источника достоверной исторической информации о славянских древностях и на протяжении целого столетия привлекала научное сообщество лишь в качестве памятника литературы, а также объекта археографических и библиографических изысканий.

Историки литературы, обращавшиеся к изучению польских исторических хроник, трактовкам ранней русской истории специального внимания не уделяли. Однако в рамках этого направления была проведена огромная работа по систематизации и общему изучению наследия польской хронографии позднего средневековья и эпохи Возрождения. Были исследованы важнейшие произведения, описана история их создания, выявлены источники и взаимные связи между различными авторскими проектами. Что также немаловажно, была продолжена инициированная в свое время польскими просветителями XVIII столетия деятельность по переизданию историографических источников, а также переводу ряда упоминавшихся нами выше латиноязычных памятников исторической мысли на польский язык. В частности, была впервые опубликована в полном объеме и переведена на польский язык хроника Длугоша (1878–1887), переизданы четвертая сокращенная (“иоахимова”) редакция хроники М. Бельского (1764, 1856), а также хроника Стрыйковского (1766, 1846). Издательская деятельность дополнялась работой библиографов – в рамках многотомной “Польской библиографии” Кароля и Станислава Эстрайхеров исторические произведения польских авторов были скрупулезно описаны, а также проведена работа по поиску их экземпляров в книгохранилищах разных стран¹⁸.

Российские ученые в меньшей степени, чем польские исследователи, проявляли интерес к изысканиям в этом направлении. Тем не менее вплоть до нашего времени сохранили свою научную ценность результаты исследований русских рукописных переводов хроник Бельского, Стрыйковского и Гваньини, предпринятых на рубеже XIX и XX вв. отечественными археографами Соболевским¹⁹ и Пташицким²⁰.

В XIX – первой половине XX в. исследование деятельности отдельных авторов польских исторических сочинений

XV–XVI вв. проводилось большей частью польскими учеными в рамках обобщающих трудов по истории польской литературы (Ф. Бентковский, М. Вишневецкий, И. Хжановский, Р. Пилят и др.), в вводных статьях к публиковавшимся источникам, а также в рамках монографических исследований, посвященных Длугошу (А. Семкович, М. Бобжыньский, С. Смолька), М. Меховскому (А. Божемский), М. Вельскому (И. Хжановский), М. Кромеру (К. Валевский, Л. Финкель) и С. Сарницкому (И. Желиньский). Однако на страницах этих работ к проблематике формирования исторического образа Руси в польской историографии их авторы специально не обращаются, допускают лишь отдельные оговорки и комментарии.

Научной работой, обобщившей исследовательские усилия, предпринятые в данном направлении, можно признать монографию Т. Улевича “Сарматия” (1950)²¹. Автором с историко-литературной точки зрения была дана характеристика польской гуманистической традиции представлений о происхождении народов Восточной Европы в качестве культурной составляющей идеологии “сарматизма”, в том числе затронуты взгляды отдельных авторов на историю восточных славян.

В русской, а, точнее, русскоязычной, научной литературе имперского (дореволюционного) периода интерес к достижениям польской историографии Средневековья и Ренессанса в значительной мере подогревался славянофильскими устремлениями авторов, представлявших эту традицию. Отражению “славянской идеи” в литературных памятниках разных эпох было посвящено исследование профессора Варшавского императорского университета И.И. Первольфа. Второй том его монографии “Славяне. Их взаимные отношения и связи” (1888) представлял собой исследование славянофильских аспираций, выявленных автором исследования в историографии, публицистике, поэтических произведениях и т.д. В числе прочих И.И. Первольфом приводятся мнения польских средневековых и ренессансных историков, касавшиеся истории и культуры славянских стран, в том числе и Руси.

Работы польских авторов “времен усиления Московской государственности” в качестве источника известий о древнейшем периоде истории Руси характеризуются также в монографии М.О. Кояловича “История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям” (1884). Автор признает именно за польскими писателями наибольшую осведомленность в вопросах русской истории, поскольку “возрастание России и направление русских дел составляли для Польши ближайший интерес”²².

В числе польских историков, чьи работы особо ценны для формирования представлений о русской истории, М.О. Коялович называет Длугоша, Кромера, Бельского и Стрыйковского. Каждый из этих писателей был удостоен биографической справки и краткой оценки взглядов на русскую историю. Например, в “Польской истории” Длугоша, по мнению М.О. Кояловича, изложение русской истории “гораздо правдивее”, чем в других польских исторических трудах, поскольку ее автор “во многих местах признает силу и даже правду за русским населением бывшего Литовского княжества”²³. Хроника Кромера, напротив, характеризуется неоднозначно: в числе недостатков указывается на приверженность ее автора “латинскому и польскому фанатизму”, а в числе достоинств – критический подход к “древнейшим и позднейшим событиям”. Стрыйковский оценивается как легкомысленный автор, но в то же время как “человек отзывчивый”, проникшийся “русским духом”²⁴. Этими краткими характеристиками М.О. Коялович, по сути, ограничивает свой экскурс в историю польской историографии, никак не характеризуя конкретных свидетелей ее главных представителей об истории Руси.

Итак, даже в последние десятилетия существования Российской империи интерес к изучению польской историографии был минимален и опять же во многом конъюнктурно обусловлен. Крутой поворот в истории России, произошедший после окончания Первой мировой войны, еще более усугубил ситуацию – научные исследования в интересующем нас направлении практически прекратились в силу ряда объективных и субъективных причин. С одной стороны, подобные тенденции объясняются тем, что после распада Российской империи и создания независимого польского государства были ослаблены научные связи между исследовательскими школами двух стран. С другой стороны, утвердившийся в России после 1917 г. новый политический режим старался пресечь любые формы гуманитарных контактов со странами, относившимися к враждебному “империалистическому” лагерю, в число которых входила и буржуазная Польша.

В столь сложных условиях безусловным успехом отечественной науки следует признать публикацию в 1936 г. “Трактата о двух Сарматиях” Меховского. Научное издание “Трактата”, подготовленное С. Аннинским, включало в себя не только оригинальный латинский текст этого источника, но также его русский перевод, пространное введение и научный комментарий.

В 1941 г. происходит еще одно знаковое событие – на страницах официоза советской исторической науки, журнала “Историк-марксист” – публикуется статья чешского историка-эмигранта З. Неудлы “К истории славяноведения до XVIII в.”, где польской

традиции исторических представлений давалась краткая характеристика наряду с традициями других славянских народов. Автор работы приходит к заключению, что в рамках национальной историографии XVI в. об общении с другими народами упоминалось только в связи с историей своего собственного народа²⁵. Этим он объясняет отсутствие литературы, специально посвященной зарубежной истории, но указывает на отдельные польские исторические сочинения, в которых такой проблематике (в том числе характеристике истории Руси) уделялось немалое внимание – хроники Вельского, Кромера и Сарницкого. Кстати, работа последнего ни до, ни после З. Неedly внимания отечественных специалистов не привлекала, тем не менее этот исследователь говорит о том, что именно в хронике Сарницкого “больше всего... польская история изложена в связи с историей других славян”. Со своей стороны отметим, что не только эти выводы, но даже сам по себе факт появления статьи такого характера свидетельствовал о своеобразной реабилитации интересующей нас проблематики в СССР, необходимой для проведения в нашей стране дальнейших научных изысканий.

В послевоенный период наметившаяся тенденция усиливается, поскольку результаты Второй мировой войны в очередной раз привели к изменению геополитической ситуации в Восточной Европе, сделав СССР и Польшу союзниками. Последнее обстоятельство, в свою очередь, способствовало сближению исследовательской проблематики отечественных и польских ученых, так как изучение истории российско-польских отношений, в том числе взаимных представлений поляков и народов СССР друг о друге, на многие десятилетия приобретает не только научное, но и пропагандистское значение²⁶.

В числе направлений научной работы, проводившейся историками стран “социалистического лагеря” в 50–80-е годы XX в., наиболее актуальным становится изучение проблематики политических и культурных отношений русского централизованного государства со странами Восточной Европы. В этом контексте достижения польской исторической мысли XV–XVII вв. рассматривались советской и польской исторической наукой как одна из форм восприятия России европейскими интеллектуалами, обусловленного особенностями актуальной политической ситуации, сложившейся на рубеже Средневековья и Нового времени.

Здесь оказывается востребованным решение двух взаимосвязанных задач – первая предполагала выявление специфики польской ренессансной историографии, вторая – определение роли представлений об истории Руси, сложившихся в рамках данной традиции.

Общей характеристике ренессансной историографии славянского культурного ареала в качестве особого явления в истории исторического знания был посвящен доклад А.Н. Робинсона на V Международном съезде славистов в Софии (1963)²⁷. Хотя доклад позиционировался как “историко-литературное” исследование, в опубликованной на его основе научной монографии содержится немало ценных для историка историографии наблюдений и выводов, в том числе указывается на существенные отличия ренессансного подхода к историческому познанию и “исторического прагматизма” в науке Нового времени.

Задачей ренессансного историка, по мнению А.Н. Робинсона, является “прославление действительных или воображаемых прошедших деяний как выражение идеологических потребностей возникающего в обществе национального самосознания”²⁸. Решая эту задачу, ренессансная историография прибегает к использованию “историософской фантастики” – мифов, преданий и легенд. Такие свидетельства А.Н. Робинсон считает “необходимейшим материалом”, поскольку они востребованы породившей их культурной средой (“служат общественно-политическим и национально-патриотическим интересам”), пользуются доверием читателей и не воспринимаются как “заведомая ложь” самими историографами²⁹. Тем самым, полагает исследователь, свидетельства ренессансных историков, некогда отвергнутые учеными как “баснословные”, в совершенно ином качестве способны заинтересовать современную науку.

С позиции заявленного методологического подхода А.Н. Робинсон рассматривает конкретные достижения и предпочтения в деятельности ренессансных историографов. Среди прочего выделяется значение вопроса происхождения народов, разрешение которого видится крайне важным для конкретизации этноисторической картины мира, ее соотнесения с актуальными для интеллектуальной традиции того времени культурными приоритетами. Важнейшим таким приоритетом А.Н. Робинсон считает библейскую традицию, а первостепенной задачей каждого историографа – поиск для своего народа почетного места в “признанной мировой системе народов”, посредством размещения его предков в библейской или околобиблейской древности. Без этого элемента в данный период, полагает исследователь, историографическая концепция просто не могла получить для общества убедительного объяснения и обоснования.

А.Н. Робинсон указывает на специфику этногенетических представлений в разных странах, объясняя различия в подходах тенденциями развития того или иного “ответвления” национальной славянской историографии. Польская историческая мысль

эпохи Возрождения характеризуется ученым наряду с традициями исторических представлений других славянских народов и на их фоне оценивается как историография “общеευропейского значения”³⁰. Упомянутые нами выше черты развития ренессансного историописания нашли отражение и в деятельности польских авторов. Этногенетические поиски польской исторической мысли привели к созданию так называемой “сарматской теории” происхождения народов Восточной Европы, задачей которой А.Н. Робинсон считает “перенесение современных успехов славянских стран в легендарное прошлое”³¹.

В качестве примера практического применения ренессансного историографического метода польскими авторами XVI в. в представляемой нами монографии А.Н. Робинсон анализирует “основное звено” польской историографии “сарматизма”, теорию “Мосох–Москва”. Данная идейная конструкция самым непосредственным образом была связана с формированием исторического образа Руси, поскольку связывала этногенез славянских народов с восточнославянскими, московскими землями. А.Н. Робинсон указывает на то, что теория “Мосох–Москва”, занимавшая первоначально периферийное положение в традиции исторических представлений и скептически воспринимавшаяся рядом авторитетных “латинско-гуманистических” историографов (например, Кромером), постепенно выдвигается на первый план в этногенетических построениях польских авторов, “ближе стоящих... к реформации и народному языку” – Бельского, Стрыйковского и Сарницкого.

Характеризуя структуру теории “Мосох–Москва”, А.Н. Робинсон называет положенные в ее основу элементы – “символическую этимологию”, “аксиомы Библии”, апелляцию к авторитету античной литературной традиции, представленной Иосифом Флавием – “произвольно принятыми” и механически объединенными с целью последующей интеграции этой идеи в уже сложившуюся концепцию происхождения славянских народов от древних сарматов. Такая произвольность признается А.Н. Робинсоном типичной для историографии XVI в. и объясняется стремлением историка Ренессанса представить как можно больше “желательных” и как можно более авторитетных свидетельств, подходящих под заранее избранную историографическую гипотезу и, в конечном итоге, создать впечатление ее “всемирного признания”.

А.Н. Робинсон подробно не останавливается на изучении мотивов польских историков, которые активной разработкой теории “Мосох–Москва” привлекли внимание к истории русских земель не только своих соотечественников, но и европейскую

публику. В монографии лишь обозначается направление для разработки этого вопроса: с одной стороны, со ссылкой на мнение В.Н. Татищева упомянутые акценты польских историков исследователем объясняются “коварством” поляков, якобы стремившихся отделить “московитов” от русских, а с другой, А.Н. Робинсон высказывает мнение о том, что «решающим фактором образования теории “Мосох–Москва” была сама эпоха, когда Западная Европа внезапно увидела на своих восточных окраинах вместо поработанной татарами страны быстро возмужавшую огромную империю во главе с Москвой»³².

Тем самым был сделан акцент на решении второй упомянутой нами выше задачи – выявлении роли зарубежных представлений об истории Руси как комплексного явления интеллектуальной культуры интересующей нас эпохи. Ее решению немало способствовали научные труды М.А. Алпатова, посвященные изучению европейской “исторической россики”. В обобщающем исследовании “Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв.” (1973) М.А. Алпатовым были выявлены причины и отличительные черты интереса зарубежных интеллектуалов к прошлому Руси. Ученый выделяет несколько этапов в истории “русской темы” в европейской анналистике. По его мнению, первый этап был связан с эпохой Киевской Руси, второй этап совпал с “эпохой феодальной раздробленности Руси и татарской неволи”, третий этап – более интересный для нас – приходится на период формирования централизованного русского государства и русского самодержавия в XVI в.³³

В своей монографии М.А. Алпатов проводит глубокий анализ причин интереса просвещенной публики европейских стран в конце XV–XVI вв. к истории и современной жизни России, полагая главной из них новое качество отношений Запада и России, обусловленное “встречным движением” двух цивилизаций. По мнению М.А. Алпатова, Запад искал контактов с Россией в связи с перемещением торговых путей, возникновением турецкой угрозы, обострением межконфессионального противостояния в связи с Реформацией, и в процессе сближения формировался особый взгляд на русскую историю, существенно отличавшийся от исторических представлений восточнославянских интеллектуалов.

Характеризуя механизм формирования “внешнего” исторического образа Руси, М.А. Алпатов считает представления иностранных наблюдателей пусть и не главной, но, тем не менее, особой и очень важной страницей в национальной историографии, которая содержит “повествования ее зарубежных друзей и врагов как людей, стремившихся понять незнакомый им народ и

его страну”³⁴. Взгляд на русскую историю “со стороны”, по мнению М.А. Алпатова, не исключает враждебности и во многом случаен, формируется под воздействием целого ряда факторов, предопределявших специфическое восприятие иностранцами русских реалий. В числе этих факторов исследователем выделяется высокомерие, порожденное прямолинейным применением западных критериев цивилизованности (“западной мерки”) при оценке многих чуждых европейцам явлений русской жизни, в том числе интеллектуальной традиции, а также тенденциозность и прагматизм.

Несмотря на столь нелицеприятные выводы, М.А. Алпатов в то же время полагает, что свидетельства, мнения и оценки зарубежных авторов способны расширить и обогатить образ русской истории. Он характеризует иностранный компонент этого образа как “дополнительное звено” (по отношению к свидетельствам “собственных исторических писателей”), очень важное по своей значимости для определения своеобразия исторического пути Руси, места ее народа в мировой истории и его вклада в мировую цивилизацию.

Сосредоточив внимание на историографических памятниках, созданных преимущественно в странах Западной Европы, М.А. Алпатов оставил в стороне государства, названные им “окольными” (Польшу, Чехию и Венгрию). Тем не менее этот ученый совсем не случайно, определяя круг своих научных интересов, задает вопрос – “Что делать с Польшей?” Несмотря на то что М.А. Алпатов принимает решение в своей монографии не касаться польской традиции исторических представлений о Руси, он высоко оценивает ее роль для формирования и распространения знаний о русской истории, поскольку, с одной стороны, “в истории русской исторической мысли Польша служила теми воротами, через которые чаще всего западное влияние достигало России”, а с другой – влияние польских хроник заметно сказывалось на русской исторической литературе³⁵.

Исключение Польши из числа стран, чья историческая литература была проанализирована М.А. Алпатовым, обернулось тем, что вплоть до настоящего времени отечественная наука не располагает обобщающим комплексным исследованием традиции представлений польских историков о прошлом Руси, проведенным с позиций истории историографии.

Вместе с тем отечественные ученые уделили немало внимания вопросу формирования исторического образа Руси в произведениях отдельных польских авторов конца XV–XVI вв. – Длугоша, Меховского, Бельского и Стрыйковского. Необходимость изучения польской исторической литературы этого времени ча-

ще всего обосновывалась стремлением исследовать взаимоотношения русских летописных памятников и польских исторических сочинений, авторами которых они использовались, и в конечном итоге выявить взаимное влияние друг на друга русской и польской историографических традиций.

Пожалуй, наибольший интерес для отечественных и польских исследователей вызывал исторический образ Руси, представленный на страницах хроники патриарха польской средневековой историографии Яна Длугоша, что не в последнюю очередь было обусловлено значительным влиянием на деятельность этого автора русского летописания.

М.Н. Тихомиров в статье «Русский летописец в “Истории Польши” Яна Длугоша» (1969) возродил традицию, восходящую к изысканиям К.Н. Бестужева-Рюмина, И.А. Тихомирова, А.А. Шахматова, А. Семковича, Е. Перфецкого и В.Т. Пашуто, связанную с выявлением русских источников хроники Длугоша. Обобщив результаты исследовательской работы своих предшественников, М.Н. Тихомиров изучил объем и структуру заимствованных Длугошем сведений по истории Киевской Руси из Повести временных лет³⁶.

Продолжил исследовательскую работу в данном направлении Ю.А. Лимонов. Он указал на огромное значение историографической деятельности Длугоша для “ознакомления Европы с историей, географией, бытом славянских народов, с польским, литовским и русским государствами”³⁷. Столь важную роль, по мнению Ю.А. Лимонова, это произведение сыграло благодаря тому, что оно легло в основу последующих трудов польских и западноевропейских гуманистов – М. Меховского, Э. Роттердамского, У. фон Гуттена, Г. Меркатора и др.

Ю.А. Лимоновым была продолжена работа по выявлению и исследованию не упомянутых М.Н. Тихомировым фрагментов труда Я. Длугоша, посвященных истории Руси, представленных в разных разделах хроники – начиная с географического введения и заканчивая актуальными для польского историка событиями, описанными в заключительных книгах. Также были определены особенности структуры материала, посвященного русской истории, указано на некоторые ошибки польского хрониста, наконец, проведен глубокий анализ ряда конкретных совпадений текстов хроники Длугоша и русских летописей (помимо Повести временных лет, также и более поздних западнорусских летописных источников)³⁸.

Определенный интерес представляет статья А.Л. Хорошкевич «Термины “Руссия” и “Московия” в 9–13 книгах “Анналов Польши” Яна Длугоша» (1976). Автор данной работы характери-

зует польского хрониста как “историка народов Центральной и Восточной Европы, в том числе и русского [народа]” и рассматривает его труд в качестве важного источника, позволяющего реконструировать историческую картину межэтнических взаимоотношений в регионе³⁹. Анализ использования Длугошем этногеографических и этнополитических терминов “Руссия” и “Московия”, по мнению А.Л. Хорошкевич, позволяет осуществить такую реконструкцию, поскольку их применение отражало “эволюцию взглядов Длугоша на место и значение России” в период образования единого Русского государства. Автор статьи приходит к несколько спорному, с нашей точки зрения, выводу о “рационализме Длугоша... в политико-этнографических взглядах на Россию”, основанном, в свою очередь, на приписываемых ему рационалистических критериях оценки родства восточноевропейских народов⁴⁰.

Б.Н. Флоря в работе “Русь и русские” в историко-политической концепции Яна Длугоша” рассматривает представленные на страницах хроники патриарха польской историографии толкования ключевых событий в истории Руси и русско-польских отношений в качестве важной составляющей экспансионистской внешнеполитической программы господствующего класса польского государства⁴¹. При этом Длугош характеризуется как “горячий поклонник” такой программы – акцент сделан на его стремлении любыми способами подчеркнуть исторические права своей страны на русские земли.

В качестве доказательства политической ангажированности хроники Я. Длугоша Б.Н. Флоря указывает на ряд фрагментов, где ориентация аргументации ее автора на политическую конъюнктуру не вызывает сомнений. Например, предложенное Длугошем новое толкование этногенеза восточных славян, которое основывалось на “признании” эпонима Руса “потомком” прародителя поляков Леха, а также его свидетельство об основании Киева “польским языческим князем Кием”, по мнению Б.Н. Флори, свидетельствовало о стремлении польского хрониста “дать историческое обоснование присоединения древнерусских земель к Польскому королевству как акта восстанавливающего древнюю связь между отдельными частями некогда единого народа”⁴². Б.Н. Флоря также обратил внимание на тот факт, что “вымышленные исторические примеры” Длугоша сыграли огромную роль и для усиления этноконфессионального противопоставления русских и поляков⁴³.

Проблематика отражения истории русского народа на страницах хроники Длугоша затрагивалась и в работах польских авторов – С. Гавласа, Б. Жентары, Е. Ключовского, Я. Раджишев-

ской, У. Борковской, А. Кяса, Ф. Щелицкого и др.⁴⁴ Однако польскую науку отношение Длугоша к русским интересовало наряду с восприятием этим историком других народов – чехов, литовцев, немцев. В связи с этим работы, специально посвященные нашему вопросу, были крайне немногочисленны.

Представления Меховского о русской истории, отчасти были охарактеризованы в упомянутой нами вступительной статье С. Аннинского к русскому переводу “Трактата о двух Сарматиях”. В послевоенный период исследования трудов этого польского историка были продолжены. В частности, А.И. Рогов характеризует сочинения Меховского как важнейший источник по истории Древней Руси, который был использован при написании хроники Стрыйковского и обладал при этом самостоятельным значением⁴⁵.

Ю.А. Лимонов в монографии “Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв.” отдельно рассматривает два основных труда Меховского. Характеризуя “Трактат о двух Сарматиях” в качестве источника знаний о Руси, этот автор обратил внимание на эпоху его появления, особенностью которой было начало прямого военного противостояния Польши и Москвы после битвы под Оршей 1514 г. Лимонов полагает, что данный труд Меховского призван был сыграть “определенную политическую роль”, а именно преследовал цель “обратить внимание Европы на Польшу и ее столкновение с Россией”⁴⁶.

Этими актуальными запросами Ю.А. Лимонов объясняет стремление польского автора показать не столько историю, сколько современное состояние “Сарматий”. Исторические и историко-этнографические известия о Руси, весьма скупо представленные в “Трактате”, Ю.А. Лимонов называет “вспомогательными” и считает их основной целью “дать историческую перспективу”⁴⁷. Фрагменты текста “Трактата”, отражающие русскую историю, подвергаются Ю.А. Лимоновым текстологическому анализу. Однако они сопоставляются не с русскими летописями, а с текстом хроники Длугоша, которым, по мнению Лимонова, непосредственно пользовался Меховский⁴⁸.

Оценка сведений о Руси, представленных Меховским на страницах “Трактата о двух Сарматиях”, содержится в одной из работ польского исследователя Л. Базылева⁴⁹. Этот автор относит “Трактат” к “польско-латинской политической литературе” и призывает задуматься о том, в какой степени содержащаяся в нем информация может свидетельствовать об адекватном восприятии России тогдашней Польшей.

С одной стороны, ценность этих сведений подвергается сомнению. Основанием для скептического отношения, по мнению

Базылева, является стремление Меховского не столько провести глубокое исследование славянского Востока, сколько вызвать публикацией своих сочинений “шум” в стране и за границей. Л. Базылев упрекает польского историка в том, что он, воспользовавшись острой потребностью просвещенной публики в информации о восточной части Европы, при написании своего сочинения не позаботился в должной степени о полноте и точности его содержания⁵⁰. Критикуя Меховского, Базылев ссылается на выводы своих современных польских коллег, нередко оценивавших отраженную в “Трактате о двух Сарматиях” информацию о Руси как “недостовверную”, “кишащую ошибками”, некритическую, а подход автора “почти дилетантским”⁵¹. При перечислении недостатков сочинения Меховского акцент сделан на перегруженность его работы “историческими выводами” в ущерб точности географического описания.

С другой стороны, Л. Базылев признает необходимость оценки сочинений польских писателей XVI в. как комплексных историко-географических трудов, полагая при этом, что восприятие действительности их авторами нельзя “идентифицировать с нынешним”. Поэтому дилетантизм и слабость фактической основы произведений польских историков, по мнению Л. Базылева, можно оправдать тем, “что в Польше Россией интересовались, что интерес отражался в конкретных, хотя и не всегда точных сведениях и что это получило соответствующий отклик за границей, где также нуждались в этой информации”⁵².

Второй труд Меховского, “Польская хроника”, менее изучен, нежели “Трактат о двух Сарматиях”. Единственным исследованием представлений об истории Руси, отраженных в этом произведении, является уже упомянутая нами монография Ю.А. Лимонова, автор которой применяет тот же метод, что и в отношении указанных нами выше сочинений – сопоставляет свидетельства Меховского по истории Руси с изложенными в хронике Длугоша сообщениями русских летописей, касающихся одних и тех же сюжетов. Лимонов оценивает содержащиеся в хронике Меховского фрагменты, посвященные описанию русской истории, как редкие, отрывочные и лаконичные по форме и признает их “полную и абсолютную” зависимость от хроники Длугоша⁵³. Однако, несмотря на характеристику этого сочинения как плохой компиляции, Ю.А. Лимонов обращает внимание на тот факт, что “именно через “Хронику Польши” Меховского европейский читатель познакомился с сочинениями Длугоша и русскими летописями», поскольку главный труд патриарха польской историографии в полном объеме не был опубликован вплоть до начала XVIII в.⁵⁴

Представлениям о русской истории, нашедшим отражение в “Хронике всего света” М. Бельского, уделяется внимание в статье А.И. Рогова (1967)⁵⁵. Исторический труд М. Бельского относится этим исследователем к числу тех зарубежных сочинений, которые “сразу прочно и надолго стали достоянием русской культуры”⁵⁶. Основанием для такой оценки является наличие в хронике материалов по русской истории, по вопросам происхождения Руси в связи с историей других восточноевропейских и прежде всего славянских народов. А.И. Рогов не проводит углубленного анализа содержания “Хроники всего света”, лишь упоминает и кратко представляет основные сюжетные линии, указывающие на интерес М. Бельского к прошлому Руси, а также устанавливает источники, которыми пользовался этот польский историк. По результатам обзора сделан вывод о том, что история России в сочинении М. Бельского рассматривается крайне неравномерно, внимание уделяется лишь отдельным вопросам, которые были в той или иной степени связаны с польской историей. А.И. Рогов также обращает внимание на то, что в высказываниях автора “Хроники всего света” “нет никакой вражды и неприязни к России и, наоборот, нередко проявляется симпатия к ней, смягчаются слишком резкие отзывы и оценки по сравнению с источниками, которыми пользовался Бельский”⁵⁷.

Особое значение материалов по русской истории подчеркивает также и исследователь русских переводов этого произведения Н.А. Казакова⁵⁸, указавшая на использование этих сведений при создании ряда крупных и важных памятников отечественной историографии XVI–XVII вв., в том числе русских хронографов, “Синописа” и “Скифской истории” А. Лызлова⁵⁹.

Исторические сведения по истории Руси, нашедшие отражение в хронике Стрыйковского, были исследованы А.И. Роговым в монографии “Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения” (1966). А.И. Рогов считает наиболее перспективным тот аспект интереса историков к хронике Стрыйковского, который позволяет рассмотреть это сочинение не столько как исторический источник (далеко не безупречный, если исходить из современных требований к достоверности исторического повествования), сколько в качестве “произведения польской исторической мысли эпохи Возрождения, с такими характерными для нее чертами, как интерес к античности и гуманистическим идеям”⁶⁰, а также как “замечательный памятник славянского единства”⁶¹.

Одну из глав своей монографии А.И. Рогов посвящает известиям Стрыйковского по истории Киевской Руси. Эти известия представляются не как плод собственных поисков автора хроники, а как результат восприятия Стрыйковским достижений его

предшественников – прежде всего Длугоша, свидетельства которого были использованы, как показано в исследовании, через посредничество трудов Меховского⁶², а также Кромера⁶³. А.И. Рогов проводит детальный текстологический анализ отдельных фрагментов хроники Стрыйковского, посвященных описанию истории Киевской Руси, а также сопоставляет известия русских летописей с последующими их рецепциями в сочинениях Длугоша и Меховского, трудами которых и воспользовался Стрыйковский. При этом неизбежная потеря содержательной новизны в тексте этого источника для исследователя компенсируется научным интересом к авторской позиции, проявляющейся в процессе интерпретации заимствуемой информации в виде “тенденциозности и искажения исторических сведений”⁶⁴. В этой ситуации в центре внимания ученого оказывается авторская переработка исторического материала, что, по мнению А.И. Рогова, позволяет современному исследователю “проследить судьбу древнерусского культурного наследия... со следами приспособления к новым условиям времени и места”, иными словами, разобраться в особенностях определенной культурной среды, под воздействием которой возникает и корректируется исторический образ Руси⁶⁵.

Интерес Стрыйковского к истории восточного славянства, как полагает Рогов, свидетельствовал о самых оживленных связях польской и русской историографии. Этому исследователю удалось показать, что такие связи не ограничились эпохой, современной автору хроники, и на протяжении столетий трактовка русской истории была востребована не столько в Польше, сколько в восточнославянской интеллектуальной среде. Роговым проделана огромная работа по выявлению масштабов рецепции исторических представлений Стрыйковского в русской и украинской историографии XVII в., осуществлявшейся посредством переводов его труда на русский язык, а также путем прямых заимствований целых фрагментов хроники Стрыйковского восточнославянскими авторами исторических сочинений.

В 90-е годы XX в. в изучении нашей темы большую роль сыграло обновление методологических подходов. Для этого импульсом послужила развернувшаяся на страницах ряда периодических изданий научная дискуссия о критериях достоверности историографической рефлексии как таковой, в ходе которой целый ряд авторитетных отечественных и зарубежных авторов указали на существенную роль мифологического элемента в историческом повествовании⁶⁶.

При этом выявились серьезные расхождения в оценках феномена исторического (историографического) мифа “чистыми” историками и историками историографии. Первые мифологизацию

истории склонны воспринимать в большей степени как показатель кризиса современной отечественной исторической науки, на что в свое время указал А.П. Новосельцев⁶⁷. В одной из своих статей этот автор применил негативно окрашенный маркер “миф истории” для характеристики таких суждений историков, которые отличаются произвольностью, противоречат “научным доводам”, конъюнктурно обусловлены и, в конечном итоге, опираются лишь на “авторитет звания” своих создателей. На примере критики мифологемы происхождения Руси, в свое время сконструированной под видом научной гипотезы академиком Б.А. Рыбаковым, А.П. Новосельцев продемонстрировал пагубность введения в научный оборот порожденных фантазией построений. Он призвал приверженцев подлинно научного подхода преодолеть зависимость от историографических мифов и заниматься изучением истории исключительно с опорой на данные источников.

Вместе с тем самим фактом признания существования исторических мифов для историков историографии была открыта новая и в какой-то степени непривычная исследовательская перспектива – так как именно в сфере их научной компетенции оказалось выявление и изучение мифологем, в силу объективных и субъективных причин то и дело возникавших на различных этапах развития исторического знания.

По мнению ряда авторитетных ученых, на теоретическом и практическом уровнях обращавшихся к исследованию исторической мифологии, представления такого рода следует изучать только в широком культурном контексте породившей их эпохи. В качестве примера применения данного комплексного “историко-культурного” методологического подхода можно отметить исследования петербургского слависта А.С. Мыльникова. Этот ученый обратился к изучению нашедших отражение в памятниках исторической мысли различных народов Европы мифологем славянского этногенеза, которые были введены им в научный оборот в качестве полноценного историографического источника, носителя значимой для историка исторической науки информации. А.С. Мыльников выделяет три разновидности этногенетических мифов: “мифологемы общих первопредков”, “мифологемы этнического пространства” и “мифологемы времени дифференциации славянской суперэтнической общности”⁶⁸. Проанализировав мнения европейских и отечественных историков, так или иначе обращавшихся к интерпретации сюжета ранней истории славянских народов, исследователь приходит к выводу о том, что их суждения представляют собой историографические мифы литературного происхождения, которые под видом протогипотез “на какое-то время становились фактом науки”. По мнению А.С. Мыльникова,

подобного рода ученые “теории” были достаточно функциональны и играли двоякую роль – с одной стороны, они отражали уровень, динамику и степень глубины этнического самосознания создававших их народов, а с другой – были частью многопланового и многоаспектного процесса движения исторической мысли от мифологического к научному осмыслению прошлого народов⁶⁹.

Представления польских средневековых и ренессансных авторов об истории Руси (прежде всего о ее раннем, “легендарном” этапе) привлекли внимание А.С. Мыльникова наряду со свидетельствами представителей других национальных традиций – чешской, немецкой, итальянской, шведской, собственно русской. Исследователь обращает внимание на содержащиеся в легендарных сюжетах сведения, которые позволяют получить представление об актуальном “статусе” восточных славян (русских и “московитов”) в этноисторической картине мира, представленной в конкретной работе конкретного историографа, исходя из его личных предпочтений и запросов эпохи. Ценность этого подхода, по нашему мнению, состоит в том, что изучение исторических мифологем, при условии дальнейшего совершенствования предложенной А.С. Мыльниковым специальной методологии, позволяет получить доступ к огромному пласту исторической информации, прежде игнорировавшейся учеными⁷⁰.

Подводя итог предпринятому нами обзору традиции исследования представлений польских ренессансных хронистов об истории Руси, мы позволим себе сделать ряд обобщающих заключений.

Следует отметить огромный интерес отечественных ученых к наследию польских средневековых и ренессансных авторов, обращавшихся к осмыслению исторического образа России, а также достаточно высокую интенсивность исследований данной проблематики, проводившихся в нашей стране на протяжении последних пяти десятилетий. Заметим, что подобных специальных научных разработок в последнее время практически не проводилось за рубежом, в том числе и в Польше, несмотря на то, что в целом изучению традиции исторических представлений позднего средневековья и эпохи Возрождения польская наука уделяла и уделяет большое внимание⁷¹.

Можно констатировать наличие двух взаимодополняющих подходов к изучению нашего вопроса. С одной стороны, важную роль сыграли исследования польских исторических хроник как источников, содержавших заимствования из русских летописных памятников. Подобный “текстологический” подход позволил разобраться в структуре представлений о прошлом Руси, выявить приоритеты ряда польских историков, взаимные связи между различными источниками, определить степень и характер их вли-

яния друг на друга. С другой стороны, в исследовательской традиции был представлен более широкий по охвату проблематики “культурологический” подход, в рамках которого исследователи получили возможность рассмотреть историографический источник в контексте породившей его интеллектуальной культуры, а также специфической социально-политической ситуации, требовавшей от историка гибкости и ориентации на конъюнктуру в трактовке тех или иных событий прошлого.

Вместе с тем следует обратить внимание на неравномерность исследования интересующей нас проблематики, которая проявляется как в избирательном изучении наследия отдельных историков, так и историографической традиции в целом. Например, труды Длугоша, Меховского и Стрыйковского, содержащие сведения по истории Руси, изучены крайне однобоко. При глубочайшей проработке фрагментов, посвященных отражению в этих источниках истории Киевской Руси, в меньшей степени изучен мощнейший пласт сведений о легендарной истории. Также отметим, что представления ряда польских авторов о прошлом Руси исследовались отечественными учеными крайне поверхностно (М. Бельский), а некоторые авторские концепции вовсе были обойдены вниманием (Кромер, Сарницкий и Гваньини).

Таким образом, в исследовании вопроса формирования исторического образа Руси в польской хронографии конца XV – начала XVII в. очевидны как безусловные достижения, так наличие неосвоенных еще пластов научного материала. В этой связи мы полагаем крайне перспективным проведение комплексных обобщающих исследований, посвященных истории польской историографии, а также изучение отдельных авторских концепций истории Руси. При этом едва ли может вызвать сомнение сама актуальность работы в предложенном направлении, поскольку расширение научных знаний в сфере данной проблематики не только обогащает наши знания по истории исторической науки, но и позволяет проследить эволюцию представлений о России, сложившихся на столь важной стадии формирования европейской идентичности, каковой является эпоха Возрождения.

¹ Сахаров А.Н. О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // История и историки, 2002: историограф. вестник. М., 2002. С. 7.

² Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 103–109.

³ Kronika // Encyklopedia wiedzy o książce. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1971. S. 1244.

⁴ Авторского названия хроники в созданных при жизни Длугоша списках не сохранилось. Исследователи ориентируются на один из более поздних списков,

- относящийся к XVI в., в антефолиум которого включен текст, признаваемый рядом специалистов авторской редакцией названия хроники “*Annales seu Cronice incliti Regni Polonie, opera venerabilis domini Johannis Longini [...]*”. См.: *Jana Długosza Roczniki Sławnego Królestwa Polskiego*. Warszawa, 1961. Ks. 1–2. S. 10–11.
- ⁵ Опубликовано под названием: “*Kronika, to jest Historyja świata [...]*”.
- ⁶ Так называемая “*иоахимова*” редакция была опубликована под названием “*Kronika Polska, Marcina Bieskiego. Nowo przez Joach. Bielskiego syna jego wydana [...]*” и представляла собой выборку из третьей редакции “*Хроники всего света*” тех фрагментов, которые были посвящены описанию преимущественно польской истории.
- ⁷ *Bielski M. Kronika wszytkego świata [...] Kraków, 1551. L. 165v–166.*
- ⁸ *Ibid. L. 154–160v.*
- ⁹ *Ibid. L. 63–63v, 79v–80.*
- ¹⁰ *Bielski M. Kronika, to jest Historyja świata [...] Kraków, 1564. L. 426–440.*
- ¹¹ О принадлежности авторских прав на это произведение в научном мире и по сей день не стихают споры. Некоторые исследователи склонны обвинять Гваньини в полном или частичном плагиате, который стал возможен из-за якобы имевшей место кражи текста рукописи хроники у М. Стрыйковского, который находился в подчинении А. Гваньини в Витебске.
- ¹² Труд Гваньини приобрел огромную популярность, сопоставимую с популярностью “*Трактата о двух Сарматиях*” Меховского или описания Московии С. Герберштейна. Оригинальный латинский текст “*Описания Европейской Сарматии*” был переиздан трижды – в 1581, 1582 и 1584 гг.; в числе переводов отметим перевод на чешский язык (опубликован в 1590 и 1602 гг. в сокращенной редакции), а также публикации немецкого (1582 г., сокращенная редакция), итальянского (1583 и 1606 гг.) и польского (1611 г.) переводов.
- ¹³ См.: *Меховский М. Трактаат о двух Сарматиях / введ., пер., коммент. С.А. Аннинского. М.; Л., 1936.*
- ¹⁴ См.: *Гваньини А. Описание Московии / введ., пер., коммент. Г.Г. Козловой. М., 1997.*
- ¹⁵ *Рогов А.И. Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 145–157.*
- ¹⁶ Подробнее об этом см.: *Maślanka J. Słowiańskie mity historyczne w literaturze polskiego Oświecenia. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.*
- ¹⁷ Подробнее об этом см.: *Умбрашко К.Б. М.Т. Каченовский и “скептическая школа” об особенностях истории России. Новосибирск, 2001. С. 185–201.*
- ¹⁸ *Estreicher K. Bibliografia polska. Krakow, 1870–2000. Т. 1–34.*
- ¹⁹ *Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: библиогр. материалы. СПб., 1903.*
- ²⁰ *Пташицкий С. Западно-русские переводы хроник Бельского и Стрыйковского: библиогр. заметки // Новый сборник статей по славяноведению. СПб., 1905.*
- ²¹ *Ulewicz T. Sarmacja: Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950.*
- ²² Цит. по: *Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997. С. 92.*
- ²³ Там же. С. 93.
- ²⁴ Там же. С. 94.
- ²⁵ *Неедлы З. К истории славяноведения до XVIII в. // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 86.*

- 26 Исследования в интересующем нас направлении одновременно проводились отечественными и польскими учеными. При этом, несмотря на то, что каждая историческая школа сохраняла своеобразие в исследовательских подходах, значительно интенсивнее, нежели прежде, развивалась советско-польская научная кооперация, плодами которой явились публикации результатов исследований советских историков в Польше, а польских – в СССР, участие в международных съездах славистов, наконец, создание постоянно действующей совместной комиссии историков двух стран.
- 27 *Робинсон А.Н.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский: вопр. лит.-ист. типологии. М., 1963.
- 28 Там же. С. 85.
- 29 Там же. С. 87.
- 30 Там же. С. 102.
- 31 Там же. С. 103.
- 32 Там же. С. 106.
- 33 *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XII–XVII вв.). М., 1973. С. 21–22.
- 34 Там же. С. 212.
- 35 Там же. С. 24.
- 36 *Тихомиров М.Н.* Русский летописец в “Истории Польши” Яна Длугоша // Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
- 37 *Лимонов Ю.А.* Польский хронист Ян Длугош о России // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 263.
- 38 *Лимонов Ю.А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С. 6–96.
- 39 *Хорошкевич А.Л.* Термины “Руссия” и “Московия” в 9-13 книгах “Анналов Польши” Яна Длугоша // “Cultus et cognitio”: studia z dziejów średniowiecznej kultury. Warszawa, 1976. S. 203–204.
- 40 *Ibid.* S. 208.
- 41 *Флоря Б.Н.* Русь и “русские” в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи: этнопсихологические стереотипы в Средние века. М., 1990. С. 16–17.
- 42 Там же. С. 23.
- 43 *Флоря Б.Н.* Самосознание польской народности в XV в. // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 63–65.
- 44 *Gawlas S.* Świadomość narodowa Jana Długosza // *Studia źródłoznawcze*. 27: 1983; *Borkowska U.* Historiograficzne poglądy Jana Długosza // *Długossiana: studia historyczne w pięćsetlecie śmierci Jana Długosza*. Warszawa; Kraków, 1985; *Kijas A.* Nowogród Wielki w Rocznikach Jana Długosza // *Europa Orientalis: Polska i jej wschodni sąsiedzi od średniowiecza po współczesność*. Toruń, 1996; *Kłoczowski J.* Polacy i cudzoziemcy w XV wieku // *Swoiskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej*. Warszawa, 1973; *Radziszewska J.* W sprawie korzystania przez Długosza z “Powieści minionych lat” // *Ziemia Częstochowska* 14: 1984; *Sielicki F.* Jan Długosz i latopisy ruskie // *Opuscula Polonica et Russica*. 5: 1997; *Zientara B.* Cudzoziemcy w Polsce // *Swoiskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej*. Warszawa, 1973.
- 45 *Рогов А.И.* Известия по истории Киевской Руси в хронике Мацея Стрыйковского и их источники // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1964. Вып. 42. С. 54–55.
- 46 *Лимонов Ю.А.* Культурные связи... С. 100–101.
- 47 Там же. С. 102.
- 48 Там же. С. 109.

- 49 *Базылев Л.* Россия в польско-латинской политической литературе XVI в. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 132–156.
- 50 Там же. С. 134–135.
- 51 Там же. С. 137–138.
- 52 Там же. С. 141.
- 53 *Лимонов Ю.А.* Культурные связи... С. 112.
- 54 Там же. С. 110.
- 55 *Рогов А.И.* Известия по истории России в “Хронике всего света” Мартина Бельского // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 123–133.
- 56 Там же. С. 123.
- 57 Там же. С. 133.
- 58 *Казакова Н.А.* Полные списки русского перевода “Хроники всего света” Мартина Бельского // Археографический ежегодник за 1980 г. М., 1981. С. 92–96.
- 59 *Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв.: из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 227–256.
- 60 *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: Стрыйковский и его хроника. М., 1966. С. 13.
- 61 Там же. С. 19.
- 62 Там же. С. 36, 38–40.
- 63 Там же. С. 40–41.
- 64 Там же. С. 258.
- 65 Там же. С. 307–308.
- 66 *Maternicki J.* Mitologizacja i demitologizacja historii: Z rozważań nad charakterem i społeczną funkcją historiografii oraz edukacji historycznej // Przegląd Humanistyczny. 1989. № 3; *Тржешттик Д.* Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция // Studia Balcanica. София, 1991. Т. 20: Раннефеодальные славянские государства и народности; *Grabski A.F.* Czy historiografie można uwolnić od mitów? // Przegląd Humanistyczny. 1996. № 1; *Утченко С.Л.* Факт и миф в истории // Вестник древней истории. 1998. № 4.
- 67 *Новосельцев А.П.* “Мир истории” или миф истории // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 23.
- 68 *Мыльников А.С.* Мифологемы славянского этногенеза XVI – начала XVIII в.: концепт. аспект проблемы // Славяне и их соседи. М., 1998. Вып. 8: Имперская идея в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. С. 98.
- 69 Там же. С. 105.
- 70 Говоря об эволюции и перспективах данного исследовательского направления, автор настоящего очерка обращается к результатам собственных научных поисков, которые осуществлялись в тесной кооперации с А.С. Мыльниковым на протяжении последнего десятилетия. См., например: *Карнаухов Д.В.* Польская хронография XVI века о происхождении восточных славян // Межславянские взаимоотношения и связи: Средние века – раннее Новое время. М., 1999. С. 59–62; *Карнаухов Д.В.* Мифологема происхождения восточных славян в интерпретации польской просвещенной элиты XVI в. // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 61–78.
- 71 Во второй половине XX в. были опубликованы несколько обобщающих исследований по истории польской исторической науки позднего Средневековья и эпохи Возрождения. См., например: *Potian K.* Historia między gytoryką i teologią: Niektóre problemy myśli historycznej doby Odrodzenia i Reformacji // Odrodzenie i reformacja w Polsce. 9: 1964; *Dąbrowski J.* Dawne dziejopisarstwo polskie. Wrocław, 1964; *Barycz H.* Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego: Studia nad historiografią w. XVI–XVIII. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981; *Dziuba A.* Wczesnorennesansowa historiografia polsko-łacińska. Lublin, 2000.

**ВЕРОИСПОВЕДНАЯ ПОЛИТИКА
РУССКОГО “ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА”:
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ**

В качестве предпосылок исследования укажем на историографические работы, имеющие, впрочем, косвенное отношение к теме: они создавались с иными целями, свои ограничения налагало и время¹. Историографическому аспекту вероисповедной политики “просвещенного абсолютизма” уделяли внимание многие исследователи, но их наблюдения над литературой рассеяны в десятках их трудов. Наша задача состоит в том, чтобы, подытожив ранее высказанные замечания и дав оценку произведениям, до сего дня выпадавшим из поля зрения историографии, воссоздать процесс движения исторической мысли в интересующей нас области.

Полемическая литература последней трети XVIII – начала XIX в.

Начало ей положил Вольтер, выступивший в 60-е годы XVIII в. защитником прав некаатоликов Польши. Политика России в “диссидентском вопросе” вызвала его полнейшее одобрение². Свой интерес был и у русского переводчика Вольтера: «“Опыт” сей... превесьма того достоин, чтоб ему находиться в предложении на наш язык», поскольку “небольшая сия тетрадь, сочиненная в превосходнейшую пользу Греческого Православия перед Римскою Церковию и в толикую же славу и хвалу Самодержицы нашей, Великой, Премудрой, Августейшей Государыни Императрицы, Прещедрой Екатерины II”, доказывает правоту монархини в деле “диссидентов”³.

С 1773 г. в русско-папских отношениях кризисный характер приобрел вопрос об иезуитах. Папская сторона настаивала на незаконности действий Екатерины II, защитившей орден в России от роспуска. Белорусские иезуиты – “виновники” кризиса апеллировали к мнению Европы. Их аргументами в защиту безупречности своих институций в России были принципы суверенитета “императрицы Всех русских” и верноподданства⁴. Папство в ответ дало санкцию на подготовку жизнеописаний Екатерины II, Павла I, Пия VI, где сюжет об иезуитах освещался ультрамонтански⁵.

Продвижение России в Закавказье в 80-е годы XVIII в. привело ее к новым столкновениям с Римом, опасавшимся за судьбы

унии в регионе и тенденциозно трактовавшим отношения России с армяно-григорианской церковью (далее АГЦ)⁶.

События 3 мая 1791 г. в Польше побудили посла Я.И. Булгакова выступить с разоблачениями “подлостей варшавских бунтовщиков” перед “просвещенной Европой”. Движущей силой польского конституционализма он считал “фанатизм сих разъяренных мятежников”, подогретый решениями Четырехлетнего сейма по вопросам религии антиправославной кампанией 1789 г. и следствием над епископом Виктором (Садковским). Все это было заклеено как “самовластная инквизиция”⁷. Екатерина II в конце жизни также задумывалась об историческом обосновании своей позиции в “диссидентском вопросе”. Во исполнение ее поручения правота русских венценосцев защищалась буквой “Вечного мира”⁸.

Вопрос об отношении к (православному) государству был острейшим в мусульманской традиции Урало-Поволжья⁹. Однако известнейшие памятники “Тауарих Булгарийа” и “Тарих Намэ-и Булгар”, образчики дервишеской, “с т а р о т а т а р с к о й (разрядка авт. – А.Р.) клерикальной историографии периода ее глубочайшего упадка”, его обошли¹⁰. Ш. Марджани упоминал о сочинениях мулл Азама ибн Абу ар-Рахмана Тануки, Зейна ал-Абдил ибн Абдел-Карима, Салимджана ибн Дусмухаммада о жизни “под пятой иноверцев”¹¹. Свое наследие оставили и слышавшие еретиками литераторы и богословы Абу Наср ал-Курсави и Утыз-Имяни (Абд Ар-Рахим бин Усман ал-Булгари). Утыз-Имяни, адепт суфизма и “чистого” ислама, противник и престоноардных форм, и правительственных институтов религии – Оренбургского магометанского духовного собрания (далее ОМДС), духовных штатов мусульман, отстаивал добровольную бытовую и политическую сегрегацию татар. Это делало его врагом и муфтия ОМДС М. Хусейнова, выдвигенца Екатерины II, и духовенства ОМДС¹². Однако конец XVIII в. в мусульманской литературе Урало-Поволжья отмечен и противоположной тенденцией: под влиянием ОМДС в “старотатарские летописи” вносится дух лояльности¹³.

Общественное сознание и наука середины XIX – начала XX в.

Русская общественная и церковная мысль. Если ранее развитие литературы было связано с политическими интересами самодержавия в Европе (в отношениях с Турцией, соответственно, с исламом был также силен европейский подтекст), то в пореформенную и революционную эпоху ее двигателем становятся потребности общественного сознания России. Одной из них отвеча-

ла критика папского универсализма. Д.А. Толстой конфликт между папами и Екатериной II толковал односторонне, с официозных монархических позиций. Вместе с тем его главный труд был призван раскрыть позицию Рима в Польше, разоблачить его извечные униональные цели и обосновать идею автономного, как в Утрехтской церкви или галликанстве, русского католичества¹⁴. “Превосходная книга графа Толстого открыла нам *terram incognitam* наших отношений к латинской церкви”, – отозвался Ю.Ф. Самарин, ведший свою борьбу с филокатоликами, но поддержавший Д.А. Толстого в неприятии папского политиканства. “Систему Екатерины II” выдающийся славянофил видел в том, чтобы, “не касаясь догматов, состояния, предмета веры, локализовать в пределах империи латинскую церковную администрацию как предмет не внешней политики, а внутреннего, государственного управления (здесь и далее курсив авт. – А.Р.)... Это была схизма, первый, приговорительный шаг к отторжению латинства от папизма, а того-то именно и хотела мудрая Екатерина”. “Приручение” иезуитов лишило “латинство” силы на Руси. Мудрым был и выбор помощника: архиепископ-митрополит С. Сестрэнцевич “в делах управления латинской Церкви был для Екатерины II то же, что Суворов и Румянцев по военной части, Потемкин по делам восточной политики”¹⁵.

Польское восстание 1863 г. стало знаковым событием и для М.О. Кояловича. Оно убедило его в верности концепции о единой русской православной народности, противостоящей “латинству” и “польщизне”. Отсюда история унии виделась ему историей борьбы народа с унией, а Россия – главной национальной силой в этой борьбе¹⁶. Уния, по Кояловичу, явление несамостоятельное, раздираемое православно-русским и латино-польским направлениями в ней, заслуга же Екатерины II состояла в освобождении именно здоровых православных сил¹⁷. К этой теории примыкали М.Я. Симашкевич¹⁸ и историки “диссидентского вопроса” С.Ф. Иваницкий (после Октября воспринял марксистскую трактовку православных движений Правобережной Украины¹⁹) и В.А. Беднов²⁰. Взгляды М.О. Кояловича повлияли и на советских историков Я.П. Мараша²¹ и Т.Б. Блинову²². Сам автор адресовывал свою концепцию администрации, дезориентированной событиями 1863 г. Цель в известной мере была достигнута: идею укрепления “национально-русского элемента” в Западном крае горячо принял М.Н. Муравьев.

Читающая Россия быстро, несмотря на цензурные ограничения, усвоила взгляды Д.А. Толстого, Ю.Ф. Самарина, М.О. Кояловича. Под их влиянием, усугубленным шоком от восстания 1863 г., возникла официально-клерикальная тенденция критики

католичества и унии применительно к истории территорий Древней Руси²³. Позже, особенно перед “Великой войной”, подобная критика приобрела и более конкретную цель: “разоблачить” Велеградское движение²⁴.

Накануне войны с герmanoфобских позиций поднималась тема недостаточной “защиты православия” в Остзейском крае в Новое время²⁵. Что же касается еврейского вопроса, то официальный до 1905 г. повторял идеи о реформе управления иудейским исповеданием, переводе евреев в производительный сектор, объясняя актуальность подобных преобразований “паразитизмом” евреев в экономике²⁶. В целом религиозный либерализм Екатерины II трактовался как результат поверхностного увлечения ее Просвещением (большого по цензурным и особенно по верноподданническим соображениям сказать было нельзя). Религиозные аспекты проекта шведского брака великой княжны Александры Павловны освещались в официальной литературе фактографически²⁷. В изучении единоверия превалировал охранительный подход²⁸.

Оживление общества эпохи “Великих реформ” повысило интерес публики к жизни Церкви, в том числе к миссионерскому делу. В печати живо обсуждалась дилемма работы миссии: русская грамота и русификация или же переводы на арабскую графику и приспособление христианства к “татаро-магометанскому” мирозерцанию? Основатель миссионерской школы Н.И. Ильминский считал, что из-за несовпадения структур мышления между мировыми религиями, с одной стороны, и между христианством и языковыми системами “иностранческих” этносов, с другой, создать для последних аутентичные христианские тексты нельзя. В итоге он надеялся на развитие в иноэтничной среде православного чувства и русского просвещения²⁹. Иезуиты в Китае шли, как известно, по иному пути – иероглифика, симбиоз Евангелия и конфуцианства. Опыт иезуитов рассмотрел иеромонах Николай (П.С. Адоратский)³⁰. Его диссертация, отмеченная П.В. Знаменским, также оказалась на острие споров. Миссия в Китае оценивалась им с позиции Церкви: православные клирики выполняли долг, чуждаясь уловок иезуитов³¹.

Тяжелой болезнью миссионерской школы стало сближение с реакционным официозом, преувеличение опасностей, якобы исходивших от неправославия и старообрядчества (рассадником подобных взглядов было миссионерское отделение Казанской духовной академии³²). Так, у Е. Воронца ислам выступал “элементом противогосударственным”, муфтият был обязан своим возникновением религиозному индифферентизму Екатерины II, ламаистская церковь – “козням немецкой партии”, взявшей верх

после Петра I³³. Сквозь призму борьбы с иехристианством рассматривали историю миссии и другие авторы³⁴. “Исламского” либерализма Екатерины II “миссионеры” не принимали³⁵. Далеки они были и от мягкой трактовки единоверия³⁶. Но оголтелые “зажигательные статьи и брошюры” Е. Воронца вызывали симпатии отнюдь не всех идейных наследников Н.И. Ильминского³⁷.

Отторжение униатства, апология монаршей веротерпимости в сочетании с официозом разной степени были свойственны и многим неправославным авторам. Издания Лазаревского института утверждали: АГЦ по воле провидения обрела защиту в лице императоров, ее клир имеет те же права, что и православный³⁸. Г.А. Эзов (Эзоян) считал основной заслугой АГЦ переход под патронат Екатерины II³⁹, в этом же смысл деятельности архиепископа Иосифа Аргутинского усматривал армянский историк-классик Лео⁴⁰. С точки зрения евреев-монархистов, с конца XVIII в. императорская власть стала для них воплощением порядка в беспорядке⁴¹. Заседатель караимского Таврического и Одесского духовного правления З.А. Фиркович, монархист и юдофоб, призывал соплеменников к “полному общественному и гражданскому слиянию с коренными русскими”, высоко оценивая основу этого – законы Екатерины II⁴². Глашатаями лояльности стали хронисты бурят шуленга В. Юмсунов и тайша Т. Тобоев (у них много данных об участии властей в судьбах ламаизма), и лама Очиров, автор биографии главы буддистов Д.-Д. Заяева, отмеченного Екатериной II⁴³.

Пореформенный подъем вызвал к жизни и направление, не вполне отвечавшее духу церковного официоза. Штатную политику абсолютизма изучал адепт “позитивной науки” П.В. Знаменский⁴⁴. Однако в социальной истории позиции позитивизма уязвимы. П.В. Знаменский не стал исключением: закон и жизнь оказались у него отождествленными⁴⁵, соответственно, подоплека секуляризации – незамеченной. Меры Екатерины II в отношении прихода он считал продолжением мер Петра I, их следствием – “упадок” прихода (отмену самоуправления) в XVIII в. “Упадок” живописался и в этнографических работах⁴⁶.

Развитие отношений Церкви и государства церковные либералы ставили в зависимость от рецепции просветительства: “галломания”, “вольтерьянство” навязали власти ложного врага – “клерикализм”, и лишь крах “старого режима” заставил Екатерину II задуматься о пользе Церкви для охраны порядка⁴⁷.

Церковные либералы, историки и правоведа-канонисты занимались и вопросом об обер-прокуратуре. Одни видели в ней конфликт между “личным” и “коллегиальным”, завершившийся в XIX в. победой первого, другие справедливо возражали: обер-

прокурорский надзор нес в себе “юридизм” Просвещения, всевластие же обер-прокуроров – черта более позднего режима⁴⁸. В XVIII в. государство преобразовывалось из “вотчинного” в “так называемое полицейское, или полицейско-правовое”, и церковная сфера не была исключением. “Начала права Вселенской церкви, на которых должно стоять и действовать по Регламенту, по современному законодательству и по своему положению присутствии Св. Синода, вполне согласны с принципами *правомерного* (правового. – *A.P.*) государства, как они понимаются в современной науке государственного права и выражаются в законодательстве цивилизованных государств...” Понимать историю Синода надо “в *юридической конструкции*”, т.е. “в связи с историческим в Европе и в России развитием в XVIII и XIX вв. начал государственоведения... касательно отношений между государством и церковью”⁴⁹. Эти начала, обусловленные рецепцией системы территориализма, вели к секуляризации и веротерпимости⁵⁰. “Просвещенным” властям отводилась решающая роль в утверждении толерантности: “ослабление... фанатизма и установление более терпимых отношений шли от правительства гражданского, а не священноначалия”⁵¹.

Церковные либералы предложили и историческое понимание веротерпимости. В эволюции церковно-государственных отношений они различали две стадии. Первая – государство, “ставшее из конфессионального неконфессиональным”, “невероисповедным”, т.е. придерживающееся паритетного (равного) отношения к исповеданиям – с точки зрения закона все они равны, принадлежность к любому не составляет гражданской выгоды (невыгоды), перемена исповедания свободна и является частным делом. Паритетное государство и считается веротерпимым: оно обеспечивает всем исповеданиям свободу культа и распространяет на них свои верховные права (это вытекает из системы территориализма).

Вторая стадия – “культурное государство”: наряду с паритетностью введен светский брак, отменено государственное религиозное образование, религиозные организации существуют на правах объединений граждан, в чью деятельность, если она не нарушает закона и порядка, власть не вмешивается. Все это означает господство “свободы совести”. Но возможно оно лишь там, где история начинается “заново” – в революционной (до Термидора) Франции, в США. В России и Европе из-за влияния естественного права возможны только веротерпимые государства. Отсюда XVIII в. в России и Европе в равной мере охвачен понятием “просвещенного абсолютизма”⁵².

Представлялось, что идея веротерпимости на пути от Шефтсбери и Толланда к энциклопедистам прошла несколько стадий:

1) терпимость мнений вследствие развития сектантства в Новое время; 2) просветительство, борьба со схоластикой; 3) война с привилегиями папства (феброниянство, закрытие нунциатур, реформа монашества). В XVIII в. веротерпимость господствовала в умах “правительствующих лиц”⁵³. Россия при Екатерине II не стала исключением, особенно же повезло “расколу старообрядства”⁵⁴. От церковной ортодоксии либералы были далеки и при изучении мер монархии по реэмиграции старообрядцев и насаждению единоверия в 80–90-е годы XVIII в.⁵⁵

Секуляризация в понимании церковных либералов носила фискальный характер⁵⁶. После нее церковные вопросы не решались без абсолютизма, отводившего Церкви лишь роль проводника своей идеологии, что показала Уложенная комиссия⁵⁷. Русская иерархия “не усвоила папистических идей и не знала систематического клерикализма”. Но в войне с ложным противником “регламентация... и администрация чиновничества всюду стали убивать живую личность, каковой без сомнения может быть архиерей как местный деятель и член собора под председательством патриарха”, и, как результат, к концу XVIII в. иерархия в ее живом, церковном значении вымерла, ее вытеснили “казенные люди”, архиереи-функционеры⁵⁸.

Канун 1917 г. ознаменовался выходом подлинного компендиума церковного либерализма, посвященного екатерининской эпохе, по определению воплотившей в себе (к ущербу Церкви) торжество просветительства⁵⁹. В своем капитальном исследовании Б.В. Титлинов наметил эволюцию монархии от “элементов прагматической веротерпимости” при бироновщине (патронат над “латышскими мужиками” и евреями, “рациональное” использование беглых староверов, свобода западного христианства), которую он вслед за Е.П. Карновичем не истолковывал негативно⁶⁰, к “просвещенному абсолютизму”. В изучении историко-церковных сюжетов Б.В. Титлинов активно пользовался трудами предшественников (Н. Невзорова, П.С. Казанского, И.М. Покровского, К.В. Харламповича и др.), унаследовав от них и преувеличенное внимание к факту, и неумение понимать причинно-следственные связи. Это было начало дрейфа методологии либерализма, приведшего самого историка вскоре к обновленцам (“живоцерковцам”), а затем и к школе М.Н. Покровского⁶¹.

После 1917 г. либеральные подходы были развиты эмигрантской историографией. Они резюмированы в грандиозном труде И.К. Смолича⁶². Но подлинным событием стала все же книга А.В. Карташева, оказавшая серьезнейшее влияние на западную историографию. Историк придерживался воззрений в духе русской религиозной философии и позднего евразийства, проникну-

тых ненавистью к марксизму, “лгущей классовой историософии”. Движущей силой преобразований Церкви он считал “западные”, “антитеократические” замыслы Петра I и Екатерины II⁶³.

Ведомственная (“полицейская”) литература развивалась в связи с перманентной кодификацией законов 50–90-х годов XIX в. Материалы по XVIII в. включались в обзоры законодательства, предназначавшиеся для чиновников МВД, занятых в исповедном надзоре⁶⁴. Глубоких наблюдений в этой литературе было немного. Использование Екатериной II татарских мулл в Степи “полицейские” авторы считали верным: это обеспечило там мир. Однако «“киргизы” (казахи. – А.Р.) под татарским руководством стали мирным, но... чуждым России мусульманским народом...», из-за чего позже возникли трудности⁶⁵. Специалисты МВД отдавали себе отчет, что шариату чуждо положение мулл как особого сословия “с правами и обязанностями”, установленное при Екатерине II, и лучше других понимали неизбежность вытекающих отсюда религиозно-политических коллизий⁶⁶.

Научная мысль (история, правоведение). Историческая концепция С.М. Соловьева определяла Россию как оплот церковности и культуры христиан на востоке Европы. Таков же был и смысл миссионерства Церкви. Позитивист и убежденный западник, С.М. Соловьев был, однако, сторонником вполне славянофильской мысли о серьезнейшей роли Церкви в развитии русского Просвещения. Христианизация народов Поволжья и Сибири, этнические движения были проанализированы ученым в духе его общих взглядов (так, восстание Батырши он трактовал как один из последних актов “вековой борьбы” русской цивилизации с кочевым миром). В “Истории России” много места отведено мерам Синода по православному и “иностранным исповеданиям”. Заслугой великого историка явилось и историко-дипломатическое изучение “диссидентского вопроса”⁶⁷. На споры о реформе Церкви он отозвался с консервативных позиций, считая, что провести ее следует в интересах Церкви же⁶⁸.

В.О. Ключевский отмечал влияние просветительских тенденций в политике и идеологии русского абсолютизма второй половины XVIII в.⁶⁹ Труды главы киевской школы В.Б. Антоновича составили эпоху в исследовании “больного исповедного вопроса Западной Руси” (С.М. Соловьев). Антонович, в частности, занимался решениями Великого сейма по делам религии в связи с русско-польскими отношениями той эпохи⁷⁰. С.А. Бершадский сравнивал подходы “просвещенных абсолютизмов” России и Пруссии к еврейскому вопросу⁷¹. Внимание историков царствования Павла I, близких “государственной школе”, привлекло вмешательство этого монарха в сферу религии⁷². Ведущие ориенталисты бо-

ролись с “полицейщиной” и “миссионерством”: благодаря их усилиям “влияние этой школы в нашей серьезной арабистике было парализовано”⁷³. Ярыми оппонентами миссионерской школы выступали и историки областнического направления⁷⁴. Их всех также отличала высокая оценка “уважения” Екатериной II ислама⁷⁵, перекочевавшая затем в литературу эмиграции⁷⁶. Вопрос о последствиях “немецкой колонизации” XVIII–XIX вв., возбужденный германофобами перед войной, вызвал необходимость либерального освещения исповедного режима у колонистов⁷⁷.

Изучение кодификации права показало: правовая политика абсолютизма в XVIII в. укрепляла петровский подход к отношениям духовных и светских властей⁷⁸. С консервативных позиций рассматривали проблему религиозного управления канонист Н.Д. Кузнецов⁷⁹, противник свобод старообрядцев в III Думе, и И.Ф. Александров⁸⁰.

В связи с Основными законами 1906 г. разногласия юристов – консерваторов и либералов вызывала трактовка императорской власти в Церкви. В общих курсах правоведения те или иные выводы, касавшиеся Нового времени в целом, распространялись и на XVIII в.⁸¹ Специально данный вопрос изучал лишь Е.Н. Темниковский. Он считал, что русские императоры по своему профессиональному статусу с петровских времен стали подлинными главами Церкви и заняли в ней такое же положение, как и западные императоры в католичестве. В оценках “просвещенного абсолютизма” он соглашался с М.И. Горчаковым. Оттенок сенсационности построениям правоведа придавал вывод о прямых протестантских источниках Духовного регламента – доктринальной основы православной монархии⁸².

Внимание либералов привлекал и церемониал коронаций. Они отмечали, что участие в нем Церкви было необходимо для создания легитимного образа абсолютизма⁸³. Либеральная правовая мысль внесла свой вклад в противостояние со специалистами в полицейских мундирах, хотя здесь не обходилось и без курьезов. Так, Е. Рапп в полемике против закона от 3 мая 1883 г. о старообрядцах противопоставил “истинно христианские”, “либеральные” законы Петра III “лицемерным”, “противоречившим духу Просвещения” (!) мерам Екатерины II “по расколу”, связывая текущую линию властей именно с последними⁸⁴.

Католическая литература началась в XIX в. с тенденциозной трактовки отношений России и АГЦ мхитариста М. Чамчяна⁸⁵. Воссоединение униат с православием в 1839 г. и напряженность вокруг конкордата 1847 г. стали для нее новым толчком⁸⁶. Из того, что “Россия в самом прямом смысле является вассалом Святого Престола”, исходил папский архивариус А. Тейнер при изуче-

нии католичества в России и Польше при Екатерине II⁸⁷. С. Залеский выдвинул свои причины сближения Павла I и знаменитого Г. Грубера: монарх хотел использовать иезуитов для работы в Китае, ловкий же иезуит руками императора стремился склонить Пия VI к признанию ордена в России⁸⁸. С точки зрения “вселенского” католицизма альянс нунция Аркетти с русским послом против “кодекса Замойского” в 1776–1780 гг. выглядел вполне оправданным⁸⁹. На Тейнера и других повлияло также австрофильство⁹⁰.

Католицизм был итогом духовных исканий известной части русских либералов XIX в. В 1870-е годы появилась новая генерация русских иезуитов. На ее плечи легли задачи апологии всего ордена⁹¹ и реванша в споре, проигранном И.С. Гагариным славянофилам. Развитие темы католичества в “просвещенной” России определили П. Розавен⁹² и особенно П.О. Пирлинг⁹³, оппонент Д.А. Толстого и поздних славянофилов, глава Славянской библиотеки и деятель курии⁹⁴. Тезис Пирлинга о цезаропапистском отношении русской монархии к католичеству просматривается в трудах историков-католиков на протяжении всего XX в.⁹⁵ К Пирлингу в эмиграции тяготел и его друг Е.Ф. Шмурло⁹⁶.

Общественная мысль национальных окраин. Пореформенный подъем заставил представителей окраин заговорить о гражданских ценностях, интеграции в цивилизованное светское русское общество. В то же время К. Хетагуров высоко оценил Осетинскую духовную комиссию: пусть она сделала немного, но для своего времени и это было благом, ибо открывало путь прогресса осетин рука об руку с русскими⁹⁷. Чокан Валиханов, напротив, признавал только светское просвещение и сожалел, что при Екатерине II политический отрыв его соплеменников от арабо-тюркского ислама не сопровождался культурным отрывом: замена бухарских мулл татарскими не подвинула развития казахов, муллы из Бухары, “которая, в сущности, есть притон, вертеп ханжей-улемов, ишанов-серебренников... из недр своих медресе изрыгают на всю территорию мусульманства мулл-изуверов вроде Мансура, кази-мулл и других в этом роде лицемеров”, но и муллы из Казани – такие же “лицемеры”⁹⁸. Просветитель крымских татар И. Гаспринский (Гаспралы) приветствовал сближение с русской культурой, но не отказывался от детерминанты ислама для “тюрко-татарского племени” России – “нашей общей родины”⁹⁹. О синтезе демократических и национальных еврейских ценностей говорили О.А. Рабинович, И.Г. Оршанский¹⁰⁰. С “нацдемократами” блокировались “областники”, полемизировали “полицейские”.

Но в последней трети XIX – начале XX в. вырабатывались и иные модели национальной идентичности. Во многом это было

реакцией на русификацию, конфликты России с другими великими державами, и подчинялось интересам борьбы за либеральные свободы. Украинский канонист О. Лотоцкий считал Киевскую митрополию церковью в неволе, главенство “Москвы” над нею – проявлением цезаропапизма, “Пункты о выгодностях малороссийского духовенства” 1767 г. – источником внешнего права “московской эпохи”. Литература Украины была для Лотоцкого по определению украинской и “антимосковской”, в историков же “Киевской церкви” он поверстал не только М.О. Кояловича и В.А. Беднова, но и известного церковного историка И.А. Чистовича¹⁰¹.

Готовность следовать обветшавшим догмам галицийской школы этнически или конфессионально ангажированные авторы обнаруживали и в недавнем прошлом. Так, Екатерине II “досталось” от профессора папского института Восточных исследований базилианки С. Сеньк: “Под правлением Екатерины II Киевская православная митрополия потеряла последние признаки (*vestiges*) своей автономии и была низведена до уровня русской епархии”, истинная же церковь связала судьбу с Римом¹⁰². О потере церковью “в Украине” самостоятельности в Новое время можно прочесть и у современных светских украинских авторов¹⁰³.

М. Тамарашвили видел в католицизме путь Грузии в Европу, порицая “нарушение” Екатериной II связи католиков Картли-Кახети с Римом¹⁰⁴. Л.М. Меликсет-Бек критиковал альянс правительства и АГЦ как препятствие свободам армян¹⁰⁵ (после 1917 г. примкнул к школе М.Н. Покровского). Позицию деятелей АГЦ за рубежом до и во время Первой мировой войны определяла франкофилия¹⁰⁶.

Клерикальный национализм в значительной мере определял идеологию тюркских этносов. Ведущими фигурами здесь были А.-З. Валиди, Ш. Марджани, Р. Фахретдин¹⁰⁷. Арабоязычные труды Ш. Марджани “Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар” (“Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара”) и “Вафийат ал-аслаф ва тахийат ал-ахлаф” (“Подробное о предшественниках и их приветствия потомкам”) – крупнейшее явление татарской историографии. “Мустафад...” – книга об истории ислама и этноса татар. Здесь в поисках идентичности Марджани выдвигал верные критерии – язык и религию. В “Вафийат...” автор защищал единство мусульманства, показывая поволжских татар его составной частью. Он собрал огромный материал, оцененный уже не одним поколением востоковедов. Наиболее интересен шестой том “Вафийат...”, осветивший время подчинения русского ислама русскому абсолютизму (1689–1885). Эти данные

показывают, что с развитием интегристского курса “просвещенного абсолютизма” суннизм Урало-Поволжья все более сдвигался на периферию мусульманства, движение же русских границ открывало суннитам путь к святыням ислама на Ближнем Востоке в обход шиитской Персии¹⁰⁸.

Марджани не доверял “старотатарской” литературе, отстаивал самостоятельность поиска (иджитхад) и беспристрастность изложения. Однако Марджани прежде всего богослов, и беспристрастность у него, как у всякого клерикального мыслителя, неизбежно вела к псевдообъективизму, абсолютизации здравого смысла. Идеальное государство для Марджани – это государство времен пророка Мохаммеда и “праведных халифов”, русский же ислам пребывает “под пятой иноверцев”. В глазах духовенства Марджани, независимо державшийся по отношению к ОМДС и защищавший иджитхад, был еретиком-мутазилитом. Цензуру у Марджани не устраивали жесточайшая националистическая критика миссионерства Церкви и сочувствие противникам России в Кавказской войне: автограф “Мустафад...” пестрит пометами цензора, востоковеда В.Д. Смирнова¹⁰⁹. Труды Марджани стали одной из основ джадидизма – идейно-политического движения за самостоятельность тюркских этносов, ислам без “диктата” ОМДС, за синтез ислама и западных ценностей.

С позиций джадидизма обвинял Екатерину II в нарушении свободы религии крымских татар и А. Олешкевич (Кричинский)¹¹⁰. Еврейская историография в России началась с И.Г. Оршанского¹¹¹, но ее подлинный основатель – С.М. Дубнов¹¹². Оба считали, что главное место в русской “еврейской” политике занимала религиозная неприязнь, и что уже при Екатерине II законы против евреев стали системой. В эмиграции после 1917 г. С.М. Дубнов, будучи уже признанным лидером мировой иудаики, склонился к сионизму. В этой связи его оценки политики абсолютизма не изменились, хотя общая концепция эволюционировала¹¹³. В противовес С.М. Дубнову с отождествлением “еврейства” и иудаизма порвал Ю.И. Гессен. В этом ему помогло исследование отношения Павла I к усобице раввинистов и хасидов¹¹⁴. К комплексному исследованию законодательства и политики абсолютизма (до работ Е.К. Анищенко и Д.Д. Клиера аналогов здесь не было) Ю.И. Гессен подошел уже с позиций экономического материализма. Вывод состоял в том, что администраторы в проектах реформ уклада евреев не учитывали дефектов системы крепостничества и грешили прожектерством¹¹⁵. Еврейская литература в СССР до 1930-х годов развивалась “по Дубнову”¹¹⁶. За рубежом его подходы усвоили немногие осевшие в Израиле и США выходцы из Восточной Европы. Их трудами иудаика двига-

лась до 1970-х годов¹¹⁷. Но рецидивы отживших воззрений встречаются и сейчас¹¹⁸.

Свой путь был у польской литературы. “Интолерантность стала сегодня популярной”, Бисмарк продолжил дело Екатерины II – в европейском воздухе 60-х годов XIX в. носились идеи польской эмиграции. Екатерина II с этой точки зрения выглядела “хуже” Павла I и Александра I: те были веротерпимыми государями, у нее же толерантность сменялась “проявлениями жестокости”¹¹⁹. Восстание 1863 г. укрепило поляков в мысли о “диссидентском вопросе” как инструменте вмешательства, и это стало одним из их прочнейших тезисов польской литературы. В частности, в последние годы “инструментальной” концепции российского участия в “диссидентском вопросе” придерживался историк польского протестантизма В. Кригсайзен, полагавший, что политика России поставила протестантов в Речи Посполитой под удар¹²⁰.

Представитель варшавской школы Г. Шмит отметил в свое время синхронность “развязывания” Екатериной II “диссидентского вопроса” и созыва Уложенной комиссии. В этом, полагал он, заключался особый расчет монархини: поддержать свою репутацию “просвещенной”, толерантной законодательницы и вместе с тем выставить перед лицом Европы своих польских противников католическими фанатиками¹²¹. Остроту “диссидентскому вопросу”, по Шмиту, придавало и то, что католицизм служил хребтом этничности и государственности Речи Посполитой. Так считал и В. Калинка, один из отцов “краковской школы”, изучавший те же сюжеты, что и В.Б. Антонович¹²². Острым критиком держав – участников разделов был доцент Львовского университета С. Ашкенази. Его построения о связи Польши и католичества развивались в духе Ф. Гизо, по содержанию же они стали зеркальным отражением концепции М.О. Кояловича: тот писал о русско-православной нации, этот – о польско-католической, и оба считали “диссидентский вопрос” актом противоборства Востока и Запада. С. Ашкенази стал главой “патриотического” направления, бурно развивавшегося в начале XX в.¹²³, но в межвоенное время быстро сошедшего на нет: уже в 20-е годы сам главный идеолог признал, что ему “в Польше не для кого писать”¹²⁴ (изучать “диссидентский вопрос” в Польше продолжали выходцы из России, видя в нем сюжет истории своей новой родины¹²⁵).

Пороком национализма, особенно клерикального, было неприятие положения о веротерпимости “просвещенного абсолютизма”. Д.Д. Клиер, критикуя тезис старой еврейской историографии о “традиционном русском антисемитизме”, указывал: русские “просвещенные” бюрократы ничуть не походили на

“москвитов”, чуждавшихся евреев, напротив, это были носители идеи Нового времени о рациональном разрешении еврейского вопроса¹²⁶. Но очевидно, что непонимание специфики имперской системы “просвещенной” России роднило близких к сионизму авторов с прочими “националами” – от галицийской школы и до джадидистов, и в этом объединяло в известной мере их всех, при разности идейных корней, с русскими крайними националистами. В стороне от влияния национализма осталась лишь немецкая литература России, развивавшаяся фактографичными трудами пасторов-протестантов. Они занимались историей своих общин и превозносили Екатерину II¹²⁷.

Историография XX в. (1917–1991)

Отечественная и зарубежная марксистская литература. 1917 год обусловил преобладание вульгарного социологизма в воззрениях на религию и политику. “Везде и всюду при царизме жандармерия и духовенство действовали сообща, совместно охраняя интересы правителей и капитала. Поэтому трудно понять, где кончалась религия духовенства и начиналась полицейская нагайка”¹²⁸. Власть имущим “важно было, чтобы все люди были религиозными, чтобы духовенство *каждой религии* оказывало умиротворяющее влияние на своих верующих и делало их покорными власти”¹²⁹. Неудивительно, что в историческом сознании эпохи рядом с гротескным “жандармом в рясе” возник и апокалиптический “палач в чалме и с Кораном”¹³⁰. В школе М.Н. Покровского господствовало представление о духовенстве – “агентуре торгового капитала”. Вместе с тем она аккумулировала и разгромную областническую критику миссионерства Церкви¹³¹. Концепцию “торгового капитала” разделяли Н.М. Никольский и Л.И. Климович, выдающиеся историки религии 1920–1930-х годов. Первый тяготел также к мифологической школе, на второго значительное влияние оказал М.А. Рейснер, теоретик психологической школы права, сторонник отделения Церкви от государства и разработчик соответствующих положений Конституции 1918 г. В политических трактовках оба автора отдавали дань времени: вся деятельность “государственной Церкви крепостной эпохи” была “политической службой государству”¹³², все далекое от джадидизма мусульманское духовенство считалось “агентурой военно-феодального империализма”¹³³. С падением школы М.Н. Покровского миссионерство критиковалось как часть “колониальной политики царизма”, исследование которой было призвано убеждать в зрелости “внутриимпериалистических противоречий” накануне Октября¹³⁴.

Средненизкий уровень методологии марксизма обращивался отсутствием апробированных с марксистской точки зрения научных построений. В частности, политическое развитие России XVIII в. в литературе 30–40-х годов определялось в согласии с дооктябрьским либеральным правоведением: “регулярное государство”, “полицейзм”, в том числе и в Церкви, Петр I – создатель “просвещенных” порядков, Екатерина II – их продолжательница. Собственно же “просвещенный абсолютизм” представлялся здесь государством нового типа, отличающимся от государства “старомосковского” именно светским характером, господством рационализма и антиклерикализма, отказом от “диктата Церкви”¹³⁵.

Иной подход к “просвещенному абсолютизму” вытекал из понятий патернализма и религиозного либерализма. При этом обращалось внимание на ранние “элементы прагматической веротерпимости”, о чем в свое время говорил Б.В. Титлинов, хотя и подчеркивалось, что черты “просвещенного абсолютизма” в эпоху бироновщины были “представлены очень бледно и обильно перемешаны с казнокрадством, взяточничеством и открытым расхищением государственных имуществ”. Ставилась в связи с понятием “просвещенного абсолютизма” и проблема отношений русской православной монархии с остзейским лютеранским дворянством¹³⁶.

В коллективных трудах 1950–1960-х годов возобладал тезис об окончательном подчинении Церкви абсолютизму после секуляризации¹³⁷. Принципиальное совершенствование марксистской методологии способствовало вытеснению вульгарного социологизма. Это оказало положительное влияние на освещение темы религиозной политики на национальных окраинах, хотя социологизаторские рецидивы (“Церковь на страже государства”, “колониальная политика”, “тюрьма народов”) встречались в отечественной литературе даже в 1990-е годы¹³⁸. Специалисты, занимавшиеся миссией, отмечали отказ Екатерины II от христианизации¹³⁹. Историки Осетии считали Осетинскую комиссию посредником в связях с Россией, особенно в самом начале (1742–1782)¹⁴⁰. В 1970–1980-е годы история миссии тесно связывалась с историей тех или иных этноконфессиональных групп, порожденных “государственным феодализмом”¹⁴¹.

Специальных религиозно-политических исследований периода позднего феодализма в то время не велось. Н.Н. Покровский, изучая роль старообрядцев в крестьянском движении, констатировал: “просвещенные” власти значительно снизили уровень их преследований и стремились наладить их возвращение из-за рубежа¹⁴². Выводы М.М. Громыко о функциях территориальной

общины¹⁴³ были теоретическим импульсом для Н.Д. Зольниковой. Она установила, что под давлением бюрократизации сибирский приход в XVIII в. медленно сдавал позиции и что “перекройка” властями границ приходов и заказов во многом вызывалась нуждами ограничения приходского самоуправления. В этих приходах власти стремились опереться на их верхи¹⁴⁴.

Секуляризация изучалась сквозь призму представлений о Церкви как о крупнейшем феодале. Выдающийся вклад в исследование секуляризации сделан А.И. Комиссаренко. Историк справедливо считал эту реформу “просвещенного абсолютизма” фундаментом церковно-государственных отношений в Новое время. Благодаря ему наука покончила с недифференцированностью в оценках церковного курса Петра I и Екатерины II, обращавшей на себя внимание еще у церковных либералов XIX в. Ученый доказал: нельзя не видеть принципиальной разницы между ограничением феодальных иммунитетов Церкви, чем и исчерпывалась монастырская секуляризация при Петре I, и полным вытеснением Церкви из сферы рентных отношений, к чему вела именно Екатерина II. А.И. Комиссаренко раскрыл политику абсолютизма в отношении духовного сословия в целом, разногласия в верхах по поводу реформы, последствия секуляризации, ее восприятие в обществе¹⁴⁵.

В 1940–1980-е годы сформировался значительный фонд литературы по этноистории. В подобном ключе освещались прежде всего отношения самодержавия и АГЦ. Лучшей здесь стала работа об Иосифе Аргутинском, его вкладе в политику России на Кавказе¹⁴⁶. Историки Армении также видели в свободах культа и общинной жизни армян Юга России в XVIII в. важнейший фактор развития этноса¹⁴⁷. Историки Башкирии останавливались на задачах ОМДС как органа “колониальной политики”: умиротворения казахов и нейтрализации турецкой пропаганды среди подданных России¹⁴⁸. Ученые Калмыкии показали, что структура ламаистской церкви калмыков в ходе военно-административных реформ XVIII – начала XIX в. менялась, но социальное положение духовенства и условия отправления культа от этого не ухудшались¹⁴⁹. Ученые Бурятии изучали участие властей в формировании ламаизма в Забайкалье¹⁵⁰.

В коллективных историко-церковных трудах отмечался рост государственного вмешательства в дела исповеданий к концу XVIII в.¹⁵¹

Роль религиозного фактора рассматривалась и в истории дипломатии. Было установлено, что Россия стремилась использовать в Закавказье те же самые религиозные противоречия, на которых другие великие державы играли на всем Ближнем и Сред-

нем Востоке¹⁵². Спекулятивную природу католических трактовок политики русского “просвещенного абсолютизма” с предельной четкостью вскрыл Э. Винтер¹⁵³, чему, безусловно, способствовало хорошее знание им “противника” (автор в 20-е годы сам начинал как католический историк). Значение этого возрастает еще более в сопоставлении с итогами его же изучения отношений «дунайского варианта “просвещенного абсолютизма”» (Р. Мандру) с католической церковью. Историк видел в них борьбу со средневековыми привилегиями и феодальной децентрализацией на территориях, где Мария-Терезия и Иосиф II были наследственными суверенами. Тенденции “прагматической веротерпимости”, интеграции исповеданий в рамки госаппарата, отстранения церкви от Двора как единственного политического центра, вытеснения религии из общественной жизни в частную автор считал общеевропейскими и объединил их в понятии “йозефинизма”¹⁵⁴. В России проводником аналогичного курса Э. Винтер считал Петра I. Екатерина II в представлении историка была последовательной “петринисткой”. Русская монархия и папство были для Винтера двумя “тотальными” силами, легко, в полном соответствии с представлениями Маркса, переходившими от соперничества к сотрудничеству в борьбе против социального прогресса¹⁵⁵. Эту же позицию отражала и критика альянса католической церкви и русских послов, направленного против реформ в Польше в конце XVIII в.¹⁵⁶

Правовую политику Екатерины II изучал О.А. Омельченко. По его мнению, она была направлена на построение “законной монархии” европейского типа и включала в себя толерантность, находившую обоснование в гуманизме Просвещения. В сфере Церкви политика самодержицы была двуединой: Екатерина II отстаивала религиозные приоритеты православия и в то же время особую роль монархии в управлении Церковью. Эти же взгляды О.А. Омельченко развивал и позже, но в конце 1980-х годов именно в его статье о Духовно-гражданской комиссии было впервые указано на необходимость изучения политических проектов “просвещенного абсолютизма” по делам религии. В том, что екатерининский церковный курс в сопоставлении с петровским имеет не только сходство по содержанию мер, но и кричащие сущностные различия, автор был близок к А.И. Комиссаренко, справедливо считая, что во взглядах на религию и Церковь Петр I гораздо ближе к своим предшественникам-самодержцам, нежели к Просвещению, и что ставить знак равенства между мелочной, рутинной петровской регламентацией духовных дел и правовой политикой “просвещенного абсолютизма” невозможно¹⁵⁷.

Суть политики “просвещенного абсолютизма” юрист Н.Ю. Титов видел в секуляризации и “приведении аппарата управления церковью в соответствие с уровнем централизации государственного аппарата”. Но подчинение Церкви, полагал он, не закончилось и к концу XVIII в.¹⁵⁸

Немарксистская зарубежная литература. На Западе тема “просвещенной” вероисповедной политики широко, но не систематически охватывалась англо-саксонским отделом историографии. Набор сюжетов здесь традиционно заимствовался у русских эмигрантов: внешняя миссия Церкви, “диссидентский вопрос”, “уважение к исламу”, “греческий проект”. С последним, соответственно, и с внешними замыслами Екатерины II связывалось приглашение в Россию греческих иерархов¹⁵⁹. Л.Вольф изучал “диссидентскую” дипломатию папства, уделяя особое внимание победам над Россией – победам “силы дипломатии” над “дипломатией силы”. Посрамить “дипломатию силы” автор захотел в связи с кризисом 1980-х годов в ПНР, но вопрос о борьбе папства со свободами не католиков он обошел¹⁶⁰. А.В. Фишер объяснял проект ОМДС и интеграцию ислама “покореньем Крыма”, связывая с последним проблему не только автономии крымских татар, но и всего тюркского национализма в СССР¹⁶¹.

Внешняя миссия рассматривалась в духе синоведа Д. Фэрбенка, считавшего Москву для Китая “восточным Западом”. Пекинскую миссию он сам оценивал как “единственный в своем роде аванпост Европы в самом сердце Китайской империи”¹⁶². Но Э. Видмер полагал, что миссия не дала России осязаемых выгод¹⁶³. Вместе с тем литература наполнена и аналогичной критикой в адрес иезуитов, несмотря на все их успехи¹⁶⁴, и с ее учетом вопрос о пользе русской миссии и по сей день не закрыт.

Принципиальным явлением “социальной истории” стал труд Г.Л. Фриза о положении греко-российского клира и о штатной политике “просвещенного абсолютизма”. Старый тезис о “гибели” прихода в XVIII в. автор поддержал¹⁶⁵ (это вызвало тогда критику Н.Д. Зольниковой, но ныне Б.Н. Миронов ставит Г.Л. Фриза в пример¹⁶⁶). Со временем Просвещения Г.Л. Фриз связывал и начало “рехристианизации” России¹⁶⁷. И. де Мадариага в своей, теперь уже классической, книге характеризовала “просвещенный абсолютизм” Екатерины II в духе господствовавшей в англо-американской литературе концепции правового государства. Одной из принципиальных черт политики Екатерины II она считала толерантность¹⁶⁸.

Этноисторики ФРГ освещали участие русских “просвещенных” властей в приходской жизни немцев (остзейцев, колонистов) всех конфессий¹⁶⁹.

70–80-е годы XX в. стали новой эрой в историографии истории евреев в России. Собственно еврейская литература в это время быстро “встроилась” в западную литературу, где о новых подходах одним из первых заявил немецкий историк М. Рест, вскрывший прагматизм законов Екатерины II о евреях¹⁷⁰. В трактовке еврейского вопроса на Западе господствовали теории вестернизации и модернизации, упор делался на просвещенческие аспекты политики. В этом русле иудаика развивается и поныне¹⁷¹.

У клерикалов, как было сказано, наибольший удельный вес занимала россика католиков в духе П.О. Пирлинга. История унии продвигалась также католической литературой ПНР и эмиграции. Крупнейший авторитет в этой области Л. Беньковский считал конец православия и развитие унии в Речи Посполитой “естественными” процессами, насильственно прерванными Екатериной II и епископом Виктором (Садковским), “приспособленным” (*uzdólnionym*) для этого самодержицей¹⁷². За ним в начале 1990-х шел его ученик из Люблинского католического университета В. Колбук. Акцию Екатерины II против унии он в сравнении с 1839 и 1875 гг. счел успешной, разделяя давнее мнение Й. Пелеша о взаимосвязи ударов по унии с поражениями польского национализма, но “латино-польскую” трактовку унии оспорил¹⁷³. У не католиков в послевоенное время “отметилась” лишь протестантская миссиология¹⁷⁴.

Современная историография (конец XX – начало XXI в.)

XX век не привел к расширению конкретно-исторических представлений о вероисповедной политике “просвещенного абсолютизма”. Причиной этого стала секуляризация общества и, как следствие, падение интереса ко всему, что было связано с религией. Препятствовали развитию соответствующей проблематики и идейно-политические приоритеты, складывавшиеся в целом в литературе. Вместе с тем идейная жесткость марксизма способствовала освобождению науки от заблуждений национализма, клерикализма, либерализма в осмыслении позднефеодальных религиозно-политических отношений. Для русистики, в особенности отечественной, это вкупе с падением политизированных схем, искусственного противостояния марксизма и не марксизма в 1990-е годы открыло новые возможности.

Отечественная литература. Впервые обрели самостоятельность исследования по истории миссии Церкви. Раздел “Роль Русской православной церкви в установлении и развитии связей со странами Азии и Африки” исследовательской программы “Народы России: 1991–1995 – возрождение и развитие” закрепил инте-

рес ко внешней миссии¹⁷⁵. Возродилась и тема миссии в Русской Америке¹⁷⁶. Но преимущественно 1990-м годам было свойственно обобщение известного материала¹⁷⁷. Традиционным был и вывод о содержании отношений между Государством и Церковью в XVIII в., связанный с попыткой установить их значение в политической истории России Нового времени в целом: борьба за землю и феодальную ренту, секуляризация Екатерины II как итог этой борьбы¹⁷⁸. Не обходилось в литературе и без перекосов, когда и “чистую” историю Церкви воспринимали как составную часть политики абсолютизма¹⁷⁹.

Одна из проблем, занимавших ученых в 1990-е – это проблема русской имперской государственности. В связи с нею стала осмысливаться и религиозная политика абсолютизма. Предложенная в литературе дефиниция государственно-церковных (государственно-религиозных) отношений вытекала из понятия о правовом государстве¹⁸⁰. Было показано, что устойчивой тенденцией этих отношений в XVIII – начале XX в. была веротерпимость¹⁸¹. Попытка ввести в данную сферу цивилизационное измерение подводила к идее межцивилизационных “контактных зон”¹⁸². Конкретно-исторически религиозная политика государства в целом рассматривалась только на материалах XIX в.¹⁸³ Содержание работ по более раннему времени было уже: распространение христианства и крепостничества на калмыков¹⁸⁴, толерантность в воззрениях Екатерины II¹⁸⁵, поддержка государством служилых этнических групп¹⁸⁶. Вместе с тем стала изучаться роль религиозных противоречий эпохи в дипломатии России, использование их для разрешения геополитических проблем¹⁸⁷. Здесь блестящим результатом явилось раскрытие истинного смысла “греческого” и других православных проектов Г.А. Потемкина¹⁸⁸.

Последнее десятилетие вызвало к жизни целый ряд исследований по “неправославной” политике “просвещенного абсолютизма”. Показано, что на отношение Екатерины I к католицизму влиял Монтескье, Павла I – “полицизм”¹⁸⁹, и что в целом подчинение католичества в России шло так же, как и в Европе после Тридцатилетней войны¹⁹⁰. Охарактеризованы меры абсолютизма по возвращению на родину беглых старообрядцев¹⁹¹, иудаизму¹⁹², исламу¹⁹³, есть задел для научной биографии М. Хусейнова¹⁹⁴. Рассмотрена территориальная структура протестантизма Южного Урала¹⁹⁵. Событием стал выход сборника законодательства Екатерины II, отразившего основные направления ее религиозной политики¹⁹⁶. В целом все это составляет неплохую основу для дальнейшего развития темы.

Период “просвещенного абсолютизма” затронут и в монографии Г.Б. Фаизова¹⁹⁷, но она вызывает много методологических

претензий. О недостатках по этой части говорит уже сама попытка автора поставить себе в заслугу понятие “государственно-исламские отношения”, впервые, по его утверждению, введенного в науку именно в его книге. Однако это “понятие” было доступно историкам и задолго до Г.Б. Фаизова. Развитие государственно-исламских отношений автор определил как эволюционное¹⁹⁸, связав его с эволюцией ислама “в соответствии с прогрессом общественных отношений”¹⁹⁹. Думается все же, что государственно-исламские отношения в основном зависели и зависят именно от государства, но об этом в теоретической части работы ни слова.

“Сущность религии и государства как общего, отражающего интересы и индивидуума, и классов, и всей общественной системы может составить лишь общечеловеческое, общеклассовое, общенациональное”, и вместе с тем у Г.Б. Фаизова “государственно-исламские отношения по своему содержанию хотя и частично отражают классовые позиции, по своей сущности отражают этноконфессиональные интересы”²⁰⁰. Это, не говоря уже о том, что одно явно расходится с другим, теоретико-методологически и исторически неверно: сущности современного государства (об этнотерриториальных храмовых общинах древности или о талибском Афганистане не говорим) подобное “отражение” в корне противоречит. Что же касается приоритета “общечеловеческого”, то эта тенденция, актуальная в конце 80-х, ко времени выхода книги Г.Б. Фаизова стала не более чем анахронизмом. К тому же на заявленной высоте автор не удержался, подменив “общечеловеческое” “этноконфессиональными интересами”.

Г.Б. Фаизов назвал основным инструментом своего познания “системный анализ”: “взаимоотношения между государством и мусульманской конфессией мы рассматриваем как составную часть системы экономических, социальных, политических, правовых, идеологических и других отношений на конкретных этапах развития”²⁰¹. Но представления об историко-системном методе (отождествленном тут же с “цивилизационно-формационным анализом”²⁰²) у автора нет, иначе бы мы узнали о компонентах и элементах системы (подсистемы) “государственно-исламских отношений”, ее структуре, функциях. “Согласно принципу системности, взаимоотношения между государством и мусульманской конфессией нужно рассматривать не столько с классовых, сколько с этноконфессиональных интересов”²⁰³. “Согласно принципу” это возможно лишь тогда, когда “этноконфессиональные интересы” являются системообразующим фактором “государственно-исламских отношений”. Но это-то и не доказано, да и весьма сомнительно, так же, как и противопоставление историко-системного метода “классовому анализу”²⁰⁴.

На фактор поликонфессиональности России XVIII в. в 1990-е годы обратили внимание и этноисторики. Ими раскрыта, хотя и с разной полнотой, поддержка государством “собственных” религиозных немцев²⁰⁵, армян Новой Нахичевани²⁰⁶, АГЦ в целом (но с популярным тогда негативным нажимом)²⁰⁷, казахов²⁰⁸, тюрок Сибири²⁰⁹, бурят²¹⁰. Эти результаты в целом вполне ложатся в контекст представлений о “просвещенной” веротерпимости.

Проблема поликонфессиональности освещалась и в историографии тюркских этносов Урало-Поволжья. Здесь применительно к XVIII в. выдерживался акцент на деструктивные последствия христианизации и миссионерства для этнического развития тюрок и сверхжестокость преследований именно поволжских татар²¹¹. Последнее вряд ли верно. Думается, что никто, скажем, из башкирских историков не согласится с тем, что “в XVI–XVII вв. царизм вообще относился к исламу в Башкирии весьма лояльно”, а к служилым мусульманам даже бережно, и что “в XVIII в. политика христианизации башкир не приобрела таких жесточайших форм, как, например, в Среднем Поволжье”²¹². Нам же стоит подчеркнуть ненаучную природу сомнительного соревнования “у кого было хуже”. Не стоило предъясвлять “царизму” и такой вот счет за первую половину XVIII в.: «Это было время своеобразного религиозного геноцида по отношению к татарскому народу, тем не менее не дававшего ожидаемых результатов. Мы должны оценить эту политику царизма как политику шовинизма, так как религия в феодальном обществе играла огромную роль в духовной жизни народа, являлась неотъемлемой составной частью его духовной культуры. Поэтому любое давление, насилие в сфере религиозной жизни народа правомерно оценивать как давление в сфере национальной (хотя термин “национальный” для эпохи феодализма, возможно, звучит несколько модернизировано)»²¹³. Не стоило, потому что “политика царизма” не была “религиозным геноцидом”, и на пороге XXI в. нельзя было отворачиваться от военно-феодальной специфики России, оставаясь при этом на позициях науки.

Представители этноистории тюрок признают: в целом веротерпимость в России была более широкой в сравнении с другими государствами²¹⁴. Но выход за пределы “вполне антиквированных”, набивших оскомину еще у областников представлений о “справедливой”, “антиколониальной”, “освободительной борьбе мусульман”, будто бы только и обусловившей отказ от “массовой христианизации” при Екатерине II, отсюда пока не просматривается, и объективный характер предпосылок “просвещенного” вероисповедного режима остается за пределами их понимания²¹⁵. Сказывается и откат к архаичной методологии. Поэтому неуда-

чей, отказом от историзма закончилась предпринятая некоторыми из них попытка цивилизационных исследований²¹⁶.

Понятно, что основные подходы и направления изучения вероисповедной политики лежат отнюдь не в русле тюркской (или иной) этноистории. Понятно и то, что вопрос о религиозной политике Века Просвещения и для этноистории не главный. Но думается, что этноисторикам, которые грешат обобщениями в отношении религиозной политики России Нового времени, следует полнее учитывать данные конкретных политико-правовых исследований, в том числе и названных выше, обращать больше внимания на исторические реалии 40–90-х годов XVIII в. В плане же методологии многого можно ожидать от разрешения заявленной Р.М. Мухаметшиным проблемы²¹⁷.

Зарубежная литература. Изменения 1990-х годов в мире приводят русистику США к отказу от представлений о негативной роли православия в России Нового времени. В частности, Г.Л. Брюс заключил, что Церковь способствовала формированию идентичности населения окраин России и его государственной интеграции. Поэтому приглашение в Россию иерархов-греков было призвано укрепить Церковь именно в этих видах, хотя они сами рассматривали свой приезд как служение всему “Православному Содружеству”²¹⁸. Это несомненный прогресс по сравнению со взглядами 1970–1980-х годов на появление в России “ученых греков”. Вместе с тем проблема особенностей “просвещенной” политики в литературе США улавливается плохо. В частности, мероприятия екатерининского времени на Кавказе предстают первым изданием курса А.П. Ермолова (еще без него самого), в них видится все тот же “имперский колониализм”, порожденный чувством превосходства “просвещенных” бюрократов над “дикарями” и уничтожавший уклад жизни и религию горцев²¹⁹. Излишне говорить об обусловленности подобных работ господствующими ныне на Западе трактовками событий 1990-х годов в Северокавказском регионе РФ.

В литературе ФРГ в свете западной концепции “просвещенного абсолютизма” 70–80-х годов охарактеризована система верховного контроля за подготовкой высшего духовенства²²⁰. В то же время гальванизируются старые идеи, в частности, тезис о двух тенденциях в “исламской” политике русского абсолютизма XVIII в.: первая связывается с насильственной интеграцией мусульманской знати в “полицейское государство” (ее начал Петр I и иерархи-малороссы под влиянием “европейского конфессионализма”) и христианизацией простонародья, вторая – с отказом Екатерины II от насилия. “Нужны” же “две тенденции” для подтверждения нынешней амбивалентности “в политике Кремля” по

отношению к исламу: оказывается, в Чечне господствует (петровская) “агрессивность”, в Поволжье – (екатерининский) “прагматизм”²²¹. Другая такая идея – “культуркампф” как продолжение “диссидентской” политики Екатерины II²²².

В западном исламоведении в целом заметен рост интереса к формированию в России своей системы авторитетов ислама и подключению к ней ОМДС. По-прежнему в строю науки вывод о татарах – агентах России в Степи²²³.

Новое явление историографии – работы историков стран на территории бывшего СССР. Но в основном тема здесь освещается спорадически, схематично и на известном материале. Таковы, в частности, работы белорусских историков о “диссидентском вопросе” и казахстанского автора о татарских муллах²²⁴.

Что же касается клерикалов-некатоликов (о католиках сказано достаточно), то упоминания заслуживают лишь некоторые работы миссиологов-реформатов²²⁵.

Итак, подведем итоги. История религиозной политики русского “просвещенного абсолютизма”, в отличие от истории дипломатии, сословных отношений, права, хозяйства, иных сторон жизни “просвещенного” государства и общества, остается малоизученной. Между тем в литературе накоплен огромный фактический материал, в научный оборот введено много источников. Благодаря этому мы хорошо знаем о формировании пограничных миссий (Калмыкия, Осетия, Америка, Китай), о поддержке Россией АГЦ, польских “диссидентов”, украинно-белорусского, дунайско-балканского, грузинского, ближневосточного православия, о трудностях создания в России католической митрополии, нунциатуры, ОМДС, о социальном положении греко-русского духовенства, о состоянии его духовных штатов и финансов, о совершенствовании государством территориальной системы Церкви и, конечно же, о секуляризации церковных имуществ. Меньше представлены в литературе деятельность татаро-башкирского духовенства в Урало-Поволжье и Малой Орде, конфессиональные аспекты династических отношений, состояние административного режима для старообрядцев и евреев-иудеев. В этой связи актуальным выглядит изучение правовой политики “просвещенного абсолютизма” в целом, включая формирование системы вероисповедного управления и введение в нее начал веротерпимости.

Серьезным препятствием в изучении религиозной политики “просвещенного абсолютизма” является отсутствие четкой теоретической модели собственно “просвещенного абсолютизма” (отсюда возникла и тенденция отказа от этого понятия²²⁶). Настоящая историография способна внести ясность в этот вопрос, ибо

на проблему “просвещенного абсолютизма” выходили практически все дореволюционные русские авторы, затрагивавшие отношения государства и религии Века Просвещения. Они называли “просвещенным абсолютизмом” политическую победу Государства над Церковью, всеобъемлющее регулирование светскими властями церковного права, юридическое оформление веротерпимости, снятие религиозных ограничений прав состояния, рациональное разрешение “раскольнического” и еврейского вопросов. Без учета этих наблюдений понятие “просвещенного абсолютизма” в историографии будет неполным, и напротив, представление о “просвещенном абсолютизме” как о европейской монархии Нового времени, вступившей в стадию веротерпимости, вполне соответствует требованиям дня.

Анализ литературы показывает однотипность русского и европейского “просвещенного абсолютизма” с этой точки зрения, особенно в том, что касается веротерпимости. О ее важности для России Екатерины II написано достаточно. Что же касается других остальских монархий, то на коллоквиуме по поводу 200-летия эдикта 1781 г. Иосифа II отмечалось: веротерпимость была залогом целостности владений австрийских Габсбургов и их независимости по отношению к делам Империи²²⁷. Правомерны и другие аналогии между курсом Екатерины II и “йозефинизмом”, но с той разницей, что до самого конца православной монархии о вытеснении религии и Церкви в частную сферу, к чему тяготел “йозефинизм”, не могло быть и речи²²⁸.

Европейский порядок сложился как результат борьбы “национального государства” и “наднационального папизма”. Ситуация в России была принципиально иной: здесь Церковь “не знала систематического клерикализма”, и Екатерине II, в отличие от ее современников-монархов Жозе I, Иосифа II, Карла III, не пришлось сводить политические счета с господствующей религией. Истина, однако, в том, что категорическим императивом отношения “просвещенной” монархии к религии были отнюдь не задачи борьбы с клерикализмом: православию клерикализм чужд, католицизму, напротив, близок, но независимо от этого в “просвещенной” системе исповедного управления всем религиям отводилось одинаковое место. Об этом говорит как опыт России, так и Австро-Венгрии²²⁹.

В методологическом плане такой взгляд на “просвещенный абсолютизм” нуждается в двух ограничениях. Во-первых, политическое подчинение Церкви роднит “просвещенный абсолютизм” с “культуркампом”, но в последнем случае Церковь встраивалась уже в национальное буржуазное государство, и борьба против клерикалов и других “чуждых элементов” (социа-

листов, в Германии также евреев и поляков) шла именно на этой правовой почве²³⁰. Во-вторых, свой интегральный опыт был и у восточных деспотий: хорошо известно о покровительстве османской бюрократии, ориентированной на модернизацию страны, православному (“греческому”) миллету²³¹, о регламентации Цинами всех без исключения культов Поднебесной²³², однако нет оснований и этот опыт брать в одни скобки с вероисповедной политикой европейских веротерпимых монархий Нового времени, основанной на принципах естественного права и Просвещения.

¹ Гессен Ю.И. Галерея еврейских деятелей. СПб., 1898. Вып. 1: Литературно-биографические очерки / О.А. Рабинович, И.Г. Оршанский; Смирнов Н.А. Очерки истории изучения ислама в СССР. М., 1954. С. 78–82, 165, 184–187; Кульшарипов М.М. Историческая литература о национально-колониальной политике русского царизма в Башкирии // К проблеме нации и национальных отношений. Уфа, 1971. С. 77–85; Волохова А.А. Российская духовная миссия в Китае в XVIII в.: оценка американского историка // Православие на Дальнем Востоке. СПб., 1993. [Вып. 1]: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. С. 27–30 (рец. на кн.: Widmer E. The Russian Ecclesiastical mission in Peking during the eighteenth century. Cambridge; L., 1976); Локин А. Российская иудаика // Евреи в Российской империи XVIII–XIX вв. М., 1995. С. 3–22; Ванчикова Ц.П. Монголоязычные биографии бурятских лам // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ, 1995. С. 33–42; Хохлов А.Н. Николай Адоратский (1849–1896) – историограф Пекинской духовной миссии // XXXII научная конференция “Общество и государство в Китае”. М., 2002. С. 336–348.

² [Вольтер]. Опыт исторический и критический о разгласиях церквей (так. – А.Р.) в Польше, сочинен Иосифом Бурдильионом, профессором права общенародного, а с французского переведен В.Т. СПб., 1768. (В.Т. – это В.К. Тредиаковский).

³ Там же. Страницы нумерованы (“В известие от переводившего”).

⁴ Записки о том, как было сохранено в Белоруссии Общество Иисуса // Европейский альманах: История. Традиция. Культура. 1991. М., 1991. С. 163–171; Lettera all’avvocato NN. Autore delle memoire sulla storika del primo seculo de’servi di Maria, e degli spedalieri di s. Giovanni di Dio, non tanta a quistificazione dei gesuiti della Russia bianca, quanto in difesa della sovranità dell’imperatrice delle Russie. Venezia, 1783; Merkwürdige Nachrichten von den Jesuiten in Weissrussen. In Briefen. Aus dem Italienischen. Frankfurt; Leipzig, 1786; Apologia pro societate Jesu in Alba Russia. Amsterdam, 1793. Vol. I–II. Об этом также см.: Луишай В.Б. Антипапская пропаганда белорусских иезуитов во второй половине XVIII в. // Вопр. истории. 2001. № 8. С. 124–133.

⁵ Della vita e fasti di Catarina II. Venezia, 1797, Vol. I–V; Memoires sur la vie de Pie VI. P., 1799, Vol. I–II; Elogio Storiko di Paulo. Venezia, 1801 (2-е изд. Varsovie, 1801); Della vita di Pio VI. Venezia, 1802. Vol. I–III.

⁶ Serpos M.G. de. Compendio storico di memorie cronologoche concernenti la religione et la morale della nozione armenian. Venezia, 1786.

⁷ [Булгаков. Я.И.] Записки о нынешнем возмущении Польши / пер. с фр. яз. капитан Н. Я[зыков]. СПб., 1792. С. 20–29.

⁸ Баттыш-Каменский Н.[Д.] Историческое известие о возникшей в Польше унии с показанием начала и важнейших, в продолжение оной чрез два века,

- приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униатов на благочестивых тамошних жителей гонении, по Высочайшему блаженния памяти Императрицы Екатерины II повелению, из хранящихся Государственной Коллегии Иностранных дел в Московском архиве актов и разных исторических книг, Действительным Статским Советником Николаем Бантышем-Каменским 1795 года собранное. М., 1805. Эти материалы легли и в компилятивную книгу, см.: *Карашиева П.* Очерк истории Православной церкви на Волыни. СПб, 1855.
- ⁹ *Kemper M.* Sufis und Gelerte in Tatarien und Baschkirien, 1789-1889: der Islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin, 1998.
- ¹⁰ *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.: сборник летописей, Дафтар-и Чингиз-намэ, Таварих-и Булгария, татарские шаджара. Казань, 1972. С. 21–23, 28–30, 156.
- ¹¹ *Юсупов М.Х.* Шигабутдин Марджани как историк. Казань, 1981. С. 77–79, 82. Конфессиональной напряженностью проникнуто и известное башкирское историческое сочинение об Акаевском восстании 1735–1741 гг. (см.: *История Татарии в документах и материалах.* М., 1937. С. 402–406), но неясно, датируется ли оно XVIII в.
- ¹² *Юзеев А.Н.* Мировоззрение Ш. Марджани и арабо-мусульманская философия. Казань, 1992. С. 25, 30–34; *Юзеев А.Н.* Философская мысль конца XVIII–XIX в. // Очерки истории татарской общественной мысли. Казань, 2001. С. 94–97; *Kemper M.* Op. cit. S.172-212, 222–224, 272–307.
- ¹³ *Климович Л.И.* Ислам в царской России: очерки. М., 1936. С. 21.
- ¹⁴ *Tolstoj D.* Le Catholicisme romain en Russie. P., 1863–1864. Vol. 1–2. Во втором, русском издании своего двухтомника Д.А. Толстой, к тому времени уже обер-прокурор, констатировал рост интереса к проблеме русского католичества и полагал, что после его книги и польского восстания 1863 г. обществу открылся истинный смысл деятельности папства: См.: Толстой Д.А. Римский католицизм в России: историческое исследование графа Дмитрия А. Толстого. СПб., 1876. Т. 1. С. I–III.
- ¹⁵ *Самарин Ю.Ф.* Иезуиты и их отношение к России // *Собр. соч.* М., 1887. Т. 6. С. 301, 314, 316, 320, 327. См. 1-е изд.: *Samarin J.* Les Jésuites et la Russie. P., 1867.
- ¹⁶ *Коялович М.О.* История воссоединения западно-русских униатов старых времен. СПб., 1873.
- ¹⁷ *Коялович М.О.* [ред.]: Русская греко-униатская церковь в царствовании императора Александра: историческое исследование по архивным документам П.О. Бобровского. СПб., 1890 // *ЖМНП.* 1890. № 6. С. 346–347.
- ¹⁸ *Симашкевич М.* Римское католичество в Подолии. Каменец-Подольск, 1872.
- ¹⁹ *Иваницкий С.Ф.* Переяславский епископ Гервасий Линцевский и начало воссоединения униатов в Западной, или польской, Украине (1757–1769 гг.). Каменец-Подольский, 1904; *Иваницкий С.Ф.* Значение Барской конфедерации в истории крестьянского восстания на Украине 1768 г.; Польша в половине XVIII в. и возникновение Барской конфедерации; Первый период Барской конфедерации // *Учен. зап. ЛГП им. А.И. Герцена.* Л., 1939–1941. Т. 19, 22, 45.
- ²⁰ *Беднов В.А.* Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum). Екатеринослав, 1908.
- ²¹ *Мараш Я.П.* Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века. Минск, 1974.
- ²² *Блинова Т.Б.* Иезуиты в Белоруссии. Минск, 1990.
- ²³ *Морошкин М.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. СПб., 1867–1870. Ч. 1–2; *Демьянович А.* Иезуиты в Западной России в 1569–1772 гг. СПб., 1872; *Лобатынский С.* Движение униатов к право-

- славию в Браสลавщине при переяславских епископах Гервасие и Иове (1757–1776) // Подольские епархиальные ведомости. 1889. Прибавление. № 6, 7, 9, 10–12, 15–17; *Сапунов В.* Очерки истории унии в Полоцкой епархии // Витебская старина. Витебск, 1889 Т. 5 (отд. изд-е.: *Сапунов В.* Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до середины XIX в. – Извлечение из V тома “Витебской старины”. Витебск, 1889).
- 24 *Мордвинов В.[П.]* Православная церковь в Буковине (в Австрии). СПб., 1874; *Вознесенский Г.А.* Православные славяне в Австро-Венгрии. СПб., 1913; *Троицкий С.* Православие, уния и католичество у славян и румын в Австро-Венгрии. Пг., 1914. О конгрессах униат Галиции в Велеграде см.: *Винтер Э.* Папство и царизм. М., 1964. С. 452, 458–460.
- 25 *Высоцкий И.И.* Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией (1710–1910 гг.). Рига, 1910. Вып. 2: Православие, ч. 1. С. 7–11.
- 26 *Голыцын Н.Н.* История русского законодательства о евреях. СПб., 1886. Т. 1. Оголтелую трактовку “паразитизма” см.: *П.И.* Евреи в Привислянском крае. Характеристика их деятельности среди христианского населения этого края. СПб., 1892.
- 27 *Чумиков А.А.* Густав IV-й и великая княжна Александра Павловна // Русский архив. 1887. Кн. 1. № 1. С. 59–98 (составлено по шведским источникам); *Чумиков А.А.* Густав IV-й и великая княжна Александра Павловна в 1797 г. Материалы, касающиеся сватовства короля Густава IV (из шведских источников) // Русская старина. 1885. № 11. С. 233–246; *Дризен Н.В.* Густав IV и великая княжна Александра Павловна. 1794–1796 гг. // Русская старина. 1896. Т. 85–88. № 2–5, 7–10.
- 28 *Петров Н.И.* Раскол и единоверие с царствования Екатерины II до царствования Николая I // Труды Киевской Духовной академии. 1881. № 8. С. 367–390; *Субботин Н.И.* Кем и как положено начало единоверия в Русской церкви // Братское слово. 1892. № 2. С. 108–121; *Субботин Н.И.* О единоверии (по поводу его столетнего юбилея). М., 1901; *Смирнов П.С.* Исторические очерки единоверия // Вера и разум. 1893. Т. 1. Ч. 1. № 12. С. 769–806; *Жмакин В.И.* Учреждение единоверия (27 октября 1800 года) // Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1900. № 43; *Жмакин В.И.* Единоверие в 1797–1799 гг. // Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1900. № 46; *Жмакин В.И.* Начало единоверия (1780–1796) // Христианское чтение. 1900. № 12. С. 979–1004; *Жмакин В.И.* Эпизод из истории единоверия // Христианское чтение. 1903. № 10. С. 438–485; *Белоликов В.З.* Из истории поморского раскола во второй половине XVIII в. // Труды Киевской Духовной академии. 1915. № 9. С. 138–141; *Белоликов В.З.* Инок Никодим Стародубский (его жизнь и литературная деятельность). Киев, 1915.
- 29 *Ильминский Н.* О переводе православных христианских книг на инородческие языки. Казань, 1875. С. 3, 4, 6–10, 28, 38, 43.
- 30 *Николай (Адоратский), иеромонах.* Исторический очерк католической пропаганды в Китае // Православный собеседник. 1885. № 9. С. 24–69.
- 31 *Николай (Адоратский), иеромонах.* Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. Казань, 1887; Вып. 1–2; *Хохлов А.Н.* Указ. соч. С. 340–344.
- 32 *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 81–82.
- 33 *Воронец Е.* Материалы для изучения и обличения мухамедданства. Казань, 1873–1877. Вып. 1–3; *Воронец Е.* Русским ли правительством узаконено идолопоклонническое ламство в православной России? Харьков, 1889; *Воронец Е.* Основные черты распространения христианства на Руси де-

- вятьсот лет назад и ныне. Харьков, 1890; *Воронец Е.* Нужны ли для России муфтии? М., 1891.
- 34 *Хрусталева А.* Очерк распространения христианства между иноверцами Казанского края. Казань, 1874; *Можаровский А.Ф.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 г. по 1867 год // ЧОИДР. 1880. Кн. I; *Можаровский А.Ф.* Инородцы-христиане Нижегородской епархии сто лет тому назад // Нижегородские епархиальные ведомости. 1886. № 1/2; *Беляев И.* Русская миссия на окраинах: ист.-этногр. очерк. СПб., 1900; *Матвеев С.М.* О крещеных инородцах Уфимской епархии. Доклад миссионерскому съезду в г. Казани по вопросу о христианском просвещении инородцев Уфимской епархии. Уфа, 1910; *Нестор, иеромонах.* Православие в Сибири (ист. очерки). СПб., 1910.
- 35 *Чернавский Н.* Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Оренбург, 1900. Вып. 2. С. 83, 120.
- 36 *Чельцов М.П.* Единоверие за время столетнего существования его в Русской церкви. М., 1900; *Лебедев Е.Е.* Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу // Христианское чтение. 1903. № 1–3; *Лысогорский Н.В.* Московский митрополит Платон как противораскольнический деятель. Ростов н/Д, 1905. С. 335–439.
- 37 *Дионисий, иеромонах.* Идеалы православно-русского инородческого миссионерства. Казань, 1901. С. 24.
- 38 *De l'Armenie et des armeniens. P., 1845; Dulaurier E.* Histoire, dogmes, traditions et liturgies de l'église armenienne orientale. P., 1857.
- 39 *Эзов Г.А.* Начало сношений Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством. Историческое исследование по неизданным документам. Б.м., б.г. С. 8–40.
- 40 *Лео (Бабахаян А.)* Католикос Иосиф Аргутян. Тифлис, 1902 (на арм. яз.).
- 41 *Даревский И.А.* К истории евреев в Киеве от половины VIII в. до конца XIX в. Киев, 1907. С. 94–96.
- 42 *Фиркович З.А.* От издателя // *Смирнов В.Д.* Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб., 1890. С. I–V. Характерно, что и В.Д. Смирнов, видный официальный ориенталист, специально приглашенный общиной караимов для подготовки сборника, не возражал против “полного слияния”, утверждая, что со времен Екатерины II в русском праве нет сомнений в верности караимов: Там же. С. II (второго счета).
- 43 *Летописи хоринских бурят: хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова.* М.; Л., 1940; *Ванчикова Ц.П.* Указ. соч. С. 36–42.
- 44 *Знаменский П.В.* Приходское духовенство со времени реформы Петра. Казань, 1873. См. также: *Знаменский П.В.* Руководство к русской церковной истории. СПб., 1871. Последующие издания этого курса дополнялись “Чтениями из истории Русской церкви за царствование Екатерины II” (Православный собеседник. 1875. Ч. 1–3, № 1–6, 8, 9, 11–12).
- 45 *Freeze G.L.* The Russian Levites. Parish clergy in the eighteenth century. Cambridge (Mass.); L., 1977. P. IX–X.
- 46 *Покровский И.Т.* Торговое село Рогачево (приход и волость) Дмитровского уезда Московской губернии. М., 1886. Ч. 1; *Покровский И.М.* Историко-археологическая, статистическая и бытовая записка о приходе в с. Раеве: к столетию приходского храма в с. Раеве Моршанского уезда Тамбовской епархии. Тамбов, 1899.
- 47 *Беликов В.* Отношение государственной власти к Церкви и духовенству в царствование Екатерины II (1762–1796) // Чтения в Обществе любителей ду-

- ховного просвещения (ЧОЛДП). 1874. Кн. 1, 3, 6, 8; *Знаменский И.М.* Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880.
- 48 *Бердников И.С.* [рец.]: *Благовидов Ф.В.* Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX в. (Казань, 1899). Казань, 1900. С. 5, 6, 9–13.
- 49 *Горчаков М.И.* [рец.]: *Барсов Т.В.* Святейший Синод в его прошлом. СПб., 1896; *Барсов Т.В.* Синодальные учреждения прежнего времени. СПб., 1897; 2-е изд. СПб., 1899. С. 10–15.
- 50 *Суворов Н.* Курс церковного права. Ярославль, 1889–1890. Т. 1–2.
- 51 *Лебедев А.* Вероисповедное положение армян в России до времени Екатерины II (включительно) // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). 1909. Кн. 4. Отд. III. С.10 (особого счета). Не путать автора с канонистом А.П. Лебедевым.
- 52 *Бердников И.С.* Краткий курс церковного права Православной греко-русской церкви, с указанием главнейших особенностей католического и протестантского церковного права. Казань, 1888.
- 53 *Доброклонский А.П.* Отношение европейских правительств к католичеству и католической церкви во второй половине XVIII века // ЧОЛДП. 1881. № 8. Отд. I. С. 187.
- 54 *Доброклонский А.* Руководство по истории Русской церкви. М., 1898. Вып. 3.
- 55 *С-ий М.* Исторические очерки единоверия. СПб., 1867 (М. С-ий – это протоиерей М. Семеновский); *Верховский Т.А.* Искание глаголемыми старообрядцами в XVIII веке архиерейства. СПб., 1877 (впервые опубли.: Православный собеседник. 1867. № 1–12, под инициалом “Z”); *Лилеев М.И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. Киев, 1895; Вып. 1–2; *Высоцкий Н.Г.* Отношение к старообрядцам светского правительства в царствование императора Петра III // Богословский вестник. 1916. № 2. С. 276–300.
- 56 *Григорович Н.И.* Обзор общих законоположений о содержании православного приходского духовенства в России со времени введения штатов по духовному ведомству 1763–1764 гг. СПб., 1867; *Григорович Н.И.* Обзор учреждения в России архиерейских православных кафедр и способов их содержания. 1764–1866. СПб., 1869; *Покровский И.М.* Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 г. Казань, 1907.
- 57 *Покровский И.М.* Екатерининская комиссия о составлении проекта нового Уложения и церковные вопросы к ней (1769–1771). Казань, 1910; *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы (опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования). Казань, 1913. Т. 2: XVIII в.
- 58 *Покровский И.М.* Значение высшей русской иерархии и исторические условия ее служения Церкви и государству до XVIII века. Казань, 1898. С. 5–7.
- 59 *Титлинов Б.В.* Гавриил (Петров), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1730–1801). Его жизнь и деятельность в связи с церковными делами того времени. Пр., 1916.
- 60 О “прагматической веротерпимости” в эпоху бироновщины также см.: *Титлинов Б.В.* Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам Православной церкви. Вильна, 1905.
- 61 *Титлинов Б.В.* Православие на службе самодержавия в Русском государстве. Л., 1924.
- 62 *Смолич И.К.* История Русской церкви в XVIII в. // *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской церкви. М., 1997. Т. 8; 1-е изд.: *Smolitsch I.* Geschichte der russischen Kirche. Leiden, 1964. Bd. 1; Berlin, 1991. Bd. 2.

- 63 *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви. М., 1997. Т. 2. С. 312–317, 557. 1-е изд. Р., 1952. Vol. 1–2 (на рус. яз.).
- 64 О евангелическо-лютеранской церкви в Российской империи // Журнал МВД. 1856. Ч. 19. Отд. II. Исследования и описания. С. 45–85; *Вашкевич В.* Ламаиты в Восточной Сибири. СПб., 1885; *Вашкевич В.* Исторический обзор законодательства об устройстве евангелическо-лютеранской церкви в Прибалтийском крае. СПб., 1890.
- 65 *Балкашин Н.Н.* О киргизах вообще и о подвластных России мусульманах. СПб., 1887. С. 15–20, 34–39.
- 66 *Рыбаков С.Г.* Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Пг., 1917. С. 3.
- 67 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 19–28 // Соч. М., 1993–1994. Кн. X–XIV; *Соловьев С.М.* История падения Польши // Соч. М., 1995. Кн. XVI.
- 68 См. об этом: *Кучурин В.В.* Проблемы религии и церкви в трудах С.М. Соловьева: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 16–22.
- 69 *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 4–5 // Соч.: в 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 320; М., 1989. Т. 5. С. 34–35.
- 70 *Антонович В.Б.* Волинская тревога 1789 г. Киев, 1902. См. также: *Антонович В.Б.* Очерк отношений польского государства к православию и Православной церкви; Очерк состояния Православной церкви в Юго-Западной России с полвека XVII до конца XVIII столетия // *Он же.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т. 1. С. 265–278, 279–342; Оба “Очерка” ранее опубликованы: см.: *Антонович В.Б.* Очерк отношений польского государства к Православию и Православной церкви / изд. состоящей при Киевском, Подольском и Волинском генерал-губернаторе Временной комиссии для разбора древних актов. Киев, 1866 (2-е изд. Вильна, 1867); *Антонович В.Б.* Очерк состояния Православной церкви в Юго-Западной России по актам (1650–1798) // Акты Юго-Западной России. Киев, 1871. Ч. I, т. 4.
- 71 *Бершадский С.А.* Положение о евреях 1804 г.: опыт исторического исследования оснований и мотивов этого законодательного памятника (на основании источников) // Восход. 1895. № 1, 3, 4, 6.
- 72 *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907; *Клочков М.В.* Генерал-прокуроры при Павле I. СПб., 1912. С. 38–40; *Клочков М.В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.
- 73 *Крачковский И.Ю.* Очерки русской арабистики. М., 1950. С. 187.
- 74 *Луппов П.Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. С 62-мя приложениями и картой. Ижевск, 1999. С. 172–223, 245–250 (1-е изд. СПб., 1899); *Добросмыслов А.И.* Введение ко второму выпуску “Оренбургской епархии в прошлом ее и настоящем” Н. Чернавского // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1901. Вып. 10. С. 4.
- 75 См.: *Бартольд В.В.* Соч.: в 9 т. М., 1966. Т. 6. С. 429.
- 76 *Zenkovsky S.A.* Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, 1960. P. 14–18, 58–60.
- 77 *Писаревский Г.Г.* Внутренний распорядок в колониях Поволжья при Екатерине II. Варшава, 1914. С. 12–35.
- 78 *Латкин В.Н.* Законодательные комиссии в России XVIII ст.: ист.-юрид. исслед. СПб., 1887. Т. 1; *Шахматов М., Кострицын Н.* Обзор истории кодификации духовных правил и узаконений Православной греко-российской церкви с конца XVIII столетия по настоящее время // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 2/3.

- 79 Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // *Временник Демидовского юридического лицея*. 1898–1899. Кн. 74–77.
- 80 Александров И.Ф. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России // *Изв. Таврической уч. арх. комиссии*. Симферополь, 1914. Т. 51. С. 207–220.
- 81 Библиографию курсов и обзор концепций см.: *Канский П.Е.* Власть Всероссийского императора. М., 1999. С. 153–164; 1-е изд. Одесса, 1913.
- 82 *Темниковский Е.Н.* Положение Императора Всероссийского в Русской православной церкви // *Записки Демидовского юридического лицея*. Ярославль, 1909. Вып. 1. С. 79; *Темниковский Е.Н.* Один из источников Духовного регламента // *Сборник Харьковского историко-филологического общества*. 1909. Т. 18. Пошана. С. 527–534.
- 83 *Белозерская Н.* Царское венчание в России: ист. очерк // *Русская мысль*. 1883. № 4, 5; *Георгиевский Г.* Коронование русских государей (ист. очерк) // *Русское обозрение*. 1895. № 11; 1896. № 1, 3–5.
- 84 *P[ann] E[вгений]*. Русский раскол и законодательство: ист. очерки из новейшего времени // *Вестн. Европы*. 1880. Т. 2, № 4. С. 508–518; *Pann E.* Меры правительства против раскола (ист. очерк за XVIII столетие) // *Русская речь*. 1880. № 9. С. 125–126.
- 85 *Chamich M.* History of Armenia. Calkutta, 1827. Chamich – это Чамчян.
- 86 *Винтер Э.* Указ. соч. С. 271.
- 87 *Theiner A.* Die neuesten Zustände der Katholischen Kirche beider Ritus in Polen und Rußland seit Katharina II bis auf unsere Tage. S. 24.
- 88 *Zaleski S.* Jezuici w Polsce. Т. 5. Jezuici w Polsce porozbiorowej 1773–1905. Część I. 1773–1820. Kraków, 1906; 1-е изд. Р., 1879. На фр. яз.
- 89 *Tarnawski M.* Kodeks Zamoyskiego na tle stosunków kościelno-panstwowych za czasów Stanisława Augusta. Lwów, 1916. S. 173.
- 90 *Theiner A.* La chiesa scismatica Russa. P., 1846; *Theiner A.* Histoire du Pontifikat de Clément XIV. P., 1852; *Pelesz J.* Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeit bis auf Gegenwart. Würzburg; Wien, 1878–1881. Bd. 1–2; *Chotkowski W.* Historia polytychna dawnych klasztorów panienskich w Galicyi. 1773–1848. Kraków, 1905; *Likowski E.* Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku, uwazane glowne ze wzgledu na przyczyny jego upadku. Warszawa; Kraków, 1906. Czesc I–II. Об австрофильстве см.: *Винтер Э.* Указ. соч. С. 287.
- 91 Ю.Ф. Самарин указывал, что к этому времени в Европе вышло довольно много разоблачительных антииезуитских работ (*Самарин Ю.Ф.* Указ. соч. С. 300), из которых он наиболее оценил труд порвавшего с католичеством аббата В. Гутэ (*Guettée V.* Histoire des Jésuites. P., 1852–54. Vol. 2–3). Здесь широко освещался и белорусский эпизод истории ордена.
- 92 *Rosaven P.* La compagnie de Jésus, conservée après la suppression de 1772. Récit d'un Jésuite de la Russie Blanche. P., 1872. На русском языке читатель мог отчасти познакомиться с собранной им перепиской Екатерины II об иезуитах по работе: *Грот Я.К.* Екатерина II в переписке с Гриммом. II. Папы и иезуиты // *Сб. ОРЯС*. 1881. Т. XXI, № 4. С. 1–22.
- 93 *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. P., 1912. Vol. V: Catherine II – Paul Ier – Alexandre Ier. О Пирлинге см.: *Винтер Э.* Указ. соч. С. 22–23.
- 94 Интересно, что знакомство именно с его взглядами побудило В.С. Соловьева к созданию работы “Россия и Вселенская церковь”, прочно вошедшей в строй филокатолической и антирусской пропаганды: в России до 1917 г. свет увидела только третья часть этой книги (*Соловьев В.С.* Троичное начало и

- его общественное приложение // Свободная совесть. М., 1906. Кн. 1), но первые две ее части были выпущены именно издательством “Анчица”, сотрудничавшем с С. Ашкенази и краковской школой (*Соловьев В.С.* Россия и Вселенская церковь. Краков, 1904). Филокатолики особенно рекомендовали книгу для интеллигенции (*Берг Л.* Римско-католическая церковь и православная Россия. Берлин, 1926. С. 31).
- ⁹⁵ *Амара-Пуанье М.* Посол Его Святейшества. Деятельность Томмазо Ареццо, апостольского нунция в Санкт-Петербурге в царствование Александра I. СПб., 1996; *Boudou A.* Le Saint-Siège et la Russie. P., 1922–1925. Vol. I–II; *Umiński J.* Historia kościoła. Lwów, 1934. Т. II; *Rouët de Journel M.J.* Introduction // Nonciatures de Russie d apres les documents autentiques. Nonciature de Litta. Citta del Vaticano, 1943. P. V–LXVIII (это Введение к изданию источников, несомненно, историографический факт); *Gomez H.* El Catolicismo en Rusia (Esfuerzos unionistas de la Europa Occidental y catolica y repulsa sistemática de Los mismos por parte de la Iglesia y del Estados Rusos). Madrid, 1959; *Pastor L., von.* Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Frieburg; Rom, 1961. Bd. XVI: Geschichte der Päpste im Zeitalter des fürstlichen Absolutismus. Von den Wahl Benedikts' XIV bis zum Tode Pius VI (1740–1799) (книга написана в 1930–1933 гг.).
- ⁹⁶ Он вынашивал труд “Россия и папство”, но так и не создал его (*Винтер Э.* Указ. соч. С. 24–25).
- ⁹⁷ *Хетагуров К.* Собр. соч.: в 5 т. М., 1960. Т. 4. С. 12–17, 67–72.
- ⁹⁸ *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч. М., 1976. Т. 1. С. 414; Т. 2. С. 33, 526–528.
- ⁹⁹ *Гаспринский Исмаил Бей.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881. С. 3, 8–9, 21–22. Позже он пришел к идее русско-восточного соглашения: “Я верю, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства” (*Гаспринский Исмаил Бей.* Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания Исмаила Гаспринского. Бахчисарай, 1896. С. 31).
- ¹⁰⁰ См. об этом: *Гессен Ю.И.* Указ. соч.
- ¹⁰¹ *Лотоцький О.* Українські джерела церковного права. Варшава, 1931. С. 145, 277–298. Книга, несмотря на год издания, – памятник прежде всего дореволюционной литературы украинского национализма.
- ¹⁰² *Senyk S.* A History of the Church in Ukraine. Roma, 1993. Vol. 1. P. V–VI.
- ¹⁰³ См. например: *Климов В.В.* Православная церковь в Украине: от самостоятельности к зависимости (конец XVII–XVIII ст.) Киев, 1995.
- ¹⁰⁴ *Tamarati M.* L' Eglise géorgienne des origines jusqu'à nos jours. Rome, 1910. Tamarati – это Тамарашвили.
- ¹⁰⁵ *Меликсет-Бек Л.М.* Юридическое положение верховного патриарха армянского: крат. догмат. очерк. Одесса, 1911; *Меликсет-Бек Л.М.* Из материалов для истории армян на Юге России. Тифлис, 1914.
- ¹⁰⁶ *Орманиани М.* Армянская церковь: ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература и ее настоящее. М., 1913; *Tournebize F.* Histoire politique et religieuse de l'Arménie. P., 1900; *Basmanjian K.J.* Histoire moderne des arméniens. P., 1917.
- ¹⁰⁷ Библиографию их работ см.: *Азаматов Д.Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в общественной и духовной жизни мусульманского населения Южного Урала в конце XVIII–XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1994. С. 2.
- ¹⁰⁸ См.: *Мухаметдинов Р.Ф.* Связи татарской культуры с культурой народов Востока по VI тому “Вафийат...” // Марджани: ученый, мыслитель, просветитель. Казань, 1990. С. 160–166. Это созвучно и наблюдениям современных

- исламоведов. См.: *Кюгельген А., фон.* Расцвет Накшбандия-Муджадия в Средней Трансоксании с XVIII до начала XIX в.: опыт детективного расследования // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): сб. статей памяти Фритца Майера (1912–1998). СПб., 2001. С. 316, 321.
- ¹⁰⁹ *Дмитриева Л.В., Музинов А.М., Муратов С.Н.* Описание тюркских рукописей Института научного атеизма. М., 1965. Т. 1. С. 71–73; *Юсупов М.Х.* Указ. соч. С. 89, 90, 118, 136; *Юзеев А.* Мировоззрение Ш. Марджани. С. 40, 41, 48.
- ¹¹⁰ *Кричинский А.* Очерки политики российского царизма на окраинах. Баку, 1918. Ч. 1.
- ¹¹¹ *Оршанский И.Г.* Русское законодательство о евреях: очерки и исслед. СПб, 1877.
- ¹¹² *Дубнов С.Н.* Судьбы евреев в России в эпоху западной “первой эмансипации” (1789–1815) // Евреи в Российской империи XVIII–XIX вв. М., 1995. С. 280–285. Впервые опубликовано в 1912 г. Это краткое, но насыщенное изложение концепции С.М. Дубнова до эмиграции.
- ¹¹³ См. об этом: *Локшин А.* Указ. соч. С. 15; *Клиер Д.Д.* Россия собирает своих евреев: происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М.; Иерусалим, 2000. С. 6–8.
- ¹¹⁴ *Гессен Ю.И.* К истории религиозной борьбы среди русских евреев в конце XVIII и в начале XIX в. (по архивным данным) // Евреи в Российской империи XVIII–XIX вв. М., 1995. С. 249–271. Впервые опубликовано в 1902 г.
- ¹¹⁵ *Гессен Ю.И.* История еврейского народа в России. Л., 1925–1927. Т. 1–2.
- ¹¹⁶ *Эпштейн М.Б.* Религиозный мотив в русском законодательстве о евреях // Еврейская летопись. Л.; М., 1924. Сб. 3. С. 119–123.
- ¹¹⁷ *Клиер Д.Д.* Указ. соч. С. 9–10. Здесь же зарубежная библиография. Для русскоязычного читателя доступна статья одного из патриархов старой зарубежной иудаики, см.: *Эттингер Ш.* Положение о евреях 1804 г. // *Он же.* Россия и евреи. Иерусалим, 1999. С. 180–215. Впервые опубликовано на иврите в 1972 г.
- ¹¹⁸ *Хутерер В.М.* Документы по еврейской истории XVI–XX вв. в Киевских архивах. М.; Киев; Иерусалим, 2001. С. 19.
- ¹¹⁹ *Lescouer R.P.L., le.* L’Eglise catholique en Pologne sous le Gouvernement Russe. P., 1876. S.XII, 5–21; 1-е изд. P., 1860.
- ¹²⁰ *Kriegseizen W.* Between intolerance and persecution. Polish and Lithuanian protestants in the XVIIIth century // Acta Poloniae Historica. 1996. Т. 73. S. 24–25.
- ¹²¹ *Schmitt H.* Dzieje panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. Lwów, 1868. Т. 1. S. 145–147, 154–156, 166–175, 223.
- ¹²² *Kalinka W.* Sejm Czteroletni. Lwów, 1881. Т. II, ks. 4–5. S. 300–334. О месте В. Калинки в краковской школе см.: *Dembinski Br., Halecki O., Handelsman M.* L’historiographie Polonaise du XIXme et du XXme siecle. VIIe Congrès International des Sciences Historiques. Varsovie, 1933. S. 9.
- ¹²³ *Rudnicki K.* Biskup Kajetan So(ty)k (1715–1788). Warszawa, 1910; *Loret M.* Kosciol katolicki a Katarzyna II 1772–1784. Kraków; Warszawa, 1910; *Lubienska M.C.* Sprawa dysydencka 1764–1766. Kraków; Warszawa, 1911.
- ¹²⁴ *Iwasykiewicz J.* Szymon Askenazy. 1867–1935 // Ateneum Wilenske. Rocznik XI. 1936. S. 901.
- ¹²⁵ *Sakowicz E.* Kosciol prawoslawny w Polsce w epoce Sejmu Welykiego. Warszawa, 1935; *Deruga A.* Kosciol prawoslawny a sprawa “buntu” w 1789 r. we wschodnich wojewodstwach Rzeczypospolitej. Wilno, 1938.
- ¹²⁶ *Клиер Д.Д.* Указ. соч. С. 59, 68, 95, 144, 145.
- ¹²⁷ Библиографию этих трудов см.: *Курило О.В.* Очерки по истории лютеран в России (XVI–XX вв.) М., 1996; *Курило О.В.* Лютеране в России (XVI–XX вв.)

- М., 2002; *Алакишин А.В.* Становление протестантской общины в Санкт-Петербурге в первой четверти XVIII в.: автореф. дис... канд. ист. наук. Челябинск, 1998.
- 128 *Религия и правительство.* Казань, 1919 (на татар. яз.) Цит. по: *Ишмухаметов З.А.* Социальная роль ислама в Татарстане: ист. очерки. Казань, 1979. С. 34.
- 129 *Ковалев Ф.* Церковь и государство. М., 1926. Ч. 1. С. 3. См. также: *Лукин (Антонов) Н.М.* Церковь и государство. М., 1919; *Титлинов Б.В.* Православие на службе самодержавия; *Троицкий А.* Церковь и государство в России. М., 1925.
- 130 *Ишемгулов Б.* Русское самодержавие и мусульманское духовное правление. М., 1930. С. 47 (на татар. яз.). Цит. по: *Ишмухаметов З.А.* Указ. соч.
- 131 *Гирченко В.П.* Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. Верхнеудинск, 1922; *Ташкин С.Ф.* Иногородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатеринбургской законодательной комиссии. Казань, 1922.
- 132 *Никольский Н.М.* История Русской церкви. М., 1985. С. 206; 1-е изд. М., 1930.
- 133 *Климович Л.И.* Указ. соч. С. 21–26, 66. О его взглядах также см.: *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 165, 184–187.
- 134 *Такоева Н.* Миссионерство в системе колониальной политики царизма на севере Кавказа // *Революционный Восток.* 1936. № 2/3 (36/37). С. 48–64; *Базанов А.Г.* Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере (Тобольский Север). Л., 1936; *Огрызко И.И.* Христианизация народов Тобольского Севера. Л., 1941; *Скитский Б.В.* К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в.; К вопросу о феодализме в Дигории // *Он же.* Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972 (переизд. статей конца 30-х годов). Аналогичные материалы и наблюдения по второй половине XVIII в. см. также в многочисленных работах 1930–1950-х годов И.Д. Кузнецова, В.Д. Дмитриева, П.В. Денисова, А.Н. Григорьева.
- 135 *Сыромятников Б.И.* “Регулярное” государство Петра Первого и его идеология. М.; Л., 1943. Ч. 1. С. 122, 146–151.
- 136 *Зутис Я.Н.* Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С. 125–127, 133, 173–175.
- 137 *Слицан Б.Г.* Реформа церковного управления // *Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I.* М., 1954. С. 371–379; *Павленко Н.И.* Церковь и государство в первой половине XVIII в. // *История СССР с древнейших времен до наших дней.* М., 1967. Т. 5. С. 212–213.
- 138 *Андриашвили Р.И.* Особенности исторической эволюции ислама в Грузии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1990; *Литвинов П.П.* Антитатарская политика царизма в Средней Азии и Казахстане // *Материалы по истории татарского народа.* Казань, 1995. С. 367; *Наумова О.Е.* Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX в. Иркутск, 1996; *Асочакова В.Н.* Политика христианизации в Хакасско-Минусинском крае в XVIII–XIX вв. // *Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития.* Абакан, 1998. С. 88–93.
- 139 *Макаров М.Д.* Некоторые вопросы истории христианизации чуваш // *Вопросы истории и историографии чувашского народа.* Чебоксары, 1970. Вып. 1. С. 116–150; *Солдаткин М.П.* Политика русского царизма по христианизации мордвы (из истории внутренней политики царизма в национальных районах Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974; *Шишигин Е.С.* Христианизация народов Якутии в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск,

- 1975; *Кудряшов Г.Е.* Православное миссионерство в Среднем Поволжье: история и оценка его деятельности // История христианизации народов Среднего Поволжья: крит. суждения и оценки. Чебоксары, 1988. С. 48–59; *Макаров Г.П.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Сибири // Вопросы научного атеизма. М., 1988. Вып. 37: Православие в истории России. С. 187–201.
- 140 *Блиев М.М.* Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII в. – 30-е гг. XIX в.) Орджоникидзе, 1970; *Мерденов Х.-М.Ю.* Роль Православной церкви в развитии русско-осетинских политических и культурных связей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- 141 *Доржиева Г.Ш.* Политика царизма и православная миссия среди калмыков (конец XVII в. – 1771 г.) // Культура и быт калмыков. Элиста, 1977. С. 14–27; *Доржиева Г.Ш.* Политика самодержавия и православная миссия среди калмыков (конец XVII – до середины XIX в.) М., 1977 (деп. в ИНИОН АН СССР); *Федоров М.М.* Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.). Якутск, 1978. С. 82–103, 161–177; *Громов В.П.* Административно-территориальное деление и церковное управление Предкавказья во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Ростов н/Д, 1982 (деп. в ИНИОН АН СССР); *Михалева Г.А.* Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Ташкент, 1982. С. 22–24 (данные о сеитовских татарах).
- 142 *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старобрядцев. Новосибирск, 1974. С. 288–296, 365–384; *Покровский Н.Н.* К истории появления в Сибири забайкальских “семейских” и алтайских “поляков” // Изв. Сибирского отд. АН СССР. 1975. № 6. Сер. обществен. наук. Вып. 2. С. 109–112.
- 143 *Громыко М.М.* Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Сов. этнография. 1984. № 5. С. 70.
- 144 *Зольникова Н.Д.* Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.) Новосибирск, 1981; *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. Последний сюжет был позже развит и учеником Н.Д. Зольниковой. См.: *Николаев А.П.* Приходские общины новокрещенных Северо-Западной Сибири во второй половине XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1996.
- 145 *Комиссаренко А.И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в.: очерки истории секуляризационной реформы 1764 г. М., 1990; *Комиссаренко А.И.* Ликвидация церковной земельной собственности и русское общество (отношение духовенства, дворянства и крестьянства к секуляризационной реформе // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 313–334. Историк продолжил работу над темой, см.: *Комиссаренко А.И.* Г.Н. Теплов и секуляризационная реформа 1764 г. // Сподвижники Великой Екатерины: тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 1997. С. 49–52.
- 146 *Иоаннисян А.Р.* Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1947; 2-е изд. М., 1990 (без научно-справочного аппарата).
- 147 *Ананян Ж.А.* Армянская колония Григориополь. Ереван, 1969 (на арм. яз.).
- 148 *Кулбахтин Н.М., Сергеев Ю.Н.* Религиозная политика царизма в Башкирии в XVIII в.; *Кульшарипов М.М.* Открытие духовного управления мусульман в Уфе // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (доревол. п-д). Уфа, 1988. С. 34–43, 43–47; *Ас-*

- фандияров А.З.* Религиозная политика царизма в Башкирии в период феодализма // Башкирский край. Уфа, 1991. Вып. 1. С. 3–9.
- 149 *Бакаева Э.П.* Буддизм в Калмыкии: ист.-этногр. очерки. Элиста, 1984. С. 15, 21–34, 37–44; *Карагодин А.И.* Калмыцкое духовенство в XVII – первой половине XIX в. // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста, 1987. С. 5–23.
- 150 Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1983. С. 15–26.
- 151 Русское православие: веки истории. М., 1989; The Russian Orthodox Church, Xth–XXth Centuries. Moscow, 1988. То же на ит. яз.
- 152 *Маркова О.П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966.
- 153 *Винтер Э.* Указ. соч. 1-е изд. Берлин, 1960. (на нем. яз.).
- 154 *Winter E.* Der Iosefinismus. Die Geschichte des Osterreichischen reform katholismus 1740–1848. Berlin, 1962.
- 155 *Винтер Э.* Указ. соч.
- 156 *Piwarski K.* Wstep // Papiestwo wobec sprawy polskiej w latach 1772–1864. Wybór źródeł. Wrocław, 1974. S. XVII–XXII.
- 157 *Омельченко О.А.* Церковь в правовой политике “просвещенного абсолютизма” в России // Историко-правовые вопросы взаимоотношений государства и церкви в истории России. М., 1988. С. 24–92; *Омельченко О.А.* “Законная монархия” Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 225–227
- 158 *Титов Н.Ю.* Борьба российского абсолютизма за подчинение церкви в XVIII в. М., 1984. (деп. в ИНИОН АН СССР); *Титов Н.Ю.* Процесс огосударствления церкви в XVIII–XIX вв. // Вопросы научного атеизма. М., 1988. Вып. 37: Православие в истории России. С. 173–186.
- 159 *Papoulidis C.* Le patriarche ?cumenique Sérapheim II et les Russes // Balkan Studies. 1976. Vol. 17, № 1. P. 56–66.
- 160 *Wolff L.* The Vatican and Poland in the age of the partitions: Diplomatic and cultural encounters at the Warsaw nunciature. N.Y., 1988.
- 161 *Fisher A.W.* The Russian Annexation of the Crimea. 1772–1783. Cambridge, 1970.
- 162 См. об этом: *Степанов Д.Е.* Историкогеография погранично-территориальных проблем Китая: от традиционных подходов к современной интерпретации // Границы Китая: история формирования. М., 2001. С. 31.
- 163 *Widmer E.* Op. cit. P. 211–213, 225.
- 164 См.: *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. М., 2001. С. 19–26.
- 165 *Freeze G.L.* Op. cit.
- 166 *Миронов Б.Н.* Социальная история России. СПб., 1998. Т. 2. С. 117.
- 167 *Freeze G.L.* Rechristianization of Russia: The Church and Popular Religion, 1750–1850 // Studia Slavica Finlandensia. 1990. № 7. P. 101.
- 168 *Madariaga I., de.* Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven; L., 1981. P. 111–122, 503–520; М., 2002 (рус. изд.). Так же считала П. Пера, ученица И. де Мадариага (*Pera P.* Dispotismo illuminato e dissenso religioso: i Vecci credenti nell’eta di Caterina II // La Rivista storica italiana. 1985. Vol. XCVII. Fasc. II. P. 501–617).
- 169 *Kahle W.* Die Begegnung des baltischen Protestantismus mit der russisch-orthodoxen Kirche. Leiden; Köln, 1959; Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen / Bearbeitung J. Schnurr. Evangelischer Teil. Katholischer Teil. Stuttgart, 1978–1980; *Pistohlkors G., von.* Die Ostseeprovinzen unter russischer Herrschaft, 1710/95–1914 // Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder. Hrsg. G. von Pistohlkors. Berlin, 1994. S. 281–286.
- 170 *Rest M.* Die russische Judengesetzgebung von der ersten Polnischen Teilung bis zum “Polozenie dlja evreev” (1804). Wiesbaden, 1975.

- 171 Современный уровень развития иудаики характеризуют работы: *Анищенко Е.К.* Черта оседлости (Белорусская синагога в царствование Екатерины II). Минск, 1998; *Клиер Д.Д.* Указ. соч.; 1-е изд. Jerusalem, 1998 (на англ. яз.).
- 172 *Bienkowski L.* Organizacja Kosciola wschodnego w Polsce // *Kosciol w Polsce*. Kraków, 1970. T. 2. S.7, 81.
- 173 *Kolbuk W.* Trzy Kasaty unii Koscielnej: 1795, 1839, 1875 – różnice i podobieństwa // *Zeszyty Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego*. R. XXXIV. 1991. NR. 1/2 (133/134). S. 3–12; *Kolbuk W.* Koscioly Wschodnie na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej 1772–1914. Lublin, 1992.
- 174 *Glazik J.* Die Russisch-Orthodoxe Heidenmission seit Peter dem Grossen. Ein Missionsgeschichtlichen Versuch nach russischen Quellen und Darstellungen. Münster, 1954; *Glazik J.* Die Islammission der Russisch-Orthodoxen Kirche. Eine missionsgeschichtliche Untersuchung nach russischen Quellen und Darstellungenn. Münster, 1959.
- 175 *Саркисова Г.А.* Из истории Пятой духовной миссии в Пекине // *Православие на Дальнем Востоке*. СПб., 1993. [Вып. 1]: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. С. 17–22. Программу тогда выдвинуло Министерство высшей школы и технической политики РФ.
- 176 *Блэк Л.С., Болховитинов Н.Н.* Путь на Новый Валаам: становление Русской православной церкви на Аляске // *История Русской Америки (1732–1867)*. М., 1997. Т. 1: Основание Русской Америки (1732–1799). С. 251–277; *Петров А.Ю.* Образование Российско-Американской компании. М., 2000. С. 105–108.
- 177 *Ванина И.Ю.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Восточной Азии (середина XVII – середина XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1995; *Шубина С.А.* Русская православная миссия в Китае (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998; *Ефименко М.Н.* Система епархиально-административного контроля христианизации нерусских народов и борьбы со старообрядчеством и сектантством в Оренбургской губернии в XVIII–XIX веках; *Фокин А.В.* К истории христианизации поволжских мусульман // *Христианство и ислам на рубеже веков*. Оренбург, 1998. С. 144–147, 154–156.
- 178 *Одинцов М.И., Пинкевич В.К., Редькина О.Ю.* Государственно-церковные отношения в политической истории России // *Государственно-церковные отношения в России*. М., 1995. Курс лекций. Ч. 1: Теоретико-методологические аспекты отношений государства и религиозных организаций. С. 36–46; *Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние)*. 2-е изд. М., 1996.
- 179 *Митрофаненко В.В.* Храмовое строительство на территории Ставропольского края во II половине XVIII века // *Ставропольская земля в прошлом и настоящем: материалы науч. конф.* Ставрополь, 1995. Ч. 1. С. 53–68; *Нечаева М.Ю.* Монастыри и власти: управление обителями Восточного Урала в XVIII в. Екатеринбург, 1998; *История Курганской области*. Курган, 1998. Т. 4: Церковь Южного Зауралья в досоветский период. С. 18–25, 63–156.
- 180 "Государственно-церковные отношения – совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей между институтами государства и институциональными религиозными образованиями (религиозными объединениями, религиозными партиями, международными конфессиональными центрами), одна из составных частей внутренней и внешней политики государства. В основе государственно-церковных отношений лежат законодательно закрепленные представления о месте религии и церкви в жизни общества, их функциях, сферах деятельности и компетенции всех субъек-

тков этих отношений” (Государственно-церковные отношения в России. С. 5)

- 181 *Шапов Я.Н., Васильева О.В., Зырянов П.Н., Ковальчук О.В., Кучумов В.А., Яковенко С.Г.* Движение за свободу вероисповеданий в России (устремления верующих и государственная политика в Новое время). М., 1995.
- 182 *Викторин В.М.* Исторические предпосылки современной этноконфессиональной ситуации на Северном Кавказе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: информ.-аналит. бюл. 1997. № 2. С. 66–78; *Викторин В.М.* Из истории религиозной политики России на Северном Кавказе (60–80-е годы XVIII в.) // Восток. 1998. № 6. С. 48–52.
- 183 *Вишленкова Е.А.* Религиозная политика: официальный курс и “общее мнение” России александровской эпохи. Казань, 1997. С. 62–76; *Арапов Д.Ю.* Неправославные религии в системе государственного управления Российской империи // Государственное управление: история и современность: тез. междунар. науч. конф. М., 1997. С. 64–65; *Римский С.В.* Конфессиональная политика России в Западном крае и Прибалтике XIX столетия // Вопр. истории. 1998. № 3. С. 25–44.
- 184 *Доржиева Г.Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии: опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX в.). Элиста, 1995. В основу положены публикации 1970-х годов.
- 185 *Ибнеева Г.* Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 г. // Ab Imperio. 2000. № 2. С. 94–101.
- 186 *Шовунов К.П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII – XIX вв.). Элиста, 1992; *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI – XVIII вв.). СПб., 1996; *Сергеев Ю.Н.* Православная церковь в Башкортостане (середина XVII – середина XIX в.). Уфа, 1996. С. 30–33 (автор пишет о “политике христианизации”, но приводит данные о развитии военно-службских татарское меньшинство и государство. М., 1998. С. 29–37; *Недвига Н.Г.* У истоков православия на Кубани (конец XVIII–XIX в) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 1998. № 1/2 (13/14). С. 29–38; *Васильев И.М.* Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию. Уфа, 2000. Ч. 1–2; *Зобов Ю.С.* Политика правительства по отношению к дворянству в Оренбургской губернии в дореформенный период // Социальная политика, социальное образование на региональном уровне: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Оренбург, 2000. С. 75–76.
- 187 *Носов Б.В.* Курляндское герцогство и русско-польские отношения в 60-е гг. XVIII века: к предыстории разделов Речи Посполитой // Славяноведение. 1993. № 5. С. 54–66; *Носов Б.В.* Польские конфедерации 1767 г. и политика России в “диссидентском вопросе” // Религия и политика в Европе XVI–XX вв. Смоленск, 1998. С. 77–94; *Носов Б.В.* Русская политика в диссидентском вопросе в Польше 1762–1766 гг. // Польша и Европа в XVIII веке: междунар. факторы разделов Речи Посполитой. М., 1999. С. 20–101; *Бобылев В.С.* Россия и Испания в международных отношениях второй половины XVIII века. М., 1997. С. 39, 40, 66, 67, 70, 71, 93, 126, 127; *Костяшов Ю.В.* Русско-сербские церковные связи в XVIII в. (по материалам российского посольства в Вене) // Балканские исследования. М., 1997. Вып. 17: Церковь в истории славянских народов. С. 140–160; *Горбунова С.В.* Оренбургская Пограничная комиссия и политика России в Младшем казахском жузе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Лещиловская И.И.* Балканская политика Екатерины II // Вопр. истории. 1999. № 2. С. 29–41; *Прийцак Ю.В.* Севе-

- ро-Западный Кавказ в политике Османской империи XVIII – первой трети XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2000; *Стегний П.В.* Первый раздел Польши и российская дипломатия // Новая и новейшая история. 2001. № 1–2; *Nosov B.V.* Strukturelle Angleichung als Ziel der russischen Politik gegenüber Polen, den baltischen Provinzen und der Ukrainen im Vorfeld der ersten Teilung Polens // Berliner Jahrbuch für osteuropäisch Geschichte. 1996. № 1: Osteuropäische Geschichte in vergleichender Sicht. S. 191–202.
- 188 *Елисеева О.И.* Геополитические проекты Г.А. Потемкина. М., 2000.
- 189 *Вишленкова Е.А.* Принципы российской политики в отношении к католической церкви на бывших польских землях (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Сподвижники Великой Екатерины: тез. докл. и сообщ. конф. М., 1998. С. 15–19.
- 190 *Рашкова Р.Т.* Папство в XVII–XVIII вв. и становление католических приходов в Петербурге // Христианский мир: религия, культура, этнос: материалы науч. конф. СПб., 2000. С. 33–37.
- 191 *Круглова Т.А.* Отношение старообрядческих общин Левобережной Украины к правительственной политике во второй половине XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 288–294; *Починская И.В.* Старообрядческое книгопечатание в XVIII – первой четверти XIX вв. Екатеринбург, 1993 (этому посвящен особый раздел монографии); *Ряжев А.С.* Государственная политика по отношению к старообрядцам – переселенцам из Речи Посполитой (вторая половина XVIII в.) // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв.: междунар. конф. “Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина”: тез. докл. М., 1994. Ч. II. С. 70–78.
- 192 *Фельдман Д.З.* Роль А.Р. Воронцова в формировании правового статуса евреев в России // Сподвижники Великой Екатерины: тез. докл. и сообщ. конф. М., 1997. С. 96–100; *Фельдман Д.З.* А.Р. Воронцов – автор общероссийского закона о статусе евреев 1791 г. // Е.Р. Дашкова и ее время: исслед. и материалы. М., 1999. С. 125–130.
- 193 *Браславский Л.Ю.* Ислам в Чувашии: ист. и культ. аспекты. Чебоксары, 1997; *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999; *Арапов Д.Ю.* Ислам в Российской империи. М., 2001. С. 16–39.
- 194 *Юнусова А.Б.* Указ. соч. С. 3–9, 36–39, 40–47; *Азаматов Д.Д.* Указ. соч.; *Азаматов Д.Д., Хусейнов М.* Оренбургское магометанское духовное собрание // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопед. словарь. М., 1998. Вып. 1. С. 71–72, 101–102.
- 195 *Судорогина Т.В.* Лютеранская кирха в Оренбурге // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. Оренбург, 1997. С. 23–27; *Сергеев Ю.Н.* Протестантизм в Башкирии: история и современное состояние // Христианство и ислам на рубеже веков. Оренбург, 1998. С. 192–194.
- 196 Законодательство Екатерины II. М., 2000. Т. 1–2. Авторы соответствующих разделов: Д.Ю. Арапов, А.В. Звонарев, С.М. Казанцев, Т.Е. Новицкая, Н.Ю. Титов, А.В. Цыпин, А.М. Четвертков.
- 197 *Фаизов Г.Б.* Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1995.
- 198 Там же. С. 5.
- 199 Там же. С. 7.
- 200 Там же. С. 9.
- 201 Там же. С. 8.
- 202 Там же. С. 7, 9.
- 203 Там же. С. 9.

- 204 Там же.
- 205 *Лиценбергер О.А.* Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове (1770–1935). Саратов, 1995; *Лиценбергер О.А.* Лютеранская церковь в Поволжье // История и культура российских немцев. Саратов, 1996. Вып. III, ч. 1. С. 55–64; *Лиценбергер О.А.* Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001; *Плеве И.Р.* Первые поселенцы беловежских колоний // История и культура российских немцев. Вып. III, ч. 1. С. 8–20; *Плеве И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. М., 2000.
- 206 *Бархударян В.Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань. Ереван, 1996 (на арм. яз.).
- 207 *Аракелян Г.Х.* Духовный центр Эчмиадзина в сфере противоборства России и Ирана в первой четверти XIX века по персидским и турецким документам Матенадарана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1991; *Вартанян В.Г.* Армяно-григорианская церковь в конфессиональной политике России (последняя треть XVIII в. – первая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-н/Д, 1999.
- 208 *Басилов В.Н., Карамышева Д.Х.* Ислам у казахов (до 1917 г.). М., 1997. С. 7–14.
- 209 *Шерстова Л.И.* Этнополитическая история тюрков Южной Сибири. XVII – начало XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1999. С. 24–30.
- 210 *Чимитдоржиев Ш.Б., Пурбуева Ц.П.* Дамба-Даржа Заяев – первый бандидо-хамбо-лама бурятских дацанов // Национальная интеллигенция, духовенство и проблема социального, национального возрождения Республики Бурятия. Улан-Удэ, 1995. С. 75–80; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Начало распространения буддизма в Бурятии // Бурятский буддизм: история и идеология. Улан-Удэ, 1997. С. 18–27.
- 211 *Литвинов П.П.* Указ. соч. С. 367–387; *Ислаев Ф.Г.* История Новокрещенской конторы. Казань, 1998.
- 212 *Гилязов И.А.* Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне: некоторые проблемы изучения // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С. 64.
- 213 *Гилязов И.А.* Политика царизма по отношению к татарам Среднего Поволжья во второй половине XVI–XVIII вв. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 251.
- 214 *Гилязов И.А.* Политика христианизации народов Среднего Поволжья. Казань, 1993. С. 162.
- 215 *Фаизов С.Ф.* Ислам в Поволжье. VIII–XX вв.: очерк истории. М., 1999. С. 23–30; *Валеев Р.М., Набиев Р.А.* История ислама в России // Ислам и мусульмане в России. М., 1999. С. 108–112; *Амирханов Р.М., Мухаметдинов Р.Ф.* Общественная и философская мысль в XVII–XVIII вв. // Очерки истории татарской общественной мысли. Казань, 2000. С. 83–86. За этноисториками в оценках XVIII в. следовал и Г.Б. Фаизов (См.: *Фаизов Г.Б.* Указ. соч. С. 41–45).
- 216 Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. Казань, 1994.
- 217 *Мухаметшин Р.М.* Ислам в России: ист.-методол. предпосылки исследования // Татарское возрождение. Эпоха и личности. Казань, 2000. С. 401–428.
- 218 *Bruess G.L.* Religion, Identity and Empire: A Greek Archbishop in the Russia of Catherine the Great. Boulder, 1997.
- 219 *Ходарковский М.* В королевстве кривых зеркал. (Основы российской политики на Северном Кавказе до завоевательных войн XIX в.) // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999. С. 19–39.

- 220 *Bryner E.* "...Respecter la religion, mais ne la faire entrer pour rien dans les affaires d'Etat". Die orthodoxe Kirche als staatsragendes Element unter Katharina II // *Russland zur Zeit Katharinas II.* Köln; Weimar; Wien, 1998. S. 151–167.
- 221 *Канпелер А.* Две традиции в отношении России к мусульманским народам Российской империи // *Отечеств. история.* 2003. № 2. С. 129–135.
- 222 *Шульце-Вессель М.* Традиции международной политики // *Ab Imperio.* 2000. № 2. С. 136–141.
- 223 *Франк А.* Татарские муллы среди казахов и киргизов в XVIII–XIX веках // *Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи.* Казань, 1993. С. 124–131 (в татарском переводе: *Франк А.* Мост, проложенный в прошлое: татарские муллы среди казахов в XVIII–XIX столетиях // *Казан утлары.* 1993. № 2. С. 171–175); *Франк А.* Справочники-путеводители (каталоги) для паломников к могилам "святых" шейхов и мусульманская общинная география в Волго-Уральском регионе: 1788–1917 гг. // *Ватандаш.* 2000. № 6/7; *Kemper M.* Op. cit.
- 224 *Полуцкая С.В.* Религиозная карта в политике Екатерины II на Беларуси; *Сосно В.А.* Крестьянство в имперских планах и политике Российского государства по отношению к Речи Посполитой // *Славяне и их соседи: имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: тез. XIV конф. М., 1995.* С. 83–86, 86–89; *Борисенок Ю.А.* Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // *Вопр. истории.* 2003. № 3. С. 116–122; *Султангалиева Г.С.* "Татарская" диаспора в конфессиональных связях Казахской степи (XVIII–XIX вв.) // *Вестн. Евразии.* 2000. № 4 (10). С. 20–36.
- 225 *Холтрон П.Н.* Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927): крат. обзор; *Холтрон П.Н.* Изменение политического положения Голландской реформатской церкви в Санкт-Петербурге в 1842 г.; *Бринкман Г.* Йохан Фредерик Хендрик Карп. История злополучного служения пастора в 1745–1749 гг. // *Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927)* СПб., 2001. С. 11–20, 39–63, 90–102.
- 226 *Чесовская М.Г.* Проблемы русского просвещенного абсолютизма второй половины XVIII века в американской и британской историографии 1960–1990-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 320–321, 329.
- 227 *Kovács E.* Zur Genese des Toleranzediktes Josephs II. aus österreichischer Sicht // *La Tolérance Civile. Colloque international organisé Université de Mons du 2 au 4 septembre 1981 à l'occasion du deuxième centenaire de l'Edit de Joseph II.* Bruxelles, 1982. P. 33–49.
- 228 *Фриз Г.Л.* Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // *История СССР.* 1991. № 2. С. 107–119.
- 229 *Буховец И.А.* Антинародная деятельность Православной церкви в Северной Буковине и борьба прогрессивных сил края против социально-экономического и политического гнета духовенства (1774–1918) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львов, 1987; *Костяшов Ю.В.* Сербь в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград, 1997; *Kaindl R.F.* Das Entstehen und die Entwicklung der Lippowaner-Colonien in der Bukowina. Wien, 1896.
- 230 *Becker W.* Der Kulturkampf als europäisches und deutsches Phänomen // *Historisches Jahrbuch.* 1981. Bd. 101. S. 427–446; *Trzeciakowski L.* The Kulturkampf in Prussian Poland. N.Y., 1993.
- 231 *Панченко К.А.* Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке (XVIII – начало XIX в.). М., 1998; *Christians and Jews in the Ottoman*

empire: The functioning of a plural society. N.Y., 1982. Vol: 1–2. Давление на православие в Турции – это вопрос не только османского, но и фанариотского управления. См.: *Наумов Е.П.* Османское государство и сербская православная церковь // *Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы.* М., 1986. С. 117–135.

²³² *Захаров Е.А.* Характер и особенности религиозной политики династии Цин в Монголии и Тибете в XVII–XVIII вв. // *Россия, Сибирь и государства Центральной Азии: взаимоотношения народов и культур: материалы региональной конференции.* Барнаул, 1997. С. 20–27.

А.Г. Гачева

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ Н.Ф. ФЕДОРОВА

“...Необыкновенный, кажется, за всю историю христианской мысли невиданный человек”¹, – так писал философ и богослов В.Н. Ильин о Николае Федоровиче Федорове (1829–1903), русском религиозном мыслителе, знаменитом библиотекаре Румянцевского музея, собеседнике Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева.

Широкою известностью личность и философские воззрения Федорова получили уже после его смерти, когда в 1906–1913 гг. ученики философа В.А. Кожевников и Н.П. Петерсон выпустили в свет два тома его сочинений под общим заглавием “Философия общего дела”. С этого момента и началось стремительное вхождение идей “Московского Сократа” в отечественную культуру. “Активное христианство” Федорова – та органическая почва, на которой возрастало древо русского религиозно-философского возрождения, давая живые духовные побег в “Философии хозяйства” С.Н. Булгакова, “Смысле творчества” Н.А. Бердяева, философии культуры П.А. Флоренского, философии любви А.К. Горского, учении о конечном идеале Н.А. Сетницкого. Его идеи лежат у истоков течения активно-эволюционной, ноосферной мысли XX в. (Н.А. Умов, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский). Планетарно-космическими проектами Н.Ф. Федорова вдохновлялись поэты и писатели В.Я. Брюсов и В.В. Маяковский, Н.А. Клюев и В. Хлебников, А.М. Горький и М.М. Пришвин, А.П. Платонов и Б.Л. Пастернак, художники В.Н. Чекрыгин и П.Н. Филонов.

В многогранном, полифоническом целом философии Федорова вопрос о смысле и назначении истории занимает одно из центральных мест, связывает все направления и ответвления его мысли. Примечательный факт: главное сочинение философа –

“Вопрос о братстве или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного состояния мира, и о средствах к восстановлению родства” (1878–1892) – долгие годы носило рабочее название “Исторический очерк”, а третья, наиболее объемная его часть, представляла собой начертание всемирной истории, данное сквозь призму учения всеобщего дела.

На протяжении 15 лет, с 1854 по 1868 г., еще до начала службы в Чертковской библиотеке, а затем в библиотеке Румянцевского музея, Федоров работал учителем истории и географии в уездных училищах Липецка, Богородска, Углича, Одоева, Боровска, Подольска. “...Я должен был обучать истории светской, русской и всеобщей, и обязан был ей, почитаемой за предмет роскоши, придать значение священное”², – писал он в конце жизни. Особенный, непривычный взгляд вносил мыслитель в преподаваемые им дисциплины. “География говорит нам о земле как о жилище, история же о ней – как о кладбище” (II, 212). В этой афористической фразе – суть федоровской трактовки истории, вытекающей из представления о человеке как единственном существе в природе, которое сознает, что оно смертно, и сопротивляется этому факту.

Появление сознания смертности – вот что, по Федорову, является гранью, отделяющей высокоразвитые животные формы, вплоть до человекообразных приматов, от человека. Само вертикальное положение существа сознающего он связывал с этим сознанием, видел в нем знак протеста против природной необходимости, что пригибает к земле всякую тварь, не дает подняться выше отпущенного ей удела, а потом и уводит ее в эту землю, оборачивающуюся могильной утробой. Нестерпимость смертной утраты, скорбь об умерших мыслитель ставил в начало искусства, видя в нем попытку “мнимого воскрешения”, воссоздания почивших отцов и матерей, сестер и братьев, милых сердцу друзей хотя бы в виде подобия. Ее же полагал началом истории. Если развитие научно-технических умений и знаний с самых первых шагов homo sapiens диктовалось стремлением человеческого рода преодолеть свою слабость и незащищенность в природе (ни когтей, ни клыков, ни шерсти для защиты от холода она ему не подарила), свою *ограниченность в пространстве*, то культивация исторической памяти вызывалась потребностью преодолеть *ограниченность человека во времени*, справиться с текучестью жизни, связать миги существования в единую, нерушимую цепь. Через фиксацию событий прошедшего, сначала в устном предании, а затем и в письменном слове, через рефлексию над наследием прошлых эпох, человек на протяжении тысячелетий утверждал себя как самосознающее, мыслящее существо, которое не

может ограничиться инстинктивным барахтаньем в лягушатнике настоящего, но все увереннее и глубже входит в воды реки, впадающей в вечность.

“В муках сознания смертности родилась душа человека” (II, 257), и вся последующая история рода людского стала следствием этого раздирающего сознания. Распространение человечества по лицу земли, великие переселения народов связывал Федоров с настойчивым стремлением отыскать “страну умерших отцов” (I, 114). Сухопутные и морские путешествия, географические открытия – все это следствие того первоначального, в полном смысле слова *религиозного* импульса (найти, вернуть навеки утраченное!), который воздвиг человека в молитвенную вертикаль, обратил его взор к небу, заставил возвысить голос в плаче и слове. Народная, *неученая* история, выражающая себя в мифе, легенде, предании, движима тем же воскресительным импульсом. Она аксиологична, она обращает факт в символ, ищет сокровенное значение реальных, внешних событий. «Во всех открытиях, на суше и на море, выражалось стремление отыскать страну умерших; по крайней мере, в народных сказаниях придавался такой смысл всем этим открытиям, судя по тому, что все путешествия на Запад морем и на Восток сушею, начиная с Одиссея и до экспедиции Александра, заканчивались, по народным легендам, открытием рая и схождением в ад. Морские путешествия могли представляться для народа средством к открытию “страны мертвых” еще скорее, чем сухопутные, потому что у приморских народов гробом служила лодка (почему и самое название корабля “паос” имело общий корень с “навье” – умерший) – лодка, которую уносило в неведомые страны Запада или Востока, и за “вратами плача” (Баб-эль-Мандеб) встречаем Эдем (Аден), рай. Мореплаватели шли, можно сказать, по следам покойников; таким образом проложил себе древний человек путь и чрез Геркулесовы Столпы, в Западный Океан» (I, 114–115). Другое дело, что по мере экспансии на все новые и новые территории, “страну умерших, т.е. рай и ад (...) приходилось отодвигать все дальше и дальше, потому что представлять ее возможно было лишь за пределами известного, уже открытого” (I, 115).

Утрата мифологических представлений о бытии по мере развития знаний была неизбежна. Но то первоначальное чувство, с которым родилось человечество, чувство любви к отцам и предкам, несмирненность с их смертью, давшее толчок историческому движению рода людского, теперь, когда наука все уверенней и глубже входит в мир, окружающий человека, исследует и его собственную природу, должно, как бы на новом витке, стать силой, способной одушевить научное знание, поставить перед ним

высочайшую цель и задачу – “возвращения жизни тем, от коих ее получил” (I, 297).

Победа над смертью – вот в чем, по Федорову, верховный смысл существования человека. Сознательно и свободно, руководясь зовом совести и любви, сыны и дочери должны вернуть жизнь отцам, которые им “дали или – вернее – отдали свою жизнь” (II, 202). Мысленное, метафорическое воскрешение, за пределы которого не может выйти культура, в будущей истории человечества перейдет в реальное восстановление каждой конкретной личности в нерасторжимом единстве тела, души и духа. И не только воскрешение умерших предстоит человеку в перспективе его истории, но и преображение всего бытия, ибо смертный закон распространяет свою власть на всю тварь. Природный порядок существования основан на пожирании, борьбе особей, “взаимном стеснении и вытеснении”, и все это – разные лики смерти. Привести мир в новое, высшее состояние, в котором не было бы вражды и розни существ, не было бы взаимного пожирания, но, как в христианском видении Царствия Божия, волк возлежал бы рядом с ягненок, – вот к чему призван человеческий род. Регуляция природы, преодоление стихийных, разрушительных ее сил, что проявляют себя в смерчах и ураганах, землетрясениях и наводнениях, засухах и губительных эпидемиях, уносящих миллионы человеческих жизней, превращение планеты в подлинный Сад, наконец, выход в космос для его освоения и преображения, безграничное творчество в обновленной Вселенной (ибо не только земля, но и Вселенная – поприще благого труда и творчества человека) – таков поистине вселенский объем задач, которые встают со страниц федоровской “Философии общего дела”. “Земля наша уже в силу тесноты вынуждена делаться кладбищем, носясь среди миров, лишенных или по большей части лишенных обитателей, что и должно привести человека к сознанию: почему на земле господствует смертность, а на небесных телах – безжизненность? История, озаряемая этою точкою зрения, будет действительно всемирною, ибо жизнь и смерть есть принадлежность не России и не Востока только, но и Запада, хотя он и старается игнорировать вопрос о жизни и смерти, принимая по непостижимому безумию замалчивание за решение” (II, 212).

И это не прекраснодушная утопическая фантазия. Человек воскрешающий, человек – космизатор природы, спаситель вселенского бытия от энтропии, от перспективы тепловой смерти, дамокловым мечом висящей над мирозданием, – вершинная точка развития существа сознающего, подлинный венец эволюционного процесса. Федоров был одним из первых, кто утверждал:

развитие природного мира носит целенаправленный, восходящий характер. Эволюция идет от первых простейших форм жизни к многоуровневым живым формам, находящим свое воплощение в человеке. Более того, с появлением homo sapiens эволюционный процесс меняет свое качество, в нем начинают действовать факторы разумного, психического порядка. “Природа в нас начинает не только сознать себя, но и управлять собою” (II, 239). Человеку предстоит сознать себя активным агентом бытия, призванным направлять процесс развития мира в соответствии с высшим духовно-нравственным идеалом. А что может быть выше идеала бессмертной, неветшающей жизни, в которой, как пишет Федоров, “и истина, и благо, и красота в их единстве”? Нынешний организм человека всецело зависим от условий внешней среды, он неустойчив, несамодостаточен, ограничен в пространстве и времени. Дух, взыскующий вечности, в смертном человеке еще не управляет материей, не способен остановить ветшание тела, тем более предотвратить его конец и посмертное разложение. Подняться на новую ступень эволюции, стать бессмертным, “полно-органическим” существом, возвращая к преобразенному существованию всех тех, кто когда-то пришел в этот мир, более того – возвести к этому преобразенному существованию все бытие, – вот та конечная цель, которая, по Федорову, задана человеку.

Эта цель объективна, а не субъективна, и главное – *эволюционно оправдана*. Заклинивание человека в наличном его состоянии чревато для него тяжелейшим кризисом, ибо смертность – глубочайшая причина зла в человеке. В ней – корень нравственной искаженности личности, на ее ядовитой почве растет ненависть, злоба, зависть, соперничество, она дает толчок межчеловеческой розни. Вспомним, как подпольный герой Достоевского свою нестерпимую обиду на “законы природы”, создавшие его таким маленьким, больным и страдающим, переносит на беззащитную, ни в чем не повинную Лизу. Пробить кулаком стену “природной необходимости” он не в состоянии, зато сполна отыгрывается на ближнем, ведь тот, в отличие от “равнодушной природы”, в полной мере способен почувствовать боль от удара, важно; физического или душевного.

Оставаясь существом, всецело зависимым от предложений природной среды, от естественных ресурсов планеты, человек сам себя загоняет в тупик, ибо по мере развития цивилизации все сильнее истощает землю, на которой живет. “Цивилизация эксплуатирующая, но не восстанавливающая не может иметь иного результата, кроме ускорения конца” (I, 197) – в этой афористической формуле Федорова сконцентрировано его отношение к тому паразитарно-хищническому типу отношения к природе, кото-

рый возобладали в истории человечества. Более того, мыслитель неоднократно подчеркивал: потребительское поведение человека в природе имеет катастрофические последствия не только для него самого, съедающего землю, на которой он рождается и возрастает, но и для бытия в целом. Налицо “естественный всеземной кризис, выражающийся в расстройстве метеорического механизма” как следствие безответственного (по принципу “После нас хоть потоп”) “хозяйничания” людей на планете. Человек, избирающий для себя роль захребетника бытия (роль стыдную, недостойную его онтологического статуса) губит не только себя: он ведет за собой к катастрофе всю землю.

Позднее французский ученый, философ, богослов П. Тейяр де Шарден, выдвинувший близкое Федорову понимание эволюционного процесса, скажет такие слова: “Жизнь, достигнув своей мыслящей ступени, не может продолжаться, не поднимаясь структурно все выше”³. Создатель учения о ноосфере будет утверждать: человек незаменим в бытии, его эволюционная роль не может быть переадресована ничему в мироздании, а значит неминуемо должна быть исполнена, ибо отказ человека от своей преобразовательной, космизирующей роли равносителен фиаско всего универсума. В том же направлении будет развиваться мысль русских ученых, представителей активно-эволюционной, ноосферной мысли XX в.: Н.А. Умова, выдвинувшего представление об антиэнтропийной сущности жизни, сознания и труда человека; В.И. Вернадского: он называл человеческий разум “великой геологической, быть может, космической силой”⁴, ведущей к созиданию ноосферы, качественно нового, организованного состояния биосферы, в котором важнейшую роль играют дух, сознание, этика.

Перед человеческим родом, таким образом, встают два пути, и обозначить их можно двумя глаголами: “оставаться” и “восходить”. Оставаться в рамках наличного – превратного, смертного – состояния мира, принимая как данность существующие законы природы (половой раскол, борьбу за существование, вытеснение, смерть), считая их изначальными и неизменяемыми нигде, никогда, ни при каких обстоятельствах. Или восходить, преображая собственное духовно-телесное естество, поднимая за собой природу на вершинную ступень бытия. Первый путь Федоров считал языческим, второй – христианским, подчеркивая, что именно христианство ставит перед человечеством идеал Царствия Божия, нового, преображенного строя творения, который воцарится в финале времен и в котором будет царствовать Божеский, совершенный закон – закон любви, всеединства, бессмертия.

Весть о благобытии, о преображенном, неразрушающем и невытесняющем, порядке природы, о победе над смертью и гря-

душем воскресении всех приносит Христос. Воплощение Бога-Слова и Его Воскресение, в представлении философа, – переломный момент мировой истории. Человечество, на протяжении тысячелетий искавшее ответ на вопрос о том, куда уходят умершие и в этом вопрошании создававшее развернутые и многообразные религиозные культы, теперь встречает Своего Бога лицом к Лицу и слышит из Его уст ободряющие слова: “Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит и больше сих сотворит” (Ин. 14:12). А параллельно – видит дела, которые заповедует Господь Своим чадам, ибо на протяжении всего Своего земного пути Спаситель исцеляет больных, утишает стихии, воскрешает умерших и, наконец, воскресает Сам, демонстрируя безграничную власть духа над распавшимся, брошенным в прах естеством.

Христос – Богочеловек, и это для Федорова принципиально. Божественная и человеческая природа соединены в Нем “неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно”, как было о том поставлено еще на IV Вселенском соборе. А значит все Свои дела Он творит в единстве двух этих природ, и человеческое естество обретает через Него способность к подлинному, преображающему мир действию. В самом Себе являет Спаситель образ Богочеловеческой синергии, соработничества Божественной и человеческой энергий в деле спасения. А еще – образ поистине *совершеннолетнего* отношения между Богом и человеком: как Христос, возлюбленный Сын, послушен Отцу и творит волю Его, так и все человечество должно сотворить волю Бога отцов, “не мертвых, а живых”, соработая ему в деле “восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения” (I, 401).

Особенность Федорова как христианского мыслителя в том, что он требовал от человечества исполнения не только нравственных евангельских заповедей, но и онтологических обетований христианства: преодоления смерти, воскрешения умерших, преображения земли и всего универсума в Царствие Божие. Его учение об активном, творческом христианстве – своего рода развернутый комментарий к слову свт. Василия Великого: “Бог воочеловечился, чтобы мы обожились”. Мыслитель убежден в том, что “Бог воспитывает человека собственным его опытом; Он – Царь, который делает все не только лишь для человека, но и чрез человека, потому-то и нет в природе целесообразности, что ее должен внести сам человек, и в этом заключается высшая целесообразность. Творец чрез нас воссоздает мир, воскрешает все погибшее; вот почему природа и была оставлена своей слепоте, а человек – своим похотям. Чрез труд воскрешения человек, как самобытное, самосозданное, свободное существо, свободно привязывается к Богу любовью” (I, 255).

В учении о человеке как соработнике Творца на земле и заключается, по Федорову, ответ на вопрос, почему за воскресением Христа, победителя смерти, не последовало воскресения всех. «Мы должны, – пишет мыслитель, – представить воскрешение как действие еще неоконченное (...) Христос ему начаток, чрез нас оно продолжалось, продолжается и доселе. Воскрешение не мысль только, но и не факт, оно проект (...) как Божественное оно уже решено, как человеческое еще не произведено» (I, 142). И ниже: «Если смотреть на историю как на осуществление “Благой Вести”, то станет ясно, что если всеобщее воскрешение и не совершилось вслед за Воскресением Христа, то оно за ним следует, что Воскресение Христа есть начаток всеобщего Воскрешения, а последующая история – продолжение его» (I, 146).

Так формулирует Федоров ключевую идею своей историософии – представление об истории как «осуществлении “Благой Вести”» (I, 146), как совокупной творческой работе спасения, в которой участвуют люди, сознавшие себя не рабами, но сынами Божиими, по слову апостола: “Потому ты уже не раб, но сын, а если сын – то и наследник Божий чрез Иисуса Христа” (Гал. 4:8). Христианство, в его представлении, должно выйти за стены храма, пронизать собой жизнь, одушевить воскресительным идеалом все сферы дела и творчества человека. Наука и искусство, техника и хозяйство, культура и образование начинают работать в благом направлении, служа делу воскрешения и регуляции, которая заступает место нынешней безоглядной эксплуатации ресурсов земли. Даже армия, подчеркивает мыслитель, может стать “христоролюбивым воинством жизни”, обращая имеющийся в ее распоряжении интеллектуальный, технический, организационный потенциал не на борьбу с себе подобными, а на борьбу со стихийными природными катаклизмами: засухами, наводнениями, землетрясениями. “Орудия разрушения” должны быть обращены “в орудия спасения”, в орудия коллективного исследования природы, разумно-творческого управления ею.

В своем требовании “религиозного делания в истории” Федоров в русской культуре был не одинок. Мысль о христианском смысле исторического процесса, о невозможности ограничивать “благую весть миру” лишь проповедью личной аскезы, была развита еще П.Я. Чаадаевым. Вот строки из первого “Философического письма”: “Совершенно не понимает христианства тот, кто не видит, что в нем есть чисто историческая сторона, которая является одним из существенных элементов догмата”⁵; “В христианском мире все необходимо должно способствовать – и действительно способствует – установлению совершенного строя на земле; иначе не оправдалось бы слово Господа, что Он пребудет в

церкви Своей до скончания века”⁶. Идеи о религиозном смысле и назначении истории легли в основу историософских построений славянофилов (А.С. Хомякова, утверждавшего, что “в истории творится судьба всего человечества”, И.В. Киреевского, И.С. Аксакова), глубоко пронизали поэзию А.Н. Майкова и политическую лирику Ф.И. Тютчева, неоднократно выражались и Достоевским, видевшим смысл земного пути человечества в созидании Царства Христова и рисовавшим в финале знаменитой “Пушкинской речи” образ будущей вселенской гармонии, “братского, окончательного согласия всех племен по Христову, евангельскому закону”⁷.

“Подобно Царствие Божие квасу, – сказал Спаситель, и данный Им Новый Завет – это, в смысле всемирно-историческом, те дрожжи, на которых Христос заквасил всю дальнейшую судьбу человечества. Вся история человечества есть история брожения брошенной в мир истины Христовой, и не изменит оно из себя этого кваса, пока он не перебродит!”⁸, – писал И.С. Аксаков. Он подчеркивал медленное, органическое развитие христианской истины в мире, вызревание основ Царствия Небесного в лоне человеческой истории, апеллируя к знаменитой евангельской притче (Мф. 13:33). В 1891 г. в реферате “О причинах упадка средневекового мирозерцания”, написанного под сильным влиянием идей Федорова, тот же евангельский образ закваски, вместе с притчевыми образами дерева и зерна использует для оправдания истории и В.С. Соловьев: “Сущность истинного христианства есть перерождение человечества и мира в духе Христовом, превращение мирского царства в Царство Божие (которое не от мира сего). Это перерождение есть сложный и долгий процесс, недаром же оно в самой Евангелии сравнивается с ростом дерева, созреванием жатвы, вскисанием теста и т.п.”⁹

Итак, земная жизнь и история – уже не пробел в нравственном миропорядке, а необходимое звено в цепи, протянутой от начала мира к его финальному преображению, здесь “в процессе брожения, перерождения, преобразования на дрожжах, брошенных в мир Христом”¹⁰, вызревает иной, совершенный, божеский порядок бытия. Новый Иерусалим не сходит с неба как *deus ex machina*, он должен медленно прорасти сквозь историю, которая становится богочеловеческой “работой спасения” созидающая условия для его воцарения в бытии.

Идею христианского оправдания истории русские писатели и мыслители XIX в. отстаивали в противоположность другой, полярной концепции – концепции краха и неудачи истории, которая также опиралась на христианство, но давала ему совершенно иную трактовку. Христианство понималось здесь как религия

личного спасения, а не общего, соборного дела, как вера, для которой и мир, и все дела мира находятся во власти “князя века сего”, а потому их судьба христианина волновать не должна; его задача – в работе над собственной бессмертной душой, а не над преобразованием вонне лежащей реальности.

Наиболее ярко идея краха и неудачи истории проявила себя у К.Н. Леонтьева. Она росла из обостренного переживания падшести и безблагодатности мира, из сознания катастрофического, непреодолимого разрыва между действительностью и идеалом. А ее религиозной опорой служили пророчества Апокалипсиса об усилении зла в мире к концу времен, о воскресении гнева и страшном суде. Исторический процесс представлялся Леонтьеву нескончаемой цепью грехопадений: это великий Вавилон и “блудница на звере”, путь к гибели “века сего”. Для подобного “апокалиптического” мышления всякая попытка “земного устройства” ведет лишь к умножению бессмыслицы и зла, воспринимается как нелепая и “еретическая”. И не случайно в отклике на “Пушкинскую речь” Достоевского Леонтьев обвинил писателя в переоценке истории, в проповеди “мировой гармонии”, противной, по его мнению, духу подлинного христианства, которое “пессимистично” в своем отношении к миру и его судьбе, “не верит ни в автономическую мораль лица, ни в разум собирательного человечества, долженствующий рано или поздно создать рай на земле”¹¹. От несбыточных чаяний “торжества любви и всеобщей правды на земле” человеческий разум, по мысли Леонтьева, должен «обратиться к тому суровому и печальному пессимизму, к тому мужественному примирению с несправимостью земной жизни, которое говорит: “Терпите! Всем – лучше никогда не будет. Одним будет лучше, другим станет хуже. Такое состояние, такие колебания горести и боли – вот единственно возможная на земле гармония! (...) одно только несомненно – это то, что все здешнее должно погибнуть. И потому, на что эта лихорадочная забота о земном благе грядущих поколений? На что эти младенчески-болезненные мечты и восторги!”»¹²

Если сторонники идеи истории как работы спасения стремились дать человеку благое и абсолютное дело жизни, настаивали на христианизации внецерковной действительности, то концепция неудавшейся истории, напротив, логически приводила к отрицанию всякой активности личности в мире, обесмысливала все общественные формы человеческого бытия: политику, культуру, государственное строительство; суетным и безблагодатным объявляла всякое изобретательство и творчество. Абсолютной признавалась лишь внутренняя, сокровенная работа души, терни-

стый путь самоспасения – в монастырской келье или одиночестве пустынного жития.

В свое время Достоевский резко высказался против леонтьевской историософской концепции. Исторический пессимизм, подчеркивал он, вовсе не служит духовному возрастанию личности, напротив, питает в ней чувства антихристианские: отчаяние в спасении, эгоизм и демонизм, доходящие до отрицания всякого нравственного закона, до “все позволено”: “Леонтьеву (не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет). В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое. Сверх того, чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода: уж коль все обречены, так чего стараться, чего любить, добро делать? Живи в свое пузо”¹³. А в ответе А.Д. Градовскому по поводу “Пушкинской речи” (тот хоть и нападал на нее с секулярных позиций, тем не менее, не преминул включить в число аргументов *contra* и ссылку на Апокалипсис, упрекая писателя в переоценке истории) в противовес неоязыческому устроению секулярной цивилизации, закрывшей для себя небо, утратившей высшее измерение бытия, цивилизации фабрик и банков, спекуляции и наживы, обособления и вражды между людьми, выдвигал образ христианского социума, основанного на началах Христовой любви и правды. Идеал “всемирного”, “всечеловечески братского единения”¹⁴, которого чаает истинно христианское сердце, дает благое, Божеское направление истории человечества. И если теперешняя история, подчинившая себя идеалам “князя века сего”, увлекает мир к катастрофе, то в истории, которая творится людьми, руководящимися уже не идолом капитала, а “святою жаждою всечеловеческого дела, всебратского служения и подвига”¹⁵, открывается путь к преображению этого мира.

Федоров не менее страстно, чем Достоевский, выступал против пессимистического умонастроения, считая, что оно несовместимо с подлинным христианством. Более того, подчеркивал, что именно мироотрицающий уклон в христианстве привел к материализму XIX в.: последний есть “прямое последствие разделения небесного от земного, т.е. полного искажения христианства, завет которого заключается именно в соединении небесного с земным, божественного с человеческим”. В противовес пассивному эсхатологизму он развивал концепцию “активно-творческого эсхатологизма” (выражение Н.А. Бердяева), ядром которой была идея условности апокалиптических пророчеств. Согласно этой концепции, кризисы и катаклизмы, “глади и пагуби”, пришествие антихриста, конец мира и “страшный суд” с последующим разделением человечества на горстку спасенных и тьму вечно проклятых, о которых говорит Откровение ап. Иоанна, станут реально-

стью только в том случае, если человечество по-прежнему будет упорствовать на противобожеских, ложных путях. Если же род людской сознает себя соработником Творца, начнет творить дело Божие, то история будет не падением в глубины сатанинские, а восхождением к Иерусалиму Небесному, в котором спасены будут все.

Традицию христианского оправдания истории вслед за славянофилами, Федоровым, Достоевским и Соловьевым продолжили представители русского религиозно-философского возрождения конца XIX – первой трети XX в. – Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский, Б.П. Вышеславцев, Г.П. Федотов, В.Н. Ильин и др. Подобно своим предшественникам, они восставали против идеи краха и неудачи истории, обесмысливающей земное бытие человека. Вот что писала Е.Ю. Кузьмина-Караваева, знаменитая монахиня Мария, активная участница религиозно-философского и общественного движения “новоградства”: “В самом деле, если не утверждать новых и обширнейших задач – религиозных главным образом, – вставших перед человечеством с момента воплощения Христа, то вообще история новой эры теряет всякий смысл, а является некоторой случайной цепью событий, долженствующих заполнить время до Страшного суда”¹⁶. Как бы на новом витке религиозные мыслители XX в. продолжили спор Достоевского с Леонтьевым, расширяя этот спор до полемики с той традицией историософского пессимизма, которая была сильна внутри самой христианской мысли. Они упрекали историческую церковь за отсутствие в ней “религиозно-социального идеала”, за то, что она обещает рай лишь за гробом, “оставляя земную сторону жизни, весь круг общественных отношений пустым, без воплощения истины”¹⁷, и выстраивали “новое религиозное сознание” как сознание христиан, сознавших свою ответственность за судьбы истории, усиливающих повернуть ее с путей неправды на Божьи пути.

Но, критикуя историософский негативизм и пессимизм, русские мыслители XIX в. из числа сторонников религиозного оправдания истории были не менее резкими критиками концепции линейного прогресса, на русской почве представленной работами П.Л. Лаврова, Н.В. Шелгунова, Н.И. Кареева. Достоевский еще в 1860-е годы в “Зимних заметках о летних впечатлениях” и “Записках из подполья” раскрыл основные изъяны прогрессистской трактовки истории, некритической, “детской” веры в “умственное, нравственное, общественное совершенствование человечества, движение от мрака невежества, варварства и анархии к свету истины, блага, гармоничного порядка общественной жизни”¹⁸: слишком поверхностный взгляд на природу человека, слабое по-

нимание ее противоречивости и дисгармоничности, нечувствительность к реальной силе зла, к истинным его причинам и корням, устранить которые невозможно ни социальными реформами, ни одной лишь моральной проповедью. Образ “социалиста”, уговаривающего “на братство” обособленных, разъединенных людей, – один из самых сильных в “Зимних заметках...”: “Чтоб сделать рагу из зайца, надо прежде всего зайца. Но зайца не имеется, то есть не имеется природы, способной к братству, природы, верующей в братство, которую само собою тянет на братство”¹⁹.

Но, пожалуй, еще убедительней было разоблачение позитивистских теорий прогресса Достоевским-художником. “Подпольный парадоксалист”, выворачивая наизнанку *подлую* человеческую природу с ее своеволием и эгоизмом, с ее страстью не только к созиданию, но и к разрушению, с легкостью разбивает иллюзорную веру в то, что стоит только разъяснить человечеству, в чем его благо, и “люди перестанут бороться за существование, а составят ассоциацию и пойдут мирным путем к одной общей цели”²⁰. “Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю” (Рим. 1:19), – было сказано еще апостолом Павлом. Герои Достоевского демонстрируют это на каждом шагу, взрывая своими неожиданными, порой алогичными, а на деле глубоко обусловленными их природой поступками, спрямленное, просветельски-наивное представление о человеке, что легло в основу концепции линейного прогресса.

Внятен был Достоевскому и главный ущерб прогрессистской трактовки истории: сфера прогресса ограничивалась здесь уровнем социальным, умственным, этическим, не распространяясь на область физического, природно-космического. П.Л. Лавров в “Исторических письмах” специально подчеркивал: прогресс – движение поступательное и устремленное к идеалу – совершается лишь в сфере “надорганической”, ибо в природе нет “ни ухудшения, ни улучшения, ни понижения, ни возвышения, есть лишь смена явлений”²¹. Целей истины и справедливости, вторил Лаврову Кареев, достигают только люди, а не природа. “Нравственные цели мы можем сами ставить не мировому процессу, а процессу историческому, стремясь осуществить идеальное общество, а не идеальную Вселенную”²². Ни Достоевский, ни его герои принять эту двойную бухгалтерию не в состоянии. Они сознают непрочность социального прогресса, протекающего под дамокловым мечом природных и космических катаклизмов. И задают простой, но совершенно резонный вопрос: возможно ли достичь совершенства в нынешнем падшем и смертном мире? Не эфемерно ли счастье, не хрупка ли гармония, коли созидаются они под дамокловым мечом природных катаклизмов, коли “планета

наша невечна” “и как бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на земле человечество, – все это приравняется завтра к тому же нулю”²³ Сознание того, что через пять миллионов лет солнце потухнет и земля превратится в “ледяной камень”, бороздящий пространство мертвой Вселенной “с бесконечным множеством таких же ледяных камней”²⁴, обесмысливает историю, делает нелепыми и ненужными все попытки гармонизации общественной жизни людей. Самый смысл нравственного закона колеблется перед лицом ничем не отменимой, рушащей катастрофы: «Только – видишь, – говорит Версильов в подготовительных материалах к “Подростку”, – естественное влечение любви к человечеству и ко всякой великой идее, конечно, неотразимо (...) но, при неизбежности и фатуме ледяных камней, эта любовь к человечеству похожа на крепостное состояние и удовлетворения мне не дает»²⁵.

Не случайно автор привела примеры из Достоевского. В своем понимании мира, человека, истории он был близок Федорову, стоял с ним на общей религиозно-философской платформе, недаром, познакомившись в конце 1877 г. с изложением идей мыслителя, сделанным его учеником Н.П. Петерсоном, признавался, что “прочел их как бы за свои”²⁶. У обоих была сильна вера в человека, но не в самоопорного человека, горделиво глаголющего о Боге: “Я не нуждаюсь в этой гипотезе”, – и устраивающего свою жизнь на своих, альтернативных началах, а в человека, сознающего себя существом, ответственным за бытие, вверенное ему Творцом. То, о чем Федоров говорит на языке философии (о невозможности для человека жить без веры в бессмертие, о воскресении как центральном обетовании христианства и соучастии в нем человечества, о раздирающем мир небратстве и путях восстановления родства), Достоевский изображает художественно²⁷.

Подобно Достоевскому, Федоров на протяжении всего своего творчества выступал против односторонности прогрессистских концепций, не учитывающих того, что человек от начала истории – пленник павшего, смертного, раздробленного бытия. В безжалостных “лучах смерти” всякий прогресс видится иллюзорным, надежды на гармоничное жизнеустройство рушатся, как картонный домик. Человек, сознающий себя венцом творенья, изобретающий тончайшие машины и механизмы, воспаряющий мечтой в небеса, в реальности зависим от любого микроба. Он жалок в своем бессилии перед стихией, во мгновение ока сметающей созданные им технические сооружения, уносящей тысячи людских жизней. Реальное восхождение человечества по лестнице истории, подчеркивал философ, всеобщего дела, должно быть сопряжено с его духовно-телесным преображением, равно как и с пре-

ображением вонне лежащего мира. Прогресс должен быть распространен не только на интеллектуальную, научно-техническую, психическую, культурную, социальную сферы, но и на физическую природу человека, которая, при всех чудесах техники, при богатстве умственного и духовного багажа рода людского, остается все такой же зависимой и уязвимой, как и в первые его дни на земле. Психофизиологическая регуляция, достижение человеком способности управлять своим организмом, – необходимое условие прочности и подлинности прогресса. Равно как и регуляция планетарно-космическая, предотвращающая возможность тепловой смерти Вселенной, обращающая “землю (<...> в земноход, движимый всем человеческим родом, как кормчим” (II, 240), а “слепые движения планет и всей солнечной системы в управляемые разумом сынов человеческих” (II, 242).

Встает у Федорова и вопрос о нравственных основаниях идеи прогресса, о “цене прогресса”, мучивший еще Герцена: вспомним его ужас перед “дурной бесконечностью прогресса”, этого “Молоха”, которому служат миллионы сознающих и чувствующих существ, обреченных на “жалкую участь кариатид”²⁸. Подобно Достоевскому, Федоров отвергает мысль о разумном и целесообразном ходе истории, ведущей к царству красоты и гармонии, коль скоро создается оно для будущих счастливых избранных, на жертвенности целых поколений, силы и жизнь которых отданы строительству пресловутого “хрустального дворца”, где им, уходящим в небытие, уже не будет места. Прямую критику концепции линейного прогресса, стремящего вперед и только вперед, гордынно попирающего прошедшее, находим в первой части “Вопроса о братстве...”, где ведется полемика с русским историком-позитивистом Н.И. Кареевым, автором книги “Основные вопросы философии истории” (СПб., 1887). “Прогресс, – пишет Федоров, – состоит в сознании сынами своего превосходства над отцами и в сознании живущими своего превосходства над умершими” (I, 52). Философ всеобщего дела подчеркивает безнравственность такой установки, которая представляет собой фактическую кальку с законов падшей природы, где подросший молодец забывает о вскормивших его родителях, где нет чувства долга в отношении к стареющим особям: они уже отслужили свое и с точки зрения рода становятся ненужным балластом. «Если старое говорит молодому: “Тебе подобает расти, а мне малиться”, то это пожелание доброе, тут говорит любовь отеческая; если же молодое говорит старому: “Мне подобает расти, а тебе убираться в могилу”, то это прогресс, и говорит тут не любовь, а ненависть, и ненависть блудных, конечно, сынов. Прогресс при отсутствии внутреннего объединения и внешнего общего для всего ро-

да человеческого дела есть явление естественное; и пока не совершится объединение в общем деле обращения смертоносной силы в живоносную, человек будет подчинен слепой, естественной силе наравне со всеми скотами, зверями, наравне с бездушной материей (...). Прогресс (...) есть самовозвышение, возвышение самих себя, т.е. тот грех, который и был наказан смешением языков, к чему близко и наше время, в которое люди отказались от всего общего и каждый живет исключительно для себя, и это до такой степени, что люди перестают даже понимать друг друга» (I, 50–51).

Подлинный, христианский прогресс, по мысли философа, должен быть сопряжен с идеей ценности и уникальности каждой человеческой личности, с сознанием вселенской ответственности за бытие в целом. А главное – верховной его целью должно стать воскрешение, возвращение к преображенной, бессмертной жизни всех жертв истории, всех жертв ложного прогресса. “Прогресс, как переход от худшего к лучшему (...) требует, чтобы улучшение путем борьбы, истребление было заменено возвращением самых жертв борьбы, и таким образом прогресс будет улучшением не по цели только, но и по средствам; и такое улучшение было бы не улучшением только, или поправкою, а искоренением зла и водворением вместо него блага” (I, 53). “Сам прогресс, – утверждает Федоров, – требует воскрешения” (I, 53). Позднее В.С. Соловьев, на протяжении всей своей жизни находившийся под глубоким влиянием философских идей Федорова, в статье “Тайна прогресса” (1897), напоминая сюжет об Энее, основателе Рима, который в ночь падения Трои вынес из горящего города на своих плечах престарелого отца Анхиза, напишет: “Если ты хочешь быть человеком будущего, современный человек, не забывай в дымящихся развалинах отца Анхиза и родных богов”. Свою мысль он заключает так: “Спасающий спасется. Вот тайна прогресса – другой нет и не будет”²⁹.

Утверждение идеи истории как “работы спасения” сочеталось у Федорова с исканиями совершенной, должной основы социального бытия. И здесь мыслитель обращался к центральному догмату христианской веры – догмату Троичности Божества, видя в нерасторжимом, родственном, питаемом любовью единстве Божественных Лиц, “единстве без слияния, различия без розни” (I, 96), идеальную форму взаимосвязи человеческих личностей. “Учение о Божественном Троиединстве превращается в вопрос о нашем человеческом много- или всеединстве (о церкви)” (I, 102). Высший, Троичный (или соборный) тип единства разрешает антиномию индивидуализма и коллективизма, он основан на сверхприродной, Божественной логике, согласно которой личность

способна по-настоящему состояться только во взаимодействии с другими личностями, в братски-любовном слиянии с ними, причем слиянии не только не умаляющем каждое конкретное “я”, а, напротив, всецело утверждающем его в бытии.

Всемирная история, в представлении Федорова, и должна стать осуществлением догмата о Троице. Более того, достигнув неслиянно-нераздельного единства друг с другом, человеческий род распространяет любовно-соборный принцип взаимодействия на все бытие, на всю тварь, стонущую под гнетом железных законов природы, где царствует не любовь, а взаимное вытеснение и борьба за место под солнцем.

В этом поиске образа совершенного общественного устройства Федоров вставал перед необходимостью дать осмысление и анализ двух набравших силу моделей развития – капиталистической и социалистической, которым предстояло соперничать друг с другом уже в будущем XX в. В капитализме он видел экономический строй, в полной мере соответствующий падшему, обезбоженному состоянию мира, секулярной цивилизации, что живет лишь настоящим, нарушая естественные связи природы и человека. Капитализм доводит до высшего градуса эксплуатирующее, паразитарное отношение к бытию. И на самого человека смотрит, как на товар (не как на образ и подобие Божие), как на придаток машины прогресса. В конце 1880-х – начале 1890-х годов в работе “Всемирная выставка” философ развернул гротескный образ общества потребления, где все силы и способности человека, все отрасли знания и культуры работают на мануфактурное производство, на “всемирную промышленность”, делающую человека рабом мертвой вещи.

Отличительной чертой капиталистического уклада жизни Федоров считал ее принципиально *городской, фабричный* характер. Капитализм – “религия города”, железная религия человека, объявившего себя мерой всех вещей, оторвавшегося от Бога и от природы. Земледелец, работающий под открытым небом, ощущает себя распахнутым бытию, Вселенной, Богу – городская цивилизация закрывает от человека небо, загоняет его в душные корпуса фабрик. Здесь “фабричная тюрьма вместо поля, неба” (I, 252). Неотъемлемой частью патриархального, земледельческого уклада жизни является родовая память, культ предков, отсутствие духовной пропасти между старшим и младшим поколениями – город разверзает эту пропасть, рождает безверие и “хамитизм”. Крестьянский уклад жизни удовлетворяет главные, необходимые нужды людей, дает “хлеб наш насущный”, о котором ежедневно возносим мы наши молитвы – городская цивилизация рождает искусственные, вымороченные потребности, разжигает

низменные инстинкты в природе человека, развращает тело и душу. Человеческое сообщество, призванное к возрастанию в многоединство сынов и дочерей человеческих, становится здесь обществом “полового подбора”, обществом вечных женихов и невест, забывших и своих отцов, и Бога отцов, превращающих серьезное дело жизни в нескончаемую, бессмысленную игру.

Городской, капиталистический уклад и уклад сельский, земледельческий, патриархальный выступают в историософской мысли Федорова как два альтернативных *религиозных* уклада жизни. Крестьянин-земледелец, находящийся в непосредственной, почти сакральной связи с землей, чувствует родственно-любовное отношение к ней, матушке-кормилице, ответственность за нее – и здесь брезжит первоначальное, должное отношение человека к бытию, которое заповедал ему Господь в седьмой день творения. Но этой ответственности не имеет люмпен-пролетарий, перекачи-поле, не сознающий землю своим владением, относящийся к ней не как любящий сын, а как наемник. Крестьянин, живущий семейно-родовым бытом, и в межчеловеческих отношениях руководится религиозным, нравственно-сердечным, а не юридическим законом, тогда как буржуазно-городской уклад требует развитого формального права, выхолащивающего межчеловеческие отношения, подчиняющего их бездушной и пустой арифметике.

Еще в 70-е годы XIX в. Федоров провидел те тенденции мирового развития, которые со всей отчетливостью обнаружили себя лишь в веке XX. Он предсказывал агрессию городской космополитической цивилизации на цивилизацию сельско-патриархальную, агрессию, сопровождающуюся разрушением исконного, органического уклада жизни, заменой христианских ценностей либерально-эгалитарными идеями, требованиями прав и свобод, разрушением традиционных национальных культур, которые, по Федорову, являются носительницами родовой памяти, с последующей заменой их на усредненную, стандартизованную масс-культуру. Вот характерное место из “Вопроса о братстве...”, в стяженном виде обозначающее сущность нынешней глобализации, что при всех ее широковещательных лозунгах фактически разделяет мир на страны доноры (как раз из тех, что еще хоть как-то сохраняют традиционный уклад жизни и традиционную систему ценностей), призванные к обслуживанию потребностей пресловутого “золотого миллиарда”, и развитые, элитные страны, для коих и настает, наконец, чаемый “рай на земле”. Только вместо нынешнего мирового гегемона США здесь выступает Англия, ведущая торгово-промышленная и колониальная держава тогдашней Европы. «Англия имеет целью по-

средством так называемого свободного торга, поддерживаемого, однако, новоусовершенствованным оружием, обратить человечество в международный организм, т.е. дать всему человечеству антихристианскую форму, в которой “субординация”, даже “слияние” при величайшем взаимном отчуждении, “раздельности”, найдут свое полное выражение, – Англия стремится дать роду человеческому такую форму, при которой все народы будут исполнять роль низших сословий, чернорабочих, производящих сырые или полусырые продукты, сама же она, как мастеровой, будет прилагать последнюю руку к ним. Но для всего этого необходимо обезземеление большинства населения; и ни в одной стране не произведено оно в таких больших размерах, как в Англии. Это обезземеление не просто экспроприация, это экспатриация, нечестивое дело отлучения детей от праха отцов, лишение их возможности исполнить долг к ним» (I, 239).

В противовес тенденциям капитализации общества и экономики Федоров выдвигает иную форму экономического и общественного устройства – форму, в основе которой лежит не идеал “фабричного язычества”, а идеал христианский, ориентирующий личность не на эгоистическое “наслаждение настоящим” (I, 113, 115), а на благое делание в бытии. Этот уклад, “всесловная земледельческая община” (I, 254), не отрицает и города, но обращает его лицом к селу, не уничтожает промышленности, но освобождает ее от производства предметов роскоши, пустых и ненужных безделок, ориентирует ее на службу действительным, а не мнимым нуждам людей. В новой форме поселения, представляющего собой “деревню–город”, Федоров предлагает “соединить достоинства города и села и устранить их недостатки”, ибо “выделение из природы, возвышение над слепой силою, развиваемые городской жизнью, так же необходимы, как и близость к ней, являющаяся в деревне” (I, 280).

При этом его идеал будущего устройства далек от наивного руссоизма. Рисуя свою общину всеобщего дела, он ставит ей предельные, онтологические задачи. Регуляция природы – вот что должно стать ее делом. В одной из заметок, не вошедших в окончательный текст “Вопроса о братстве...”, мыслитель подчеркивает, что “неученые” крестьяне гораздо скорее “поймут всемирное значение” вопроса о регуляции, чем “ученые” горожане, отгородившиеся от натуральных, естественных бедствий села и утратившие священное, религиозное отношение к бытию: “Посвятить крестьян в этот вопрос легко, сказав, что у Отца Небесного обители многи, и сама земля есть небесная обитель, обезображенная нашими делами, что требуется только большой труд” (III, 267–268). И самый возврат от промышленности к земледелию

лию знаменует для философа радикальное изменение самого типа взаимоотношений человека с окружающей его природной средой, переход от индустриального, технического прогресса, грубо механически, орудийно воздействующего на природу, к прогрессу органическому, сопряженному с чутким, сердечным вниканием в бытие, овладением внутренними его законами, и прежде всего способностью к “естественному тканетворению”, высшая форма которого выражается в автотрофности растений, строящих свои клетки из неорганических элементов среды под воздействием солнечной энергии.

Таким естественным тканетворением по отношению к собственному организму и должен, по мысли Федорова, овладеть человек. “Земледелие, управляя метеорическими процессами земли, будет все глубже входить в жизнь растительную, усвоить себе растительные процессы, пользоваться созидающею силою живого организма, чтобы самому себе фабриковать всю свою телесную оболочку со всеми органами, кои делали бы ненужными искусственные покровы и орудия, т.е. всю мануфактурно-промышленную деятельность” (I, 265).

Критикуя капитализм, призывая к новому, ответственному типу отношения к миру, к победе над потребительским сознанием, Федоров был не менее жестким критиком социализма. Поставив во главу угла человеческой жизни материальный вопрос, проблему распределения, социализм фактически требует от человека удовольствоваться тем же идеалом потребления и комфорта, что и отрицаемый им капитализм. Но “справедливое” распределение не решает вопроса об обеспечении всех необходимыми средствами к жизни, а главное не дает человеку высшей цели существования. Требуя социальной справедливости по отношению к живущим, социализм совершенно забывает при этом умерших, тех, которые “самые униженные и оскорбленные смертельно” (IV, 431).

Главный вопрос социализма – вопрос “о богатстве и бедности” – Федоров заменяет вопросом “о смерти и жизни”; вопрос о необеспеченности людей материальными благами – вопросом о всеобщей, фундаментальной необеспеченности каждого человека, вне зависимости от того, Ротшильд он или последний бедняк, жизнью и здоровьем. Ведь и та радость всеобщего объединения, товарищества, о которой говорят социалисты, только тогда будет всецелой, когда она будет работать на абсолютно необходимое и абсолютно благое дело – спасения и преображения жизни. В таком деле найдут свое место все силы и дарования человека, в том числе и способность к научному творчеству. Причем говоря о науке как об одном из условий подлинного и прочного благосо-

стояния человечества, Федоров имеет в виду не ту секулярную науку, которая стала “служанкой” фабрики и торгова, а науку, подчинившую себя религиозному идеалу. Образ такой науки – в учении всеобщего дела – один из центральных. Наука, сознающая себя не противохристианским, а христианским орудием, орудием регуляции и воскрешения, в конечном итоге становится делом всех, причем интеллигенция, обратившаяся лицом к народу, создавшая вину в забвении отцов и их веры, берет на себя обязанность “руководить, быть наставником, учителем в деле исследований всех сочленов общины” (I, 260), – так отвечает Федоров на извечный вопрос русского XIX в. о путях преодоления разрыва между интеллигенцией и народом, между почвой и оторванным от нее высшим сословием.

Внятен был ему и другой круцификсный вопрос русской мысли – вопрос о России и Западе. Подобно Хомякову и Киреевскому, Тютчеву и братьям Аксаковым, Достоевскому и раннему Соловьеву, Федоров рассматривал этот вопрос не как геополитический, а как духовный и религиозный. Запад и Россия становились у него символами двух путей человечества, двух установок сознания, двух противоположных укладов жизни. С одной стороны – *saagre diem*, ориентация на потребление и комфорт, привязанность к “мануфактурным игрушкам”, отсутствие иного, высшего измерения бытия. С другой – настроенность на правду и абсолют, чаяние миропреображения, скудная внешность при богатстве умных и сердечных даров (так и вспоминается тютчевско-достоевское слово о “нашей нищей, неурядной земле”, которую «“в рабском виде исходил благословляя” Христос»³⁰). С одной стороны торжествует “история как факт”, которая “есть взаимное истребление, истребление друг друга и самих себя” (I, 138), с другой – выстраивается “история как проект” – проект будущего вселенского дела.

В свете этого вызревающего проекта реальные события русской истории прочитываются Федоровым притчеобразно. Вот преп. Сергей Радонежский приходит на Маковец и ставит первый на Руси храм Пресвятой Троицы как “зерцало” для всех к нему притекающих, дабы «“взиранием на Святую Троицу побеждался страх пред ненавистною раздельностью мира”» (I, 64). Не уставая призывать к умиротворению “в век глубочайшего упадка и величайшей розни” (II, 264), когда русская земля была раздираема княжескими усобицами и брат восставал на брата, он стремится возвысить ум и сердце верующего русского люда до понимания и деятельного усвоения догмата Троичности, до необходимости устроить общественную жизнь “по типу Троицы” – не насильем и внешним принуждением, а внутренним душевным

согласием, любовью, взаимной прозрачностью. А вот простые мужики и бабы Древней Руси в години тяжких бедствий собираются и воздвигают храм в один день, зримо свидетельствуя о том, что благое единство людей не утопия. “Обыденные церкви, как памятники единодушия и согласия, доказывают положительно (...) что для человеческого рода возможен (...) союз для дела священного, общего, великого, от коего зависит самая жизнь” (Ш, 5). Сквозь время свидетельствуют они против теорий преступной толпы, столь популярных в европейской социологии и криминалистике в конце XIX в. Да, толпа действительно может быть отвратительна и жестока, но это прямо связано с теми идеями и идеалами, которые одушевляют ее. Окажутся эти идеалы злы, недостойны, ущербны – и действия толпы будут им соответствовать. Но поставьте перед людьми, соединенными в одно целое, благу, высшую цель и задачу – и человеческое сообщество получит реальный шанс преобразиться, примером чего и было для Федорова строительство обыденных храмов, а еще столь распространенный в русских деревнях обычай безвозмездной, “всем миром” помощи (помочи, толоки), когда жители деревни за один день вспахивали поле бедным, многодетным или немощным соседям, помогали собирать урожай, строили дом... Итак, «оказывается более справедливым убеждение нашего народа, что совокупность людей образует не толпу с разнужданными, грубыми стремлениями (...) но “мир”, т.е. общество, в котором царят согласие и единение, для единого дела, в котором отбрасывается греховный элемент частных составных единиц, и человек от святости общего дела очищается и достигает небывалой духовной высоты» (Ш, 58).

Россия, с ее “всеславянской философией”, пронизанной духом прощения и любви, состраданием ко всем забвенным и пропадающим, должна, по убеждению Федорова, стать провозвестницей слова о воскрешении, благовестницей подлинного, вселенского – а не мнимого, подменного братства, – братства, осуществляемого “в общем, отеческом деле” возвращения жизни отцам, по которым только мы – братья. В этом смысле она продолжит дело Константинополя, религиозного центра всемирной истории на протяжении 11 веков христианства, в котором были выработаны основные христианские догматы: о Троице, о двух природах и двух волях во Христе, об иконопочитании и др. – те великие истины веры, что в перспективе истории должны были стать правилом жизни.

Однако обращения догмата в заповедь, богословия в богодействие не произошло. Константинополь пал, не преодолев разрыва между верой и делом: догматы остались “теорией, без-

действенной в жизни”, в результате чего и обряд стал мертвенной формой, и самая “жизнь, деятельность, отрешившаяся от заповеди, не поставившая себе целью исполнение долга собирания для воскресения, обратилась в языческую рознь, сделалась идолопоклонством, реакцией против коего и явилось магометанство во всей его суровой простоте монизма” (I, 158–159). Соответственно и Россия, наследуя Константинополь, исполнит свою миссию только тогда, когда сама встанет на путь всеобщего дела и поведет за собой другие народы, являя пример подлинного исполнения христианских обетований, не словесного лишь исповедания, но и осуществления чаемого. Ведь ее история уже знала впечатляющие примеры проективного, действенного отношения к богословию – это и упомянутый выше преп. Сергей Радонежский, патриарх Никон, воздвигший храмовый комплекс Новый Иерусалим как научающий прообраз будущего Иерусалима Небесного, Серафим Саровский, “великий чтитель Воскресения” (IV, 482), встречавший всякого, кто к нему приходил, словами “Радость моя, Христос воскрес!”: в лице Серафима, подчеркивал Федоров, Россия проникает в средоточие христианской благой вести – борьба с “последним врагом” – смертью, преображающее восстание всех. И недаром спустя 30 лет В.Н. Ильин в своем философско-публицистическом цикле “Этюды о русской культуре” укажет на духовное родство Саровского подвижника, который “сиянием лика своего и учением о стяжании Духа Святого звал к великому просветлению образа Божия в человеке”, и творца “Философии общего дела”, подчеркивая, что и проповедь Серафима, и концепция Федорова закладывают фундамент активно-христианского миропонимания, согласно которому “человек есть (...) существо активное, призванное к сотрудничеству, сотворчеству со своим Творцом и даже к преодолению своей тварности”³¹.

Взгляд на Россию как на Богоданную, пророческую страну, из которой изойдет слово о вселенском, преображающем мир христианстве (религии, для которой “несть эллин и иудей”), заставил Федорова негативно отнестись к теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Ему была глубоко чужда мысль Данилевского о гегемонии славянства (и России, как представительницы славянского племени) в семье народов земли в силу их принадлежности к высшему, четырехосновному культурно-историческому типу (гегемонии чисто племенной, зоологической), уподобление мировой истории смене биологических видов, лишаящее историческую жизнь человечества сверхприродного, нравственно-религиозного импульса. Он вообще был против националистической гордыни, считая ее таким же знаком падения

рода людского, как и отрицающий родовую память космополитизм. “Народ, как обособившаяся часть распавшейся семьи человеческой, есть выражение не общей славы этой части в прошлом, а общего тщеславия и общей воли, т.е. желания остаться и в настоящем при этом тщеславии; истинный же культ предков не в славе, а в деле” (I, 135). Подобно Достоевскому, он был сторонником идеи всечеловечества, различая вслед за ним космополитизм, или общечеловечность, ведущую к стиранию духовного и культурного своеобразия наций, и всечеловечность, нераздельно соединенную с понятием соборности, сочетающей самобытные и разнообразные народные личности в симфоническое единство, питаемое духом веры и любви.

На протяжении более полувека, с тех пор, как в 1851 г. 20-летнему юноше Николаю Федорову явилась “мысль, что чрез нас, чрез разумные существа, достигнет природа полноты самосознания и самоуправления, воссоздаст все разрушенное и разрушаемое по ее еще слепоте, и исполнит тем волю Бога, делаясь подобием Его, Создателя своего” (IV, 165), философ не уставал повторять – внутри себя и вовне, на бумаге и в устном слове, – что человечество, подходящее к концу второго тысячелетия христианской эры, стоит перед неотменимым, нудящим выбором: оставаться на самоубийственных, ложных путях или повернуть на пути правды, которая, как и Церковь, одна, сознавая свою, для верующих – религиозную, для неверующих – эволюционную, ответственность перед вскормившим его бытием.

И в завершение – несколько слов о федоровской трактовке истории не как движения из времени в вечность, а как одной из форм человеческой памяти, как предмета научного знания.

Непререкаемое требование мыслителя: народная, “неученая” история не должна отделяться от ученой истории, ибо в отличие от последней первая зрит в корень события, ловя в нем отзвуки тех священных, архетипических представлений о бытии и человеке, тех сокровенных идеалов и чаяний, без которых история – закрытая книга или непонятная письменность, принципы которой так и не разгаданы.

Федоров последовательно утверждает проективный подход к истории. “Нельзя при рассмотрении и изучении судеб рода человеческого ограничиваться *только бывшим*; необходимо уразуметь и *долженствующее быть*” (II, 210). Объективное изучение факта, знание ради знания, – на этом остановиться нельзя. Дело изучения и исследования прошедшего должно быть понято как первая, предварительная ступенька к будущему труду восстановления лиц, живших в этом прошедшем. А потому объективное должно переходить в проективное, созерцание того, что есть,

должно обратиться “в представление того, что должно быть, т.е. в проект” (I, 139).

Собственно сам он и выстраивал здание такой проективной истории, истории всеобщего дела, поставляя каждое событие в прошлом и настоящем под софиты вечности, выводя его в деонтологический план, включая в панорамное видение исторического бытия человечества как движения от грехопадения к искуплению и от искупления к Царствию Божию. Его субъективность не была произволом, но – попыткой увидеть религиозный смысл каждого шага человека в истории и, наконец, понять, что абсолютно каждый из этих шагов влияет на то, спасется ли человек и спасет ли мир, доверчиво и с надеждой взирающий на того, в ком воссияла искра сознания и веры в бессмертие.

Исповедуя религиозный подход к истории, Федоров утверждал: история – всегда воскрешение, а не суд. Критическая историография, в которой царствует овнешненный, безлюбивый подход к предмету исследования, отталкивала его. Он видел в ней как бы новое убийство эпох и людей, что уже получили высшую меру наказания – смерть. Мыслитель призывал к возрождению старинного духа летописания, понимаемого как дело священное, к усвоению житийного жанра, смысл которого не в приукрашивании, а в преображении действительности: икона личности укрупняет те ее черты, которые несут на себе образ и подобие Божие, икона события проецирует его в вечность, улавливает его глубинный, религиозно-нравственный смысл.

Наиболее же резкое, негодующее отношение вызывало у Федорова то, что он называл *памфлетной историографией*. Когда история перекраивается в угоду той или иной партийной группировке, когда начинается жонглирование фактами, их передергивание, сознательное искажение смысла событий, тогда историческое знание становится *профанацией*. Мыслитель настаивает на необходимости священного, религиозного отношения к истории – прошлой, настоящей и будущей, видя в этом путь к реальному изменению миропонимания человека. Ответственное отношение к истории – часть ответственного отношения к бытию. “Если имя Божие не следует употреблять *всуе*, то и имен умерших не следует призывать *всуе*, а история как памфлет и есть нарушение этой заповеди; но нужно отказаться не от истории, а от суеты!” (I, 135).

И еще один важный принцип федоровского подхода к построению исторического описания. Имевший свое, мощное и оригинальное видение всемирной истории, Федоров в то же самое время был чрезвычайно внимателен к истории местной, к тому, что называл отечествоведением. В 1874–1880-е годы вме-

сте с Н.П. Петерсоном он собирал сведения о Керенском крае, заложив основу керенского краеведения. В 1894–1899 гг. активно участвовал в работе Воронежского губернского музея, содействуя организации там тематических выставок³². Оказавшись в 1899 г. в Ашхабаде, написал большую статью о местном музее. А уж что говорить о Москве, которой посвящено множество его статей и заметок? Московский Кремль, Румянцевский музей, Старое Ваганьково неоднократно оживают на страницах его сочинений. Что говорить о движении за собирание сведений об обыденных храмах, о помочах и толоках, толчок к которому был дан мыслителем?³³

Участвуя в краеведческом движении, Федоров стремился открыть ему новые горизонты, направить к тем задачам и целям, которые открывались в учении “всеобщего дела”. Вопрос “Что такое отечествоведение?” для мыслителя напрямую был связан с его трактовкой истории – как работы спасения: в ней все – “исторические деятели” и конечный благой исход зависит буквально от каждого.

Изучение местной истории закладывает, с точки зрения Федорова, основы будущей священной историографии, которая есть описание не только событий, но и лиц, и не избранных, а именно всех. Вот как пишет об этом С.Г. Семенова: «В федоровской общине все становятся историками; наимельчайшее поселение и событие вносятся во всемирно-священную историю. Это уже не прежняя профессиональная, ученая история, что выносила из забвения лишь отдельные, по преимуществу грозные дела, убоицы, войны, революции, отдельных личностей, официально представительствовавших за народ, эпоху, свершение. Именно здесь особенно выразительно и резко обозначился уникальный профиль Федорова-мыслителя, ходатая за всех малых сих, кого история топчет в анонимной массе современников выдающихся и великих, единственно получающих право на личностное запечатление в культуре. Логика культурного бессмертия, частичной аристократической компенсации трагизма смертного бесследного бытия ясна всем. Даже церковь – по своей идее собор всех живых и ушедших из жизни – ежедневно поименно поминает только избранных: мучеников, угодников, святых (да еще молящийся народ – своих ближайших “петров” и “екатерин”). Да и как иначе, разве может человечество помнить каждого поименно из когда-либо живших, с его индивидуальным лицом и судьбой, занести его в некие анналы, сохранять и изучать так, как изучают Шекспира и Пушкина? А вот Федоров именно этого хочет: выстроить историю как синодик, поминальный список всех умерших, по возможности обрастающий

конкретными чертами прежде существовавших личностей (дело Музея), – восстановить их сначала в памяти и исследовании, а затем действительно»³⁴. Это действительное восстановление и будет “увенчанием здания” всемирной истории, переходом от истории как взаимоотношительного и печального факта через историю как проект всеобщего дела к “истории как акту” – непосредственному осуществлению того, о чем мечтало человечество с первых своих шагов на земле.

- ¹ Ильин В.Н. Николай Федорович Федоров. Машинопись // Архивное собрание Библиотеки-фонда “Русское зарубежье” (ксерокопия – Музей-библиотека Н.Ф. Федорова, Москва).
- ² Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М., 1995–2000. Т. II. С. 72. В дальнейшем ссылки на это издание даются в скобках после цитаты. Римская цифра указывает том, арабская – страницу.
- ³ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 185.
- ⁴ Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Русский космизм: антология философской мысли. М., 1993. С. 288.
- ⁵ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1987. С. 43.
- ⁶ Там же. С. 43–44.
- ⁷ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 26. С. 148.
- ⁸ Аксаков И.С. Соч. Т. 4. М., 1886. С. 191.
- ⁹ Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 399.
- ¹⁰ Аксаков И.С. Соч. Т. 4. С. 350.
- ¹¹ Леонтьев К.Н. Наши новые христиане. Ф.М. Достоевский и гр. Лев Толстой. М., 1882. С. 22.
- ¹² Там же. С. 22–23.
- ¹³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 51.
- ¹⁴ Там же. Т. 26. С. 171.
- ¹⁵ Там же. С. 173.
- ¹⁶ Скобцова Е. (Кузьмина-Караваева Е.Ю.) Российское мессианское призвание // Утверждения. 1931. № 2. С. 24.
- ¹⁷ Тернавцев В.А. Русская церковь перед великою задачей // Записки Санкт-Петербургских религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 8.
- ¹⁸ Кареев Н.И. Идея всеобщей истории. СПб., 1885. С. 16.
- ¹⁹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 81.
- ²⁰ Шелгунов Н.В. Прошедшее и будущее европейской цивилизации // Соч. СПб., 1871. Т. 2. С. 42.
- ²¹ Лавров П.Л. Исторические письма. СПб., 1905. С. 311.
- ²² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. СПб., 1887. Ч. 1. С. 196.
- ²³ Достоевский Ф.М. Поли. собр. соч. Т. 23. С. 47.
- ²⁴ Там же. Т. 13. С. 49.
- ²⁵ Там же. Т. 16. С. 107.
- ²⁶ Там же. Т. 30(1). С. 13.
- ²⁷ См. об этом подробнее: Komarowitsch W. Der Vatermord und Fjodoroffs Lehre von der “Fleischlichen Auferstehung” // F.M. Dostojewski: Die Urgestalt der Bruder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente. München, 1928. S. 3–58; Горностаев А. (Горский А.К.). Рай на земле. К идеологии творчества Ф.М. Достоевского. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров. Харбин, 1929; Бурсов Б.И. Личность Достоевского: роман-исследование. Л., 1974. С. 73–79; Се-

- менова С.Г. “Высшая идея существования” у Достоевского // *Семенова С.Г. Преодоление трагедии: “Вечные вопросы” в литературе.* М., 1989. С. 133–164; *Барит К. “Научите меня любви”.* К вопросу о Н.Ф. Федорове и Ф.М. Достоевском // *Простор.* 1989. № 7. С. 159–167; *Гачева А.Г. Новые материалы к истории знакомства Ф.М. Достоевского с идеями Н.Ф. Федорова* // *Н.Ф. Федоров: pro et contra.* М., 2004. Кн. 1. С. 814–843.
- ²⁸ *Герцен А.И. С того берега* // *Полн. собр. соч.:* в 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 34.
- ²⁹ *Соловьев В.С. Собр. соч.:* в 10 т. СПб., 1911–1914. Т. 9. С. 85, 86.
- ³⁰ *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.* Т. 26. С. 148.
- ³¹ *Ильин В.Н. Эссе о русской культуре.* СПб., 1997. С. 115, 96–97.
- ³² См. об этом: *Акиншин А.Н., Ласунский О.Г. Н.Ф. Федоров в Воронеже. 1894–1901. Жизнь, деятельность, краткая хроника пребывания.* Воронеж, 1998.
- ³³ См.: *Гачева А.Г. Н.Ф. Федоров – философ и деятель отечествоведения* // *На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829–1903).* М., 2004. С. 220–251.
- ³⁴ *Семенова С.Г. Философ будущего века – Николай Федоров.* М., 2004. С. 317.

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

*

В.Г. Кошкидько

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в. В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

*К 100-летию со дня начала работы
I Государственной думы*

Тема формирования и функционирования представительной власти в России в начале XX в. вызывала достаточно устойчивый интерес исследователей на всем протяжении предыдущего столетия. Но наибольшее число публикаций относится к периоду 1905–1917 гг.

В силу многоплановости данной проблемы ее анализом занимались представители практически всех направлений общественно-политической мысли и различных гуманитарных наук. В результате сформировался значительный массив публикаций, в которых в той или иной степени затрагиваются различные аспекты указанной проблемы. Поэтому в данной статье основное внимание будет сосредоточено на анализе исследований, позволяющих оценить степень научной разработки следующих вопросов: формирование двухпалатной системы представительной власти в России; социально-политическая и профессиональная характеристика членов Государственной думы и Государственного совета, организационное устройство палат и порядок производства в них законодательных дел; законотворческая работа палат в период первого и второго созывов и их взаимоотношения в этом процессе между собой и с правительством.

Представление о масштабах интереса современников (ученых, политических и общественных деятелей, публицистов, юристов) к процессу формирования и деятельности представительной ветви власти периода первой российской революции дают библиографические указатели, изданные в 1913–1916 гг. и после революции 1917 г.

В “Указателе книг и брошюр о Государственной думе”, составленным младшим помощником библиотекаря Думы А.С. Деевым на основе “Книжной летописи” Главного управления по де-

лам печати и отзывов в периодической печати за время с учреждения Думы до 1 июля 1912 г., отмечены 425 отдельных изданий, имеющих отношение к Государственной думе I–III созывов. Включены даже 59 работ (в основном авторов радикального направления: Ф. Дана, А. Зурובה, В.И. Ленина, Л. Мартова, И. Субботина и др.), которые по решению суда были уничтожены или арестованы¹.

Составленный и изданный В.В. Брусняным “Указатель книг и статей о Государственной думе” включает 801 публикацию. Нельзя сказать, что он содержит исчерпывающую информацию, так как ряд работ, включенных в книгу А.С. Деева, в него не вошли. Кроме того, ряд публикаций, имеющих косвенное отношение к органам представительной власти, явно случайно (только из-за того, что в их названии упоминалась Государственная дума) попал на страницы этого издания. И тем не менее “Указатель” В.В. Бруснянина, на наш взгляд, имеет ряд преимуществ перед “Опытом библиографии” А.С. Деева. В частности, он содержит информацию о нескольких сотнях статей, посвященных различным аспектам деятельности Государственной думы и Государственного совета, опубликованных в периодических изданиях различных профессиональных и общественно-политических направлений, а также в него включены два более подробных, в отличие от издания Деева, предметных указателя (кроме поименного), значительно облегчающих работу исследователя².

Существенно дополняет библиографическую информацию по исследуемой проблеме “Указатель книг и статей по русскому конституционному праву”, подготовленный А.С. Алексеевым к десятилетию издания Манифеста 17 октября 1905 г. и опубликованный в 1916 г. Он содержит 692 наименования книг, учебников, брошюр, статей, среди которых большая часть посвящена анализу проблем российского конституционализма и парламентаризма.

Ценность данного издания состоит прежде всего в том, что в нем собраны статьи правоведов – специалистов по государственному и конституционному праву, ученых, известных политических и общественных деятелей, публицистов – А.С. Алексеева, В.М. и И.В. Гессенов, Д.Д. Гримма, С.А. Котляревского, Н.М. Коркунова, А.А. Кизеветтера, М.М. Ковалевского, Ф.Ф. Кокошкина, Н.И. Лазаревского, В.А. Маклакова, С.А. Муромцева, В.Д. Набокова, П.И. Новгородцева, Б.Э. Нольде и других, опубликованных в таких научных и общественно-политических изданиях, как “Право”, “Юридический вестник”, “Журнал министерства юстиции”, “Юридические записки”, “Судеб-

ное обозрение”, “Образование”, Вестник Европы”, “Московский еженедельник”, “Московский ежемесячник”, “Речь”, “Русские ведомости” и др. Большинство этих работ посвящено анализу изменений, произошедших в государственном строе России, изучению процесса формирования представительных институтов власти и различных аспектов законодательной деятельности палат.

Библиографический опыт начала XX в. был продолжен в 1930 г. Сотрудниками библиотеки Коммунистической академии был составлен библиографический указатель “Первая русская революция”, в который были включены 463 книги, брошюры, статьи в основном о Государственных думах и Государственном совете I и II созывов³. В этом указателе, в отличие от дореволюционных, где все работы приводятся в алфавитном порядке, литература по каждой Думе и Госсовету дана отдельно, а внутри систематизирована по разделам: общая литература – работы, посвященные выборам, депутатскому корпусу, деятельности различных фракций и отдельно фракции РСДРП в Думах. Сведения о публикациях содержат информацию о том, какой политической ориентации придерживался автор. Помимо большинства работ, имеющих в дореволюционных указателях в библиографию Думы и Госсовета включены работы В.И. Ленина, видных деятелей большевистской партии, а также работы, написанные после выхода дореволюционных указателей.

В 1996 г. к 90-летию начала работы I Государственной думы Отдел редкой книги библиотеки Таврического дворца (в 1906–1917 гг. – библиотека Государственной думы. – В.К.) выпустил библиогид “Первая Государственная дума в России”. Этот сравнительно небольшой по объему указатель (70 книг и брошюр, 185 статей из сборников и периодических изданий, вышедших в 1906–1917 гг.) включает несколько отдельных изданий и ряд статей, не вошедших в опубликованные ранее указатели и тем самым расширяет наши представления и о количестве публикаций о I Думе, и о различных аспектах ее работы, интересовавших современников⁴.

Весь этот массив литературы говорит о значительном интересе современников к деятельности органов представительной власти. Необходимо сразу отметить, что основное количество публикаций посвящено Государственной думе. Государственному совету уделили внимание всего лишь несколько авторов.

Особенностью историографии 1905–1917 гг. по проблеме формирования и функционирования представительных учреждений в период первой российской революции является то, что она начала складываться непосредственно в ходе проведения

реформ по преобразованию государственного строя и работы Госсовета и Госдумы первого и второго созывов. В массовой до-революционной литературе различной партийно-политической направленности, наряду с чисто юридическими аспектами проблем складывания основ российского парламентаризма и деятельности представительных органов, освещались и политические вопросы, связанные с межпартийной борьбой на выборах и в палатах представительства, взаимоотношений последних между собой и с правительством, обсуждением в Думе и Госсовете аграрного, продовольственного и других вопросов, характеризовалась и деятельность отдельных фракций и групп, конфликты и кризисы в палатах.

Оценки реформирования государственного строя в ходе революции, создание двухпалатной системы представительных органов, роли и места в ней Государственной думы и Государственного совета, их законодательной деятельности во время первого и второго созывов, ее результатов зависели от того, какой политической ориентации придерживался автор. Критическое отношение преобладало в работах социалистов и правых, более взвешенное и объективное – в работах либеральных авторов, которым принадлежало большинство публикаций.

Социал-демократические авторы считали, что Дума должна быть “центром общенародного движения против самодержавия”, “орудием революции”. Они сосредоточили свое внимание на вопросах избирательной кампании как форме борьбы, пусть и не имеющей решающего значения для революционеров, анализе результатов выборов, считали, что победа кадетов на выборах в I Думу была не столько голосованием за кадетов, сколько голосованием против правительства⁵. Социал-демократы критически оценивали политическую и законодательную деятельность кадетов, а по отдельным вопросам и трудовиков, когда те действовали за одно с партией “Народной свободы”. Особенно критиковались аграрные законопроекты и попытки кадетских лидеров наладить взаимодействие Думы и правительства. Деятельность II Думы они рассматривали как противостояние тактических линий социал-демократов и кадетов, а главной задачей социал-демократической тактики была борьба за освобождение социалистически ориентированных фракций из-под кадетского влияния⁶. Наиболее резкими критиками деятельности Думы были В.И. Ленин и его соратники⁷.

Еще одну группу левых авторов составляли трудовики, эсеры, народные социалисты⁸. В их работах Дума рассматривалась “как первый, планомерно организованный опыт широкой политической борьбы, стоящий в тесной связи с борьбой револю-

ционной”⁹. Много места уделялось выборам в Думу от крестьян, анализировалось отношение левых фракций, в первую очередь трудовиков к кадетским законопроектам и действиям правительства.

В большинстве публикаций социалистической направленности присутствует вывод о том, что созданная система представительной власти – принципиальная уступка старого режима общественному движению, но она несовершенна, несовместима с реальной жизнью, хотя и имеет перспективы к изменению в лучшую сторону¹⁰, а наиболее радикальные авторы считали ее “карикатурой на парламент”¹¹, ширмой, которая прикрывает абсолютную власть монарха. Поэтому в работах авторов, стоящих на левых позициях, создание представительства, его личный и фракционный состав, законодательная деятельность рассматривались только с точки зрения политической.

В работах авторов правой ориентации бросается в глаза нежелание, с одной стороны, серьезно воспринимать учреждения представительной власти в качестве равноправных с монархом законодательных органов, с другой – попытаться сколько-нибудь глубоко проанализировать различные стороны их деятельности¹².

Из современников более полно стремились разобраться в процессе и результатах создания системы представительных органов власти и их деятельности авторы либеральной ориентации – кадеты¹³, октябристы¹⁴, представители партий мирного обновления и демократических реформ¹⁵. В их работах имеется информация о составе палат, их устройстве, законодательной деятельности, роли в политической жизни общества.

Часть работ либеральных историков, публицистов и политических деятелей, в которых освещаются вопросы реформирования политической системы в 1905–1906 гг., а также деятельность I и II Государственных дум уже подверглась историографическому анализу¹⁶. Е.Д. Черменский изложил взгляды кадетских историков на итоги избирательных кампаний в первую и вторую Думы, на отношения кадетов с трудовиками, причины роспуска Думы. О.В. Волобуев рассмотрел точки зрения кадетских и октябристских авторов на реформы государственного строя в период первой революции и отметил характерные особенности либеральной историографии в отношении Государственной думы: ее идеализацию как представительного учреждения, преувеличение возможности нижней палаты сотрудничать с правительством, влияние Думы на ход революции. О.А. Исхакова проанализировала работы либеральных авторов по следующим направлениям: реформы политической системы, деятельность партий и фракций в Государственных думах, предвы-

борные кампании, взаимоотношения Думы и царской власти, причины поражения либеральной альтернативы общественно-го развития России.

В вышеуказанных историографических работах недостаточно освещены позиции дореволюционных авторов либеральной ориентации по проблемам создания двухпалатной системы представительной власти, оценка ими социального и профессионального состава палат, их организационного устройства и установленного в них порядка законодательного производства, а также конкретной законодательной деятельности.

В.П. Виноградов, В.И. Герье, А.А. Кизеветтер, М.М. Ковалевский, Ф.Ф. Кокошкин, П.Н. Милюков, С.А. Муромцев и другие либеральные авторы считали, что государственный строй России должен был быть преобразован на принципах конституционной монархии, и первым шагом на пути реформирования политической системы, по их мнению, должно было стать создание представительного законодательного учреждения. Поэтому закон 6 августа 1905 г. о создании законосовещательной Думы был ими воспринят как акт, знаменовавший “переворот в государственном строе”, открывший новую эру свободной политической жизни. Разногласия между кадетскими и октябристскими авторами возникали при определении прерогатив власти монарха и представительных органов. Первые отстаивали право народного представительства влиять на политику правительства и определять ее направление, вторые настаивали на праве монарха назначать министров и контролировать деятельность правительства.

С изданием Манифеста 17 октября либеральные авторы связывали установление в стране конституционного строя, но тактически оценивали его по-разному. Октябристы – как добровольный акт монархии народу, с изданием которого должна завершиться революция и начаться сотрудничество с правительством в целях восстановления порядка в стране. Их поддерживали правые кадеты П.Б. Струве и В.А. Маклаков. Представители левого крыла и центристское руководство кадетов во главе с П.Н. Милюковым считали Манифест главным завоеванием освободительного движения и рассматривали возможность работы с правительством исключительно на базе своей политической программы, что исключало вероятность компромисса с властью. Они отрицательно относились к избирательному закону 11 декабря 1905 г., поскольку отстаивали принцип всеобщего избирательного права и к законодательным актам 20 февраля 1906 г., превратившим Государственный совет в верхнюю палату представительства, так как считали, что он будет стоять на

стороне правительства и тормозить все неугодные власти инициативы Думы¹⁷. Создание двухпалатного народного представительства они считали отступлением от Манифеста 17 октября. Октябристские авторы положительно оценивали все преобразования, проводимые властями после принятия Манифеста 17 октября.

Реформирование государственного строя, новая редакция Основных законов, полномочия палат народного представительства, их организационное устройство были проанализированы в исследованиях видных российских юристов, специалистов по государственному праву: А.С. Алексеева, В.М. Гессена, Н.А. Захарова, В.В. Ивановского, П.Е. Казанского, С.А. Котляревского, Н.М. Коркунова, Н.И. Лазаревского, Б.Э. Нольде, Н.И. Палиенко, подавляющее большинство которых принадлежало к либеральному лагерю¹⁸.

Н.А. Захаров, В.В. Ивановский, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, Н.И. Палиенко, Б.Э. Нольде считали, что Россия после принятия новой редакции Основных законов стала конституционной монархией с ярко выраженным преобладанием верховенства монарха среди других органов власти. Ивановский называл Основные законы самодержавной конституцией, которая в отличие от предшествующих конституционных планов и проектов носила на себе "следы" народного влияния¹⁹. Палаты, по мнению Захарова, лишь устанавливали содержание закона, а законодательствовал монарх²⁰. Котляревский признавал, что ограничение законодательной компетенции Госдумы и Госсовета более значительно, чем в других конституционных государствах, а, кроме того, в России, несмотря на реформу государственного строя, независимость правительства от представительства обеспечена в гораздо большей степени, чем независимость представительства от правительства, и по новому законодательству руководящая роль правительства над представительными учреждениями является юридически преобладающей²¹. К такому же выводу пришел и А.С. Алексеев, отметив, что проблемы ответственности министров перед законодательными палатами в русском праве не существовало²².

По-разному оценивали юристы 87-ю статью Основных законов, дававшую возможность императору во время прекращения работы Государственной думы самому издавать законодательные акты. Она пользовалась повышенным вниманием исследователей. Подробное изложение порядка законодательства по 87-й статье проведено в работах Б.Э. Нольде и Я.М. Магазинера. Первый, анализируя фактические обстоятельства, обусловившие чрезвычайно-указную власть, порядок издания и возможность

применения императорских указов, доказывает, что без утверждения представительными органами они обречены на гибель²³. Второй, кроме толкований действовавших норм права, предпринял попытку создания некоторой общей теории чрезвычайного указа, которая вызывает немало сомнений, и в частности утверждение автора о том, что монарх издает чрезвычайные указы не как глава исполнительной власти, а как орган власти законодательной²⁴. Рассматривая 87-ю статью, Н.А. Захаров пришел к выводу, что оценка возможности ее применения порой “имеет значение более политическое, чем юридическое”²⁵. Н.И. Палиенко считал, что в данной статье отсутствуют гарантии правильно ее применения²⁶.

Вопросам изучения иммунитета народных избранников посвящена работа Л.А. Шалланда²⁷. В своей книге он анализирует основные положения законодательства о законодательной инициативе, рассматривает преемственность парламентских легислатур.

Реформы государственного строя способствовали появлению нового направления в русском государственном праве – конституционного права. Его разрабатывали В.М. Гессен, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, Б.Э. Нольде²⁸. В.М. Гессен в своем исследовании выясняет природу конституционного государства путем противопоставления его государству абсолютистскому. Анализируя теорию народного представительства, он высказывает мысль о том, что двухпалатная система организации законодательной власти обречена на вымирание. С развитием демократических институтов отпадет потребность в верхней палате, как не представляющей большинства населения и не отражающей его интересы²⁹. Н.И. Лазаревский считает, что введение народного представительства всегда означает переход к конституционному образу правления. Рассматривая двухпалатное представительство и сравнивая состав палат в странах Европы и России, он отмечает, что предназначение верхней палаты – сдерживать действия нижней, а “смысл нашего Государственного совета, как и всякой палаты, состоящей хотя бы наполовину из членов по назначению от правительства, состоит в том, чтобы это правительство поддерживать”³⁰. Кроме того, Лазаревский анализирует русское избирательное право, полномочия депутатов, порядок работы парламента и парламентское делопроизводство. Б.Э. Нольде заявляет, что новая редакция Основных законов “в значительной своей части является заимствованием из конституционных актов иностранных государств и преимущественно тех из них, которые обеспечивают самостоятельное положение за исполнительной властью”³¹.

В 1905–1917 гг. было опубликовано несколько сборников кратких биографий членов I и II Думы и Госсовета³². Эти сборники не содержат аналитических обобщений. Политическая характеристика думского депутатского корпуса и фракций дается во многих работах авторов различной политической ориентации³³. А вот попытки дать более полную социальную и профессиональную характеристики членов Думы и Госсовета единичны. Хотелось бы обратить внимание на исследования Н.А. Бородина³⁴. В брошюре, которая вышла в 1906 г., автор, депутат I Думы на основании проведенного им анкетирования членов Думы, проанализировал состав Думы по возрасту, степени образования, вероисповеданию, национальности, по сословиям, профессиям, по политическим партиям и парламентским фракциям и группам. В опубликованной через год статье Бородин расширил этот анализ. Он привел данные о руководящих органах I Думы, дал информацию (правда неполную) о составе и руководителях ее отделов и комиссий, соотношении в них членов различных фракций, о регламенте нижней палаты. Сравнивая возрастной и профессиональный состав I Думы с нижними палатами европейских парламентов он показал, что российские депутаты были в среднем на 10 лет моложе парламентариев Германии и Франции. Кроме того, он пришел к следующим выводам: среди членов Думы рабочих и крестьян было больше почти в 2 раза, чем в германском рейхстаге, в 6 раз больше, чем во французской палате депутатов, в 7,5 – чем в английской палате общин; землевладельцев и представителей капитала было столько же, сколько во французской нижней палате, но в 1,5 раза меньше, чем в германской и английской; представителей свободных профессий (юристы, профессора, доценты, литераторы, врачи, учителя) – столько же, сколько в германской, в 2 раза меньше, чем во французской и в 1,5 раза – чем в английской.

По депутатам II Думы подобных статистических исследований в дореволюционной литературе нет, за исключением отдельных отрывочных сведений в работах, где рассматривается политический и фракционный состав палаты.

Первый опыт статистического исследования Государственного совета был предпринят в 1906 г. эсеровским публицистом Н. Рубакиным³⁵. Брошюра написана в форме политического памфлета и статистический материал, который она содержит, подан таким образом, чтобы представить членов Госсовета в самом невыгодном для них свете. Вряд ли можно считать этот материал полностью объективным.

Как уже отмечалось, организационное устройство палат и порядок законодательной работы с позиций государственного

права освещались в работах В.М. Гессена, П.Е. Казанского, С.А. Котляревского, Н.И. Лазаревского. Деятельности I Думы по разработке правил внутреннего распорядка с изложением и анализом тех глав и параграфов Наказа, которые успела разработать Дума, посвящены работы одного из главных его составителей, председателя I Думы С.А. Муромцева³⁶. В.А. Маклаков и О.Я. Пергамент рассмотрели работу II Думы и думской комиссии по дальнейшей разработке Наказа. В книге приводится большой фактический материал, иллюстрирующий процесс обсуждения и принятия очередных глав Наказа, что дает более точное понимание того, к чему стремились разработчики регламента³⁷. Вопросу о праве Правительствующего Сената отказать в публикации Наказа Госсовета посвящена статья Д. Гримма³⁸.

Состав и деятельность отделов и комиссий I Думы практически не получили освещения в дореволюционной историографии, за исключением отдельных сведений, которые приводятся в работах Н.А. Бородина, В.А. Маклакова, С. Варшавского. Состав и работа подготовительных органов Думы второго созыва вызвала гораздо больший интерес. В статье В. Яцунского рассматривалась процедура и ход выборов комиссий, Л. Неманов проанализировал состав и работу как постоянных, так и временных комиссий II Думы³⁹. Целью данных публикаций было стремление опровергнуть заявления правых изданий о неработоспособности думских комиссий, возглавляемых левыми и кадетами, что явилось, по их мнению, причиной неэффективной законодательной работы II Думы.

Порядок работы Дум первого и второго созыва освещается в исследовании А. Пиленко. Автор, преследуя цель совершенствования парламентской процедуры и "оказания помощи будущим Думам в налаживании планомерной работы", основное внимание сосредоточил на анализе порядка производства дел в общих собраниях Государственной думы⁴⁰.

В опубликованном к 100-летию юбилею Государственной канцелярии издании представлена информация о создании канцелярии Государственной думы, ее работе, также приводятся сведения о преобразовании и деятельности Государственной канцелярии, ведавшей делопроизводством в Государственном совете⁴¹.

Законодательная деятельность палат и их отношения с правительством в основном получили освещение в работах кадетских авторов. И это не случайно. Законодательную работу кадеты считали главной в деятельности представительства и поэтому партийные деятели, публицисты, юристы, среди которых были члены Думы и Госсовета, уделяли ее изложению и анализу более

пристальное внимание, в отличие от представителей других политических направлений. Особенно это было характерно для первого созыва.

Законодательная деятельность Думы и Госсовета первого созыва частично рассматривалась в книгах С. Варшавского, В.А. Маклакова, П.Н. Милюкова, И.И. Попова, А.М. Рыкачева, Н.С. Таганцева, А. Цитрона и в статьях, опубликованных в периодических изданиях и сборниках⁴². В большинстве публикаций освещение работы палат над законами ограничивается изложением законопроектов и хода их обсуждения, причем только тех, которые представляли интерес для авторов. Из работ подобного характера следует обратить внимание на монографии Попова и Цитрона. Они довольно интересные, так как в них предпринята попытка рассмотреть законодательную деятельность и Думы, и Госсовета. Попов, рассматривая работу палат над законопроектом об отмене смертной казни, описывает ход его обсуждения, позиции членов Думы и Госсовета, но основное внимание сосредоточивает на оценке законотворческого процесса. “Если в Думе законотворческая работа бурлит и кипит, то в Госсовете она идет вяло, монотонно, как будто люди делают не живое, а никому не нужное дело”⁴³, – писал он. К таким же выводам приходит и Цитрон. Высоко оценивая выступление члена Госсовета Н.С. Таганцева во время обсуждения законопроекта об отмене смертной казни, он все равно считает, что Госсовет проголосует против этого думского проекта. Хотя поддержка верхней палатой думских предложений по законопроекту об оказании помощи населению губерний, пострадавших от неурожая, заставляет автора более оптимистично смотреть на перспективы взаимоотношений палат⁴⁴.

Хотелось обратить внимание на второй и третий выпуски сборников “Первая Государственная дума”. Во всех статьях второго выпуска рассматривается работа над законопроектами. Особый интерес представляет публикация П.И. Новгородцева с анализом законодательной работы I Думы. Ее уровень он оценивает довольно высоко. Он связывает это только с деятельностью кадетской фракции в Думе, так как левые, в том числе и трудовики, рассматривали ее как орудие пропаганды, а это тормозило законодательную работу. Несмотря на это автор отмечает, что кадеты очень внимательно рассматривали все предложения трудовиков по законопроектам. Он также указывает на недостаточное участие министерств в законодательной работе⁴⁵. Среди авторов выпуска – Кокошкин, Петрункевич, Каминка, Набоков, Гредескул, Котляревский. Их статьи посвящены анализу законопроектов, предложенных кадетами, а в статье Набокова приво-

дится изложение обсуждения в Думе законопроекта об отмене смертной казни.

В третьем выпуске сборника А.А. Кауфман подвергает обстоятельному анализу обсуждение в Думе аграрного вопроса. Рассматривая законопроекты левых и кадетов, он пишет, что “цель у них одна – передача земли в руки трудящихся”, а разница лишь в темпах проведения земельной реформы. Так проводилась мысль о том, что кадеты являются выразителями интересов крестьянства. Фракции Думы (за исключением некоторых депутатов) поддерживали принцип принудительного отчуждения. Против было только правительство, которое, по мнению автора, “не может признавать право собственности на землю за одними и в то же время отнимать его у других”⁴⁶. В статье освещается создание и деятельность аграрной комиссии и ее подкомиссий, подробно рассматривается содержание законопроектов и их обсуждение.

Товарищ (заместитель) председателя I Думы П.Д. Долгоруков в статье, посвященной обсуждению в палатах представительства законопроекта об оказании продовольственной помощи населению, рассматривает ход обсуждения этого вопроса в комиссии и в общем собрании. Он считает, что Дума поступила правильно, снизив запрашиваемую правительством сумму. Этим шагом, считает автор, она показала, что готова контролировать финансовую деятельность правительства не только в этом конкретном случае, но и приступить к пересмотру бюджета с целью сокращения непроизводительных расходов. Решение Госсовета поддержать Думу, а не правительство, он расценивает как значительное в том смысле, что оно вселяет надежду и уверенность в перспективы совместной законодательной работы палат⁴⁷.

Работа палат над законопроектом об отмене смертной казни в первую сессию была подвергнута обстоятельному анализу в публикациях А.М. Рыкачева и Н.С. Таганцева. Рыкачев исследует обстоятельства, побудившие Думу разработать законопроект, процесс разработки проекта, отношение к нему депутатов и министров, ход обсуждения проекта и его принятие Думой. Заключение раздел книги посвящен обсуждению проекта в верхней палате. Автор пишет, что хотя часть членов Госсовета и поддержала решение Думы, но большинство все же находилось на стороне правительства, а это значит, что законопроект не смог пройти⁴⁸. В статье профессора уголовного права, члена Госсовета Н.С. Таганцева проанализированы позиции сторонников и противников смертной казни в верхней палате, в том числе и членов группы центра – самой многочисленной и влиятельной. Боль-

шинство из них было против смертной казни, но отмену ее в данным момент считали несвоевременной⁴⁹.

Работа над законами палат второго созыва освещалась в публикациях Н. Васильева, В.И. Герье, А.И. Каминки и В.Д. Набокова, В.А. Маклакова, П.Н. Милюкова, К. Никитина и И. Степанова, А. Цитрона⁵⁰. В работах октябристских авторов рассматривалось обсуждение во II Думе аграрных проектов, бюджета, законопроектов о продовольственной помощи и отмене военно-полевых судов. Они считали, что законодательная деятельность палаты была малоэффективной, а одной из основных причин этого был низкий профессиональный уровень депутатов⁵¹. По мнению левых авторов, Дума могла бы добиться большего в законодательной деятельности, если бы кадеты при обсуждении законопроектов не шли на поводу у правительства⁵². Кадетские авторы, опровергая подобные утверждения, заявляли, что итог законодательной работы Думы не мог быть очень высоким, так как она проработала всего 103 дня, но за это время она одобрила более 20 проектов, приступила к обсуждению на Общем собрании важного для страны закона о местном суде, т.е. работа налаживалась и была более эффективной, чем в первую сессию⁵³.

А.И. Шингарев, анализируя законодательную инициативу членов Думы и Госсовета, отмечал, что, несмотря на равенство палат все 60 парламентских законопроектов были инициированы депутатами Думы. Члены Госсовета трижды пытались проявить инициативу, но безрезультатно. Для России, считает автор, где правительство не было подконтрольно парламенту, роль законодательной инициативы, как фактора, корректирующего действия министров, чрезвычайно важна. Результативность законодательной инициативы российских депутатов по подсчетам Шингарева, в несколько раз выше, чем в европейских парламентах⁵⁴.

Подводя итоги анализу литературы, посвященной проблеме формирования и функционирования представительной власти в России в годы первой революции, можно сделать вывод, что она, с одной стороны, позволяет подходить к оценке и осмыслению событий, касающихся процесса формирования и деятельности органов представительной власти, с позиций научного и политического плюрализма, обеспечивает возможность сопоставления различных научных точек зрения и идеологических позиций и выявления наиболее объективной картины законотворческой деятельности палат представительства и политической борьбы внутри и вокруг них. С другой стороны, нельзя не признать, что публицистический, а порой и почти мемуарный характер основной части изданных работ, предопределил субъективизм авторов. Многим из освещающих создание и деятельность представи-

тельных органов публицистам не доставало широты и научности взглядов, недоступными для них были и документы государственных органов и политических партий. Кроме того, для большинства авторов главными были задачи текущей политической борьбы, в связи с чем в их работах на первый план выдвигалась защита партийных интересов, которые часто превалировали над исторической объективностью.

- ¹ См.: *Деев А.С.* Указатель книг и брошюр о Государственной думе с 1905–1912: опыт библиографии. СПб., 1913.
- ² См.: *Бруснянин В.В.* Указатель книг и статей о Государственной думе. М., 1913.
- ³ См.: *Первая русская революция: указатель литературы.* М., 1930. С. 66–92.
- ⁴ См.: *Первая Государственная дума в России (Библиогид).* Библиотека Таврического дворца. Отд. редкой книги. СПб., 1996.
- ⁵ См.: *Аксельрод П.Б.* Народная дума и рабочий съезд. СПб., 1906; *Балабанов М., Дан Ф.* Рабочие депутаты первой Государственной думы. СПб., 1906; *Дан Ф., Череванин Н.* Союз 17 октября // *Общественное движение в России в начале XX века.* СПб., 1914. Т. III, кн. 5; *Добров Н.* Российский парламент и тактика пролетариата. Женева, 1906; *Ленин В.И.* Победа кадетов и задачи рабочей партии // *Полн. собр. соч.* Т. 12. С. 271–352; *Он же.* Дума и народ // Там же. Т. 13. С. 80–83; *Он же.* Роспуск Думы и задачи пролетариата // Там же. С. 305–327; *Он же.* Социал-демократия и выборы в Думу // Там же. Т. 14. С. 249–273; *Он же.* Вторая Дума и вторая волна революции // Там же. С. 380–385; *Он же.* Открытие второй Государственной думы // Там же. Т. 15. С. 19–22; *Он же.* Вторая Дума и задачи пролетариата // Там же. С. 25–26; *Он же.* Выборы в Думу и тактика русской социал-демократии // Там же. С. 37–48; *Петрищев А.Б.* Два избирательных закона. СПб., 1907; *Шлихтер А.Г.* Государственная дума и ее роль в освободительном движении. СПб., 1906; и др.
- ⁶ *Воровский В.В.* Государственная дума и рабочий класс. СПб., 1906; *Орловский П. (Воровский В.В.)* Некоторые итоги первой Думы // *Образование.* 1906. № 9; *Он же.* Государственная дума и политические партии // *Новая дума.* СПб., 1907. Сб. 1; *Дан Ф.* Общая политика правительства и изменения в государственной организации в период 1905–1907 гг. // *Общественное движение в России в начале XX века.* СПб., 1912. Т. 12; *Деятельность II Государственной думы.* М., 1907; *Зурабов А.Г.* Вторая Государственная дума: впечатления. СПб., 1908; *Ленин В.И.* Вопрос о земле в Думе // *Полн. собр. соч.* Т. 13. С. 99–102; *Он же.* Ни земли, ни воли // Там же. С. 106–107; *Он же.* Правительство, Дума и народ // Там же. С. 111–114; *Он же.* Кадеты мешают Думе обратиться к народу // Там же. С. 115–116; *Он же.* О лозунге думского министерства // Там же. С. 172–173; *Он же.* Кадетская дума дала денег правительству погромщиков // Там же. С. 251–254; *Он же.* Думские партии и народ // Там же. С. 297–300; *Он же.* По поводу декларации Столыпина // Там же. Т. 15. С. 27–29; *Он же.* Кадеты и трудовики // Там же. С. 74–77; *Он же.* Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе // Там же. С. 127–160; *Он же.* Дума и русские либералы // Там же. С. 250–253; *Никитин К., Степанов И.* Деятельность второй Государственной думы: сб. ст. М., 1907. Вып. 1; *Ольминский М.С.* Права Государственной думы. СПб., 1906; *Плеханов Г.В.* Уроки прошлого // *Соч.* М.; Л., 1926. Т. 15; *Раковский О.Ю.*

- Государственная дума и политические партии. М., 1907; *Шегло Л.В.* Работа партий в первой Думе. СПб., 1907; *Южанин В.* За что разогнали Государственную думу? СПб., 1906; Государственная и социал-демократия (об итогах и перспективах I и II Государственных дум). М., 1907. Сб. 1.
- ⁷ Подробно о взглядах В.И. Ленина и оценке им первых Государственных дум см.: *Яковлев Н.Н.* В.И. Ленин как историк первой русской революции // История и историки: историогр. ежегодник. 1970. М., 1972; *Волубуев О.В.* Идейно-теоретическая борьба по вопросам истории революции 1905–1907 гг. М., 1984; *Логунов Л.П.* Революция 1905–1907 гг. и российская социал-демократия. Ростов н/Д., 1992; и др.
- ⁸ *Брамсон Л.М.* К истории Трудовой партии. Трудовая группа первой Государственной думы. Пг., 1917; *Бондарев С., Субботин И.* Тактика Трудовой группы. Роспуск первой Государственной думы. СПб., 1907; *Бондарев С.И.* Воспоминания депутата трудовика // Сергей Андреевич Муромцев: сб. М., 1911; *Водозовов В.* Избирательная программа Трудовой группы // Запросы жизни. 1912. № 3; *Герасимов Л.* Во второй Государственной думе. Партийное распределение депутатов // Совр. мир. 1907. Кн. 4; Для народа: статьи по современным вопросам. СПб., 1907. Вып. 3; *Зак С.С.* Государственная дума, ее устройство, компетенция и состав. Одесса, 1906; *Караваев А.Л.* Партии и крестьянство в Государственной думе. Ростов н/Д., 1906; *Локоть Т.В.* Статьи, заметки и впечатления бывшего члена Государственной думы. М., 1906; *Он же.* Политические партии и группы в Государственной думе. Характер и причины политического бессилия Первой думы. Возможный характер Второй думы. СПб., 1907; *Маслов С.Л.* Земельный вопрос и партии во II Государственной думе. Екатеринослав, 1917; *Мякотин В.А.* Надо ли идти в Государственную думу? // Русское богатство. 1906. № 1; Народный труд. СПб., 1906. Сб. I–II; *Николаев А.А.* Первая Государственная дума. СПб. Б.г.; Около думы: сб. ст. М., 1907; *Пешехонов А.В.* Трудовая (народно-социалистическая) партия. СПб., 1907; Работы Первой государственной думы / по стеногр. отчетам сост. И. Бонч-Осмоловский; под ред. С.И. Бондарева. СПб., 1906; Трудовая группа в Государственной думе / сост. В.Ш. М., 1906; *Штейн В.И.* Трудовая группа в Государственной думе. М., 1906; и др.
- ⁹ *Локоть Т.В.* Политические партии и группы в Государственной думе. С. 272.
- ¹⁰ *Слонимский Л.* Наша конституция и ее особенности // Вестн. Европы. 1908. Кн. 7; *Пажитнов А.* К вопросу о русской конституции // Образование. 1907. № 12.
- ¹¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 325.
- ¹² *Андион М.П.* За что, к примеру сказать, Думу потревожили. М., 1906; *Голованов В.* Земельный вопрос во Второй Государственной думе. СПб., 1907; *К-в А.* Политические партии в России перед Второй Государственной думой. СПб., 1907; *Клюев Ф.Д.* “Громада” верных сынов России о бывшей Государственной думе, М., 1906; *Плансон А.* Бывшая и будущая Государственная дума. СПб., 1906; *Россов С.* 40 дней Второй Государственной думы. СПб., 1907; *Терентьев И.* Поминки по Первой Государственной думе. М., 1906; *Щербаков А.Г.* Сообщение о Государственной думе в Союзе русских людей. М., 1906; *Он же.* Земельный вопрос. М., 1906; и др.
- ¹³ *Авилов Б.В.* Первый русский парламент, М., 1906; *Алексеев В.П.* О Государственной думе. СПб., 1906; *Алферьев В.П.* Первый дебют русского парламента. М., 1907; *Варшавский С.* Жизнь и труды Первой Государственной думы, М., 1907; *Винавер М.М.* Конфликты в Первой думе. СПб., 1907; *Виноградов П.* Политические письма // Русские ведомости, 1905. 5, 14, 19 авг.; Го-

- лубев В.С. Вторая Государственная дума. СПб., 1907; *Ерезский Н.А.* Государственная дума первого призыва. Пенза, 1907; *Ефремов И.А.* Образование и группировка партий в Первой думе. СПб., 1907; Изгоев партии во II Государственной думе. СПб., 1907; *Каминка А.И., Набоков В.Д.* Вторая Государственная дума. СПб., 1907; *Кизеветтер А.А.* Вторая Государственная дума // Русская мысль. 1907. № 7; *Кокошкин Ф.Ф.* Об основании желательной организации народного представительства в России. СПб., 1906; *Кузьмин С.* Вторая дума. СПб., 1907; *Маклаков В.А.* Первая Государственная дума. Париж, 1938; *Он же.* Вторая Государственная дума. Лондон, 1991; *Милоков П.Н.* Год борьбы: публиц. хроника. 1905–1906. СПб., 1907; *Он же.* Вторая дума. 1907 год: публиц. хроника. СПб., 1908; *Могилянский М.* Первая Государственная дума. СПб., 1907; *Обнинский В.П.* Летопись русской революции. М., 1907. Т. 3: Дума и революция; Первая Государственная дума. СПб., 1907. Вып. 1–3; *Попов И.И.* Дума народных надежд: очерк деятельности Первой русской думы и Государственного совета. М., 1907; *Цитрон А.* 72 дня первого русского парламента. СПб., 1906; *Он же.* 103 дня Второй думы. СПб., 1907; и др.
- 14 *Васильев Н.П.* Вторая дума. СПб., 1907; *Герье В.И.* Первая Государственная дума. Политические воззрения и тактика ее членов. М., 1906; *Он же.* Вторая Государственная дума. М., 1907; *Он же.* Первые шаги бывшей Государственной думы. М., 1907; *Он же.* О конституции и парламентаризме в России. М., 1906; *Капустин М.Я.* Речи казанского октябриста. Казань, 1907. Вып. III: Союз 17 Октября во II Государственной думе; *Петрово-Соловово В.* Союз 17 Октября, его задачи и цели, его положение среди других политических партий. М., 1906; *Романов Н.В.* Октябристы и кадеты. СПб., 1906; Союз 17 Октября: о Государственной думе. М., 1906; *Чистяков П.С.* Речи октябриста. 1905–1907 гг. СПб., 1907; и др.
- 15 *Кузьмин-Караваев В.Д.* Из эпохи освободительного движения. СПб., 1907. Т. I: До 17 октября 1905 г.; Т. II: От 17 октября 1905 до 8 июля 1906 г.; *Он же.* Революционное выступление Думы и земельный вопрос. СПб., 1906; *Ковалевский М.М.* Действительная природа Государственной думы. Харьков, 1905; *Ковалевский М.М.* Русская конституция. СПб., 1906. Т. 2: Избирательное право: очерк; *Он же.* Спасительный тормоз или гибельная запруда? // Вестн. Европы. 1914. № 4; *Партия мирного обновления.* Ее образование и деятельность в первой Государственной думе. СПб., 1907; и др.
- 16 См.: *Черменский Е.Д.* I и II Государственные думы: историогр. очерк // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978. С. 197–235; *Волобуев О.В.* Революция 1905–1907 гг. в публицистике русских буржуазных историков // Ист. зап. М., 1978. Т. 102. С. 287–324; *Волобуев О.В.* Историография революции 1905–1907 гг. (доокт. п-д). М., 1981; *Волобуев О.В.* К вопросу о формировании буржуазной идеологии в России (публицистика октябристов о революции 1905–1907 гг.) // Самодержавие и крупный капитал в России в конце XIX – начале XX в. М., 1982. С. 176–188; *Исхакова О.А.* I и II Государственные думы: либеральная историография: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
- 17 *Ковалевский М.М.* Спасительный тормоз или гибельная запруда? // Вестн. Европы. 1914. № 4.
- 18 См.: *Алексеев А.С.* Безответственность монарха и ответственность правительства. М., 1907; *Гессен В.М.* Русское государственное право. СПб., 1909; *Он же.* Основы конституционного права. Пг., 1917; *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912; *Ивановский В.В.* Учебник русского государственного права. Казань, 1913; *Казанский П.Е.* Го-

- сударственная дума по действующим законам. СПб., 1906; *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1913; *Котляревский С.А.* Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 1912; *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. 3-е изд. СПб., 1913. Т. 1: Конституционное право; *Магазинер Я.М.* Чрезвычайно-указное право в России. Ярославль, 1910; *Палиенко Н.И.* Основные законы и форма правления в России. Харьков, 1910; *Нольде Б.Э.* Очерки русского конституционного права. СПб., 1907; *Шалланд Л.А.* Иммуниет народных представителей: юридич. исслед. Юрьев, 1911–1913. Т. 1–2; и др.
- 19 *Ивановский В.В.* Учебник русского государственного права. С. 338.
- 20 См.: Там же. С. 208–209, 286.
- 21 *Котляревский С.А.* Юридические предпосылки русских Основных законов. С. 38, 98–99, 110.
- 22 *Алексеев А.С.* Безответственность монарха и ответственность правительства. С. 52.
- 23 *Нольде Б.Э.* Очерки русского конституционного права. С. 74–82.
- 24 *Магазинер Я.М.* Указ. соч. С. 28.
- 25 *Захаров Н.А.* Указ. соч. С. 250.
- 26 *Палиенко Н.И.* Указ. соч. С. 57.
- 27 См.: *Шалланд Л.А.* Иммуниет народных представителей: юридич. исслед. Т. 1–2.
- 28 См.: *Гессен В.М.* Основы конституционного права; *Котляревский С.А.* Конституционное право. СПб., 1907; *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. 3-е изд. Т. 1: Конституционное право; *Нольде Б.Э.* Очерки русского конституционного права.
- 29 *Гессен В.М.* Основы конституционного права. С. 382.
- 30 *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. 3-е изд. Т. 1: Конституционное право. С. 419, 430.
- 31 *Нольде Б.Э.* Очерки русского конституционного права. С. 12.
- 32 См.: *Боювич М.М.* Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Первый созыв. М., 1906; *Он же.* Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Второй созыв. М., 1907; Государственная Дума первого призыва: портреты, краткие биографии и характеристики депутатов, М., 1906; Государственный совет. 1906–1908. СПб., 1908; *Левенсон М.Л.* Государственный совет: библиогр. очерки с портретами. Пг., 1915; Синодик членов 2-й Государственной думы. СПб., 1907. Вып. 1; Первая Государственная дума: алфавит. список и подробные биографии и характеристики членов Государственной думы. М., 1906; Члены 1-й Государственной думы. М., 1906; Члены 2-й Государственной думы. СПб., 1907, и др.
- 33 См., например: *Герасимов Л.* Во Второй Государственной думе. Партийное распределение депутатов // Совр. мир. 1907. Кн. 4; *Герье В.* Первая русская Государственная дума: полит. воззрения и тактика ее членов; *Он же.* Вторая Государственная дума; *Ефремов И.А.* Образование и группировка партий в Первой думе; *Изгоев А.С.* Партии во второй Государственной думе; *Клюев Ф.Д.* “Громада” верных сынов России о бывшей Государственной думе; *Локоть Т.В.* Политические партии и группы в Государственной думе: характер и причины политического бессилия Первой Думы. Возможный характер Второй думы; *Никитин К., Степанов И.* Деятельность Второй Государственной думы: сб. статей. Вып. 1; *Плансон А.* Бывшая и будущая Государственная дума; *Щегло Л.В.* Работа партий в Первой Думе и др.
- 34 *Бородин Н.А.* Государственная дума в цифрах. СПб., 1906; *Он же.* Личный состав Первой Государственной думы, ее организация и статистические све-

- дения о членах // Первая Государственная дума. Вып. 1: Политическое значение Первой Думы. С. 1–40.
- 35 *Рубакин Н.* Архив государственной мудрости или злачное место, идеже государственные раки зимуют: опыт стат. исслед. Государственного совета по официальным данным. СПб., 1906.
- 36 *Муромцев С.А.* Внутренний распорядок Государственной думы. М., 1907; *Он же.* Наказ Государственной думы // Первая Государственная дума. М., 1907. Вып. 1.
- 37 *Маклаков В.А., Пергамент О.Я.* Наказ Государственной думы (по работам 2-й Государственной думы) с объяснениями. СПб., 1907.
- 38 *Гримм Д.* Несколько замечаний по поводу отказа Правительствующего Сената в опубликовании Наказа Госсовета // Право. 1907. № 22.
- 39 *Ящунский В.* Выборы комиссий в Государственной думе // Право. 1907. № 21/22; *Неманов Л.М.* Состав и работы думских комиссий // Право. 1907. № 25/26.
- 40 *Шилленко А.* Русские парламентские прецеденты: порядок делопроизводства в Государственной думе. СПб., 1907. Вып. 1; СПб., 1908. Вып. 2.
- 41 Государственная канцелярия. 1810–1910. СПб., 1910.
- 42 *Варшавский С.* Жизнь и труды первой Государственной думы. М., 1907; *Маклаков В.А.* Первая Государственная дума; *Миллюков П.Н.* Год борьбы: публици. хроника. 1905–1906; *Обнинский В.П.* Первая Дума и правительство в вопросе о земле // К десятилетию Первой Государственной думы. 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916 г.: сб. ст. перводумцев. Пг., 1916; Первая Государственная дума. Вып. 2; Законодательная работа. Вып. 3; Аграрная реформа и продовольственное дело; *Попов И.И.* Дума народных надежд: очерк деятельности Первой русской Думы и Государственного совета; Работы Первой Государственной думы. СПб., 1906; *Рыкачев А.М.* Вопрос об отмене смертной казни в Государственной думе., М., 1906; *Таганцев Н.С.* Законопроект об отмене смертной казни в Государственном совете // Вестн. Европы. 1906. № 11; *Цитрон А.* 72 дня первого русского парламента.
- 43 *Попов И.И.* Указ. соч. С. 133.
- 44 *Цитрон А.* 72 дня первого русского парламента. С. 135–140, 151–154.
- 45 *Новгородцев П.И.* Законодательная деятельность Государственной думы // Первая Государственная дума. Вып. 2. С. 2, 7 13–14, 16, 22.
- 46 *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос // Первая Государственная дума. Вып. 3. С. 48. С. 5, 6, 22–30, 33–34, 45, 48.
- 47 *Долгоруков П.Дм.* Продовольственный вопрос в 1-й Государственной думе // Первая Государственная дума. Вып. 3. С. 144–146, 154–155.
- 48 *Рыкачев А.М.* Указ. соч. С. 31.
- 49 См.: *Таганцев Н.С.* Указ. соч. С. 20–34.
- 50 *Васильев Н.* Указ. соч.; *Герье В.И.* Вторая Дума; *Каминка А.И., Набоков В.Д.* Указ. соч.; *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума; *Миллюков П.Н.* Вторая Дума. 1907 год: публици. хроника; *Никитин К., Степанов И.* Указ. соч.; *Цитрон А.* 103 дня Второй Думы.
- 51 См.: *Васильев Н.* Указ. соч. С. 85–86, 92; *Герье В.И.* Вторая дума. С. 166–218.
- 52 См.: *Никитин К., Степанов И.* Указ. соч. С. 44, 53, 84–85.
- 53 См.: *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. С. 116–117; *Каминка А.И., Набоков В.Д.* Указ. соч. С. 229.
- 54 *Шингарев А.И.* Законодательная инициатива членов Государственной думы и Государственного совета // Русская мысль. 1912. № 11/12.

*Материалы международной конференции
“Управление Россией.
Опыт. Традиции. Новаторство”.
Москва. 12 декабря 2004 г.*

В.В. Трепавлов

**ОСОБЕННОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ
“НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ” В РОССИИ
XVI–XIX вв.**

Присоединение народов и территорий к Российскому государству было довольно сложным историческим феноменом. Каждый регион при своем пребывании в составе России проходил через несколько этапов: собственно *присоединение* (иногда в виде завоевания), т.е. установление российского подданства; постепенная *инкорпорация* в структуру государства; наконец, *ассимиляция*, которая со временем все более активизировалась и порой трактовалась как конечная цель и результат инкорпорации. Этим процессам соответствовали некоторые объективные тенденции. Во-первых, медленная, но неуклонная *унификация* юридического статуса территорий, установление единого стандарта подданства и управления; во-вторых, *русификация*, которая отнюдь не должна трактоваться как проявление зловещего умысла удушить этническую самобытность народов. Этот процесс вызывался прежде всего объективным обстоятельством – численным и культурным (господствующая религия, язык общения) доминированием русских в России. Обе тенденции то ослабевали, то усиливались, но в разных формах постоянно присутствовали в российской истории XVI–XIX вв. Сознательно же они были возведены в ранг государственной политики только в конце XIX столетия.

В истории России на протяжении нескольких столетий заметны некоторые характерные особенности в сочетании, с одной стороны, правительственной административной практики и, с другой, – политики в отношении нерусских народов (“национальной политики”). Эти особенности были порождены рядом факторов, главнейшим из которых, очевидно, является этатизм. То есть “национальная политика” была полностью подчинена интересам государства, осуществлялась в целях обеспечения государственной безопасности – как внутренней (сохранение стабильности и порядка), так и внешней. Кроме того, сказывалось и такое объективное обстоятельство, как чрезвычайно быстрый по исто-

рическим меркам территориальный рост Российской державы. Довольно скоро стало очевидным, что для полноценного управления колоссальным евразийским пространством по какому-то одному общепринятому алгоритму у правительства не хватает ни опыта, ни средств, ни кадров. Правящей бюрократии приходилось приспосабливаться к разнообразным местным условиям, чтобы удержать под своей властью присоединенные народы и территории.

Названная выше инкорпорация народов и регионов могла растянуться на длительный срок. В составе Российской державы на протяжении всего четырехвекового периода, который здесь рассматривается, существовали территориальные подразделения с неодинаковым юридическим статусом. Например, в XIX – начале XX в., наряду с губернско-уездным делением, имелись казачьи войска, горные и пограничные округа, протектораты. Ранее существовали еще и “царства” на месте завоеванных татарских ханств, а также различные вассальные владения. Подобная “многослойность”, очевидно, характерна вообще для имперской государственности. Причем не следует, конечно, приписывать ее гибкости и мудрости правительства – просто такая структура была порождением исторического развития, складывалась по мере пространственного разрастания России. Именно в отношении к “неканоническим” подразделениям осуществлялось движение к стиранию административно-юридических различий, а при Николае II была сформулирована задача добиться “слияния окраин с основной территорией”.

До образования СССР в Российском государстве “национальный вопрос” не имел территориально-административного воплощения – за единственным, пожалуй, исключением черты еврейской оседлости (да и она имела вторичный характер, поскольку функционировала в рамках губернско-уездной структуры). Не было и никакого федерализма, тем более по этническому признаку. Однако неверно было бы полностью отрицать учет национального состава населения при организации управления. В XVII–XIX вв. в Восточной Сибири сохранялись волости, соответствовавшие расселению местных родоплеменных объединений; в начале XX в. на Северном Кавказе предпринимались попытки организовать округа по такому же критерию¹. Эти меры преследовали, как всегда, этатистскую цель – обеспечить наибольшую мобильность управления, надежность контроля, исправность сбора податей. Характерно, что такое соответствие внутренних территориальных границ этническим ареалам (впрочем, уже тогда во многом условное) практиковалось лишь на самом нижнем уровне, в масштабах нескольких сельских общин.

На протяжении рассматриваемого периода народы (этноты) однозначно выступали в качестве не субъектов, а объектов государственной политики. И здесь опять же не следует видеть проявление какого-то подчеркнутого пренебрежения властей к “иноверцам” и “инородцам”. Во-первых, абсолютное большинство существующих сегодня стабильных этических общностей в те времена еще только формировалось. Во-вторых, одним из главных принципов имперской государственности была надэтничность, предполагавшая верность престолу вне зависимости от языка и вероисповедания. Все это, однако, не означало игнорирования полиэтничности населения. Этнокультурное и этнополитическое разнообразие невозможно было не учитывать в силу исторических условий складывания многонационального государства.

Учет этот заключался, с одной стороны, во включении локальных юридических норм в общий корпус государственного законодательства – как правило, в масштабе отдельных регионов (установления обычного права, шариата и др.). В этом же ряду находилось и районирование по этническому принципу, о котором только что упоминалось. С другой стороны, власть при организации управления опиралась и полагалась не на абстрактные “народы”, а на местные элиты, традиционные привилегированные слои – аристократию, родоплеменную верхушку, иногда духовенство. В отношении данной категории подданных со времен средневековья действовала практика сохранения некоторых старых социальных привилегий и предоставления новых льгот.

Вопрос о сотрудничестве с этническими элитами был одним из краеугольных камней не просто “национальной политики”, но вообще государственного управления Российского государства. Можно по-разному оценивать и определять эту практику – как социальную комплиментарность, классовую солидарность... Но мы сталкиваемся с неоспоримым фактом: русские элитные страты традиционно сотрудничали со своими иноэтничными “коллегами”. Собственно, сам процесс формирования российского дворянства представлял собой постепенное интегрирование различных по происхождению людей и семей в единую аристократическую корпорацию. Алгоритм интегрирования предполагал относительную открытость, возможность для вступления в ряды дворянского сословия. Таким образом, российское дворянство оказывалось этнически открытым сословием, и на место в его рядах мог в принципе рассчитывать любой представитель нерусской элиты. Разумеется, существовали определенные критерии и ограничения, но в целом социальная и культурная русификация (прежде всего переход в православие) облегчала выходцу из ме-

стной знати рекрутирование в дворянский корпус, а следовательно и успешную карьеру.

На общем фоне аристократии в России выделялись прибалтийские немцы. Они сразу заняли в империи высокое положение, но при этом сохранили свой язык, культуру и религию.

На протяжении первых двух столетий территориального разрастания России политика по отношению к народам на окраинах диктовалась почти исключительно необходимостью обеспечить исправные налоговые платежи и лояльность к властям. В XVIII в. развернулось активное продвижение русских в периферийные регионы, государство стало предпринимать административное освоение последних. Начало радикальных перемен истории справедливо связывают с петровскими реформами. В частности, именно тогда были ликвидированы Казанское, Астраханское и Сибирское “царства”, унаследованные от предыдущей эпохи восточной экспансии (считалось, что эти государства не ликвидированы, в них просто сменилась правящая династия²). Таким образом, присоединенные народы стали входить во все более частые, тесные и близкие контакты как с представителями администрации, так и с русскими в целом.

И здесь возникает принципиальная проблема: следует определить, как относились “инородцы” к государству и власти? Как они понимали свое положение в составе России? Как трактовали подданство? и т.д. Постановка такой исследовательской задачи довольно необычна для нашей историографии. Хотя и нельзя сказать, что отношение народов к государству не рассматривалось вообще. Но ранее историки обычно затрагивали этот вопрос, как правило, лишь по поводу социальных потрясений, борьбы с абстрактным “царизмом”. И тогда получалось, что взгляды участников этой борьбы на “эксплуататорское государство” неизбежно оказывались негативными.

Сейчас в нашей науке происходит кардинальный пересмотр множества проблем и аспектов отечественной истории. Один из принципиальных вопросов – трактовка присоединения народов и территорий к России, выстраивание отношений между ними и центральным правительством. Уходит в прошлое апологетический подход, ученые учитывают как добровольные, так и насильственные формы присоединения³. Было время, когда тот или иной народ истории с легкостью объявляли добровольно вступившим в российское подданство на основании первого же соглашения, договора местной знати с Москвой или же с провинциальным российским начальством. На самом деле картина была гораздо более сложной. Отношения подчинения и подданства русская сторона и ее партнеры зачастую воспринимали совершенно

по-разному, и нужно тщательно проанализировать различия во взглядах на статус пребывания в составе России, с одной стороны, у русских властей и, с другой, – у присоединенных народов.

Эти новые подданные сталкивались с необходимостью осмыслить свое новое состояние, адаптироваться к положению подданных русского царя, определиться в отношении к России – могущественной государственной системе, частью которой им довелось стать в силу сложившихся исторических обстоятельств.

Постановка такой исследовательской задачи предполагает изучение нескольких взаимосвязанных проблем. Назову лишь некоторые: 1) изучение представлений о российской государственности как регулирующей системе, которая адекватно (или неадекватно) заменила прежние модели общественного устройства. Особенно это было актуально для народов, лишившихся собственной государственности в результате присоединения к России; 2) трактовка обстоятельств и легитимности вхождения в состав Российского государства; 3) трактовка высшей власти, которая персонифицировалась в образе российского монарха, “белого царя” – образе, зачастую предельно искаженном и мифологизированном; 4) выяснение отношения к доминирующему в государстве народу – русским; 5) выяснение отношения к России в целом как стране проживания.

Территориальное расширение Российского государства в XV–XVIII вв., включение в его состав новых подданных влекло за собой кардинальные перемены в жизни присоединенных народов. Они сталкивались с новыми политической системой и экономическим строем, поступали в подчинение русской администрации, обнаруживали на своих землях множество пришельцев-русских во вновь основанных городах и деревнях. Как бы историки ни оценивали ход и последствия (позитивные, негативные, прогрессивные и т.п.) вхождения каждого отдельного народа в состав державы, в любом случае это событие оказывалось стрессовым, кризисным, переломным в его судьбе. Привычные жизненные модели и ориентиры уже переставали работать, а новые модели только еще формировались и к тому же зачастую вступали в противоречие со старыми. В подобных исторических ситуациях, когда люди пытаются приспособиться к переменам, в массовом сознании возникает благодатная почва для складывания различных мифологем, спасительных иллюзий как средства адаптации к “жестокой” действительности. Жителям “постсоветского пространства” рубежа XX–XXI вв. это хорошо знакомо. Своим существованием такие иллюзорные конструкции как бы компенсируют неурядицы повседневного бытия потенциальной возможностью улучшения его условий.

Одним из таких компенсаторных конструктов является общеисторическая идея о верховной власти как арбитре и заступнике. С некоторыми своеобразными вариациями она продолжает бытовать и в наше время. Однако для России эпохи позднего средневековья закономерности восприятия власти имели заметные отличия. Дело в том, что абсолютное большинство российских народов в то время находилось на социальной стадии пред- и раннегосударственного развития. Соответственно и трактовка такого сакрального института, как власть, нередко обладала “налетом” патриархальности, или, лучше сказать, традиционности. Носители традиционной политической культуры воспринимали ее в качестве не столько социально-политической, сколько ментальной, духовной категории⁴. Высшая государственная власть понималась как явление, во-первых, тотальное, всеохватное, пронизывающее все сферы жизнеустройства; во-вторых, магически-сакральное, далекое и недостижимое, недоступное простым людям; в-третьих, персонифицированное – воплощенное в монархе.

В эпицентре власти основным ее носителем естественно оказывался царь. Именно его абстрагированный образ (а не конкретно-исторический индивидуум!) служил воплощением тех надежд, иллюзий и стереотипов, которые были характерны для традиционной политической культуры народов России XVI–XVIII вв. Представления о верховном сюзерене формировались во многом стихийно, по ходу жизни в пределах государства, но порой также пропагандировались (насаждались) властями на местах. Можно сказать, что внедрялся своего рода культ монарха. В условиях, когда волей истории в общих границах объединились носители многих языков и нескольких религий, фигура государя служила одной из немногих идеологических и политических скреп колоссальной полиэтничной державы⁵.

Представляется бесспорным тезис о том, что люди (подданные) должны доверять власти. Часто надежда на верховных правителей оказывается последним прибежищем в разнообразных невзгодах. Это хорошо понимали правящие круги России еще в XVI в., когда была введена практика прямого челобития – обращения к государю с прошениями и жалобами напрямую, минуя все промежуточные инстанции. Кроме непосредственной связи с народом (во многом, конечно, условной и иллюзорной) это был один из способов контроля Москвы над местной администрацией. Даже столь подробно и “любовно” описанные советскими историками социальные конфликты при учете фактора преклонения перед верховной властью обретают несколько неожиданный вид.

Как ни парадоксально, но вооруженные выступления порой принимали монархистские формы. Речь в данном случае не о самозванстве, а о восстановлении нарушенной связи между царем и народом. В 1754 г. башкиры объясняли свое очередное выступление следующим образом: “Если они (русские. – В.Т.) оскорбляют нашу веру, насильно обращают нас в свою веру, меняют повинности, которые мы несли по обязательству с прежними падишахами, и разоряют наше достояние и имущество, давайте и мы, оскорбив их веру, призовем их в свою веру и разорим их имущество; тогда и наши вести дойдут до падишаха, и суть наших дел будет разобрана с полнотой и со справедливостью”⁶. Таким образом, восстание оказывалось последним средством “достучаться” до государя, побудить его обратить внимание на бедственное положение подданных.

Вообще сочетание, казалось бы, несочетаемых черт в облике монарха отражает его причудливое восприятие в народном сознании. С одной стороны, глава России грозен и жесток, но, с другой, милостив и справедлив. В реальности данный противоречивый комплекс признаков проявлялся в чаяниях на облегчение жизни при вступлении на трон нового правителя. Случалось, вызванные правительственной политикой восстания угасали, едва приходила весть о смерти государя и о коронации его преемника – очередного объекта ожиданий⁷.

На протяжении примерно полутора столетий в наказах воеводам и прочим местным управленцам содержались рекомендации действовать по отношению к подвластным “иноверцам” “ласкою и приветом”, “ласкою, а не жесточью” и т.п. Полагаю, не следует идеализировать по этому поводу “национальную политику” Алексея Михайловича и его преемников и ни в коем случае не приписывать им образцовую толерантность, уважение к этническим особенностям присоединенных народов. Во-первых, не мог по-иному выражаться православный царь – воплощение милосердия и благолепия (подобная самооценка была характерна как раз для второго Романова). И это служило одним из средств насаждения его позитивного имиджа. Во-вторых, обе стороны – власть и подданные – довольно быстро уяснили условность подобных миролюбивых формул. На окраинах процветал воеводский произвол, и нередко “лаской и приветом” служилые люди требовали смириться с несправедливыми поборами и всевозможными насилиями. Однако вскоре поняли и другое: невозможно превышать административный и налоговый пресс, так как население может или перебраться в недоступную глухомань, или сменить подданство (если дело происходило на границе), или поднять вооруженный мятеж. Отсюда формула “ласкою, а не жесточью” ис-

полнялась местными управленцами не из-за терпимости и корректности, а в силу вынужденной необходимости – заботы об интересах казны.

Кроме формирования положительного образа верховного правителя России, в XVI–XIX вв. наблюдается такое интересное явление, как создание (тоже во многом стихийное) позитивного имиджа самого Российского государства в целом. В советской идеологии и соответственно в исторической науке целенаправленно культивировалось представление о Российской империи как поистине “проклятом прошлом” – самодержавно-крепостнической деспотии, мрачной обители тирании и реакции, тюрьме народов и т.п. Более взвешенный взгляд на историю нашей страны, утвердившийся в последние полтора десятилетия, позволяет избегать столь однозначных характеристик. Выясняется, что царская Россия представляла собой (и представлялась многим современникам) отнюдь не “темным царством”, заслуженно обреченным на уничтожение. В частности, отношение к ней подданных-”иноверцев” разительно отличалось от придуманных позднее советских схем. Как ни странно, Россия в глазах ее подданных порой выглядела носителем гораздо более свободного и справедливого правления (режима), чем окрестные владения.

Подобное отношение можно проследить почти по всему периметру ее границ XVII–XVIII вв. Даже башкиры, известные своими многократными антиправительственными выступлениями в течение этих двух столетий, первоначально расценили монархию Ивана IV как менее жесткую политическую систему по сравнению с прежним ногайским наместничеством на своих землях⁸.

Еще больший контраст являла Россия по сравнению с Цинской империей. Этот контраст отразился в сведениях источников о народах Дальнего Востока и Центральной Азии. Племена Приамурья в XVII в. не желали мириться с порядками, устанавливаемыми маньчжурскими правителями: непосильными поборами и насильственными переселениями. Жители областей, прилегавших к северо-восточным пределам Маньчжурии, спасались бегством в русские владения и, получив там царское подданство, дорожили им, не желая возвращаться на родину⁹. Столь же негативно относились к власти цинского богдыхана переселенцы из Монголии в русскую Сибирь: “Наш хан провинившимся отсекает головы, а русский царь наказывает розгами. Пойдемте отсюда в подданство к русскому белому царю”¹⁰. Причем такие переселенцы, соглашаясь на выплату ясака в русскую казну, надеялись, что им суждено “впредь паки быть свободным”, уйдя из-под власти прежних властителей¹¹.

Но не только “всенародные” миграции отмечены в документах. Удивительным для человека, воспитанного на вышеупомянутых идеологических конструкциях, является переселение в Россию по социальным мотивам. Элита “иноверцев” стремилась обрести повышенный статус на государевой службе, щедрые пожалования и привилегии (укажем здесь на пример алтайцев-телеутов XVII – первой половины XVIII вв.¹²), а простонародье бежало от собственной знати – от ее налогового гнета и прочих притеснений, а также в поисках более сытой и безопасной жизни. В середине–второй половине XVII в. наблюдалось бегство зависимых калмыков в соседние русские селения и города. Там они оказывались вне досягаемости ханов, нойонов и тайшей, которые начинали забрасывать русские власти требованиями вернуть беглецов. Иногда добиться этого удавалось, но если переселенцы принимали православие, следовал категорический отказ¹³. По этой причине желание принять крещение охватило такое число калмыков, что в XVIII в. правительство стало отводить специальные участки для поселения новокрещенных¹⁴. При этом и принимающая, и преследующая стороны понимали, что в перемене религии мировоззренческие мотивы играли подчиненную роль по сравнению с желанием достичь облегчения условий жизни.

Еще более наглядно подобная ситуация проявилась на Северном Кавказе. В XVII в. с постройкой казачьих станиц и Терского городка, а в XVIII в. – с основанием крепостей Кизляр и Моздок, в них устремились представители местных народов, которые желали найти укрытие у русских. Резоны были самые разные: кровная месть от соплеменников, тяжелые налоги и повинности (особенно во владениях кабардинских князей), разорительные набеги абреков – горских воинов¹⁵.

Конструирование благожелательного отношения к Российскому государству имело и геополитический аспект. Пока территория страны расширялась, поглощая малонаселенные леса и степи, это не имело насущного значения. Но настало время, когда российские границы сомкнулись, с одной стороны, с океанами, а с другой – с рубежами других империй. В XVII–XVIII вв. начался, а в XIX в. развернулся раздел мира между европейскими державами, в частности, раздел Азии между Россией и Великобританией. В этой ситуации привлечение потенциальных новых подданных в состав России было возможно не столько за счет военных побед (русские и англичане любыми средствами старались избегать открытых конфликтов друг с другом), сколько за пропаганду положительного образа империи Романовых.

Необходимость не только пользоваться правами и льготами, но и исполнять обязанности в качестве подданных, существовать в условиях действия жесткого управленческого механизма самодержавного государства оказалась непривычным, тяжким и труднопереносимым бременем для многих “иноверцев”. Тем не менее известны лишь единичные случаи сепаратистских выступлений, если не учитывать периоды революционных кризисов. Все-таки в России сложилась особая цивилизационная структура (локальная цивилизация), которой присущи определенные алгоритмы взаимной адаптации множества народов и друг к другу, и к государству в целом¹⁶. Здесь сказались и огромные расстояния, и открытая, демократичная русская культура, и возможность обходить суровые законы, и традиционная установка правящих кругов на сотрудничество с этническими элитами, и многое, многое другое. Все это сплачивало полиэтническую систему, придавало ей прочность, превращало в “непоколебимый столп” (как выразился в XVIII в. казахский хан Абулхайр¹⁷).

Таким образом, в истории взаимоотношений власти и нерусского населения в период XVI–XIX вв. просматривается несколько закономерностей:

- 1) максимально допустимое сохранение местных особенностей и жизненных устоев во имя стабильности и безопасности в государстве;
- 2) невмешательство чиновников в сферы, регулируемые обычаями и традиционными установками (в первую очередь, в сферы религии, культуры, семьи, быта);
- 3) игнорирование этнических ареалов при формировании административных образований высшего и среднего звена (аналогичных современным краям и областям).

В целом в царской России не велось целенаправленной национальной политики (и тем более не возникало вопроса об учреждении особого центрального бюрократического ведомства для ее проведения). Общие установки, о которых было сказано выше, складывались по большей части исторически, стихийно, в ходе развития российской государственности.

¹ См.: Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1998. С. 97–100. По Северному Кавказу автор получил консультацию Л.С. Гагаевой, за что приношу ей свою благодарность.

² Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 42.

³ Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России // Вопр. истории. 2002. № 1. С. 12.

⁴ Анализ образа власти в традиционной политической культуре см., например: Бочаров В.В. К вопросу о культурно-психологических истоках русского то-

- талитаризма // Национальная правая прежде и теперь: ист.-социол. очерки. СПб., 1992. Ч. 2, вып. 1. С. 44–57.
- ⁵ Об этом также см.: *Канпелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 86.
- ⁶ Цит. по: *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940. С. 51–52 (выделено нами – В.Т.). См. также: *Алехторов А.Е.* История Оренбургская. Оренбург, 1883. С. 15 (о движении башкир 1707 г.).
- ⁷ См., например: История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Казань, 1968. С. 110; Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965. С. 108, 109.
- ⁸ См., например: Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 231; Башкирское народное творчество. Уфа, 1987. Т. 2. С. 190; *Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере о присоединении Башкирии к Русскому государству // Сов. этнография. 1957. № 4. С. 78; *Трепавлов В.В.* Установление российской гегемонии на Южном Урале (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Русские в Башкортостане: история и культура. Уфа, 2003. С. 39–48.
- ⁹ *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974. С. 148, 207.
- ¹⁰ Бурятское предание цит. по: *Никитин Н.И.* Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987. С. 148. Известна более афористичная формулировка: “Белый царь сечет спину, а желтый царь – голову”. Эта пословица приведена в выступлении участника под ником Constantinus на Интернет-конференции “Вырождение наций”, проведенной газетой “Яблоко” (<http://www.cofe.ru/appleubb/noncgi/Forum13/HTML/000147-3.html/> 13.07.2003). Впрочем, сравнения иногда бывали и не в пользу России. Известны “непригожие речи” украинских казаков, сравнивавших московского самодержца с польским королем во второй половине XVII в. См.: *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 92, 94.
- ¹¹ См.: Под стягом России: сб. арх. док. М., 1992. С. 17.
- ¹² См.: *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 207, 208.
- ¹³ Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктяб. п-д. М., 1967. С. 147, 148.
- ¹⁴ Там же. С. 203.
- ¹⁵ См.: *Блиева З.М.* Русско-чеченские отношения в XVII–XVIII вв. // Вопр. истории. 2003. № 12. С. 48, 49; *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 95; История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967. Т. 1. С. 150, 151; История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. С. 128; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. 1. С. 69.
- ¹⁶ Подробнее см.: Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. М., 2003.
- ¹⁷ Цит. по: История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. Т. 1. С. 240.

ПРОБЛЕМЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Проблемы местного управления, особенно в последние десятилетия существования Российской империи, были постоянной “головной болью” правительства. На построение и организацию региональных управленческих структур, на характер, объем и направления их деятельности влиял ряд существенных факторов, порой полярных и противоречивых по своему воздействию. Своеобразие различных регионов огромной страны, находившихся на разных цивилизационных стадиях и уровнях экономического, социального, политического, культурного развития, их географические, исторические, этнодемографические и конфессиональные особенности, время и способы включения их в состав империи требовали учета их специфики при вхождении в общеимперскую систему управления. Вместе с тем по мере завершения территориального расширения империи все более настоятельными становились тенденции к унификации и единообразию в организации этой системы, что обуславливалось как централизаторскими устремлениями верховной власти, так и глубинными интеграционными процессами, экономическими и социокультурными, требовавшими создания единого экономического, правового, политического и языкового пространства. Эти тенденции сопровождались борьбой отживающих, традиционалистских сословных структур и крепнувших начал правового, гражданского общества, отчетливо проявлявшихся в становлении и развитии местного самоуправления, суда, в борьбе националистических и национально-культурных течений. Под влиянием этих факторов имперская система местного управления постепенно эволюционировала, оставаясь в своей основе властным механизмом унитарного государства. Но и к началу XX в. основными ее административно-территориальными звеньями оставались генерал-губернаторства (наместничества), губернии и уезды, фактически введенные еще екатерининской реформой местного управления 1775–1780 гг.

Генерал-губернаторы или наместники, учрежденные в ходе этой реформы, фактически и юридически являлись доверенными лицами монарха и, будучи наделенными чрезвычайными полномочиями, были ответственными только перед верховной властью, осуществляя политическую связь между центральными и местными органами управления. Предполагалось, что они

будут “скреплять” всю систему местных управленческих структур, распространяя свою юрисдикцию на две–три губернии. При императоре Павле они были упразднены (1796), но затем постепенно восстановлены, хотя и не совсем в прежнем качестве и виде. Правда, наказ-инструкция 1853 г. по-прежнему трактовал должности наместников и генерал-губернаторов как исключительные и облеченные особыми полномочиями. Главным их предназначением было “блюсти” неприкосновенность верховных прав самодержавия и “польз” государства, контроль за точным исполнением законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления, а также наблюдение за состоянием “умов”. Как правило, одновременно они являлись и командующими военными округами. Им принадлежало право высшего надзора за действиями всех лиц на вверенных им территориях, причем надзор этот имел исключительный характер еще и потому, что он базировался не только на законах, но и “на известных им видах верховного правительства”. В 1876 г. генерал-губернаторам было предоставлено право издавать собственные обязательные постановления по охране безопасности и спокойствия и даже отменять постановления губернаторов подведомственных им губерний. Но все же, в основном, они оказались востребованными при организации управления в весьма обширных окраинных регионах (Кавказ, Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток), где их деятельность определялась специальными положениями и где еще довольно продолжительное время гражданские управленческие структуры переплетались с военными. В несколько особом положении находились Польша и Финляндия: в первой после восстаний 1830–1831 и 1863 гг. был ликвидирован автономный статус и учреждено наместничество, а затем Варшавское генерал-губернаторство, во второй – введена должность генерал-губернатора, который фактически осуществлял надзор за действиями финских властей. Во внутренних губерниях Европейской России генерал-губернаторства учреждались, главным образом, в случаях возникновения чрезвычайных обстоятельств (политическая напряженность, массовые движения, эпидемии и т.п.) и часто имели временный характер. Всего к началу XX в. в империи насчитывалось 10–12 наместничеств и генерал-губернаторств¹.

Губернии и уезды представляли собой основные и наиболее унифицированные структуры местного управления и административно-территориального деления. В основу их был положен сугубо демографический принцип – численность населения (губерния – 300–400 тыс., уезд – 20–30 тыс.), экономические и национальные особенности в расчет, как правило, не брались.

Губернатор, назначавшийся императором по своему выбору или, позднее, по представлению МВД, формально являлся главой всей местной губернской администрации. Как и генерал-губернатор, он был первым в губернии блюстителем прав верховной власти, польз и нужд государства, гарантом точного исполнения законов и распоряжений правительства. Он располагал обширной распорядительной и надзорной властью, выполняя свои функции “главного начальника вверенной ему губернии” с помощью ряда административных учреждений – собственной канцелярии, губернского правления и около полутора десятка коллегиальных комиссий, комитетов, присутствий, занимавшихся отдельными вопросами губернской жизни. На него был возложен надзор за всеми правительственными и общественными учреждениями и должностными лицами, в отношении которых он располагал правом административной юстиции. Российские правоведа неоднократно отмечали, что распорядительные и надзорные функции губернатора оказались “нераздельно слитыми в его компетенции” и что право надзора являлось лишь “внешней оболочкой другого существенного права – управления”. Этот дуализм, “нездоровое соединение несоединимого составляло главнейшее зло в положении губернатора на протяжении всего XIX века” и вместе с тем “именно оно продолжало оставаться одним из основных принципов конструкции губернской должности”².

Верховная власть, всячески поддерживая авторитет и статус губернатора, провозглашая его “хозяйном губернии” (“Наказ губернаторам” от 3 июня 1837 г.), в то же время принимала и меры по ограничению возможного произвола и злоупотребления властью³. Так, губернное правление, считавшееся основным административным учреждением в губернии, хотя формально и возглавлялось губернатором, который председательствовал в общих его присутствиях, но юридически как бы уравнивалось с ним в своем статусе. “Губернское правление, – гласило законодательство, – есть высшее в губернии место, управляющее оною в силу Законов, именем Императорского Величества”. Советники правления, ведавшие отдельными частями управления, назначались МВД и подчинялись непосредственно Сенату, на усмотрение которого и должны были выноситься все могущие возникнуть конфликты и разногласия с председателем. С созданием дворянского сословного самоуправления и появлением дворянских обществ (“Жалованная грамота дворянству”, 1785 г.) целый ряд должностей стал замещаться по выбору дворянства, а губернский предводитель стал членом почти всех важнейших присутствий. Право дворянских собраний обращаться к монарху с петициями по пово-

ду “местных неурядиц” также ставило начальника губернии в определенные рамки. Этой же цели служили и регулярные передвижки губернаторов из губернии в губернию через каждые 3–5 лет, а также запрещения иметь в управляемой губернии какую-либо крупную недвижимость, что должно было препятствовать появлению коррупции. Эта практика сохранялась в течение всего XIX и начала XX вв. Но в то же время выдерживалась и линия на сохранение губернаторских кадров: в конце XIX в. свыше 2/3 губернаторов служили в этой должности более 10 лет, в том числе около четверти – более 15 лет. Заметно менялся и их состав. Если в 1853 г. среди гражданских губернаторов выходцы из военной среды составляли 51,7%, то в начале 80-х годов – только 25,4%. Несколько улучшился и их образовательный уровень, хотя вплоть до начала XX в. около половины начальников губерний не имели не только юридического, но и вообще какого-либо высшего образования⁴.

И все же постепенно губернатор практически утрачивал статус “хозяина губернии”. Уже министерская реформа начала XIX в., целью которой была прежде всего централизация высшего управления, на местах имела противоположные последствия. Во-первых, были образованы внегубернаторские ведомственные учреждения – округа военные, судебные, учебные, врачебные и т.п., охватывавшие несколько губерний. Во-вторых, в самих губерниях возникли учреждения ведомственного подчинения – палаты казенные, государственных имуществ, судебные и т.п. Да и сам губернатор все более превращался фактически в чиновника одного ведомства – МВД. С проведением же реформ 60–70-х годов объем власти губернатора во многом зависел уже от того, введены ли в губернии судебные уставы, земские и городские общественные учреждения. Судебная реформа формально вообще устранила губернатора от участия в отправлении правосудия, оставив за ним лишь административную юстицию. В большинстве центральных губерний (первоначально в 34) земства, губернские и уездные, и городские управы взяли на себя ряд весьма важных, по преимуществу хозяйственных функций, что, с одной стороны, “разгружало” местные властные структуры от множества порой второстепенных дел, а с другой – создавало как бы параллельный администрации ряд общественных учреждений. Правда, законодательство оставляло за губернатором надзор за законностью действий органов местного самоуправления с правом протеста и приостановки их решений, что неоднократно приводило к конфликтам в ряде губерний. В этих случаях правительство, как правило, становилось на сторону губернской администрации.

Как известно, в 1890 г. был предпринят пересмотр земского, а в 1892 г. и городского положений, которыми ограничивался доступ в эти учреждения нежелательных элементов и усиливался губернаторский контроль за лояльностью членов выборных органов. Теперь губернатор получил право оценивать не только законность принятых постановлений, но и их целесообразность. Следующим шагом по стеснению самостоятельности органов самоуправления было ограничение их прав в области налогообложения, что воспринималось ими особенно остро, учитывая крайне недостаточный объем государственного финансирования местных дел. К тому же земства и городские управы изначально оказались в зависимости от администрации, так как принимая решения даже в пределах своей компетенции, они не имели необходимой власти и рычагов для их обязательного исполнения и вынуждены были обращаться за содействием к правительственным органам. Между этими учреждениями все чаще назревали конфликты, подпитывавшие постепенно нараставший земский либерализм с оппозиционным уклоном.

Наконец, все нагляднее становилось несоответствие задачам местного управления состояние учреждений уездного, волостного и сельского уровней, где наиболее полно сохранялся сословный принцип их комплектования. Уездную администрацию в центральных российских губерниях фактически возглавляли уездные предводители дворянства – выборные, там, где функционировали дворянские собрания, или коронные, назначавшиеся властями. И те и другие по представлению губернатора утверждались МВД. Они возглавляли все уездные присутствия и комиссии и ведали всей жизнью уезда, за исключением административно-полицейских вопросов, находившихся в ведении коронного уездного исправника. Органы крестьянского самоуправления волостного и сельского уровня и по своему составу, и по уровню подготовки, и в силу правовой ограниченности не отвечали задачам, которые возлагались на них. К тому же они фактически находились и в административном, и в судебном плане под полной опекой пресловутых земских начальников и их окружных съездов.

В целом к началу XX в. система управления империей выглядела достаточно логичной и стройной, властная вертикаль внешне просматривалась достаточно четко. Но уже при первом же более глубоком анализе обнаруживается, что из 97 губерний и областей, составлявших основные административно-территориальные подразделения страны, лишь 49 управлялись по “Общему губернскому учреждению”, а остальные – по особым “положениям”. В самой системе губернских учреждений наблюдался разлад и разобщенность. Еще в 1855 г. П.А. Валуев, бывший

тогда курляндским губернатором, писал: “Самостоятельность местных начальников до крайности ограничена. Управление доведено по каждой отдельной части до высшей степени централизации, но взаимные связи этих частей малочисленны и шатки. Каждое министерство действует по возможности особняком и ревностно применяется к правилам древней системы уделов”⁵. На запрос МВД о желательных изменениях в системе местного управления в ответах 19 губернаторов и 5 генерал-губернаторов содержались предложения о необходимости расширения полномочий начальников губерний за счет министерских и различных ведомственных учреждений и превращение губернатора из агента МВД и первого чиновника в губернии в полного ее хозяина. Уже тогда были высказаны пожелания о преобразовании губернских правлений и усиление власти губернаторов над всеми губернскими учреждениями. Предложения были отвергнуты большинством министров из-за опасения потерять влияние на свои местные учреждения.

В 1859 г. была создана комиссия, которая должна была решать проблему адаптации местных управленческих структур в связи с разрабатывавшимися реформами. И, казалось бы, положение губернаторов упрочилось. Они возглавили почти все новые губернские учреждения: губернское по крестьянским делам присутствие (с 1889 г. – губернское присутствие), губернское по земским и городским делам присутствие, губернское по фабричным делам присутствие, губернское по воинским делам присутствие, губернское по питейным делам присутствие и т.п. Но никаких радикальных изменений в соотношении и взаимодействии различных ведомственных учреждений не произошло. Закон от 22 июля 1866 г. лишь усилил административно-полицейские и надзорные функции губернаторов, предоставив им право ревизий всех, в том числе и ведомственных, губернских учреждений. Валуев, ставший к тому времени министром внутренних дел, в очередной записке императору (12 февраля 1868 г.) писал: “При нынешних условиях губернатор не может считаться хозяином губернии... Пост его становится более наблюдательным, чем распорядительным. Это... ведет прямым путем к обособлению разных органов администрации... к постоянным пререканиям и в общем результате к безначалию”. И он предлагал принять меры к объединению деятельности местных административных органов, поставив губернатора во главе объединенного управления⁶.

Идею усиления единовластия губернаторов развивал и преемник Валуева на этом посту А.Е. Тимашев, который ратовал даже за упразднение губернских правлений и передачу их дел в губернаторские канцелярии⁷. И опять правительство пошло лишь

на очередные меры по усилению административно-полицейских функций губернатора. Положением Комитета министров от 13 июля 1876 г. им предоставлялось право издавать так называемые “обязательные постановления”, согласно которым губернаторы могли запрещать собрания, органы печати и т.п., а “Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия” от 14 августа 1881 г. им, как и генерал-губернаторам, предоставлялись широчайшие полномочия – вплоть до высылки в административном порядке любых “подозрительных” и “вредных” лиц.

В дальнейшем создавались многочисленные комиссии и совещания, обсуждавшие проблемы реорганизации всей системы местного управления. Из них наиболее известна комиссия, работавшая под председательством М.С. Каханова (1881–1885), которая в очередной раз констатировала “полный разлад в деятельности всех губернских установлений”, их неэффективность, запутанность во взаимных отношениях всех губернских учреждений. Комиссия видела выход в объединении всех правительственных губернских структур, уменьшении их числа и функций за счет более широкого привлечения земств при условии более точного определения их прав и обязанностей, в последовательном проведении линии на разделение административных и судебных властей, в создании нового коллегиального органа – губернского управления во главе с губернатором. При этом предлагалось ослабить его зависимость от МВД, передав вопросы их назначения и награждения в ведение Комитета министров⁸. Д.А. Толстой, тогдашний министр внутренних дел, счел эти предложения “совершенно неприменимыми к общему государственному строю империи”, и комиссия была закрыта.

Усложнение экономической, социальной, культурной жизни страны, нарастание политической напряженности все настоятельнее требовали от властей совершенствования всей структуры местного управления. С середины 90-х годов XIX в. на одно из первых мест выдвинулись проблемы местного самоуправления и его роли в местной культурно-хозяйственной жизни. Особую остроту этой проблеме придавало то обстоятельство, что часть правящей элиты рассматривала решение этой задачи через призму укрепления правящего режима и ослабления земской оппозиционности, что предполагалось достичь за счет территориального расширения земских учреждений, объема их компетенции и участия государства в финансировании земских программ. Как известно, проект земской реформы предусматривал введение земств в 44 губерниях Европейской России. Но при издании “Положения” 1 января 1864 г. правительство отказалось от его введения в 9 западных гу-

берниях (Виленской, Витебской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской) – по причинам особенностей национального состава населения, а также в малонаселенных, с численно незначительным помещичьим землевладением – Архангельской, Астраханской, Оренбургской губерниях. Вопрос о распространении земских учреждений на неземские губернии неоднократно возбуждался местными губернаторами еще в 1870–1880-х годах, ссылавшимися на невозможность управлять местным хозяйством без привлечения общественности⁹. В середине 1890-х годов такие обращения становятся все более настойчивыми, находя сочувствие у императора. МВД было поручено подготовить соображения о введении земских учреждений в этих регионах. Однако проведенное в марте 1898 г. Особое совещание с участием генерал-губернаторов и губернаторов Северо- и Юго-Западного краев обнаружило существенные разногласия как по характеру планируемых учреждений, так и по их составу и объему полномочий. Сойдясь во мнении о необходимости продолжения земской реформы, одни высказывались за введение в этих губерниях в полном объеме земского “Положения” 1890 г., другие – за непременно ограниченное участие в земствах польских помещиков и усиление роли администрации, третьи – вообще выступали против земского самоуправления, считая, что следует лишь реорганизовать правительственные учреждения, занимающиеся местными хозяйственными делами, пригласив в них выборных представителей от населения¹⁰.

Разногласия по этому вопросу вскоре перекинулись и в высшие правящие сферы, приобретя при этом политическую направленность. Бывший в то время министром внутренних дел И.Л. Горемыкин, позиционировав себя принципиальным сторонником земских учреждений, считал, что системе административного управления вообще присущ “недостаток хозяйственной инициативы” и что необходимо передать управление земским хозяйством в руки “плательщиков местных земских сборов”, уравнивая его в западных губерниях с городским хозяйством, управление которым уже с 1875 г. осуществлялось на основании общего городского положения. Цель предстоящей реформы он видел в продолжении уже предпринятых преобразований ради окончательного слияния во всех отношениях западных губерний с прочими коренными местностями империи¹¹. Пытаясь найти компромисс в решении этого вопроса, он в подготовленном проекте ввел ограничения представительства в земстве польских помещиков и увеличил представительство от крестьян, сосредоточил управление всей хозяйственной частью только в губернских собраниях и управах.

И, тем не менее, проект был провален при обсуждении в министерствах, породив жесткую полемику в правительственных кругах. “Наше население не подготовлено к самоуправлению”, – категорически отверг саму идею расширения земств обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев. С.Ю. Витте, могущественный в то время министр финансов, в специальной записке доказывал, что, во-первых, “самоуправление не соответствует самодержавному строю государства” и что, во-вторых, “земство не может считаться образцовым учреждением для местного хозяйства” и оно может быть с успехом заменено особыми правительственными органами¹². Предлагая подменить земскую систему управления хорошо организованным бюрократическим аппаратом, он стремился распространить принципы своей экономической политики и на управление местным хозяйством в губерниях, одновременно рекламируя ее как универсальное средство для укрепления позиций самодержавия. И напрасно Горемыкин возражал, что “местное самоуправление не стоит в противоречии с началом самодержавия”, что “органы местного самоуправления получают свои полномочия ...в конечном выводе из того же источника, как и органы бюрократические, т.е. от закона и центральной власти” и что важнейшей целью реформы является сближение Западного края с внутренними губерниями. Выставив своего оппонента в очередной записке защитником земства и либералом, Витте не только подорвал его репутацию во влиятельных право-консервативных кругах, но скомпрометировал саму идею самоуправления. При этом он заявил, что не предлагает ни упразднения земств, ни какой-либо ломки существующего порядка, а считает необходимым реформировать лишь правительственную администрацию и управление хозяйственной частью в неземских губерниях¹³. Свой замысел он раскрыл в переписке с Победоносцевым: “Нужно прежде всего заняться устройством провинциальной администрации, – пояснял он респонденту свой план. – Покуда не будет организовано связанное административное управление губернией и уездом, ничего серьезного с земством не поделаешь. Для того, чтобы его уничтожить, нужно его чем-либо заменить, – нельзя же его заменить екатерининскими провинциальными учреждениями”¹⁴.

Новый глава МВД Д.С. Сипягин, разделявший позицию С.Ю. Витте, исходил из того, что введение в западных и окраинных губерниях учреждений, основанных на выборных началах, является преждевременным. Николай II, видимо, несколько поменявший свою позицию, предложил министру разработать новый проект, который предусматривал бы заведование земским хозяйством правительственными учреждениями при некотором

участии местных представителей и только по назначению МВД. Проект был разработан, но убийство Сипягина (апрель 1902 г.) отодвинуло его обсуждение на заседании Государственного совета. В.К. Плеве, поддержав основную идею своего предшественника, внес в нее существенные поправки. Из проекта сразу были исключены Архангельская, Астраханская, Оренбургская и Ставропольская губернии, население которых было признано незрелым для самостоятельной земской хозяйственной организации. В западных губерниях управление всем местным хозяйством переходило в распоряжение губернских и уездных комитетов, а также губернских и уездных управ по делам земского хозяйства. Губернские комитеты, в состав которых входили губернатор (председатель), губернский и уездные предводители дворянства, должности которых в крае замещались по назначению правительства, представители важнейших ведомственных структур, неперменные члены губернских присутствий, председатель и члены губернской управы и городской голова, а также земские гласные (по два от уезда), назначавшиеся министром внутренних дел по представлению губернатора, были облечены распорядительной властью. Уездные комитеты, состоявшие из уездных предводителей (председатели), исправников, всех земских начальников и податных инспекторов, представителей ведомственных учреждений, городского головы, земских уездных гласных и волостных старшин, назначавшихся губернатором, собирались лишь для предварительного обсуждения важнейших дел по земскому хозяйству. Исполнительная власть возлагалась на губернские и уездные управы. Первые состояли из председателя и трех членов – все по назначению министра внутренних дел, вторые – из уездного предводителя дворянства (председатель), исправника, податного инспектора, двух земских гласных и неперменных членов управы, назначавшихся губернатором. Таким образом, весь контроль за земским хозяйством в этих губерниях фактически сосредоточивался в МВД.

Проект был вынесен на обсуждение Государственного совета и после бурного обсуждения принят большинством голосов. 2 апреля 1903 г. император утвердил “Положение об управлении земским хозяйством в девяти западных губерниях”. В течение 1903 г. он должен был быть введен только в трех губерниях – Витебской, Минской и Могилевской, а в остальных время проведения реформы поручалось определить министру внутренних дел¹⁵. Реализация ее даже в этом урезанном и эклектичном виде фактически так и не была завершена.

В это время центр внимания при реформировании системы местного управления вновь перемещается на губернские прави-

тельствственные структуры. В.К. Плеве, только что занявший министерский пост, 23 октября 1902 г. подал императору записку о необходимости реорганизации губернского управления, предлагая, во-первых, “усиление и сосредоточение власти губернаторов” как за счет увеличения их распорядительных и надзорных прав, так и путем освобождения их от маловажных, но обременительных дел и, во-вторых, объединением в одном центральном органе местных коллегияльных “установлений”. При этом министр ссылаясь на давнюю, еще с екатерининских времен, традицию российского законодательства, ставившего губернатора во главе всех местных властей и называвшего его “начальником” и “правителем” губернии. “Хозяином”, – добавил Николай II на полях записки, определив свое отношение к предполагаемой реформе¹⁶.

Появление манифеста 26 февраля 1903 г., одним из пунктов которого предусматривалась реорганизация губернского и уездного управления на началах децентрализации некоторых функций высших управленческих структур и расширения самостоятельности местных учреждений, казалось бы, открывало “зеленую улицу” законотворчеству в этих вопросах¹⁷. Под председательством Плеве из чинов МВД была создана специальная комиссия, которой предстояло определить способы усиления власти губернаторов и объединения губернского делопроизводства в одном органе. В журнале комиссии отмечалось, что это лишь первый шаг в решении наболевшей проблемы. Власть в губернии, подчеркивалось далее, представлена не только государственными чиновниками, но и общественными учреждениями, и для согласования действий между ними необходим пересмотр земского и городского положений для “усиления способов непосредственного, без обращения к центральным властям, удовлетворения местных потребностей”. “Это последнее, – подчеркивалось в журнале, – может быть достигнуто как расширением круга ведения общественных установлений, так и децентрализацией власти вообще, в том смысле, чтобы дела о местных пользах и нуждах, по возможности, получали разрешение в самой губернии, и даже в уезде, так как, несомненно, что последовательное проведение в нашей государственной жизни начала децентрализации приведет к передаче некоторых, решаемых ныне в губернии дел, в уездные установления... Отсюда возникает вопрос о необходимости пересмотра уездного управления”¹⁸.

Для решения проблемы некоторой децентрализации властных функций центральных ведомств 3 мая 1903 г. в Царском Селе под председательством императора было созвано совещание с участием ряда министров, на котором было предложено выска-

заться по поводу передачи из центральных учреждений в губернии дел, имеющих чисто местное значение. Было принято решение поручить всем министрам и главноуправляющим составить перечень таких дел. Для их рассмотрения в августе того же года было создано специальное Особое совещание под председательством члена Государственного совета С.Ф. Платонова. Однако эта идея потонула в бюрократической волоките, в немалой степени из-за сопротивления глав ведомств. В частности, Плеве сумел нейтрализовать высказанное С.Ю. Витте в ходе царскосельского совещания предложение о придании статусу губернатора значения представителя Верховной власти, а не только органа МВД. Работавшая под его председательством комиссия уже к июню 1903 г. подготовила проект реформы губернского управления, предусматривавший, наряду с усилением распорядительной и контрольной власти губернатора, создание в каждой губернии под его председательством губернского совета, в который должны были войти, помимо вице-губернатора и губернского предводителя дворянства, руководители всех ведомственных учреждений и который создавался для коллегиального решения всех дел. Проект предусматривал сохранение и даже некоторое расширение компетенции губернского правления, а также сокращение числа присутствий и комиссий. В то же время за губернаторами закреплялось право увольнения любых должностных лиц губернской администрации и проведения в любое время ревизий всех учреждений, за исключением контрольных палат.

Одновременно были предприняты и меры для установления прямых контактов центральных ведомств, прежде всего МВД, с местными структурами. По предложению В.К. Плеве при МВД создавался Совет по делам местного хозяйства, в который должны были войти 8–12 представителей ведомств, в том числе все главы департаментов министерства, и 12–15 местных деятелей (предводители дворянства, председатели губернских и уездных управ и управ по делам земского хозяйства, городские головы и вообще лица, близко знакомые с интересами местного хозяйства), приглашавшиеся министром внутренних дел для предварительного обсуждения, под его председательством, важнейших мероприятий в области местного хозяйства. Причем участие в Совете местных деятелей, подчеркивал инициатор проекта, не должно было даже вызывать мысли о каком-либо местном представительстве, а проектируемый орган должен был иметь сугубо совещательный характер. Все разрозненные ранее подразделения МВД, ведавшие земскими и городскими делами, были объединены в составе специально учреждавшегося Главного управления по делам местного хозяйства, к которому и переходил конт-

роль над местным управлением и самоуправлением. Проект был одобрен Государственным советом, и после утверждения 22 марта 1904 г. императором стал законом¹⁹. Таким образом, некоторые шаги, а вернее намерения по децентрализации управления империей, одновременно сопровождалась и тенденцией к дальнейшей централизации, особенно по линии МВД.

Но в целом эти меры по упорядочению и укреплению системы местного управления, имевшие в конечном счете по большей части декларативный характер, не оказали сколько-нибудь заметного влияния на жизнь страны. Практически были реализованы лишь меры по усилению полицейско-охранительных функций губернаторов. Плеве добился согласия императора на подчинение им в порядке службы сотрудников губернского жандармского управления. Указом императора от 30 мая 1903 г. губернаторам было предоставлено право требовать от местных фабричных инспекторов, находившихся в ведении финансового ведомства, регулярные отчеты и даже аннулировать их распоряжения, если они будут сочтены не соответствующими интересам внутреннего порядка²⁰. Наконец, в деревнях вместо десятских и сотских, выполнявших свои обязанности по повинности, были введены стражники, находившиеся на казенном жаловании, что должно было усилить полицейский аппарат.

Между тем политическая напряженность усиливалась. Заменивший убитого в июле 1904 г. В.К. Плеве новый министр внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский представил императору всеподданнейший доклад с программой необходимых, на его взгляд, преобразований, в которой большое место отводилось расширению деятельности местных органов самоуправления. В частности, в докладе резкой критике были подвергнуты земское (1890 г.) и городское (1892 г.) положения, которые, признавая государственный характер деятельности этих общественных учреждений, фактически не объединили их с государственным аппаратом, значительно ограничивали круг избирателей и сужали компетенцию местного самоуправления, что вызывало недовольство общественности. После длительного и бурного обсуждения предложенной Мирским программы умиротворения общества, появился известный указ 12 декабря 1904 г., в котором, наряду с признанными необходимыми мерами по ее реализации, в очередной раз было обещано расширить права земских и городских учреждений в области "местного благоустройства".

Разразившаяся революция на время отвлекла внимание правительства от проблем реорганизации системы местного управления. Весь ход событий показал полную неготовность и бессилие местных властей перед нараставшей угрозой массовых дви-

жений. Административно-полицейский ресурс губернаторов оказался ничтожно мал в борьбе с революционными выступлениями. Пришлось прибегнуть к карательным войсковым акциям, возглавлявшимися генерал-адъютантами и армейскими чинами. Но проблема укрепления местного звена управления не сходила с повестки дня и в эти годы, хотя и занимались ею власти как бы по инерции. Так, в конце 1905 г. была образована “Комиссия по разработке проекта преобразования местного управления” под председательством товарища министра внутренних дел князя С.Д. Урусова, занимавшаяся преимущественно вопросами реорганизации уездного управления²¹. Представленный ею проект хотя и не был реализован, но послужил как бы дополнительным импульсом для нового поворота правительства к разработке на этот раз комплексной программы реорганизации всей системы местного управления, предпринятой по инициативе П.А. Столыпина – нового главы МВД, а затем и премьера.

В начале января 1907 г. в МВД была подготовлена записка “Об установлении главных начал устройства губернских учреждений”, обсужденная на заседаниях Совета министров и 21 марта того же года одобренная императором, которая послужила основой для целого ряда законопроектов²². Исходным материалом для нее и последующих законопроектов послужили записки В.К. Плеве 1902–1903 гг. и “наработки” созданных ранее комиссий и совещаний. В записке как бы подводился итог всех правительственных усилий в этой области за пореформенные десятилетия. В ней отмечалось, что высшее правительство давно было озабочено необходимостью всестороннего пересмотра системы местного управления. Причины задержек и неудач с решением этой проблемы объяснялись, во-первых, беспрерывно следовавшими преобразованиями, которые существенно меняли и весь строй местной административной системы, и объем ее полномочий и компетенции; во-вторых, тем, что все эти преобразования часто совершались в различных, порой противоположных направлениях, знаменуя собой смену политических взглядов высшего правительства, а реформа местного управления, считали авторы записки, несомненно, является реформой политической. Преобразование этой системы выходит теперь на первый план в связи с изменениями государственного строя России. Что же предлагал Столыпин?

Новый проект “Положения о губернском управлении” по-прежнему рассматривал губернии как основное звено местного административного управления²³. Он не касался регионов, управлявшихся по особым положениям, и имел в виду лишь 49 губерний Европейской России. Повторяя основные статьи старой ре-

дакции закона, проект вносил ряд важных дополнений и уточнений. Во-первых, губернатор, как и ранее, провозглашался “главным в губернии представителем высшего правительства”, он назначался императором по представлению министра внутренних дел, в ведомственном подчинении которому он и оставался, но теперь обязательным условием предлагалось предварительное одобрение кандидатур Советом министров. Во-вторых, с целью укрепления централизующего начала в деятельности губернской администрации вместо губернского правления под председательством губернатора учреждался губернский совет, в который должны были войти практически все высшие должностные лица всех ведомственных структур, а также представители земских, городских и сословных учреждений (губернский предводитель дворянства, председатель губернской земской управы, городской голова губернского города и по одному выборному лицу от земства и городской думы). Для ведения текущих дел управления оставались губернская канцелярия и присутствия – коллегиальные органы (распорядительное и девять специальных – по земским и городским делам, об обществах, сельское, кредитное, воинское, лесоохранительное, промышленное, училищное, по медицинским освидетельствованиям). Кроме того, в качестве особого присутствия в составе совета под председательством губернатора учреждалось особое дисциплинарное присутствие для привлечения к ответственности должностных лиц. В-третьих, с той же целью усиления централизующего начала предлагалось все ведомственные распоряжения, циркуляры и т.п. направлять только через губернатора, который имел бы право требовать от ведомственных чиновников их исполнения, а в случаях ненадлежащего исполнения доносить о том соответствующему министру. Далее, на губернатора возлагался надзор за всеми губернскими гражданскими ведомственными учреждениями, кроме судебных, госконтроля, а также высших учебных заведений. И чтобы надзор этот был действенным, предлагалось наделить губернатора правом требовать от представителей всех ведомств доклады о предпринимаемых мерах, проводить ревизии деятельности всех учреждений и должностных лиц, иметь право контроля над назначением и переходом всех губернских служащих.

Таким образом, распорядительные и надзорные функции начальников губерний заметно расширялись. Но вместе с тем губернский совет унаследовал от упраздненного губернского правления определенную автономию, что находило выражение в возможности несогласия с губернатором. Правда, в этом случае последний мог приостановить исполнение постановления совета и обратиться по этому поводу к министру внутренних дел с объ-

яснением причин неутверждения решения. Если конфликт не удавалось решить на этом уровне, министр должен был обратиться с соответствующим представлением в Правительствующий сенат.

В отношении земских и городских общественных учреждений особых дополнительных прав губернатор не получал, за исключением права присутствия на их собраниях. Особых мер в этом плане и не требовалось, так как после 1906 г. оппозиционность земств и городских дум практически прекратилась. Правительственные и общественные учреждения от конфронтации перешли к сотрудничеству, особенно в плане совместного финансирования учебно-просветительных, строительных программ и агротехнической помощи деревне в рамках реализации аграрно-крестьянской реформы. Более того, созданный еще по предложению Плеве Совет по делам местного хозяйства предполагалось несколько преобразовать, дополнив его выборными представителями от земств и городов – вместо приглашавшихся по усмотрению МВД.

Вслед за этим были подготовлены и внесены на рассмотрение Совета по делам местного хозяйства, а затем Думы и Государственного совета проекты по преобразованию уездного, участкового, волостного, сельского и поселкового управления, а также предложен план преобразования земских и городских учреждений, в том числе проект закона о распространении земского положения на шесть юго-западных губерний²⁴. Реформа уездного и участкового управления предусматривала замену уездных предводителей и земских начальников коронными чиновниками – уездными начальниками, назначавшимися верховной властью по представлению министра внутренних дел, и участковыми комиссарами, назначавшимися тем же министром. Начальник уездного управления, подчиненный губернатору, в свою очередь, должен был руководить всеми уездными правительственными учреждениями, находящимися в ведении МВД, и располагать надзорными функциями в отношении учреждений и должностных лиц других ведомств, за исключением судебного, и общественных органов.

Уездные съезды представителей всех учреждений, ведавших крестьянскими делами, упразднились, их судебные функции, за исключением судебно-административных, передавались судебным установлениям. При уездном начальнике создавался совет, структура и компетенция которого фактически представляли губернский аналог уездного уровня. Всесословный характер приобретали и административные структуры волостного, сельского и поселкового уровней. Их главы должны были избирать

ся соответствующими собраниями и сходами, участники которых должны были отвечать определенным цензовым условиям. Все это должно было ввести элемент унификации в систему местного управления империи, учитывая тот факт, что аналогичная уездная структура была введена в Сибири еще в середине 90-х годов XIX в.

И, наконец, внесенная 7 февраля 1907 г. Столыпиным в Совет министров записка о главных началах преобразований земских и городских учреждений предусматривала, с одной стороны, расширение компетенции местных выборных органов, привлечение к участию в их деятельности более широких слоев населения (имелось в виду прежде всего зажиточное крестьянство, вышедшее из общины), а с другой стороны – упорядочение отношений органов местного самоуправления с центральной и местными властями, контроль которых заметно усиливался.

Министру внутренних дел, губернаторам и начальникам уездов предоставлялось право ревизии земских и городских учреждений, право требовать от них сведений по подведомственным им делам, участвовать в их собраниях и предлагать свои соображения по предметам их ведомства. Министр мог, по согласованию с верховной властью, распускать земское собрание и городскую думу, отменять их постановления и даже временно устранять выборные исполнительные органы, заменяя их административным управлением. Но в то же время были намечены меры по улучшению финансового положения земств и городов: предложено было отменить закон о предельности земского обложения, передать земствам и городам право сбора налогов с недвижимости, а также части подоходного налога и т.д., что должно было расширить налогооблагаемую базу и заметно укрепить материальное положение органов самоуправления.

Однако все эти проекты встретили ожесточенное сопротивление как со стороны право-консервативных ревнителей сословного начала, так и со стороны ведомств, видевших в усилении и централизации губернаторской власти возможное ущемление своих позиций. Особую неприязнь дворянских собраний вызвало намерение Столыпина заменить уездных предводителей дворянства уездными начальниками, что было расценено как сознательное намерение ослабить роль высшего сословия в управлении империей. Их не разубедили результаты обследования, проведенного МВД и показавшего, что в некоторых губерниях более половины предводителей не живут в уездах и бывают там лишь наездами, что почти треть их вообще не занимается текущим управлением²⁵. Из всего пакета законопроектов фактически было реализовано – и то в форме высочайшего указа от 14 марта 1911 г.,

проведенного по ст. 87 – лишь положение о введении, с известными отступлениями от закона 1890 г., земств в Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской губерниях.

Вместе с тем в правительственных кругах появились и проекты реорганизации местного управления с использованием более крупных административных делений. Так, в 1907–1908 гг. С.Е. Крыжановским, в то время занимавшим пост товарища министра внутренних дел, был подготовлен проект, который предусматривал довольно кардинальную перестройку управления империей. Автор исходил из того положения, что чрезмерная централизация становится не только неэффективной, но даже и невозможной, что она сдерживает общественную инициативу и “подогревает” оппозицию. И он предложил разделить страну на 11 областей (Прибалтийский край, Финляндию, Северо-Запад, Польшу, Правобережную и Левобережную Украину, Московский промышленный район, Верхнее и Нижнее Поволжье, Северную Россию, разделенную на две области, и Степной край – Западная Сибирь), учитывая их хозяйственные, географические и культурно-этнические особенности, с образованием в каждой из них областных управлений, состоящих из областного земского собрания и правительственного управления во главе с гражданским начальником. Областные собрания, представлявшие собой представительные учреждения переходного типа – от хозяйственного к политическому – получали право местного законодательства по вопросам, не имевшим общегосударственного значения. Их решения должны были проводиться в жизнь после утверждения начальником области или императором. Остальные регионы империи – военные казачьи области, инородческие районы, Туркестан, Восточная Сибирь, Крым, Кавказ – оставались вне этого деления и вне общегосударственного представительства, за исключением двух последних, и фактически получали статус колоний.

Осуществление этой идеи, заимствованной, по признанию автора, из конституционных проектов начала XIX в. М.М. Сперанского и Н.Н. Новосильцева, позволяло, считал он, в новых условиях, во-первых, “замкнуть вопросы устройства народной жизни в областные рамки, придать практичность решениям местных органов и ограничить опасные теоретические изыскания”; во-вторых, раздробить общий натиск социалистических сил, выведя из-под воздействия “идеи рабочей демократии области чисто земледельческие”; в-третьих, открыть путь к более правильному решению земельного вопроса, так как в этом случае лучше учитываются местные условия; в-четвертых, с большим успехом использовать различные системы местных выборов для достиже-

ния нужных правительству целей; в-пятых, ослабить обостренность национального вопроса на окраинах и защитить русские интересы там, где их надо защищать.

Таким образом, эти меры рассчитаны были в первую очередь на решение острых политических, социальных и национальных вопросов, сохраняющих актуальность и в наши дни. Проект этот не обсуждался в какой-либо правительственной инстанции. Но он, по словам Крыжановского, “очень пленял Столыпина”, который включил его в свой всеподданнейший доклад. Николаю II предложение заинтересовало, но он высказал опасение, что подобная мера может явиться шагом к нарушению единства империи. Доклад был возвращен премьеру “до указания опыта III Думы”, но затем так и не получил движения. Из всего комплекса поднятых в нем вопросов позже было реализовано только предложение о выделении из Польши Холмской губернии, большинство населения которой составляли неполяки²⁶.

Из других проектов представляют интерес предложения И.И. Страховского, бывшего сотрудника Земского отдела МВД, опубликованные в виде развернутой статьи в “Журнале Министерства юстиции” (1913. № 7–9). Автор и в начале второго десятилетия XX в. считал, что “правительственная губерния находится в состоянии полного расстройствa и организационной запущенности”. Свои надежды на реорганизацию местного управления он возлагал на воссоздание системы генерал-губернаторств. В преобразованном виде генерал-губернаторские округа (или области) должны были включать три–пять губерний и именно к ним, по его мнению, должны перейти основные функции местного управления – общее руководство всеми губернскими учреждениями, надзор за их деятельностью и вся административная юстиция. Глава округа должен обеспечивать политическое и административно-техническое сотрудничество между центральным и местным уровнем управления. Губернии предполагалось оставить, но лишь как совокупность ведомственных учреждений, подчиненных особым местным коллегиям так называемого пассивного управления. Оставался и уездный уровень – в качестве соответствующего звена активно-распорядительного управления и с определенными правами в области административной юстиции. Проследить судьбу этого проекта также не удалось, но очевидно, что он не имел каких-либо видимых последствий.

Таким образом, и в начале XX в. система местного управления в Российской империи, как и все государственные и общественные структуры, продолжала находиться в переходном состоянии, сочетая в себе элементы старого традиционалистского и нарождавшегося гражданского общества. В поисках приемлемых

решений переплетались самые различные, часто полярные тенденции – властно-централизаторские и децентрализаторские, административно-бюрократические с элементами опеки и всеохватывающего надзора и самоуправления, традиционалистская словесность и бессловесная гражданственность, националистические и этнокультурные течения и установки. Борьба этих тенденций и общественно-политических сил по фундаментальным проблемам организации местного управления, которое является основой любого государственного строя, свидетельствовала о том, что политический кризис в стране, видимо, еще был далек от разрешения. Тем не менее знакомство с историческим опытом поиска путей решения этих проблем в условиях дореволюционной России, несомненно, весьма поучительно, важно и актуально не только в научно-академическом, но и в практически-политическом плане.

- ¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. Ст. 14; *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России. М., 2000; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998.
- ² *Ивановский В.В.* Русское государственное право. Казань. 1898. Т. 2. С. 449; *Корф С.А.* Административная юстиция в России. СПб., 1910. Кн. 1. С. 358.
- ³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1. Т. 12, № 10303.
- ⁴ *Блинов И.И.* Губернаторы: ист.-юрид. очерк. СПб., 1905. С. 264; *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 210–216; *Шумилов М.М.* Местное управление и центральная власть в России в 50-е – начале 80-х годов XIX в. М., 1991.
- ⁵ Цит. по: Русская старина. 1891. № 5. С. 355.
- ⁶ *Шумилов М.М.* Указ. соч. С. 65–66.
- ⁷ *Блинов И.И.* Указ. соч. С. 257–258.
- ⁸ *Блинов И.И.* Указ. соч. С. 254–255; *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 217–233.
- ⁹ Кризис самодержавия в России. 1895–1917 гг. Л., 1984. С. 95.
- ¹⁰ Там же. С. 99.
- ¹¹ Там же. С. 100–103.
- ¹² Там же. С. 106–113.
- ¹³ *Витте С.Ю.* Самодержавие и земство. Штутгарт, 1901. С. 1.
- ¹⁴ Цит. по: Красный архив. 1922. Т. 5. С. 104–105; См. также: *Захарова Л.Г.* Кризис самодержавия накануне революции 1905 г. // *Вопр. истории.* 1972. № 8. С. 136–137.
- ¹⁵ Кризис самодержавия в России. С. 118–119.
- ¹⁶ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 444.
- ¹⁷ ПСЗ. Собр. 3. Т. 23, № 22581.
- ¹⁸ Кризис самодержавия в России. С. 143.
- ¹⁹ ПСЗ. Собр. 3. Т. 24, № 24253.
- ²⁰ Там же. Т.23, № 23041.
- ²¹ Известия по делам местного и городского хозяйства. 1908. № 8. С. 24–25.

- 22 *Столыпин П.А.* Программа реформ: документы и материалы. М., 2002. Т. 1. С.261–280.
- 23 Там же. С. 330–352.
- 24 Там же. С. 154–226, 293–318, 325–329, 353–365.
- 25 *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 230.
- 26 *Корелин А.П.* Петр Аркадьевич Столыпин // *Российские реформаторы. XIX – начало XX в. М., 1995. С. 295–296.*

А.А. Данилов

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ
НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.
В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА
СТРАНЫ**

Избранная тема неслучайна – в современной России больше всего дискуссий вызывает именно вопрос о том, в какой мере политические реформы, проводимые сейчас российской властью, вписываются в общеевропейское и мировое развитие демократических институтов; и в какой мере они согласуются с историческим опытом нашей страны.

Вопросы, связанные с особенностями восприятия Россией западных демократических ценностей, это предмет особого разговора. Опыт украинских событий последнего времени показывает, что в отдельных, вполне конкретных ситуациях, демократическими действиями могут быть названы и изменение избирательного законодательства во время выборов, и замена избирательных комиссий, и даже изменение Конституции.

Наша задача в ином – посмотреть, в какой мере исторической традиции нашей собственной страны соответствует то, что происходит в последние годы в политическом реформировании России.

Историки как в России, так и в Европе, справедливо указывают на то, что прямое копирование западных образцов для нашей страны (как, впрочем, и для других) ничего хорошего никогда не приносило. Только адаптация зарубежного опыта давала в России положительные результаты. Важно при этом не сбиться с пути, не утратить вектор движения.

Никто не спорит сегодня, что этот вектор для нас лежит в создании эффективной социально-экономической системы, а также в формировании правового государства и гражданского общества. Но эта задача встала перед нами далеко не сейчас. Первым

серьезным шагом на пути в этом направлении были “великие реформы” 60–70-х годов XIX в. Существуют две основные точки зрения на то, был ли оправдан откат от них в 80–90-е годы XIX вв. Были ли “контрреформами” преобразования этого времени? Что, в конечном итоге, определило революционные катаклизмы начала XX в.? Эти размышления во многом имеют прямые аналогии с происходящими событиями сейчас в стране.

Уже говорилось о том, что некий “откат” сегодня – явление вполне закономерное. И не только для России. Но для России он наступал и прежде, до “великих реформ”. Достаточно вспомнить правление Ивана IV; судьбу петровских реформ в первые годы и десятилетия после его смерти; преобразования в начале XIX в.; наконец, правление Александра III¹.

Суть такого отката – в переосмыслении сделанного, в подведении промежуточных итогов, в корректировке курса реформ. И каждый раз во главу угла были поставлены именно перемены политического характера. Почему?

Под влиянием объективно существующих факторов самобытности российской истории (природно-климатического, геополитического, конфессионального и иных) в России сложилась и веками существовала специфическая, особая социальная организация. Одной из наиболее характерных ее черт было то, что государство здесь являлось не надстройкой над гражданским обществом (как в западных странах), а станovým хребтом, а порой – и творцом институтов гражданского общества. Специфика российской политической системы состояла в том, что она либо обладала сакральным характером (и порой подавляла и без того слабые институты гражданского общества), либо, будучи неэффективной, вела к Смуте и распаду не только территориальных, но и социальных связей. В России государство, общество, личность никогда не были разделенными (как на Западе), они были взаимопроницаемы, целостны, соборны. Государственность в России всегда опиралась на корпорацию служилой знати (будь то дворянство или номенклатура, либеральная бюрократия или кто-то еще).

Этот тип социальной организации отличался всегда чрезвычайной устойчивостью и, меняя свои формы, но не суть, воссоздавался после каждого потрясения в российской истории².

Если мы посмотрим на особенности проведения реформ вообще и политических реформ, в частности, то увидим, что обычно они инициировались властью под влиянием военных поражений (будь то поражение в Крымской или русско-японской, афганской или в “холодной” войне). Их проекты разрабатывались чаще всего не путем общественных инициатив, а в результате дея-

тельности негласных или секретных комитетов. Немалой была при этом и роль спецслужб.

Что мы понимаем под известными всем нам терминами “реформа” и “контрреформа”? Как справедливо отмечает Д.Н. Альшиц, под реформами в исторической литературе обычно понимают лишь те политические решения, которые направлены на либерализацию, большее или меньшее ограничение власти, на разделение властей, передачу того или иного объема полномочий различным ее ветвям, привлечение к государственному управлению представительных учреждений и общественных организаций (т.е. “укрепление властной горизонтали”). При таком подходе контрреформами всегда выглядят ответные меры власти, носящие охранительный, консервативный характер³.

Реформа высшей власти. Власть первого лица в России всегда была определяющей. В том числе она определяла и судьбу политических реформ. От первого лица (назывался ли он императором, генеральным секретарем или президентом) зависело если не все, то очень многое в российских реформах. Попытки ограничения власти первого лица, расширения коллегиальных форм не приносили должного результата. Более того, каждая такая попытка приводила к ослаблению самой власти, а в итоге – к дезорганизации, заканчивавшейся еще большей централизацией и сильной личной властью. Неудивительно, что сейчас, согласно действующей Конституции, президент страны имеет полномочия, сравнимые с властью императора начала XX в. А в чем-то и превосходит их. К примеру, по Основным законам Российской империи 1906 г., отдельные указы императора не действовали в том случае, если Дума не одобряла их. Если же она находилась в это время на каникулах, то указ императора должен был получить ее одобрение в двухмесячный срок. В противном случае он терял силу. Указы президента страны, как известно, не могут быть отменены никем.

Как видим, речь не о самих по себе конституционных полномочиях, а о конкретном человеке, занимающем высший пост в стране.

Отметим и такую особенность, что поскольку реформы всегда проводит сама власть, есть вполне определенные пределы реформации, далее которой она пойти не может.

Реформа парламента. В условиях существования в России на протяжении веков сильной верховной власти, особое значение имело реальное разделение властей, формирование органов народного представительства, использование и сочетание различных его атрибутов и инструментов.

В начале XX в. это было формирование Государственной думы. Верховная власть на это идти, конечно же, не желала. Она

была вынуждена менять свои планы на ходу. Вспомним, что первый проект создания Государственной думы напоминал Земские соборы XVI–XVII вв.: собирать ее предполагалось время от времени (по мере надобности) для решения тех вопросов, которые сочла бы возможным обсудить с ней власть; в том составе, который был бы предложен самой властью; никакого выборного представительства тут и не предполагалось; и, наконец, сроки работы такого органа зависели также от воли императора. Однако спустя всего несколько месяцев Россия получила Государственную думу в том виде, в котором во многом она существует и сегодня.

Немало споров в последние годы вызывало изменение принципов формирования верхней палаты парламента – Совета Федерации. Представительство в них губернаторов (хотя и избранных тогда в ходе региональных выборов) было заменено представительством лиц, одобренных законодательными собраниями (народными представителями) субъектов федерации. Было ли это верным шагом? Оправдались ли надежды реформаторов? Видимо, нет, раз сегодня вновь возникают планы очередной реорганизации этого органа. Если же взглянуть на исторический опыт даже начала XX в., то увидим, что выход из близкой ситуации был найден тогда очень простой – число членов Государственного совета (98 человек), назначаемых царем, было увеличено ровно вдвое за счет представительства самых известных, авторитетных общественных деятелей. В то время это дало положительный результат, так как включило представителей общественности в законодательный процесс. В любом случае, губернаторы призваны для того, чтобы быть реальными проводниками политической воли центра в регионах. И в этом смысле принятый ныне порядок достаточно органично сочетает интересы властной вертикали и позицию местных представительных учреждений.

Куда больше споров вызывает сегодня грядущая реформа Государственной думы. С самых первых дней своего существования Государственная дума (еще в начале XX в.) была тем институтом народного представительства, который ставил и пытался решить не только те вопросы, которые хотела бы решать исполнительная власть, но и те, которые в большей мере беспокоили избирателей и политические партии страны. По большому счету, именно в этом и состоит суть парламента. Таковой Дума была и после принятия Конституции 1993 г. Конечно, исполнительную власть не могло не раздражать торможение в Думе ряда ее инициатив и предложений. Но в таких случаях парламентские механизмы позволяли достигать компромисса. Это был не только компромисс исполнительной власти и законодателей. Это отчас-

ти был и компромисс власти и общества в целом. В настоящее время, уже год, ситуация иная. Впервые в истории Государственной думы России ее состав таков, что создается реальная угроза превращения Думы в орган, одобряющий *любые* решения исполнительной власти. И опыт обсуждения в ней социальной реформы правительства – наглядный тому пример. Это весьма опасно с той точки зрения, что Дума может утратить свою роль как орган именно *народного* представительства. Каков выход из такого положения? В дореволюционной России те решения, даже самые принципиальные и важные, которые Дума не принимала, могли вводиться в действие решением самого правительства. Но при этом, по крайней мере, сохранялось реальное разделение властей. Такова была, к примеру, судьба основного документа столыпинской аграрной реформы, который крестьянская по своему составу в то время Дума принять не пожелала.

Понятно, что слишком велико искушение для исполнительной власти принять именно те решения, которые она желает. Но думская трибуна для того и существует, чтобы корректировать и согласовывать с интересами избирателей те проекты, которые готовит исполнительная власть.

В этой связи заслуживает особого внимания и готовящаяся реформа политических партий и избирательного законодательства.

Когда сегодня говорят о наличии в стране *многопартийной политической системы*, то, думается, говорят лишь о ее перспективах. В России никогда не существовало еще многопартийной системы. Не существует она и сейчас. Многопартийная система предполагает не наличие какого-то числа членов партии или определенную их численность. Она предполагает несколько иное: отражение в партийных программах самых различных идейных и политических взглядов; интересов достаточно массовых социальных групп; демократическую систему выборов по партийным спискам; смену политических партий у власти. Такой системы у нас нет. И вряд ли она появится в ближайшее время.

В то же время, у нас существует ситуация, когда партией называют и регистрируют в Минюсте группу сторонников конкретного человека, заинтересованного в прохождении в парламент. Терминология и программа таких партий, как показали недавние выборы, не просто схожа, но часто аморфна. С этой точки зрения можно понять тех, кто предлагает упорядочить эту ситуацию. Но обсуждаемые сейчас в СМИ планы изменения порядка регистрации политических партий, фиксирования для Минюста личных данных на членов партий и т.п. – это то, аналога чему не было не только в истории России, но и в большинстве других стран. Именно это и вызывает сегодня беспокойство обществен-

ности. Не секрет, что в начале XX в. в стране существовало более 150 политических партий. Но массовой была лишь численность у проправительственных партий. Это не мешало их представительству в Думе. Но никто не запрещал наличие и других политических сил (если только они не выступали за свержение насильственным путем существующего строя).

Попытки же воссоздания так называемой “партии власти” с обширной сетью региональных организаций, абсолютным представительством в Думе и правительстве должны насторожить не только граждан страны, но и саму власть – опыт функционирования в СССР однопартийной системы и ее печального финиша весьма показателен и его нельзя игнорировать.

Весьма тревожным является в этой связи и попытка изменения избирательного законодательства в части отмены выборов по одномандатным округам. Это неизбежно приведет к тому, что от Думы будут отлучены яркие политики, не принадлежащие к тем или иным политическим партиям. Расчеты на то, что они неизбежно примкнут к партии власти, – иллюзорны.

В то же время нельзя не заметить, что принятые уже в начале 2005 г. решения вполне могут привести в исторической перспективе к формированию в стране двух–трех крупных политических партий и обеспечить сменяемость их у власти как на центральном, так и на региональном уровне. Правда, лишь при том условии, что такие партии и ее местные организации будут создаваться не “сверху вниз” (исключительно по инициативе властей), а “снизу вверх” (через собственную инициативу политически активной части населения).

Реформа кабинета. Если взглянуть на роль и место правительства в политической системе страны, то увидим, что они неоднократно менялись. Особенно за последние сто лет. При той роли, которую играла и играет в России верховная власть, роль и место правительства никогда не были такими, как в других странах. Кабинет министров конца XIX – начала XX в., замыкавший лично на императора и даже не собиравшийся для обсуждения общих вопросов, 99 лет назад уступил место Совету министров, в котором роль главы правительства заметно возросла. Правда, во многих своих аспектах эта роль так и осталась неполной. Глава государства, как и прежде, назначает силовых министров и непосредственно руководит ими; определяет основные направления внутренней и внешней политики правительства и в то же время выступает верховным арбитром в отношениях между правительством и парламентом. Такая модель была и в 1906 г.

Административная реформа, начатая в 2004 г., практически имела целью изменение именно структуры и направлений дея-

тельности правительства. Сразу оговорюсь, что данная модель управления не имеет аналогов в отечественной истории. Президент страны совершенно справедливо указывал недавно на то, что при проведении этой реформы сами ее авторы не в полной мере продумали последствия принятых решений. Наверное, это так и есть. Но важнее другое – любая административная реформа, особенно направленная на сокращение численности аппарата управления и т.п., всегда оборачивалась (и не только в современной истории России) новым увеличением ее численности и ростом бюрократизма. Нынешняя реформа показывает, что она не является здесь исключением. Уже сегодня новым органам власти не хватает зданий и помещений для работы, идет поиск вариантов взаимодействия между новыми структурами власти. Нарастает раздражение в связи с неуправляемостью целыми направлениями работы и неразберихой. В самом же аппарате управления устали от бесконечных реорганизаций и перемен. Следует помнить и о том, что каждая новая подобная перестройка ведет и к потере квалифицированных кадров управленцев. А в итоге – сказывается на эффективности работы всей системы управления.

В настоящее время можно услышать и о планах изменения самого места и роли правительства в системе власти. Речь идет о возможном, хотя и плавном, переходе к парламентской республике. Отмечу, что задача создания “ответственного министерства” (т.е. правительства, подотчетного парламенту) звучала (и довольно громко) в России в начале XX в., а также и в начале 90-х годов. Исторический опыт России показывает, что это неизбежно привело бы к резкому падению авторитета институтов власти, ослаблению властной вертикали, нарастанию общественной напряженности.

Сбалансированной (с точки зрения исторического опыта страны) является существующая система. В которой и глава, и состав правительства предлагаются президентом и утверждаются Думой. Конечно, это еще не парламентаризм, а дуализм. Но России, как показывает опыт, не следует перескакивать в своем развитии через целые исторические эпохи, так как каждая из них формирует у населения элементы новой политической культуры и потому является необходимой.

Реформа местного управления. Одним из самых обсуждаемых вопросов политического реформирования является сегодня вопрос об институте губернаторской власти.

Опасаясь показаться ретроградом и консерватором, отмечу, однако, что сохранение системы выборов губернаторов, неподотчетность их центральной власти во многом спровоцировали нарушение управляемости страной в 90-е годы и, более того, поста-

вили в конкретной плоскости вопрос о ее территориальной целостности. В царской России действовала модель, которую можно было назвать (по крайней мере, для того времени) оптимальной – император назначал губернатора, обладавшего не только политическими полномочиями, но и представлявшего центральную власть в регионе. Органы же местного и городского самоуправления, с соответствующими учреждениями, занимались вопросами городского хозяйства, образования и здравоохранения и т.п. Такое сочетание, безусловно, давало для своего времени положительный результат. И уж, во всяком случае, сохраняло территориальную целостность страны.

Близок к этому и вопрос о целесообразности укрупнения субъектов федерации. Вопрос не новый для России. Примерно сто лет назад такие планы были доложены императору Николаю. Он отказался их поддержать, посчитав угрозой для территориальной целостности России.

Реформа силовых ведомств и спецслужб. В ходе административной реформы власть так и не решилась создать Министерство национальной безопасности, хотя планы и проработки были достаточно полными. Вероятно, свою роль сыграл просчет возможных международных последствий. Однако с точки зрения исторического опыта нашей страны, да и действий других стран (например, США), создание единой системы управления не вызывает сомнений, так как это наиболее эффективный вариант решения задачи обеспечения национальной безопасности, особенно в борьбе с международным терроризмом.

Министерство идеологии. При проведении реформ чрезвычайно важно, чтобы население страны четко представляло себе их цели, этапы и социальные последствия. В начале XX в. для этого предлагалось создать специальное Министерство идеологии. Насколько известно, в середине 1990-х годов также обсуждались планы создания аналогичной структуры. Но и тогда, и теперь этим планам не суждено было сбыться.

Результативность реформ, безусловно, зависит от того, в какой мере будет использован исторический опыт нашей страны; насколько эффективной будет политическая система, система власти; насколько удастся дополнить политические процессы социальными переменами в интересах народа. Нынешняя гордость реформаторов увеличением за короткий срок золотовалютных запасов страны с 12 млрд дол. до 150 млрд дол. вполне оправданна (хотя здесь заслуга не только их, но и мировой конъюнктуры цен на нефть и газ). Но она не должна вести к эйфории. Ведь до тех пор, пока сами эти капиталы лежат мертвым грузом в заокеанских банках, а отечественная экономика остается в целом некон-

курентоспособной, население страны никогда не почувствует результативности реформ. Это тем более странно, когда в интересах мелочной экономии средств в стране сокращается из года в год удельный вес и без того скромных расходов на образование, здравоохранение, науку. В то же время перед этими отраслями ставятся задачи выйти на мировой уровень. Речь идет как раз о тех отраслях, через которые человек и может реально почувствовать эффективность проводимых реформ. Это тем более важно, что сама идеология реформ должна и может быть понятна только образованным людям. В свое время Ф. Лагарп отмечал, что проведение реформ в России без серьезного повышения образовательного уровня населения – невозможно и бессмысленно. В последние же годы качество и уровень отечественного образования неуклонно снижается ввиду скудного финансирования.

И последнее. Когда мы говорим об историческом опыте, его анализ может иногда привести нас к идеализации этого опыта, к попыткам его слепого копирования. Давайте поэтому не забывать, что часто звучавший сегодня исторический опыт – это опыт царской России столетней давности, России, идущей к революционным потрясениям 1917 г. Из этого мы тоже должны извлечь уроки и сделать выводы.

- ¹ См., например: *Альшиц Д.Н.* Противостояние реформ и контрреформ – изначальная, врожденная составляющая истории российской государственности // *Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX века)*. СПб., 2004. С. 9 и др.
- ² См.: *Россия и мир*: в 2 ч. М., 1994. Ч. 1. С. 15.
- ³ *Альшиц Д.Н.* Указ. соч. С. 10.

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

*

Л.П. Лаптева

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЯСТРЕБОВ (1869–1923) КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ ЧЕХИИ

Конец XIX и первые полтора десятилетия XX в. ознаменовались в России подъемом исторической науки. В это время создано много трудов по отечественной и всеобщей истории, не утративших научного значения и в наши дни. В области изучения истории славян к ним относятся и работы Николая Владимировича Ястребова, имя которого незаслуженно мало освещено в историографии. О Ястребове написано лишь несколько небольших статей. В их числе некрологи в газетах “Трибуна” и “Лидове Новины”, в журнале “Славия”¹; довольно подробное описание жизни и деятельности Ястребова представил К. Крофта², короткую справку дал В.А. Францев³. В России на смерть Ястребова отозвался П.А. Лавров⁴. В 1934 г. справка о Ястребове помещена в Оттовом словнике⁵, а следующая появилась лишь через 45 лет в справочном издании о русских дореволюционных славистах⁶. В последние годы автором этих строк опубликован еще ряд статей⁷, в которых предложены анализ и оценка с современных позиций сочинений Н.В. Ястребова о Петре Хельчицком⁸ и об Общине чешских братьев⁹, а также общая оценка его взглядов на гуситское движение¹⁰. Вся имеющаяся литература не дает полного представления о жизненном и творческом пути ученого, не раскрывает до конца того вклада, который он внес в изучение истории славян.

Основной задачей настоящей статьи является анализ одной из сторон деятельности Н.В. Ястребова, а именно изучение им истории Чехии. Источниками для нашей работы послужили главным образом архивные материалы. Личный архив Ястребова не обнаружен, и, может быть, в компактном виде вообще не сохранился, но документы о его учебе, заграничных командировках, прохождении им службы, педагогической деятельности, о работе в различных изданиях, его корреспонденция, официальные заявления и записки хранятся в нескольких Российских архивах – ЛГИА, РГИА, ПФАРАН и некоторых других. Кроме того, ис-

пользованные в статье документы, касающиеся связей Ястребова с Чехией, находятся в АУС, АСАУ, LAPNP, Архиве Президента Чешской Республики, Архиве Института Т.Г. Масарика, Архиве Министерства иностранных дел Чехии¹¹. Помимо архивных материалов, к анализу привлекались труды Ястребова по истории Чехии, его рецензии на работы чешских ученых, отклики чешской научной печати на сочинения русского историка, публикация писем Й. Пекаржа Ястребову и другие материалы.

* * *

Н.В. Ястребов родился 10 июля 1869 г.¹² в Ветлуге, небольшом городке Костромской губернии, в семье бедного священника. После обучения в духовном училище он поступил в Костромскую духовную семинарию, окончил ее в 1890 г.¹³, затем продолжил образование в Петербургской духовной академии, но в 1891 г. перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета¹⁴. Семья отца была многочисленна, и – как старший сын – Н.В. Ястребов должен был помогать младшим братьям и сестре, зарабатывая уроками. Исключительные способности Ястребова, его трудолюбие и энергия позволили ему блестяще пройти студенческий курс. Он специализировался по кафедре славянской филологии у профессора В.И. Ламанского, который и определил специализацию Ястребова по истории славян. Студенческие сочинения будущего ученого дважды награждались золотой медалью¹⁵. Одно из них, выпускное, называлось “Ян Амос Коменский”, на его основе автор написал позднее статью “Коменский” в Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона¹⁶.

В 1895 г. Ястребов окончил университет¹⁷ и был оставлен на кафедре славянской филологии для прохождения подготовки к профессуре специально по истории славян¹⁸. Как отмечают биографы Ястребова¹⁹, по совету В.И. Ламанского его ученик занялся историей гуситского движения, особенно идейной стороной. В 1896 г. Ястребов опубликовал по этой теме свою первую статью – “Очерк жизни и литературной деятельности Петра Хельчицкого (из истории гуситства)”²⁰. С 20 мая по 20 августа 1898 г. Ястребов находился в командировке за границей и, вероятно, впервые посетил Чехию. Однако подробности этой командировки выяснить пока не удалось²¹. В 1899 г. Ястребов сдал магистерские экзамены²², и с 1 января 1900 г. был снова командирован за границу²³ уже как кандидат на замещение предполагаемой новой “кафедры истории славянских народов”²⁴. Конкретные задачи этой двухгодичной командировки Ястребова изложены в “Инст-

рукции для занятий профессорских кандидатов”, а именно в той ее части, которая составлена В.И. Ламанским для Н.В. Ястребова 17 ноября 1899 г. Здесь говорится, что Ястребов обязан “ознакомиться под руководством опытных ученых Австрийского исторического института со средневековой латинской палеографией и с новейшими историко-критическими исследованиями официальных (документальных) и летописных (также житий святых) источников средневековой истории славянских земель, вошедших в разное время в состав нынешней Австро-Венгерской монархии... Ознакомиться с живою речью южно- и северо-западных славянских народностей, посетить их страны, войти в личные отношения с их писателями и учеными, ознакомиться с их городской и сельскою жизнью, осмотреть тамошние музеи и библиотеки, соединяя по возможности изучение настоящего с изучением прошлого... Приготовить себе материалы для будущих ученых работ...” Далее Ламанский перечислял научные учреждения и отдельных лиц, к которым Ястребов должен был обращаться за помощью и консультациями.

Ястребов был хорошо подготовлен к выполнению поставленных перед ним задач. Еще в духовной семинарии он овладел греческим, латинским и еврейским языками, знал французский и немецкий²⁵, в семинарии и в духовной академии получил специальное богословско-философское образование, так что был вполне способен изучать историю Общины чешских братьев. Эту историю он и предполагал сделать предметом исследования своей магистерской диссертации.

Но прибыл Ястребов в австрийскую столицу в феврале 1900 г., когда заканчивался зимний семестр работы Венского университета, и “все интересные и нужные профессора кончали курсы”. Русский магистрант рассчитывал в Вене “послушать курсы: Ягича – по славянским древностям и кирилло-мефодиевскому вопросу, Иречка – по истории южных славян, Томашка – по исторической географии и этнографии Восточной Европы”²⁶, но сделать этого не удалось. Не попал Ястребов и на курсы по вспомогательным историческим дисциплинам, по источниковедению австрийской истории. “Поэтому я теперь один занимаюсь латинской палеографией по книгам и таблицам”, – сообщает Ястребов в цитируемом письме. В ожидании начала летнего семестра он усердно совершенствуется в немецком языке: зная его теоретически, он не понимал однако живой речи и был “вынужден нанять себе учителя”²⁷ и вообще тратить “порядочно времени на немецкий язык”²⁸. Вскоре он мог уже сообщить, что говорит по-немецки “с большой смелостью”, и что окружающие его вполне понимают, а это уже “большой плюс”²⁹.

С началом нового семестра Ястребов в Венском университете стал слушать лекции профессоров В. Ягича и К. Иречка. “Я был у Ягича и Иречка, – информирует Ястребов Ламанского. – Тот и другой приняли меня хорошо, особенно Ягич, последний даже тепло. Расспрашивал о моих ученых планах... Советует больше времени провести в Праге”³⁰. В следующем письме читаем: “Был я несколько раз на лекциях Ягича и Иречка, ну а второй – так просто мчится... Лекции Ягича очень интересны, я как раз попал на характеристику источников по западно-славянской мифологии”³¹. Посещал Ястребов и семинарий Ягича, о чем писал: “Бываю иногда в этом семинарии, узнал кое-кого из студентов, там работающих; хорошее учреждение, какого мы не имеем и Бог весть, когда будем иметь”. Здесь же Ястребов еще раз отзывается о Ягиче: “Он очень живой человек, интересный собеседник и, главное, не такой человек, каким я представлял его себе. Кое-кто говорит мне, что это все, де, видимость – для русских только; не знаю...”³² У Ягича Ястребов прослушал также курс славянской палеографии, “где знаменитый славист доказал параллельное кириллице развитие глаголицы из греческого письма”³³.

По истории славян Ястребов слушал два курса: К. Иречка – общий курс по истории народов и государств Балканского полуострова со времени появления турок в Европе, и того же профессора специальный курс – О Константине Порфирогенете и его сочинениях³⁴. Особенно интересовали Ястребова в лекциях Иречка сведения об источниках по южнославянской истории, о чем он и сообщал Шахматову 10 апреля 1900 г. “Иречек читает сухогато, – замечал русский историк, – но дает богатейший фактический и литературный материал; особенно мне понравились лекции по истории Дубровника”³⁵. Занимался русский магистрант у Иречка и в семинаре³⁶. Ястребов считал Иречка “отличным человеком”, добавляя: “Не будь он так скромн, я думаю, он имел бы очень большое имя в ученой Европе”³⁷. Отметим, Ламанский констатировал, что будучи в Вене, он слышал о Ястребове “прекрасные отзывы от венских профессоров и академиков И.В. Ягича и К.О. Иречка”³⁸. Вполне соответствует этому свидетельству и текст одного из писем К. Иречка: “Г-н Николай Владимирович Ястребов здесь всем понравился своим знанием и трудолюбием. Он усердно занимается в Институте австрийской истории, который с своей библиотекой и сбирками (sic. – Л.Л.) снимков – одно из лучших заведений нашего университета”³⁹.

По австрийской истории Ястребов слушал курс профессора Редлиха об источниках частного характера (“Privaturkunden”) и занимался в его же семинаре. “Курс этот, а равно и семинарские

работы по этому отделу дипломатии, – говорится в оценке Ученым комитетом Министерства народного просвещения занятий Ястребова, – оказались особенно полезными для нашего молодого ученого ввиду отсутствия общего руководства (т.е. пособия. – Л.Л.) по изучению частных документов... Проф. Редлих дал ему не только превосходный курс, который начинался с характеристики документов позднего римского времени и заканчивался эпохой оживления *Urkundenwesen*, заключаая в себе сверх того некоторые экскурсии по частным вопросам документоведения, но и был прекрасным руководителем работ. В Вене же занялся г. Ястребов греческой палеографией, хотя в этой области ему пришлось ограничиться изучением книг Томпсона и Ваттенбаха»⁴⁰.

В течение всего периода пребывания в Вене Ястребов работал в *Institut für österreichische Geschichtsforschung*, возглавлявшемся тогда профессором Мюльбахером. Этот ученый встретил молодого русского магистранта “очень приветливо”, показал ему “институт, библиотеку, коллекции снимков, медалей, печатей”, причем Ястребов “был поражен виденным, ибо ожидал встретить нечто более скромное, к чему привык на родине”. Ястребову были созданы все условия для занятий вспомогательными историческими дисциплинами. «Работать очень трудно, – замечает он. – Я, как и другие участники, имею особый стол и все нужные книги. Теперь у меня под рукой кроме старых книг по латинской палеографии – Ваттенбаха, Паоли (перевод с итальянского) и франц. Пру (*Prou*), две новые: *Chanoine Reusens “Elements de Paleographie”* 1899, и чешская “*Učebna kniha paleografie latinské*” 1898, Фридриха, заместителя Эмлера в Пражском университете (последняя – очень хорошая вещь, плод занятий Фридриха в Институте)»⁴¹.

Книга Г. Фридриха явилась для Ястребова одним из важнейших пособий в занятиях латинской палеографией. Он сообщал: “Внимательно прочитав книгу Фридриха (чешскую), я попутно смотрю новейшую *Reusens’a*, читаю, т.е. разбираю таблицы Арндта-Тангля”⁴². Посещая занятия Мюльбахера по латинской палеографии, Ястребов отмечал, что “латинской палеографии славянских земель здесь в Институте выучить нельзя, нужно самому”⁴³, и что даже в чешской книге Фридриха “эта сторона дела почти совсем не затронута”⁴⁴. Для выполнения программы нужных ему палеографических штудий Ястребов решил пойти в *Hofbibliothek*, где есть “чешские (латинские) рукописи и грамоты довольно старые”. “Так вот и засяду за чтение”⁴⁵, – резюмирует он. Хронологию Ястребов также изучал самостоятельно “по Гротенфенду, который издал недавно свой *Taschenbuch*”⁴⁶.

Кроме латинской палеографии и дипломатики Ястребов изучал и греческую палеографию. В целом, пройдя два семестра в венском Institut für österreichische Geschichtsforschung, Ястребов получил по латинской палеографии и всем трем отделам дипломатики такую подготовку, которую, по его мнению, получали в России даже не все “всеобщие историки”.

После года занятий в Венском университете Ястребов в феврале 1901 г. прибыл в Мюнхен, где в течение трех месяцев занимался под руководством профессора Крумбахера. Задачей русского ученого было изучить сочинения византийских писателей, “поскольку они имеют отношение к исследованию истории балканских славян”. “Семинарий проф. Крумбахера, где сосредоточены все существенные пособия для таковых занятий, и дана полная возможность ими пользоваться в полной степени, удовлетворял моим нуждам”⁴⁷, – писал Ястребов в отчете. Он характеризовал Крумбахера как “превосходного руководителя”, причем добавлял, что это качество “сказывается в нем не только при семинарных занятиях, но и во время лекций, где он умеет делать слушателей участниками научной работы”⁴⁸. Но Ястребову, к его сожалению, не пришлось в желаемой мере познакомиться с лекциями “известного византиниста”, так как их характер был слишком далек от интересов русского историка, который был вынужден заниматься лишь самостоятельным чтением текстов греческих историков и хронистов (“хронографистов”, так как писал он сам). Основными пособиями ему служили соответствующие разделы в книгах Крумбахера “Geschichte der byzantinischen Literatur” и “Appendices” Э. Гиббона к “Истории падения Византийской империи”⁴⁹. За три месяца пребывания в Мюнхене Ястребов успел изучить византийских хронистов от Прокопия до Кекавмена и “отдел хронографий”⁵⁰. Таким образом, в Мюнхене Ястребов существенно пополнил свое образование по истории южнославянских народов. Когда в середине мая 1901 г. он прибыл в Прагу, это был уже вполне подготовленный к самостоятельной работе молодой ученый, освоивший современные ему методы исследования палеографического и дипломатического материала, всесторонне осведомленный о состоянии науки в области изучения истории Восточной Европы.

С самого начала Ястребов рассчитывал пробыть в Чехии “целый год с выездами”, а впоследствии – в уже цитированном “Curriculum vitae” – писал, что “около года работал в библиотеках и архивах Праги, собирая материалы для самостоятельных работ”⁵¹. Утверждения К. Крофты и Я. Бидло, что Ястребов пробыл в Праге два года, не соответствуют действительности.

В Праге Ястребов основное внимание уделял работе над собиранием материала для своей диссертации по истории Общины

чешских братьев⁵². Неверно утверждение К. Крофты, В. Францева и Я. Бидло, будто бы Ястребов проходил курс в Пражском университете, где был “учеником проф. Голла”⁵³. Сам Ястребов писал об этом так: “Масса работы, предстоявшей мне, и сравнительно ограниченное время, оставшееся в моем распоряжении, не позволили мне систематически слушать лекции профессоров Пражского чешского университета по интересным для меня дисциплинам; только у профессора Голля я присутствовал при разборе одного темного факта из истории Оттокара II (2-й крестовый поход в Пруссию) – в превосходно организованном и руководимом им историческом семинарии”⁵⁴. В литературе есть еще сведения о том, что Ястребов слушал лекции профессоров чешского Пражского университета И. Калоусека, Я. Голла и Я. Челаковского⁵⁵, но это, конечно, не означает, что Ястребов был “наполовину воспитанником философского факультета чешского университета”, как утверждал Я. Бидло⁵⁶. Нет сомнений в том, что Ястребов получил огромную пользу от общения с чешскими учеными, но все же он был воспитанником Петербургского университета, а научную подготовку получил прежде всего в Вене, школу которой прошли и многие чешские ученые, а также и в Мюнхене.

Стремление Ястребова понять и объяснить происхождение Общины чешских братьев влекло его “в глубь XV в. – к Рокицане, таборитам и особенно – Хельчицкому”⁵⁷, заставляло разыскивать и изучать и братскую литературу, и полемические сочинения против нее в библиотеках и архивах Праги, Брно и Оломоуца. Так, в музее Чешского Королевства он изучал фолианты Гернгутского братского архива (по копиям), в Земском и Городском пражских архивах просматривал материалы документального характера, в библиотеке Пражского университета изучил некоторые рукописи, например, “O obnovení cěrkve” брата Лукаша, а также старопечатные братские книги. В библиотеке Свято-витской капитулы Ястребов читал и переписывал трактаты Хельчицкого из кодекса D 82. Часть этих трактатов в отрывках была уже издана профессором Я. Голлом, но многие еще оставались неопубликованными. Во время этих изысканий Ястребов обнаружил трактат “O původu Jednoty bratrské”, переписал и исследовал его и пришел к выводу, что перед ним сочинение XVI в., написанное Яном Благославом и считавшееся утерянным⁵⁸.

Здесь же, в Праге, Ястребов подготовил текст трактата к печати, написав к нему обширное введение, в котором доказано, в частности, авторство Благослава, и отослал работу для публикации в Россию. Статья Ястребова о трактате Благослава вышла и в чешском журнале. 7/20 декабря 1901 г. Ястребов писал Шахма-

тову: “Посылаю Вам свою рукопись – статью о трактате Я. Богослава как введение к издаваемому тексту, или, если хотите, отдельное исследование. Я позадержал ее, ибо должен был, по просьбе проф. Голля, написать статью о том же для Чешского исторического журнала, отмеченную мною как отчасти извлечение, отчасти перевод русского введения к изданию памятника. Если, с одной стороны, я не согласился печатать всю работу в Чехии и по-чешски, не желая вести воду на чужую мельницу, то, с другой стороны, не мог отказать себе в удовольствии получить большой круг читателей из чехов. Чешская статья появится во второй половине января”⁵⁹.

Углубление Ястребова в историю гусизма привело его к мысли, что учение Общины чешских братьев невозможно объяснить без анализа творчества ее духовных отцов – Хельчицкого и Рокицаны. Русский историк временно отложил “обследование учений и установлений Общины” и сосредоточился на произведениях Хельчицкого. “Наиболее времени и труда, – писал Ястребов, – пришлось мне употребить на установление в возможной полноте всех произведений Хельчицкого, на их внимательное чтение и списывание”⁶⁰. В это же время у русского ученого зародилась мысль об издании наиболее выдающихся произведений чешского мыслителя XV в. Ястребов проштудировал 10 трактатов Хельчицкого в одном из кодексов Святовитской капитулы, 11 произведений того же автора в кодексе архиепископской библиотеки в Праге. Результатом было открытие некоторых новых произведений мыслителя, что оказалось возможным благодаря выяснению особенностей различных редакций и списков ряда рукописей и внутреннего анализа текста. Ученый обследовал также гуситские трактаты и хроники, издания сочинений Виклефа для выяснения литературных источников Хельчицкого и соотношения его идей с учениями его предшественников и современников⁶¹.

Молодой русский славист работал в пражских архивах и библиотеках с большим усердием и самоотверженностью. К. Крофта вспоминал, как Н. Ястребов целые дни просиживал в Земском архиве над гуситскими рукописями, полученными для него из других хранилищ. В этот период Ястребов установил дружеские отношения со многими чешскими учеными – профессорами университета в Праге, архивными работниками и другими представителями чешской научной интеллигенции. Чешские ученые оказывали Ястребову всяческую помощь, не только давая ему консультации, но и участвуя в разыскании рукописей, организуя их доставку в Прагу и из других городов Чехии, а также из Вены и даже из Италии. Ястребов в отчете писал: “В своих занятиях я повсюду встречал самый лучший при-

ем и полную готовность сделать все возможное – до открытия для меня собраний, которые существуют как собрания частного характера. С особой признательностью могу назвать проф. Я. Челаковского, который всегда доброжелательно идет на помощь русским исследователям”⁶².

Найдя множество материалов для диссертации, Ястребов попросил о продлении заграничной командировки на полгода. Ходатайство об этом Петербургского университета было удовлетворено⁶³. Из Праги Ястребов выезжал и в другие славянские страны. Летом 1901 г., когда закрылись пражские библиотеки, ученый совершил полуторамесячное путешествие по Хорватии, Словакии и Галиции⁶⁴. Впечатления об этих землях изложены в его письмах разным лицам. Так. Шахматову он сообщил, что “у хорватов мадьяризация мало заметна”, что здесь мадьярской речи не слышно, а “у словаков дела очень, очень худы. Веет могилой. Люди – Гурбан, Шкультетый – очень милые; зато – что особенно грустно – задумчивый Шкультетый – словацкая академия, университет, учебное общество – все вместе, в одном лице”⁶⁵. Особый интерес Ястребов проявил к Галиции, о которой позднее написал особую брошюру⁶⁶.

Научная командировка Ястребова окончилась 1 июля 1902 г. Уезжая в Россию, он почти уже подготовил к печати несколько глав своей диссертации⁶⁷. Но окончание работы о Хельчицком затянулось. Ястребов был зачислен приват-доцентом Петербургского университета, где и стал преподавать историю славянских народов⁶⁸. Одновременно он – ввиду недостаточности средств к существованию – работал также преподавателем истории в некоторых петербургских гимназиях⁶⁹. Тогда же Ястребов активно включился в работу 2-го отделения Академии наук, участвуя в составлении библиографических изданий по славяноведению, рецензируя труды по истории славян, как в органах Академии, так и в других журналах. Во время “Предварительного съезда русских филологов” (1903) Ястребов работал секретарем этого форума. Он участвовал также в издании ряда сборников статей по славяноведению, писал статьи в энциклопедии и т.д.

В 1907 г., получив денежное пособие от 2-го отделения Академии наук, Ястребов в летнее время совершил ученую поездку за границу, снова побывал в Праге и продолжил изучение трактатов Хельчицкого, а также ознакомился с недавно приобретенным библиотекой Чешского музея кодексом, заключающим в себе трактаты одного из видных членов Общины чешских братьев Лаврентия Красоницкого. Русский ученый посетил также Нюрнберг и исследовал в тамошней Stadtbibliothek «недавно открытый др. Миллером рукописный (XV в.) текст “Постиллы” Хельчицко-

го, очень важный для определения радикализма взглядов чешского мыслителя»⁷⁰.

С 20 мая по 1 октября 1908 г. Ястребову вновь была предоставлена заграничная командировка – на этот раз Петербургским университетом, субсидировавшим ему 300 руб.⁷¹ В том же году вышла из печати книга Ястребова “Этюды о Петре Хельчицком и его времени”, которую автор представил к защите в Петербургском университете в качестве магистерской диссертации⁷². Защита состоялась 12 октября 1908 г., Ястребову была присуждена степень магистра славянской филологии⁷³. В том же году он был избран профессором истории славянских народов на Петербургских высших женских курсах⁷⁴, а с 1911 г. стал профессором и Высших женских историко-литературных курсов Раева⁷⁵. Научная и преподавательская деятельность Ястребова была столь плодотворна, что Петербургский университет ходатайствовал о возведении приват-доцента Ястребова в звание экстраординарного профессора по кафедре славянской филологии сверх штата, так как штатной должности не было⁷⁶. По университетскому уставу 1884 г. Ястребов, не имевший ученой степени доктора, не мог быть назначен профессором университета, но ввиду преподавательских способностей и активной научной деятельности Ястребова царь сделал исключение и удовлетворил ходатайство историко-филологического факультета, утвердив 15 февраля 1915 г. Н.В. Ястребова сверхштатным экстраординарным профессором Петербургского университета⁷⁷. 17 октября 1918 г. Ястребов был введен и в звание ординарного профессора⁷⁸, однако в этой должности ему пришлось пробыть недолго. Вскоре университет был расформирован, а Ястребов стал профессором кафедры всеобщей истории словесно-исторического отделения педагогического факультета Второго государственного петроградского университета⁷⁹. Получив от Комиссариата народного просвещения разрешение на полугодовую заграничную командировку, Ястребов в 1919 г. выехал вместе с семьей за рубеж, но в Россию уже не вернулся.

* * *

29 мая 1902 г. Ястребов стал приват-доцентом Петербургского университета. 19 сентября того же года он прочитал вступительную лекцию в университете. К этому времени он не был новичком в педагогическом деле: уже с 1895 г. работал в гимназиях и других учебных заведениях. Отлично он был подготовлен и для преподавания именно истории славянских народов: знал все славянские языки и владел историческим материалом на высо-

ком профессиональном уровне. Специалистов, подобных Ястребову, тогда в России не было: все другие университетские профессора и преподаватели должны были распределить свое внимание между историей, филологией и другими дисциплинами. Впрочем, и Ястребову приходилось практически преподавать чешский и польский языки⁸⁰ специализировавшимся по славянской истории студентам. Но основным предметом университетских чтений Ястребова была история всех западных и южных славян. Сохранившийся литографированный курс его лекций содержит большой раздел по истории древних славян, материал по истории полабско-балтийского славянства, а основное место уделено истории “чехо-моравского народа”⁸¹. Неправоммерно утверждение Я. Славика, что “Ястребов читал главным образом польскую историю”, и что как профессор он был “более полонист, чем богемист”⁸². Но, понимая значение Польши для истории России, ценя вклад польского народа в общечеловеческую культуру, Ястребов уделял Польше очень значительное внимание. Лекции по польской истории он читал не реже, чем по чешской, хотя текст их и не издан⁸³.

В целях успешного усвоения слушателями обширного материала польской истории Ястребов организовал и редактировал переводы трудов польских историков. Так, с его предисловием вышел в русском переводе “Очерк истории общественно-государственного строя Польши” С. Кутшебы⁸⁴ и труд О.Бальцера “К истории общественно-государственного строя Польши”⁸⁵. Последняя книга представляла собой обширную рецензию на сочинение С. Кутшебы, так что читателям предоставлялась возможность ознакомиться с различными точками зрения. Хорошим пособием для студентов была переведенная под редакцией Н.В. Ястребова книга В. Грабенского “История польского народа”⁸⁶, а сам Ястребов дважды издавал собственную работу “Краткий очерк истории польского народа”⁸⁷.

Читалась Ястребовым и история южных славян. Здесь он главное внимание уделял истории Болгарии и Сербии. В качестве пособий Ястребов рекомендовал книгу К. Иречка “История болгарского народа”⁸⁸, сочинение А.Л. Погодина “История Болгарии”⁸⁹ и другие работы. Кроме того, Ястребов издал свой очерк по истории Болгарии⁹⁰, где особенно основательно, на базе источников разработал в первую очередь период до турецкого завоевания. К. Иречек в статье, посвященной обзору новых работ по истории Болгарии, писал о варианте этого очерка, помещенном в энциклопедии (впоследствии очерк вышел и отдельно, в значительно увеличенном объеме): “Наилучшим является составленный Ястребовым подробный обзор болгарской истории

до 18 века с особым учетом внутренних отношений. Этот очерк вышел в русском издании словаря Брокгауза”⁹¹.

Досконально знал Ястребов и сербскую историю, о которой также писал статьи в энциклопедии⁹², издавал и тексты источников для педагогических целей.

Наряду с чтением лекций, Ястребов организовал практические занятия, что было в то время нововведением. Начатый в 1904 г. частными занятиями по истории гусизма с группой слушателей, этот семинар после введения предметной системы преподавания, вошел в круг остальных семинаров по истории. Тематику разбора являлись, например, вопросы из области польской политической литературы реформационной эпохи (семинар 1908/09 учебного года), памятники юридического быта Польши, документы по истории развития привилегий польской шляхты в конце XIV – начала XV в. (семинар 1907/08 и 1909 г.). В ходе семинаров студенты получали задания на разработку тех или иных тем. Так, один из слушателей семинара Ястребова, студент Плотников, получил золотую медаль за сочинение “А. Фрич-Модржевский и Эразм Роттердамский” и напечатал две статьи на эту тему. Для своих семинарских занятий Ястребов издал литографированный сборник латинских документов по истории польской шляхты⁹³.

В семинаре 1911/12 и 1912/13 г. Ястребов изучал со студентами “кирилло-мефодиевский вопрос”. С целью углубления знаний по нему ученый в 1911 г. опубликовал пособие для студентов, содержащее источники о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия⁹⁴. В печати был высказан ряд критических замечаний по этому изданию⁹⁵, но пособие было по своему предмету единственным в России и достаточно полным; оно принесло студентам несомненную пользу.

В семинаре 1913/14 г. Ястребов изучал со студентами Законник Стефана Душана. Для усвоения этой темы было издано специальное пособие⁹⁶. Заслугой Ястребова было и оборудование помещения славянского семинара в декабре 1906 – январе 1907 гг., отделение его от семинара славянорусского, организация работы по образцу чешского семинара в Праге⁹⁷: у каждого студента было отдельное место для занятий, для хранения книг и бумаг. Ястребов приложил много сил для создания библиотеки для своего семинара. Он обращался к русским и иностранным ученым и к целым научным учреждениям с просьбой помочь книгами. Так, в 1907 г. он направил следующее письмо Первому отделению Чешской академии: “Подписавшемуся было поручено позаботиться о создании и комплектовании чешского отдела библиотеки славянского семинара в Императорском университе-

те в Петербурге, который обеспечивал бы студентов этого университета литературными пособиями для изучения чешской истории, чешского языка и чешской литературы. Ввиду того, что дотации для этой цели далеко недостаточны для закупки всех произведений чешской литературы, я обращаюсь к славному первому отделению Чешской академии с убедительной просьбой по возможности прислать библиотеке славянского семинара Императорского Петербургского университета все имеющиеся публикации и не отказать в присылке указанному семинару всех будущих своих публикаций⁹⁸. Аналогичное письмо было послано 9 июля 1907 г. и Чешскому обществу наук⁹⁹.

В 1908 г. Н.В. Ястребов писал киевскому профессору-слависту Т.Д. Флоринскому: “Пользуюсь случаем попросить Вас о высылке в библиотеку организованного у нас славянского семинара всех Ваших еще имеющихся у Вас трудов”¹⁰⁰. Приблизительно в это же время Н.В. Ястребов в письме к проф. Й. Пекаржу выражает надежду, что последний организует присылку в Петербург – для семинара по истории славян – журнала “Чески часопис историци”. “Может быть, Вы нам пришлете и то, что можно, за предшествующие годы, в том числе и за 1907”¹⁰¹, – добавляет Ястребов. Он выписывал книги для семинара и через славянские магазины. Поступила в семинар и замечательная библиотека престарелого В.И. Ламанского с ценным подбором славянских книг. Ястребов был одним из последних учеников профессора, пользовался его расположением, что и способствовало передаче библиотеки в распоряжение семинара¹⁰².

Как преподаватель, Ястребов был не только высоко эрудированным специалистом, но и активным борцом за расширение преподавания истории славян в университетах России, против всякого ущемления этого предмета в системе обучения молодого поколения. Он считал “прискорбным” тот факт, что “несмотря на признание истории славян самостоятельной дисциплиной университетским уставом 1884 г., она не получила (в силу финансовых соображений Государственного совета) самостоятельной кафедры”; что часто история славян “считается предметом второстепенным” и что “не только среди студентов распространен взгляд на историю славянских народов как на нечто такое minderwertig сравнительно с изучением романо-германского запада”. Ястребов подчеркивал также, что хотя в Петербургском университете история славян с 1906 г. отделена от других исторических дисциплин (древней истории Востока, всеобщей истории средних веков и нового времени, истории России), но факультет отнес ее лишь к курсовым экзаменам, а не к государственным – как остальные исторические дисциплины¹⁰³. Это высказывание Ястре-

бова свидетельствует о том, что в первые полтора десятилетия XX в. ни общественность, ни университетские круги России не придавали большого значения изучению истории славян в системе высшего образования, чем можно объяснить и тот факт, что Ястребов, специалист высокой квалификации, да и единственный в своем роде, не мог обеспечить себе существования работой только в университете, и вынужден был дополнительно зарабатывать на хлеб другими средствами, в том числе и уроками в гимназии. В 1911 г. он имел 14 лекций в неделю в высших учебных заведениях (в университете, на Высших женских курсах и Историко-литературных курсах Раева), и, кроме того, – еще шесть уроков в неделю в качестве штатного преподавателя гимназии¹⁰⁴. Такая загруженность и была, видимо, одной из причин того, что Ястребов так и не завершил работу над докторской диссертацией, которая была задумана как продолжение магистерской. Да и в целом литературное наследие Ястребова не очень велико.

И все же в одной статье нет возможности полностью проанализировать все написанное Ястребовым по истории славян. В данном случае остановимся только на работах, посвященных чешской истории.

Самой ранней работой Ястребова в этой области было студенческое сочинение “Ян Амос Коменский” (1892). В первом из двух разделов предложен очерк жизни и деятельности великого педагога и анализ его труда “*Didactica magna*”, во втором представлен русский перевод сочинения Коменского “*Informatorium školy mateřinské*”, первых шести глав “Дидактики” и обращения Коменского к чинам Чешского Королевства об устройстве в нем низших, средних и высших школ на новых основаниях. Рецензируя работу Н.В. Ястребова, В.И. Ламанский отмечал ее большие достоинства: основательное знание источников, в том числе трудов Коменского, всестороннее освещение его жизни, самостоятельность оценок, ясность изложения, верный и удачный перевод текстов¹⁰⁵. Награжденная золотой медалью, эта студенческая работа опубликована не была, но на ее основе Ястребов позднее написал статью в энциклопедический словарь¹⁰⁶. В ясной и сжатой форме, как требует характер издания, Ястребов осветил биографию и оценил все наиболее важные произведения Я.А. Коменского, дал классификацию его трудов и указал на их дальнейшую судьбу, в частности – на то, что вплоть до первой половины XIX в. они были забыты, и развитие педагогики проходило без учета гениальных педагогических идей Коменского, что лишь после “открытия” Коменского Раумером эти идеи вошли в европейский оборот. “Громадная, на всех европейских языках литература о Коменском, – отмечает Ястребов, – выяснила тот факт,

что все, сказанное позднейшими педагогами по частям, им было высказано сразу и вместе”. В заключение Ястребов называет Коменского “Колумбом воспитания” и приводит большой список литературы о нем, в том числе русской.

В архивных материалах имеется неопубликованная статья Ястребова “Значение Палацкогo в историографии чешской и славянской”¹⁰⁷. Работа не датирована, но из содержания видно, что она написана, вероятно, в связи со 100-летием со дня рождения Палацкогo, т.е. в 1898 г. Ястребов в начале статьи рассуждает о значении “историзма” для чешского возрождения. По его мнению, в XIX в. чехами сделано в области истории больше, чем в какой-либо другой, и лишь “в последние десятилетия” наблюдается “ослабление историографии, переживающей как бы кризис – ревизию старой чешской школы”. Для понимания значения Палацкогo в чешской историографии, с точки зрения автора статьи, необходимо, с одной стороны, оценить то, что было до Палацкогo, а с другой – что сделано после его смерти. Остановившись далее кратко на трудах Добнера, Пельцла и Добровского, Ястребов приходит к выводу, что “чешская историческая работа до выхода в свет первых значительных трудов Палацкогo представляла малоутешительную картину”, Палацкий же “сам проделал все виды и ступени исторического изучения и сделал то, что в другой стране делается целыми поколениями, хотя работу Палацкогo нельзя представлять творчеством из ничего”: своей методологией он в значительной мере обязан Добровскому, а в области источников и материала исследований – Добровскому, Добнеру и Пельцлу.

Далее подытоживается вклад Палацкогo в дело обеспечения источниковой базы для исследований чешской истории: перечисляются предпринятые им издания документов и других источников, говорится о разыскании их в архивах Чехии и других стран Европы, отмечаются открытия; указано и на работу Палацкогo по вспомогательным историческим дисциплинам, по филологии. Затем характеризуются монографические труды Палацкогo, которые объединены по проблематике в 10 разделов; выражается мнение, что все эти труды стояли “в ближайшей связи” с “делом жизни” Палацкогo, его “Историей чешского народа”. “В основу этой книги, констатирует Ястребов, – положена идея борьбы славянства с немцами на чешской почве или, точнее, восприятия западноевропейской цивилизации в немецкой окраске народом чешским и перерождение славянского строя в течение этого процесса”. Мысль об “обратном процессе”, по мнению Ястребова, у Палацкогo проведена слабее. Ястребов отмечает в книге Палацкогo идеализацию славян как “носителей свободы, равенства и

демократизма”, объясняя ее влиянием И.Г. Гердера. Тезис Палацкого о том, что “центром” истории Чехии является гуситская эпоха, к которой период Пржемысловцев и Люксембургов составляет пролог, а правление Ягеллонов – эпилог, Ястребов сопровождает замечанием, что подобную концепцию развивал еще Гёфлер. Далее русский ученый подчеркивает, что первый том уже устарел и по материалу и по идеям, а в четвертом томе он усматривает идеализацию Палацким личности короля Иржи из Подебрад. Значение же правления Ягеллонов “как начала конца” самостоятельной Чехии понята Палацким, и по мнению Ястребова, очень верно, и “естественно, что Палацкий кончает свою работу 1526 годом, а не 1620-м”.

Оценивая “Историю” Палацкого в целом, Ястребов замечает, что несмотря на устарелость ее первой части, она импонирует своим целостным характером и еще не заменена в Чехии чем-либо другим; что современная чешская историография на основе нового материала поправляет частные ошибки Палацкого и восполняет пробелы. По мнению Ястребова, основные мысли “Истории” имеют конституирующее значение и для общей истории славянства, но, “к сожалению, идея о борьбе или культурном взаимодействии миров славянского и германского не получила достаточного расширения”. Палацкий, по суждению Ястребова, “не поставил чешскую историю в связь с польской и русской”, хотя польский и русский народы были “последовательными”, а в ходе истории – “все более и более совершенными” представителями борьбы с германским миром; “напротив, – подчеркивает Ястребов, – мы замечаем у Палацкого приоритет для Чехии”. В заключение Ястребов отмечает, что общее значение для всей славянской истории имеет и историко-сравнительный метод, рекомендуемый Палацким.

Эти суждения русского ученого не претерпели существенных изменений и впоследствии. В курсе лекций Ястребова 1910/11 учебного года встречаются в целом те же характеристики и замечания о Палацком, лишь с некоторым смещением акцентов и усилением элемента критики. В частности, одним из недостатков “Истории” Палацкого Ястребов теперь называет доверие к Зеленогорской и Краледворской рукописям¹⁰⁸. Добавим, что неопубликованная статья Ястребова была единственной в русской историографии подробной характеристикой Палацкого как историка.

Главные работы Ястребова по чешской истории касаются идеологической стороны гуситского движения, творчества Петра Хельчицкого и истории Общины чешских братьев. Выше уже указано, что Ястребов в процессе исследования материалов об Общине обнаружил трактат *O původu Jednoty Bratrské*, доказал

его принадлежность Яну Благославу и предпринял анализ сведений Благослава, определив их значение, историческую ценность и влияние на последующих историков. Текст трактата и исследование о нем Ястребов опубликовал в 1902 г. в России¹⁰⁹, а также поместил статью о трактате в “Чески часопис хисторицки”¹¹⁰. Исследование продемонстрировало блестящий аналитический талант историка и было новаторским в литературе об Общине. Аргументация Ястребова подробно изложена нами в статье “Община чешских братьев в освещении русской историографии XIX – начала XX вв.”¹¹¹, так что нет необходимости останавливаться на ней здесь. Отметим лишь, что по поводу выводов Ястребова в литературе началась полемика¹¹². Русский ученый убедил научную общественность в правильности своей аргументации¹¹³, и его точка зрения была принята. По замечанию одного из рецензентов, исследование русского историка существенно расширило сведения о Яне Благославе как писателе-историке¹¹⁴. О публикации чешского текста трактата в ОРЯС Я. Бидло много лет спустя заметил: “Это издание хотя и не образцовое и не отвечает принятым у нас требованиям к научным изданиям, но в целом удовлетворительное”¹¹⁵. В чем именно публикация Ястребова не отвечала требованиям научных изданий, Я. Бидло не указал. В начале века критика не отмечала подобных недостатков. В 1901 г. Ястребов писал Шахматову, что прежде чем послать “текст Благослава” в Петербург, “долго сверял его по рукописи”¹¹⁶. Отметим, что в упомянутой архивной справке 1920 г., подписанной Я. Бидло, В. Новотным и И. Пекаржем, но написанной рукой Я. Бидло, содержится неточность относительно последовательности публикаций Ястребовым материалов о трактате Благослава. Как уже говорилось, полный разбор произведения и публикация текста были подготовлены в первую очередь для издания в России, а потом на основе этого материала составлена статья для журнала “Чески часопис хисторицки”; в указанном же документе начальным вариантом представлен чешский, а вторичным – русский.

Главнейшие работы Н.В. Ястребова касаются Петра Хельчицкого. Именно исследование его жизни и деятельности, открытие его сочинений и их анализ явились вкладом Ястребова в науку, в изучение истории гуситской мысли. Подробный разбор этих работ Ястребова предложен нами в статье “Петр Хельчицкий в освещении русской дореволюционной историографии”¹¹⁷, поэтому здесь остановимся лишь на некоторых сторонах проблемы. Первой работой Ястребова о Хельчицком был “Очерк жизни и литературной деятельности Петра Хельчицкого” (1895)¹¹⁸, основанный на анализе опубликованных к тому време-

ни сочинений мыслителя и литературы о нем. Хотя автор был еще совсем молод, относить эту работу к “студенческим”, как это делает В. Францев¹¹⁹, нельзя: Ястребов уже окончил университет и имел определенный опыт литературных публикаций. Впрочем, верно и суждение чешской критики, что в этой статье Ястребов во многом зависит от Я. Голла и не вносит в изучение Хельчицкого ничего нового¹²⁰. Позднее и сам Ястребов пересмотрел многие выводы этой статьи. И все же Я. Бидло оценил статью еще ниже, чем она того заслуживает, объявив, что она “в общем повторяет имеющуюся литературу по этому вопросу, особенно работу Голла и статью Новотного из Оттова научного словаря”¹²¹, ведь в другой чешской критике прямо указывалось, что Ястребов хорошо знал работы не только Я. Голла, но и Шульца и его предшественников, а также все публикации сочинений Хельчицкого; было даже отмечено, что Ястребов “расширяет выводы Голла”¹²².

В 1904 г. Ястребов опубликовал трактат Хельчицкого “O trogiem lidu” (введение, чешский текст и русский перевод)¹²³. Трактат уже был известен ученым, и Я. Голл уже высказывал предположение об авторстве Хельчицкого, но Ястребов убедительно доказал это предположение на основе сопоставления ряда отрывков трактата и других сочинений Хельчицкого. Еще через два года русский ученый опубликовал статью “Хельчицкий и Гус, очерк по истории гуситской мысли”¹²⁴, где решал вопрос о личных контактах между обоими мыслителями на основе анализа их сочинений, показывал, как Хельчицкий черпал идеи из творчества Гуса. Ястребов отметил, что в ряде вопросов Хельчицкий сознательно отходил от учения Гуса, был более критичным и самостоятельным. Такое суждение о взаимоотношении двух теологов было новым, как и сам предмет исследования, к которому ранее никто специально не обращался.

Крупнейшим же сочинением Ястребова была книга “Этюды о Петре Хельчицком и его времени (из истории гуситской мысли)” (СПб., 1908. Вып. 1), признанная выдающейся не только в русской, но и в чешской литературе. Русская критика встретила работу с восторгом. Отмечалось глубокое и всестороннее знание рукописной источниковой базы книги, учет всей литературы, глубокий исследовательский метод работы, убедительность аргументации, обоснованность и оригинальность суждений. Российская Академия наук присудила Ястребову за “Этюды” Уваровскую премию¹²⁵. Чешская критика тоже приветствовала труд. Наиболее квалифицированный, обстоятельный и объективный разбор был предложен К. Крофтой¹²⁶, который прежде всего отмечал, что книга существенно обогатила наши знания о Хельчиц-

ком и его времени. Важным достоинством работы Ястребова Крофта считал, что в ней “нет и следа” от теории русских историков о связи гуситства с “кирилломефодиевством” и православием, другой положительный момент – в доскональности знания автором чешской истории, ее источников и литературы, чешских отношений, реалий и лиц, благодаря чему читателю представляется, что автор вырос в чешской научной атмосфере¹²⁷. Крофта подробно разобрал каждую часть работы, высказал ряд возражений и соображений по узкоспециальным вопросам и в заключение отметил, что со времен работ Голла о Хельчицком и Общине ни одно сочинение не способствовало в такой мере расширению и углублению наших знаний об идейной стороне гусизма, как рецензируемый труд Ястребова¹²⁸.

Квалифицированный и притом восторженный отзыв на книгу Ястребова поместил в газете “Народни Листы” другой большой знаток гуситства В. Флайшганс¹²⁹. Этими двумя рецензиями практически ограничиваются самостоятельные оценки чешскими историками “Этюдов” Ястребова. Более поздние отзывы отличаются буквальным повторением характеристик Крофты со ссылкой на него или даже без упоминания его имени. В числе таких отзывов можно упомянуть статью Я. Славика, отметившего, что работа Ястребова не только превышает все, что написано о гуситском движении в русской литературе, но и не уступает лучшим трудам чешских специалистов¹³⁰. Однако, объединив “Этюды” в одну группу с более ранними работами русских историков П. Васильева и И. Пальмова по признаку отказа от увязывания гусизма с православием, Я. Славик игнорировал весьма существенные отличия методологии Ястребова от взглядов обоих названных ученых, его отход от взгляда на гуситское движение как на чисто религиозное, признание в нем и иных важных факторов. В. Францев лишь повторил мысль К. Крофты об отходе Ястребова от “русских предрассудков”, и что в авторе “Этюдов” нельзя разглядеть “иностранца”¹³¹. Я. Бидло в 1920 г. сформулировал свое мнение о книге также в духе К. Крофты: “Это сочинение, несмотря на некоторые ошибки и пропуски, является очень ценным, его автор весьма способствовал обогащению и углублению наших сведений об идейной стороне гусизма”¹³².

Заключая изложение оценок “Этюдов” Ястребова русской и чешской критикой, можно сделать вывод: признано единодушно важное значение книги для европейской гуситологии. При этом следует подчеркнуть, что ее создание было и плодом тесных научных связей русского исследователя с чешскими историками, о чем он сам говорит в предисловии: «Работы над “Этюдами” протекали для меня в условиях живейшего культурного общения с

представителями чешского народа, исследователями в области родной истории и хранителями письменных памятников этой истории. Я чувствую потребность с благодарностью вспомнить те учреждения и тех людей в Чехии, без содействия которых – и во время пребывания моего в Чехии и после, во время работы на родине – я не мог бы написать своих “Этюдov”: чешский университет в Праге и его профессоров, среди которых на первом месте – не только по содействию в получении книг и рукописей, но и по ученому общению – я должен назвать проф. Я. Голля; пражскую университетскую библиотеку с ее учеными-тружениками библиотечарями гг. Й. Тругляржем, Б. Прусиком и др.; Музей Чешского Королевства с его библиотекой, где гг. библиотекари Патера и Зибрт всегда с такою любезностью предоставляли мне для пользования книги и рукописи; Городской Пражский архив и его главу, дарившего всегда меня своим расположением и советом, почтенного проф. Я. Челяковского; Земский архив Чешского Королевства, его директора Ф. Дворского и д-ра Новачка, его молодых сотрудников, моих обязательных друзей д-ры Крофту, Новака и Кольмана; Святовитскую Капитульную и Митрополичью библиотеки в Праге и о.о. Грубика и Скопца, благодаря которым я мог пользоваться рукописями этих книгохранилищ»¹³³.

Последняя работа Ястребова о гусизме – статья «“Когда написал П.Хельчицкий свою “Реплику против Рокицаны”?»», опубликованная в 1914 г.¹³⁴ В противоположность Я. Голлу, утверждавшему, что сочинение Хельчицкого возникло в 1450 г., Ястребов доказывал, что оно написано в 1433–1435 гг. Биографы русского ученого считают, что эта статья была частью так и не увидевшего свет второго выпуска “Этюдov”¹³⁵. Из других сочинений Ястребова, имеющих отношение к чешским сюжетам, упомянем его статью “Кирилл и Мефодий” в “Русской энциклопедии”¹³⁶. Она интересна прежде всего оценкой деятельности солунских братьев по созданию так называемой “славянской церкви”. Ястребов писал: “После смерти Мефодия 6 апреля 885 г. славянская церковь в Моравии была уничтожена. До 200 учеников Мефодия (клириков) изгнано или продано в рабство в Венецию; народ их не поддержал, и дело Кирилла и Мефодия погибло не только в Моравии, но и вообще у западных славян, которые примкнули к романо-германскому миру”¹³⁷. Таким образом, точка зрения Ястребова исключает теорию “кирилло-мефодиевских остатков” в чешской церкви, которая еще имела хождение в русской литературе начала XX в.

Следует упомянуть еще об одном научном исследовании, непосредственно чешской истории не касающемся, но имевшем прямое отношение к связям Ястребова с чешской научной сре-

дой. Еще в 1899 г. В.И. Ламанский, ходатайствуя о командировке Ястребова за границу, указал на необходимость ознакомиться в Вене с одной греческой рукописью о богомилах, а затем, если Ястребов убедится в ее важности, “сделать из нее выписки” и “заказать списать ее всю для издания” российской Академией наук¹³⁸. Речь шла об “Эпистоле Эвфимия Монаха (Зигавина)”. Ястребов работал над ее текстом в Праге, используя помощь библиотек Чешского музея и Пражского университета. В отчете Ястребова читаем: “В Праге я 1,5 месяца... занимался чтением и списыванием текста неизданной еще Epistoly Ев. Зигавина о богомилах по трем кодексам Венской Придворной библиотеки... любезно высланным для меня в библиотеку Чешского музея... Венские тексты плохи с точки зрения и грамматики и орфографии; это обстоятельство, равно как и небольшие разночтения, вызывают необходимость познакомиться еще с одним известным мне списком – туринским... Несмотря на все хлопоты в течение почти полугода, мне еще не удалось достать этот кодекс через посредство Пражской университетской библиотеки”¹³⁹.

Все же в 1902 г. Ястребову, наконец, прислали из Турина в Прагу нужную ему рукопись, так что он ее изучил и сделал с нее снимки, подготовив к изданию весь текст “Эпистолы”¹⁴⁰. В конце 1907 или начале 1908 г. ученый писал Б.М. Ляпунову: «Теперь печатаю... “Эпистолу” Зигавина о богомилах по списку Туринской рукописи». О подготовке Ястребовым указанного памятника к изданию писал позже П.А. Лавров: “Во время заграничного путешествия Н.В. было списано письмо Монаха Евфимия о богомилах с Туринской рукописи, потом сгоревшей. Он приготавливал его для издания вместе с проф. Г.Ф. Церетели”¹⁴¹. Видимо, издание не состоялось, нам не удалось найти ни публикации, ни упоминаний о ней как вышедшей в свет.

Кроме уже упомянутых статей Ястребова в энциклопедических изданиях, следует еще назвать очерк по истории Польши¹⁴². Я.Бидло в уже цитированном реферате комиссии по избранию Ястребова университетским профессором (1920) писал, что из ряда статей русского ученого в энциклопедиях “заслуживает упоминания особенно его статья о польской истории (под названием Польша), которая повторяет главные учебные книги по польской истории, прежде всего сочинение Бобржинского и Левицкого”¹⁴³.

С такой оценкой нельзя согласиться. К концу XIX в. в русской историографии появилась уже значительная литература по польской истории, причем суждение русских ученых о последней часто не совпадали с заключениями польских исследователей. Ястребов в полной мере учел эти обстоятельства и предложил

читателям энциклопедии самостоятельный и достаточно объективный очерк польской истории, а не “репродукцию” существовавших польских пособий.

Но в целом изложенный материал показывает, что научные успехи Ястребова в области изучения истории Чехии, да и в других областях, были бы невозможны без контактов с чешскими учеными, прежде всего с представителями Пражского университета, без чешских архивов и библиотек и помощи их сотрудников. Понятно, что контакты с чешскими деятелями науки и культуры были особенно интенсивными во время пребывания Ястребова в Чехии, куда он стремился, как только наступали каникулы в русских учебных заведениях. Однако, находясь на родине, Ястребов не прерывал установившихся связей, поддерживая их корреспонденцией¹⁴⁴. К. Крофта вспоминал, что ввиду большой занятости Ястребова его письма к чешским друзьям были редки, но очень сердечны, причем Ястребов обычно писал по-чешски, но “своим особым чешским языком”, с обилием русизмов, “а иногда прямо переходящим в русский”¹⁴⁵. Основными вопросами, которые Ястребов обсуждал в корреспонденции, были специальные исторические проблемы, обмен литературой, информация о книжных новинках, политические события.

По русским меркам конца XIX – начала XX в. Ястребов принадлежал к либеральной интеллигенции, осуждавшей реакционную политику русского самодержавия, желавшей России более прогрессивного общественного строя, однако без революционного вмешательства народных масс. По свидетельству Крофты, политические высказывания Ястребова “бывали весьма сдержанными и осторожными”¹⁴⁶. Но в ряде писем Ястребов был явно откровеннее. Так, весьма любопытны его суждения об австрийском парламенте. В 1900 г. он писал из Вены Ламанскому: “Был в парламенте и разочаровался. Мы у себя дома все это представляем как-то выше, и чище, и серьезнее. Видишь, как эти депутаты слоняются по коридорам, залам и буфету, как перебраниваются и говорят ради крепкого словца; как за кулисами обделяют гешефты! Я, впрочем, думаю, что здешний парламент – худший в Европе (кроме, вероятно, балканских). В Парламенте я почувствовал, что австрийский император и бюрократия знают настоящую цену ему; из всего виденного и слышанного я заключаю так: в любую минуту австрийский император может совсем закрыть его, но не делает этого, ибо Парламент – прекрасная ширма”¹⁴⁷.

Конечно, осуждать австрийский парламент не было еще признаком политического радикализма в начале XX в.; но Ястребов явно осуждал и политику русского правительства, особенно в отношении высшей школы. Так, в письме к А.С. Лаппо-Данилев-

скому из Праги 4/17 мая 1901 г. он замечает: “Думается, что трудно теперь в российских университетах заниматься наукой, когда полгода идет борьба учеников и учителей науки с явной и тайной полицией”. Как известно, на рубеже XIX и XX вв. в России прошла очередная волна студенческих волнений и правительственных репрессий. Ястребов осуждал эти репрессии. “Спасение вижу, – пишет он, – в организации студенчества и профессуры. Но ведь если будут хватать направо и налево (имеются в виду аресты. – Л.Л.), если, положим, новая курсантка сгорит в тюрьме¹⁴⁸, то студенты снова выйдут на Казанскую площадь, да еще организованные!” В другом письме тому же адресату Ястребов осуждает беспомощность российского Министерства народного просвещения в решении важнейших вопросов высшей школы. “Что же оно может делать, кроме писания циркуляров и сочинения программ?”¹⁴⁹ – вопрошает он. Осуждение репрессий против студентов и присоединение к протестам последних против полицейского террора было типично для русской либеральной интеллигенции начала XX в. К. Крофта упоминает об эволюции политических взглядов Н. Ястребова “от глубокого, вероятно, врожденного консерватизма, он развивался к более свободным взглядам”¹⁵⁰. Этому способствовала революционная ситуация в России после ее поражения в русско-японской войне. В период революции 1905–1907 гг. Ястребов пытался вместе с небольшой группой петербургских интеллигентов создать “партию свободомыслящих”, программой которой была бы “свободная критическая мысль”. По своей идеологической позиции “свободомыслящие” являлись политическим “центром”: от левых с их требованиями революции они отличались и по тактике, так как стояли на принципах “эволюции”. Уже в конце 1906 г. партия прекратила свое существование, влившись в группу так называемых “либеральных демократов”¹⁵¹. Политического деятеля из Ястребова не получилось.

Наиболее оживленно обсуждал Ястребов политические вопросы в переписке с Й. Пекаржем. Ученые познакомились в Праге в 1901 г. Они были почти ровесниками, оба стремились участвовать в общественной жизни и публицистике. Пекарж, как известно, с молодости интересовался “славянским Востоком”, обращая особое внимание на события в России, читая русские газеты “Новое время” и “Русское слово”, следя за развитием политических процессов. Когда Ястребов возвратился из командировки в 1902 г. в Петербург, он стал извещать Пекаржа о событиях в России. Так, в марте 1905 г. Ястребов сообщает: «У нас... ситуация анархическая, каждый делает что хочет... Наши газеты, кроме “Новое время”, пишут в самом свободном стиле, темно от всяких проектов и инвектив. Агитация за конституцию идет по всей

империи, но государственная политика, законы и т.д. – прежние, все, как и было. Представляете, каково положение?”¹⁵² Далее Ястребов говорит о прекращении работы университетов: «Все закрыто по всей стране, закрыто не властями, а самими событиями; студенческие сходки вынесли резолюцию о прекращении занятий до 1.IX... Министерство поручило решать вопрос профессорским советам, которые, боясь волнений, голосовали за прекращение лекций до 1.IX. и требовали автономию по примеру Западной Европы... Таким образом, мы не работаем с XII месяца 1904 года... Через неделю начнутся переговоры особой комиссии из чиновников и студентов, представителей земств и городов по поводу “Имперского Совета”... Правительство хочет сохранить “исторический принцип”, но оппозиция требует американскую конституцию. Стоит в повестке рабочий вопрос, а также аграрное движение. Идет война. Будем воевать и дальше. Идет мобилизация...»¹⁵³.

Пекарж ответил Ястребову, что благодарит за известия о русских отношениях, хотя был осведомлен обо всем из русских газет; что он солидарен с газетой “Новое время” и с позицией д-ра Крамаржа, высказанной в газете “Ческа ревию”¹⁵⁴, далее Пекарж выражал понимание того, что русская интеллигенция, включая и Ястребова, смотрит на события в России по-своему, но просил верить чехам, что – как верные друзья России – они желают ей добра, и достаточно информированы о происходящем, чтобы судить правильно¹⁵⁵. Однако Ястребов, видимо, стоял на иных позициях. Во всяком случае, 17 сентября 1906 г. он написал: “Что у нас – можете знать по газетам, только не по продажному (морально) “Новому Времени”». В конце 1905 г. Ястребов извещает Пекаржа: “У нас продолжается революция, только своя, русская... Живем ужасно. Работать тяжело”¹⁵⁶.

Интересны высказывания Пекаржа о русско-японской войне, о том, какого политического устройства он хотел бы для России. “Войну вести должны охотно и до конца: здесь за границей кажется, мы видим лучше, чем Вы дома, что речь о Вашем положении в Европе. От всего сердца желаем Вам также некий разумный и достойный режим, но не желаем Вам конституцию по западноевропейскому образцу; этого Вам желают только недруги”¹⁵⁷. В период революции 1905–1907 гг. Пекарж с живым интересом следил за событиями в России и высказывал Ястребову свое мнение о них. 3 ноября 1905 г. он писал, что сообщения из России читает с затаенным дыханием и принадлежит к тем, “которые не решаются желать Вам приобретения свободы, видя какие элементы имеют у Вас преобладание”. Пекарж полагал, что если в России будет повторено только то, что произошло в Че-

хии в 1848–1849 гг. и даже с еще более тяжелым периодом абсолютизма, то это было бы все же меньшим злом, нежели повторение на Руси французской революции. И далее чешский историк высказывал опасение, что «освобождение евреев приведет к тому, что они в течение 50 лет станут владельцами 1/3 русских земель, что полностью овладеют Вашей промышленностью, журналистикой и интеллигенцией; что, может быть, Россия благодаря талантам и энергии “этого племени” и достигнет огромного экономического прогресса, но тогда славянин будет физически и духовно служить новым господам, а старой Руси больше не будет»¹⁵⁸.

Ястребов не разделял ни взглядов, ни пророчеств своего чешского коллеги. Спустя несколько лет, когда переписка между ними, очевидно, на какое-то время прервалась, русский ученый в письме Я. Голлу не без иронии спрашивал: “А что, друг Пекарж все еще черносотенец?”¹⁵⁹ Сам Ястребов был весьма разочарован исходом революции. В уже цитированном письме без даты (начало 1908 г.) русский ученый иронизирует по поводу политических порядков, установившихся в России: «Вы интересуетесь нашей политической ситуацией. Даю справку. Итак, у нас “конституция” заключается только в наличии Думы; есть там также свобода: 1) слова, т.к. там еще говорят; 2) собраний, ибо Дума еще собирается на заседания; 3) личности, т.к. еще никто из депутатов не арестован (но надеемся, что это произойдет)»¹⁶⁰.

Пережив бурное время буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг., Ястребов не остался в стороне от событий, стремясь своим трудом историка способствовать прогрессу, как он его понимал. Он относил себя к самым решительным противникам подчинения науки политике, но в то же время был убежден в необходимости служения науки политике, точнее – использования политикой “великой работы науки”¹⁶¹. Однако в контактах с чехами Ястребов ограничивался констатацией фактов, как правило, не вдаваясь в их оценку. Исключение составляют письма Пекаржу и, может быть, еще одно сообщение Я. Голлу: “Наше положение хорошо знаете из газет: идем “раком” к 1904–1905 гг.”¹⁶²

Основным же содержанием переписки Ястребова с чешскими учеными являлись вопросы научные. И в этой области наиболее подробные сведения можно почерпнуть из переписки Ястребова с Пекаржем. Оба ученых извещали друг друга о научной и педагогической работе. Пекарж сообщал, например, о намерении опубликовать статью о Христиане и чешских легендах “для венских Mittheilungen”, о подготовке к полемике с Шреуером о чешских преданиях, выпуске очередного номера ССН, исправле-

нии своих литографированных лекций по австрийской истории, о предстоящей “в январе и феврале напряженной работе о государственном чешском праве и чешской социальной истории”¹⁶³. В другом письме Пекарж сообщает, что печатает “вторую часть своей работы”, в которой предлагает анализ “легенды Христиана”¹⁶⁴. В свою очередь, и русский ученый извещает Пекаржа, что готовит сборник к юбилею В.И. Ламанского (50 лет научно-педагогической работы), в котором опубликует свою статью “Хельчицкий и Гус”¹⁶⁵, и приглашает Пекаржа принять участие в этом сборнике. Чешский профессор согласился представить статью на тему “Трактовка Палацким чешской истории и перспективы нового подхода к ней”¹⁶⁶, но выполнить этого намерения не смог¹⁶⁷. Ястребов далее извещал о своем намерении представить в ССН «статейку о том, что такое *epilogatio* у Гёфлера, П.рр. 711–724. “Будет против Голла”»¹⁶⁸, – заключает русский историк; но статья в печати не появилась. Для ССН Ястребов написал другую статью – «О мнимой другой редакции “*Původu*” Благодслава»¹⁶⁹, что также обсуждалось в переписке. В частности, Пекарж 3 февраля 1906 г. писал, что “корректурa этой статьи от Ястребова пришла в последнюю минуту и доставила ему много труда, но, надеюсь, осталась в Вашем варианте. Раньше кое-что исправил Голл”.

Ястребов извещал Пекаржа и о том, что много занят педагогической работой, что читает в университете пять лекций в неделю. “Очень много труда с лекциями, – сетует он. – Читаю, между прочим, общий курс истории Чехии – два часа в неделю; а Вы сами знаете, есть ли у Вас, в Чехии, подходящее пособие (особенно не для чехов)”. И далее Ястребов замечает, что ведет также семинарий по “*Chronicon taboritarum*”¹⁷⁰. Для педагогической и научной работы Ястребову требовались различные книги, и он неоднократно обращался к чешскому коллеге с соответствующими просьбами. Так, 16 ноября 1904 г. Ястребов просит “*Codex Friedrichův*” и его “*Památky*”, а также четвертый том “*Praměny*”. “V-й я имею”, – добавляет Ястребов. «Из изданий Академии получил лишь немного... например, мы не имеем палеографических и дипломатических изданий Фридриха... Я хотел бы также иметь “*Archiv*”, “*Snemy*”, “*Diplomatarium*” и другие работы. Заполните слово кому следует»¹⁷¹. И Пекарж обещает походатайствовать о присылке I–IV томов¹⁷², а также о “*Дипломатарии*” и других изданиях, и действительно русский профессор получает необходимые ему пособия. «Благодарю Вас – пишет он 12/25 марта 1905 г., – я получил “*Cod.diplomaticus*”. Но “*Praměny*” и палеографические таблицы еще до сих пор не получил». В дальнейшем Ястребов обращается к Пекаржу с просьбой прислать

оттиск статьи о Я. Голле из “Ческе ревю” (№ 1) и сообщает, что вообще хотел бы получать регулярно этот журнал с тем, чтобы оплачивать пересылку сообщениями о его содержании в русских изданиях¹⁷³. Постоянно получал Ястребов от Пекаржа издававшийся последним *ČSN*¹⁷⁴ и ряд других публикаций. В свою очередь, Ястребов посылал коллеге русские книги: сочинения историка В.О. Ключевского (по русской истории)¹⁷⁵, комплект “Записок” историко-филологического факультета Петербургского университета¹⁷⁶ для исторического семинария Пражского университета. Особенно долго добивался Пекарж получения от русского профессора Н.К. Никольского отпечатанного текста вновь открытых весьма важных кирилловских рукописей жития св. Вацлава (так называемой “легенды Никольского”). Пекаржу как автору работы “Die Wenzels- und Ludmila-Legenden und die Echtheit Christianus” (Прага, 1906) необходимо было познакомиться с новыми вариантами святовацлавских легенд; но Никольский печатал свой труд медленно, и Пекарж сначала получил от него лишь 1 и 3-й листы¹⁷⁷.

Из переписки Ястребова и Пекаржа следует, что русский ученый посылал чешскому “Сборник, вып. 1”, что в данном случае означает сборник под названием “Статьи по славяноведению”, (под ред. В.И. Ламанского, СПб., 1904. Вып. 1). Книга была необходима для работы руководимого П. Пекаржем исторического семинара¹⁷⁸. Чешский профессор, как видно из переписки, рассылал в Россию экземпляры *ČSN*, но не встретил понимания у русского общества. 3 февраля 1906 г. он сообщает Ястребову, что высылал свой журнал в течение 1905 г. русскому Обществу любителей древней письменности, но не получил никакого ответа, как, впрочем, и еще от пяти русских адресатов. “Rossija i Slavjane!” – с горечью резюмирует Пекарж.

Коллеги также информировали друг друга о научных новостях, представлявших взаимный интерес. Так, Ястребов сообщал, что П.А. Лавров нашел на Афоне Проложное житие Наума (ученика Мефодия), и что автор жития говорит о себе как о человеке X столетия. Эту дату Ястребов считал, судя по языку, вполне возможной, но добавлял, что список представляет собой сербскую редакцию XV в. Приведя отрывок текста жития, Ястребов выражает мнение, что было бы интересно сравнить этот отрывок с соответствующим текстом пекаржовских изданий¹⁷⁹. В переписке Ястребова и Пекаржа затронут и ряд мелких вопросов. Так, в связи с предстоящим 50-летием педагогической и научной деятельности В.И. Ламанского Ястребов просит своего корреспондента дать об этом информацию в чешских газетах¹⁸⁰. Пекарж отвечал согласием, но просил Ястребова самого написать

для публикации соответствующую статью, ибо, как выразился Пекарж, “боюсь, что здесь мало кто знает что-либо хорошего и полезного”¹⁸¹.

В ряде писем Н. Ястребов интересуется творчеством К. Крофты, И. Шусты, Я. Бидло, Я. Голла (с К. Крофтой Ястребов, вероятно, тоже имел переписку, однако писем обнаружить пока не удалось). Пекарж сообщал Ястребову и о служебных и о личных новостях общих знакомых: женился Крофта, стал экстраординарным профессором Шуста, то же и Бидло, в профессорское достоинство введен Новотный, женился Бидло, Голл стал *dvorním radou*, а сам Пекарж – ординарным профессором¹⁸². Выполнял Пекарж и отдельные поручения Ястребова. 3 февраля 1906 г. чешский ученый сообщает, что получил письмо Ястребова для Масарика и сразу же передал последнему. В общем, приведенные сведения из анализируемой корреспонденции свидетельствуют о том, что ученые были в близких, дружеских отношениях. Несмотря на различия в политических взглядах, Пекарж и Ястребов имели много общего, их объединял интерес к исторической науке как к жизненному призванию. Очевидно, что контакты были полезными. Вероятно, Ястребов дружил и с другими чешскими деятелями, особенно с теми учениками Я. Голла, которых знал со времен посещения его семинара. Однако прямых свидетельств об этих отношениях нет.

Ястребов высоко ценил и уважал профессора Я. Голла. Возрастная разница, вероятно, не позволяла установить с ним столь же близкие отношения, как со сверстниками – нам известно лишь одно письмо Ястребова к знаменитому чешскому историку. Видимо, даже если не все письма сохранились, корреспонденция в принципе не могла быть особенно обширной. Но об отношении Ястребова к Голлу свидетельствуют его письма к другим адресатам. Так, 17 сентября 1906 г. русский историк просит Пекаржа передать профессору Голлу приветствие по случаю юбилея последнего и добавляет: “Я ведь очень чту его работы”. Одновременно Ястребов передает благодарность Я. Бидло за присылку сборника в честь Я. Голла. Уже упоминавшаяся статья о Я. Голле в журнале “Ческа ревию” была Ястребову необходима потому, что он собирался сделать о чешском корифее сообщение в историческом обществе Петербургского университета¹⁸³. Но, Я. Голлу принадлежит и инициатива избрания Ястребова в члены-корреспонденты Королевского общества наук в Праге, о чем свидетельствует письмо Ястребова к маститому ученому, где, кроме того, русский историк, ссылаясь на разговор между ним и Я. Голлом в Праге в июле 1909 г., сообщает о своих последних научных публикациях и педагогической деятельности¹⁸⁴. Весь тон письма свидетельствует

о том, что отношения между корреспондентами были достаточно сердечны. Тот факт, что Ястребов был избран в Королевское общество наук по предложению Я. Голла, подтверждается и документально. Именно Голлом составлена соответствующая рекомендация и характеристика¹⁸⁵, на основании которых 12 января 1910 г. состоялось избрание русского историка¹⁸⁶.

У Ястребова сложились хорошие отношения также с профессором права Яромиром Челаковским. Как уже говорилось, в 1901 г. Челаковский, в то время директор Пражского городского архива, оказывал молодому русскому исследователю существенную помощь в архивных изысканиях. Впоследствии Ястребов пригласил Челаковского участвовать в одном из сборников в честь В.И.Ламанского, о чем свидетельствует письмо от 24 октября 1904 г., где Ястребов извещает чешского ученого: “Ваша ценная статья для Сборника в честь В.И. Ламанского уже набрана и сейчас находится в корректуре; для ускорения работы мы с проф. Лавровым решили не посылать Вам Вашу статью для корректуры. Думаю, что Вы не будете за это гневаться на нас”¹⁸⁷.

Ястребов знаком был также с Т.Г. Масариком, причем, возможно, что этот вопрос заслуживает специального исследования. По материалам, имеющимся в нашем распоряжении, можно сделать вывод, что русский ученый уже в начале XX в. интересовался политической деятельностью Т.Г. Масарика, его публицистикой и отношением к России. Имеется любопытное письмо Ястребова Масарику 1901 г., извещающее, что Ястребов не имеет никакого отношения к статье в журнале “Славянский век”, комментирующей одну из речей Масарика¹⁸⁸. Русскому профессору импонировала программа Масарика по политическим вопросам. Как уже указывалось выше, Ястребов в период революции 1905–1907 гг. был членом “партии свободомыслящих”. Считая, что положения программы этой партии находятся в близкой связи с идеями, лежащими в основе некоторых работ Масарика, руководство названной партии приняло решение издать на русском языке XIII и XIV главы из книги “Otázka socialní. Zaklady marxizmu sociologické a filosofické” (Прага, 1898) тогдашнего профессора Пражского университета. Обе главы сочинения Масарика вышли в Петербурге в 1906 г. в виде брошюр под названиями “Революция или эволюция?” и “Марксизм и парламентаризм”. Редакция перевода и пополнение указанной литературы в обеих главах были осуществлены Ястребовым¹⁸⁹. Через него же, вероятно, шли и все контакты “партии свободомыслящих с профессором Масариком.

Связующим звеном отношений между Масариком и Ястребовым мог служить и их общий интерес к чешской истории; роль

Масарика в разоблачении фальсификатов В. Ганки общеизвестна, имеются и другие свидетельства его внимания к прошлому чешского народа. Естественно, что знаменитого пражского ученого Ястребова решил привлечь и к сотрудничеству в “Русской энциклопедии”, где являлся редактором славянского отдела. В 1911 г. русский ученый и обратился к Масарику с просьбой “дать... статью об истории чешского народа с 1848 г. до наших дней (3 страницы, 14 000 букв), т.е. обрисовать главнейшие линии эволюции экономической, социальной, политической и культурной (детали у нас будут под отдельными словами, напр., Палацкий, Ригер, младочехи и т.д.) ... Статья нужна будет года через два, – продолжал Ястребов. – Зная Ваши работы, я уверен, что никто из чехов не даст такого объективного и существенного очерка, как Вы. Вполне рассчитываю на Ваше согласие и жду скорого ответа”¹⁹⁰. Однако Масарик, сославшись на болезнь, отказался от написания предложенной статьи¹⁹¹.

Ястребов имел оживленные контакты и с сотрудниками библиотеки Пражского университета, прежде всего с доктором Зд. Тоболкой. В 1903 г. Ястребов предложил Тоболке принять участие в составлении карточек для издававшейся российской Академией наук “Славянской библиографии”. Ястребов играл в этом мероприятии роль организатора¹⁹². Тоболка ответил согласием¹⁹³, и дальнейшая переписка касалась пересылки карточек, содержала указания Ястребова на издания, из которых следовало брать сведения о славистических сочинениях¹⁹⁴, оценку качества присланных Тоболкой материалов¹⁹⁵ и т.п. Иногда Ястребов обращался к пражскому библиотекарю также с просьбами выслать или приобрести ту или иную книгу¹⁹⁶. Тоболка работал для петербургской “Славянской библиографии” совместно с Борживоем Прусиком¹⁹⁷, которому Ястребов тоже посылал рекомендации по поводу составления карточек и т.п.

Далее Ястребов состоял в контакте с Чешской академией Франца Йосифа. Так, в 1902 г. он обратился с просьбой, чтобы ему были присланы публикации I отделения. К письму приложен список – 12 названий чешских книг. На письме имеется приписка о том, что запрошенная литература Ястребову передана 17 апреля 1902 г.¹⁹⁸

Переписывался Ястребов и с профессором славянской филологии Пражского университета Иржи Поливкой¹⁹⁹. В одном из писем он, в частности, интересовался вопросом о созыве съезда славистов в Праге в 1912 г. Тон письма подтверждает, что корреспонденты были хорошо знакомы друг с другом, но других сведений об их контактах нам разыскать не удалось. Писал Ястребов также Ад. Патере²⁰⁰ и Й. Голечку²⁰¹.

Ястребов способствовал развитию чешско-русских связей и устройству различных научных дел для некоторых чехов. Так, по просьбе Челаковского Н. Ястребов обратился к А.С. Лаппо-Данилевскому за консультацией по литературе на русском языке, касающейся муниципального строя²⁰². Затем, Ястребов принимал участие в поисках рукописи земского архивариуса Чешского Королевства Франтишка Дворского, который в 80-х годах выслал в Археографическую комиссию российской Академии наук текст переписки тайных иезуитов, проживавших в Москве в XVII–XVIII вв.²⁰³ “Рукопись уже печаталась, – пояснял Ястребов, – но умер Коялович, который занимался этим делом, и все остановилось. В 90-х годах подготовка к печати возобновилась, но приостановилась опять” (письмо от 4/17 мая 1901 г.). Результаты этих поисков, предпринятых по просьбе Дворского, не выяснены.

Затем Ястребов хлопотал об издании в России сочинений Хельчицкого²⁰⁴, но ввиду недостатка денежных средств они опубликованы не были.

Ученый информировал также русскую общественность о культурной и научной жизни Чехии. В русских журналах он опубликовал свои рецензии на сочинения по чешской истории таких авторов, как Ю. Липперт²⁰⁵, М. Мурко²⁰⁶, Л. Нидерле²⁰⁷, Ф. Тадра²⁰⁸, Я. Голл²⁰⁹, К. Иречек²¹⁰, на сборники статей²¹¹, помещал обзоры чешских научных журналов²¹², писал о Чешской академии²¹³. Все эти материалы отличаются четкостью структуры, глубоким знанием материала, самостоятельностью и оригинальностью суждений.

Подводя итог изложению вопроса о дореволюционных связях Ястребова с Пражским университетом и его профессорами, а также с другими чешскими научными организациями, следует подчеркнуть, что, хотя архивный материал об этих связях плохо сохранился и полной картины не дает, все же ясно, что контакты носили интенсивный, многосторонний и плодотворный характер. По большей части они касались научных проблем, способствуя взаимному обогащению знаний и развитию славяноведения.

В период Первой мировой войны, до 1917 г., Ястребов активно занимался политической публицистикой. Зная внутреннюю жизнь и политические стремления чехов “так хорошо, как мало кто другой из русских” (выражение К. Крофты²¹⁴), Ястребов сочувствовал их борьбе за освобождение от власти Австро-Венгрии и пропагандировал мысль о национальной самостоятельности чешского народа в духе идей Т.Г. Масарика. Эти идеи он проводил в своих лекциях по истории Чехии в Университете и на Вы-

сших женских курсах, а в статьях на страницах газеты “Биржевые ведомости” разъяснял причины и цели чешского национального движения. Он также высказывался за “славянскую политику России”, т.е. за поддержку Россией всех славянских народов (не исключая и поляков). Авторы чешских некрологов Ястребова подчеркивают, что своей деятельностью в период Первой мировой войны Ястребов оказал в России и вообще в политической жизни Европы неоценимую услугу чешскому движению за независимость, что в Чехии Ястребова знали, что в контакте и союзе с ним находились все значительные чешские деятели (как внутри страны, так и прибывшие в Россию), стремившиеся привлечь влиятельных русских лиц на свою сторону²¹⁵.

Октябрьская революция 1917 г. прекратила в России деятельность буржуазных политиков. Революционная перестройка общества создала условия, в которых значительная часть буржуазной интеллигенции не смогла найти себе применения в России. Возникли большие экономические трудности, начались гонения и репрессии против непролетарских элементов. Н.В. Ястребов не принял Октябрьской революции и решил эмигрировать, хотя к этому времени был утвержден профессором Петроградского университета. В 1919 г. он вместе с семьей выехал из Петербурга и под Новый год (1920) прибыл в Прагу²¹⁶. Здесь, после долгих хлопот русский профессор декретом Президента Республики был утвержден ординарным профессором славянской истории Карлова Университета в Праге²¹⁷. Так, Ястребов стал членом исторического семинара, в составе которого тогда были Й. Пекарж, Я. Бидло, Й. Шуста и В. Новотный. Как профессор славянской истории КУ Ястребов начал тогда читать лекции в летнем семестре 1921 г. Их предметом была история болгарского народа²¹⁸. В зимнем семестре 1922/23 учебного года Ястребов читал избранные темы по истории России для чешских студентов и “Происхождение современной Чехии” на русском языке для студентов из числа русских эмигрантов²¹⁹. Кроме того, он вел семинарские занятия по теме “Законник царя Стефана Душана” (объяснительное чтение текста и письменные работы студентов)²²⁰. Но вскоре Ястребов серьезно заболел, был освобожден от лекций на 1923/24 учебный год, и 27 мая 1923 г. он скончался на 54-м году жизни²²¹.

Непродолжительная профессорская деятельность Ястребова в КУ не могла оставить глубоких следов, но его коллеги по историческому семинару были высокого мнения о его лекциях. Я. Бидло писал: “Как и все его работы, лекции и семинарские занятия отличались не только подробным знанием предмета и квалифицированным использованием соответствующей литературы,

но оригинальностью концепций”²²². С этой характеристикой полностью был согласен и К. Крофта²²³.

Обоснованность такой оценки подтверждается единственным известным нам литографированным курсом лекций – “Происхождение современной Чехии, часть I”, читанном на философском факультете КУ в зимнем семестре 1921/22 учебного года на русском языке²²⁴. Эта часть курса посвящалась современности и содержала несколько разделов. В первом из них описывается чехословацкий народ как “этнографическая особь”, приводятся статистические данные о других национальностях республики: русских, поляках, немцах, мадьярах, евреях. Во втором разделе предлагается характеристика “современного чешского народа как производящего и обменивающего экономического организма”, т.е. рассматривается сельское хозяйство, промышленность и торговля, а также пути сообщения. Третий раздел посвящен политическому устройству, современному государственному строю, характеристике учреждений, проблемам внутренней и внешней политики Чехословацкой Республики. В четвертом разделе рассматриваются школа, наука, искусство, литература, религиозные отношения, т.е. дается характеристика чехословацкого народа как “духовно-культурного организма”. При изложении материала профессор нередко обращается к истории, экскурсы в которую способствуют более глубокому пониманию современности, останавливается и на литературе предмета, критически оценивая ее. Курс лекций поражает не только энциклопедическим знанием вопроса, но и трезвостью и объективностью изложения явлений. Считая Чехословацкую Республику тем идеалом свободного государства, к которому чехи стремились столетиями, Ястребов указывает и на трудности развития государства, противоречия и недочеты во внутренней политике.

Что касается научной работы Ястребова, то в эмиграции он опубликовал лишь несколько статей в газетах, выступал с предложениями о помощи русским ученым, которые, по его мнению, погибали в Советской России²²⁵, а также о путях организации обучения в Чехословакии русских студентов-эмигрантов²²⁶. В газете “Народни листы” Ястребов опубликовал некролог об академике А.А. Шахматове, умершем в Петрограде в 1920 г.²²⁷

Оценивая творчество Ястребова в целом, следует подчеркнуть, что он относится к числу выдающихся русских славистов. В области исследования чешской истории ему принадлежит лучшее из того, что было создано в русской дореволюционной историографии. После смерти он был забыт в России, да и чешское общество, как отметил К. Крофта, встретило весть о смерти Ястребова равнодушно.

- ¹ *Bidlo J. Nikolai Vladimirovič Jastrebov* // *Tribuna* 1923. 23 мая. (Далее: J.B. Tr.); *Sh. N.V. Jastrebov zemřel. Lidove Noviny* // *Brno*. 1923. 23 мая. (Далее: Sh.); *Славик Я. Николай Владимирович Ястребов* // *Slavia*. 1923–1924. Ročník II. (Далее: Sl.)
- ² *Krofta K. N.V. Jastrebov*. 17. Kvetna, 1923. ČSN. R. 29. 1923. (Далее: Kr. 1923).
- ³ См. об этом: *Universita Karlova v Praze v roce 1922–1923. Zprava o studijním roku 1922–1923*. (Далее: Fr.)
- ⁴ *Лавров П.А. Н.В. Ястребов и его ученая и преподавательская деятельность* // Изв. Отд. русского языка и словесности Российской академии наук. 1923. Л., 1924. Т. 28. (Далее: Лавр. 1924). С. 441–444.
- ⁵ *Jastrebov N.V. Ottův slovník naučný Nové doby*. Praha, 1934. D. III, sv. 1.
- ⁶ *Славяноведение в дореволюционной России: Библиограф. словарь*. М., 1979. С. 386–387.
- ⁷ *Ruský historik N.V. Jastrebov (1869–1923) a jeho styky s Čechami a Pražskou universitou* // *Akta Universitatis Carolinae. Historia Universitatis Carolinae Pragensis*. 1989. T.XXIX. Fasc. 1. P. 13–52; *Историк-славист Николай Владимирович Ястребов (1869–1923)* // *Биография исследователя как жанр славистики: сб. науч. трудов*. Тверь, 1991. С. 65–81; *Ястребов Николай Владимирович* // *Историки России. Биографии*. М., 2001. С. 479–484.
- ⁸ *Лантева Л.П. Петр Хельчицкий в освещении русской дореволюционной историографии XIX – начала XX вв.* // *Folia Historica Bohemica*, Praha, 1985. 9, S. 175–234.
- ⁹ *Лантева Л.П. Община чешских братьев в освещении русской историографии XIX – начала XX вв.* *FNB* 13. Praha, 1990. S. 369–425.
- ¹⁰ *Лантева Л.П. Русская историография гуситского движения...* М., 1978. С. 249–258.
- ¹¹ За истекшие десятилетия со времени работы автора в ряде архивов ЧР некоторые документы уже переданы в другие хранилища. Не имея возможности проследить за этими перемещениями, сошлюсь на те архивы, в которых знакомилась с соответствующими делами.
- ¹² ЛГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16107. Л. 31. Curriculum vitae 1908 г. (Далее: Cur. vi.). См.: Там же. Т. 3. Д. 16332. Л. 252–259. Формулярный список о службе Ястребова 1918 г. (Далее: Форм. сп. 1918).
- ¹³ ЛГИА. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1028 (аттестат об окончании Ястребовым Костромской духовной семинарии).
- ¹⁴ Cur. vi.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 205. Л. 46а (записка В.И.Ламанского в историко-филологический факультет Петербургского университета 29 сентября 1901 г.). (Далее: Лам. Зап. 1901).
- ¹⁶ *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. СПб., 1895. Т. XVа. С. 826–830.
- ¹⁷ ЛГИА. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1028. Л. 2 (диплом об окончании университета).
- ¹⁸ Cur. vi.; Форм. сп. 1918.
- ¹⁹ См.: ЖМНП. 1895. № 12. С. 224–250.
- ²⁰ О ней упомянуто лишь в Форм. сп. 1918 (даже в Cur.vi. указаний на командировку нет).
- ²¹ Cur.vi.; Форм. сп. 1918.
- ²² См.: Лам.Зап. 1901. В 1900 г. в российское Министерство народного просвещения было направлено ходатайство об учреждении в университетах второй славянистической кафедры, а именно – кафедры истории славянских народов; надеясь на ее открытие, Петербургский университет и готовил соответствующего специалиста. Однако кафедра так и не была создана.

- 23 Подробнее см.: *Лантева Л.П.* Развитие славяноведения в России с 90-х годов XIX в. по 1917 г. // *История на славистиката от края на XIX и начало на XX век.* София, 1981. С. 36.
- 24 РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 70. Л. 3–7.
- 25 См. упомянутый аттестат об окончании семинарии.
- 26 Ястребов – А.А.Шахматову 18 марта 1900 г. из Вены. См.: ПФАРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 1783 (все упоминаемые ниже письма Ястребова Шахматову из того же фонда).
- 27 Ястребов – Ламанскому 8/20 февраля 1900 г. из Вены. См.: ПФАРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1635 (все ниже упоминаемые письма Ястребова Ламанскому из того же фонда).
- 28 Ястребов – Шахматову 18 марта 1900 г. из Вены.
- 29 Ястребов – Ламанскому 20 февраля/4 марта 1900 г. из Вены.
- 30 Ястребов – Ламанскому 8/20 февраля 1900 г. из Вены.
- 31 Ястребов – Ламанскому 2 марта 1900 г. из Вены.
- 32 Ястребов – Шахматову 18 марта 1900 г. из Вены.
- 33 РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 219 (документация о результатах командировки Ястребова).
- 34 *Ястребов Н.* Отчет о командировке за период с 1-го окт. 1900 по 1-е окт. 1901 г. // *Сборник Отд. русского языка и словесности АН.* 1902. Т. 71. С. 73–77. (Далее: Я., Отчет 1900–1901).
- 35 Ястребов – Ламанскому 2 марта 1900 г. из Вены.
- 36 Ястребов – Б.М. Ляпунову 26 февраля 1908 г. См.: ПФАРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 364 (упоминаемые ниже письма Ястребова Ляпунову – из того же фонда).
- 37 Ястребов – Ламанскому 20 февраля/4 марта 1900 г. из Вены.
- 38 Лам. Зап. 1901.
- 39 Иречек – Ламанскому 30 марта/12 апреля 1900 г. из Вены (на рус. яз.). Опубл.: *Документы к истории славяноведения в России (1850–1912).* М.; Л., 1949. С. 202.
- 40 РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 219 (выписка из журнала Ученого комитета Министерства народного просвещения 28 января 1902 г.).
- 41 Ястребов – Ламанскому 2 марта 1900 г. из Вены.
- 42 Ястребов – Ламанскому 20 февраля /4 марта 1900 г. из Вены.
- 43 Там же.
- 44 Ястребов – Ламанскому 2 марта 1900 г.
- 45 Ястребов – Ламанскому 20 февраля /4 марта 1900 г.
- 46 Ястребов – А.С. Лаппо-Данилевскому 26 февраля 1900 г. См.: ПФАРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 354 (прочие письма Ястребова Лаппо-Данилевскому хранятся здесь же).
- 47 Я., Отчет 1900–1901. С. 73.
- 48 РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 21 (выписка из журнала Ученого комитета Министерства народного просвещения, 28 января 1901 г.).
- 49 Там же.
- 50 Ястребов – Лаппо-Данилевскому 4/17 мая 1901 г. из Праги.
- 51 Кг. 1923.
- 52 Я., Отчет 1900–1901. С. 75.
- 53 Кг. 1923; Фг.; J. В.-Тг. .
- 54 Я., Отчет 1900–1901. С. 77.
- 55 РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1087 (записка П.А. Лаврова о трудах Ястребова, 1914 г. (Далее: Лавр., 1914). Л. 197.
- 56 J.В.-Тг.
- 57 Я., Отчет 1900–1901. С. 75.

- 58 Там же. С. 76–77; Ястребов – Лаппо-Данилевскому.
- 59 Октябрь 1901 г.
- 60 *Ястребов Н.* Отчет о занятиях в 1902 г. // Сборник Отд. русского языка и словесности АН. СПб., 1903. Т. 74. (Далее: Я., Отчет 1902). С. III.
- 61 Я., Отчет 1902. С. 112–114.
- 62 Я., Отчет 1900–1901. С. 76.
- 63 РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 205. Л. 46а, 88 (ходатайство Ламанского и извещение попечителя Петербургского учебного округа о продлении срока командировки).
- 64 Я., Отчет 1900–1901. С. 77.
- 65 Ястребов – Шахматову 20 сентября 1901 г. из Праги.
- 66 *Ястребов Н.* Галиция накануне великой войны 1914 г. Пг., 1915. 146 с.
- 67 Я., Отчет 1902. С. 113.
- 68 Сиг.vi.; Форм. сп. 1918.
- 69 Там же.
- 70 Отчет о командировке приват-доцента Петербургского университета Н. Ястребова см.: Сборник Отд. русского языка и словесности АН. СПб., 1908. Т. 84. (Далее: Я., Отчет 1907). С. 67–68.
- 71 ЛГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16107. Л. 16; Форм. сп. 1918.
- 72 ЛГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16107. Л. 23 (протокол собрания исторического факультета Петербургского университета 6 сентября 1908 г.).
- 73 Там же. Л. 30 (Журнал публичного собрания историко-филологического факультета 12 октября 1908 г.).
- 74 Форм. сп. 1918. Ястребов утвержден профессором ВЖК 13 января 1909 г.
- 75 Лавр. 1914. Л. 198.
- 76 Там же. Л. 200.
- 77 РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1087. Л. 366, 367.
- 78 Форм. сп. 1918.
- 79 ПФАРАН. Ф. 35. Оп. 4. Д. 119 (ходатайство ректора Второго петроградского университета о разрешении заграничной командировки профессору Ястребову).
- 80 В Форм. сп. 1918 указано, что с 1 ноября 1902 г. Ястребов вел занятия по чешскому языку. О преподавании им польского языка см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1087. Л. 197.
- 81 *Ястребов Н.* Лекции по истории западных славян: студ. записи, просмотренные лектором. 2-е изд., 1910/11 уч. год (литография).
- 82 SI.
- 83 Сведения взяты из письма Н.В. Ястребова П.А. Лаврову без даты (позднее 1912 г.). См.: ПФАРАН. Ф. 284. Оп. 2. Д. 219.
- 84 *Кутшеба С.* Очерк истории общественно-государственного строя Польши / под ред. и с предисл. Н.В. Ястребова. СПб., 1907.
- 85 *Бальцер О.* К истории общественно-государственного строя Польши / пер. под ред. Н.В. Ястребова. Пг., 1908.
- 86 *Грабеньский В.* История польского народа / пер. под ред. Н. Ястребова. СПб., 1910.
- 87 *Ястребов Н.В.* Краткий очерк истории Польши. СПб., 1914; *Он же.* Краткий очерк истории польского народа. Пг., 1915.
- 88 На русском языке издано два перевода: Варшава, 1877 / пер. В.А. Яковлев; Одесса, 1878 / пер. Ф.К. Брун.
- 89 *Погодин А.Л.* История Болгарии. СПб., 1910.
- 90 *Ястребов Н.В.* История болгарского народа. Пг., 1917 (литогр. изд.).
- 91 Цит. по: Лавр. 1914. Л. 198.

- 92 См., например: *Ястребов Н.* Иллиризм // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 19. С. 198–204 и др.
- 93 См.: Лавр. 1914. Л. 197–198.
- 94 Сборник источников по истории жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, апостолов славянских / сост. Н. Ястребов. СПб., 1911.
- 95 Правительственный вестник. 1911. 30 окт.
- 96 Законник Стефана Душана, царя сербов. СПб., 1913.
- 97 Лавр. 1924. С. 444.
- 98 ÚAŠAV f. ČAVU. Acta, 1908. Č. 907. Как видно из писем Ястребова Й. Пекаржу, эта просьба не была выполнена.
- 99 ÚAŠAV f. KČSN. Acta 1907. Č. 57.
- 100 Отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН Украины. Ф. III (Т.Д. Флоринский), № 21681 (Ястребов – Флоринскому 17/30 января 1908 г.).
- 101 Archiv NM v Praze, rozústalost J. Rekaře – Ястребов – Пекаржу без даты (позднее 16/29 января 1908 г., когда было написано предшествующее письмо, на содержание которого есть ссылка в тексте).
- 102 Лавр. 1924. С. 444.
- 103 Ястребов – Лаврову, письмо без даты (после 1912 г.).
- 104 РГИА. Ф. 740. Оп. 645. Л. 2 (заявление Ястребова об отпуске).
- 105 См.: Историческое обозрение: сб. ист. общества при Императорском Санкт-петербургском ун-те. 1893. Т. 6. С. 224–225.
- 106 *Ястребов Н.* Коменский Ян Амос // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. XVа. С. 826–830.
- 107 ПФАРАН. Ф. 35. Оп. 4. № 118.
- 108 *Ястребов Н.* Лекции по истории западных славян, 2-е изд., 1910/11 уч. год. С. 171–174.
- 109 *Ястребов Н.* О původu Jednoty Bratrské a řádu v ní Я. Благослава // Сборник Отд. русского языка и словесности АН СПб., 1902. Т. 71. С. I–XXXV (Введение); 1–46 (текст).
- 110 ČČН. 1902. Roč. VIII. S. 52–68.
- 111 Folia Historica Bohemica 13 // Praha, 1990. S. 369–425.
- 112 См., например: *Schmidt W.* Zur Brüdergeschichte bes Blahoslav // Věstník Král. České společnosti nauk. 1904.
- 113 *Jastrebov N.* O domnělé druhé redakci “Původu” Blahoslava. // ČČН. 1906. Roč. XII. S. 61–69.
- 114 Универс. изв. Киев, 1904. № 9. С. 105.
- 115 Archiv UC, FF, personalia, N.V. Jastrebov-Referát komise, hledící ku jmenování Nikolaje Vladimiroviče Jastrebova universitním profesorem. 1920. (Далее: J.B., 1920).
- 116 Ястребов – Шахматову 6/18 ноября 1901 г. из Праги.
- 117 Folia Historica Bohemica 9. Praha, 1985. S. 175–234.
- 118 ЖМНП. 1895. № 2. С. 224–250.
- 119 Fr.
- 120 ČČН. 1896. Roč. II. S. 53.
- 121 J.B. 1920.
- 122 ČČН, 1896. Roč. II. S. 392.
- 123 *Ястребов Н.* Петра Хельчицкого О trogiem lidu rzec – o duchownich a o swietksuch. Чешский текст с введением и русским переводом // Сборник Отд. русского языка и словесности АН. СПб., 1904. Т. 77 (1903). Прил. 1. С. I–XVI; 1–57.
- 124 Новый сборник статей по славяноведению, сост. и изд. учениками В.И. Ламанского... СПб., 1905. С. 468–490.

- 125 ПФАРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1908 г.). Д. 23, 58 (протокол заседания Комиссии по соисканию Уваровских наград, 11 мая 1909 г.).
- 126 Krofta K. [Рец. на кн.:] *Jastrebov N.J. Studie o Petru Chelčickém a jeho době* // ČSN. 1909. Roč. XV. S. 59–72, 152–178. (Далее: Кр. 1909).
- 127 Кр. 1909. S. 61.
- 128 Кр. 1909. S. 171.
- 129 *Flajšhans V. Ruská věda a hnutí husitské* // *Národní listy*. 1908. Roč. 48. Č. 145, 26. května, s. 1.
- 130 Sl.
- 131 Fr.
- 132 J.V. 1920.
- 133 *Ястребов Н. Этюды...* С. VI–VII.
- 134 См. об этом: Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914. С. 256–251.
- 135 П.А. Лавров в 1914 г. писал, что Ястребов “в настоящее время заканчивает работу над 2-м вып. Этюдов о П. Хельчицком, который должен быть докторской диссертацией Н.В. Ястребова, рассчитывающего осенью приступить к печатанию своего труда” (Лавр. 1914. Л. 200). Однако труд не вышел, и рукопись до сих пор не обнаружена.
- 136 Русская энциклопедия. [СПб., 1912]. Т. 10. С. 74–77.
- 137 Там же. С. 76.
- 138 Инstrukция Ламанского Ястребову 17 ноября 1899. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 70. Л. 4.
- 139 Я., Отчет 1900–1901. С. 75.
- 140 Ястребов – Б.М. Ляпунову (датируется по содержанию письма).
- 141 Лавр. 1924. С. 443.
- 142 *Ястребов Н. Польша* // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. (XXIV), СПб., 1898. Т. 47. С. 427–454.
- 143 J.V. 1920.
- 144 К сожалению, эта корреспонденция плохо сохранилась. Особенно мало дошло до нас писем чешских ученых Ястребову.
- 145 Кр. 1923.
- 146 Ibid.
- 147 Ястребов – Ламанскому 20 февраля/4 марта 1900 г.
- 148 Речь идет о событиях начала 1897 г.: слушательница Высших женских курсов Р.Ветрова подвергла себя самосожжению в Петропавловской крепости в знак протеста против полицейского произвола. 4 марта того же года в петербургском Казанском соборе состоялась панихида с широким участием студентов и некоторых профессоров университета, что вызвало беспокойство правительства. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 555. Л. 200 (секретное письмо министра внутренних дел Капустина министру народного просвещения Делянову от 13 марта 1897 г.).
- 149 Ястребов – Лаппо-Данилевскому 6/19 января 1902 г.
- 150 Кр. 1923.
- 151 См. об этом: Z listů Josefa Pekaře N. VI. Jastrebovovi Úvod a poznámky napsal Sergěj Ragozin. Zvl. Otisk z revue “Řád”. (1940). Roč. VI. Č. 5 (примеч. 3). Упоминаемые ниже письма Пекаржа Ястребову – в этом же издании.
- 152 Archiv NM v Praze. Pozůst. J. Pekaře. Korespondence. Ястребов – Пекаржу 12/25 марта 1905 г. (другие письма Ястребова Пекаржу хранятся в этом же фонде).
- 153 Там же.
- 154 Газета “Новое время” издавалась в Петербурге А.С. Сувориным и претендовала на роль выразителя “парламентских мнений”. В 1905 г. она выступала

за конституцию, но, отвергая тактику левых партий, проповедовала “разумность”, т.е. умеренность в борьбе за избирательное право, фактически же – за ограниченность последнего. В таком же духе высказывался И. Крамарж. Одну из его статей см.: Ruské problémy. Politické reformy // Nová česká revue. 1905.

- 155 Пекарж – Ястребову 29 марта 1905 г.
156 Ястребов – Пекаржу 12/25 декабря 1905 г.
157 Пекарж – Ястребову 10 декабря 1904 г.
158 Пекарж – Ястребову 3 ноября 1905 г.
159 Ястребов – Голлу 20 декабря 1909 г. См.: Archiv ČAV f. Jar. Goll, sig. Пб 1909.
160 Ястребов – Пекаржу без даты.
161 Цит. по: Sl.
162 Ястребов – Голлу 20 декабря 1909 г.
163 Пекарж – Ястребову 10 декабря 1904 г.
164 Пекарж – Ястребову 5 февраля 1906 г.
165 Ястребов – Пекаржу 16/29 ноября 1904 г.
166 Пекарж – Ястребову 10 декабря 1904 г.
167 Пекарж – Ястребову 3 ноября 1905 г.
168 Ястребов – Пекаржу 16/29 ноября 1904 г.
169 Опубликовано: ČSN.1906. Roč. XII. S. 61–69.
170 Ястребов – Пекаржу 16/29 ноября 1904 г.
171 Ястребов – Пекаржу без даты (конец 1904 г.)
172 Пекарж – Ястребову 10 декабря 1904 г.
173 Ястребов – Пекаржу 17/30 октября 1906 г.
174 Ястребов – Пекаржу 12/25 марта 1905 г.; Пекарж – Ястребову 29 марта 1905 г.
175 Ястребов – Пекаржу 2 октября 1907 г.
176 Ястребов – Пекаржу 16/29 января 1908 г.
177 Пекарж – Ястребову 3 февраля 1906 г. Публикация вышла позже, см.: *Никольский Н.К.* Легенда мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском в славяно-русском переложении. СПб., 1909 (Памятники древней письменности, № 174).
178 Ястребов – Пекаржу 12/25 марта 1905 г.
179 Ястребов – Пекаржу 2/15 октября 1907 г.
180 Ястребов – Пекаржу 16/29 ноября 1904 г.
181 Пекарж – Ястребову 10 декабря 1904 г.
182 Пекарж – Ястребову 3 ноября 1905 г.
183 Ястребов – Пекаржу 17/30 октября 1906 г.
184 Ястребов – Голлу 20 декабря 1909 г.
185 ÚA ČAV f. KČSN. Osobní fascikuly členů. Jastrebov N.V. kart. 18. Navrh na zvolení N.V. Jastrebova dopisujícím členem... “Navrh” написан рукой Я. Голла и удостоверен его подписью. Кроме того, подписались Й. Калоусек и др.
186 ÚA ČAV f. KČSN. Protokoly 1909. Protokol řádné schůze 12. ledna 1910. См. также благодарственное письмо Ястребова обществу от 20 января/2 февраля 1910 г. (Там же).
187 Ястребов – Я.Челаковскому 24 октября 1904 г. См.: LAPNP. Pozůstalost Jar. Čelakovského. Korespondence. Как позднее выяснилось, статья вышла, но отнюдь не вскоре, см.: *Челковский Я.* О началах городского устройства Старого Города Пражского // Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В.И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности. СПб., 1907. Ч. I. С. 189–226 (сборник издан Отделением русского языка и словесности АН и историко-филологическим факультетом Петербургского университета).

- 188 Ястребов – Масарику 23 ноября 1901 г. // Archiv ústavu T.G. Masaryka. Praha, f. 41. Korespondence (здесь же еще одно письмо Ястребова Масарику и ответ последнего).
- 189 См. предисловие к кн.: Проф. Ф.О. Масарик. Начала социалистического общества / Главные вопросы марксистской политики. 1. Революция или эволюция? / пер. под ред. приват-доцента Н.В. Ястребова. Изд. партии свободомыслящих. СПб., 1906. Заметим, что Масарика в России называли в то время “Фомой Осиповичем”.
- 190 Ястребов – Масарику 28 марта 1911 г.
- 191 Масарик – Ястребову без даты.
- 192 Ястребов – Тоболке 9 июня и 5/18 июля 1903 г. См.: LAPNP. Pozúst. Z. Tobolky. Korespondence (здесь же и другие письма Ястребова Тоболке).
- 193 Это следует из письма Ястребова 5/18 июля 1903 г.
- 194 Ястребов – Тоболке 18 октября 1903 г.
- 195 Ястребов – Тоболке 20 февраля и 29 мая 1904 г.
- 196 Ястребов – Тоболке 19 июля 1903 и 15/28 февраля 1904 г.
- 197 Ястребов – Прусику 10 октября и 18 октября 1903 г. См.: LAPNP. Pozúst. Vořivoje Prusika. Korespondence.
- 198 Письмо Ястребова от 7 января 1902 г. См.: Archiv ČAV, f. ČAVU. 1902. Acta 54.
- 199 Ястребов – Поливке 5/18 ноября 1910 г. См.: LAPNP. Pozúst. J.Polívky, koresp. Sig. 82. G. 33.
- 200 Ястребов – Патере 18/31 августа 1900 г. и 16/29 января 1902 г. См.: LAPNP, pozúst. Ad. Patery, guská korespondence. Sig. 21. G. 32.
- 201 Ястребов – Голечку без даты. См.: LAPNP. Pozúst. J. Holečka, korespondence. Sig. 14 B 10.
- 202 Ястребов – Лаппо-Данилевскому 7 октября 1901 г. из Праги.
- 203 Ястребов – Лаппо-Данилевскому 4/17 мая 1901 г. и 6/19 января 1902 г. из Праги.
- 204 Ястребов – Шахматову 16 и 18 декабря 1908 г. См.: ПФАРАН. Ф. 134. Оп. 3, № 1783.
- 205 Ястребов Н. [Рец. на кн.:] *Lippert J. Social-Geschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit.* Prag; Wien; Leipzig, 1896. Bd. I. См.: Журн. Министерства народного просвещения. 1897. № 4. С. 491–513.
- 206 Ястребов Е. [Рец. на кн.:] *Murko Dr.M. Deutsche Einflüsse auf Anfänge der Böhmischen Romantik...* Graz 1897 // Там же. 1897. № 5. С. 221–227.
- 207 Ястребов Н. [Рец. на кн.:] *Niederle Dr.L. O původu slovanů. Studie k slovanským starožitnostem.* V Praze 1896 // Там же. 1897. № 3. С. 254–257.
- 208 Ястребов Н. [Рец. на кн.:] *Kulturní styky Čech s cizinou až do válek husitských.* Sepsal Ferdinand Tadra. V Praze 1897 // Изв. Отд. русского языка и словесности АН, 1898. Т. 3. Кн. 4. С. 1371–1378.
- 209 Ястребов Н. (Рец.): *Goll J. Čechy a prusy ve středověku.* Praha, 1897 // Там же. 1898. Т. 3, кн. 4. С. 1378–1383.
- 210 Ястребов Н. (Рец.): *Jireček C.* Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters. I. Theil. Wien, 1901; Там же. 1902. Т. 7, кн. 3. С. 396–402.
- 211 Ястребов Н. (Рец.): *Památník na oslavu 50-е eteho panovníckého jubilea Jeho Veličenstva císaře a Krále Františka Iosefa I. Vědecký a umělecký rozvoj v národě českém 1848–1898* // ЖМНП. 1899. № 8. С. 533–537.
- 212 *Ястребов Н.* Славяноведение в славянских журналах за 1898 г. // Изв. ОРЯС АН 1899. Т. 4, кн. 2. С. 772–779.
- 213 *Ястребов Н.* Чешская Академия наук // ЖМНП. 1899. № 7. С. 6–16.
- 214 Кг. 1923.
- 215 J.B. – Тг.

- 216 О трудностях своего путешествия, едва не стоившего ему жизни, Ястребов писал Шахматову 22 мая 1920 г. См.: ПФАРАН. Ф. 134. Оп. 3, № 1783.
- 217 AUC. Personalia. N.V.Jastrebov // Ministerstvo školství a nár. osvěty – Universitě Karlově. 20 července 1920.
- 218 AUC. Seznam přednášek, které budou se konati na Universitě Karlově v Praze v letním běhu 1921. S. 39 (печатный материал).
- 219 AUC. Seznam přednášek... v zimním běhu 1922/23. S. 35.
- 220 Там же. С. 36.
- 221 AUC.FF. – официальное извещение факультета от 21 мая 1923 г. о кончине Ястребова и дне его погребения.
- 222 J.B. – Tr.
- 223 Kř. 1923.
- 224 *Ястребов Н.В., проф.* Происхождение современной Чехии. Прага, 1922. Ч. I: Записки студента Сергея Рагозина, отредактированные профессором. 109 с. Экземпляр см.: Slovanska knihovna v Praze. Sig. Č. 5157a (на правах рукописи).
- 225 *Jastrebov N.V.* K otázce pomoci ruským učencům. Národní listy, 1921. Č. 212–213.
- 226 *Jastrebov N.V.* Pro záchranu starší ruské intelligence // Ibid. 1921. Č. 215.
- 227 *Jastrebov N.V.* Akademik a professor A.A. Šachmatov (1864–1920). Zvl. Otisk z časopisu “Národní Listy” v Praze, 1920.

Воспоминания учителей и коллег

О.А. Кучкина

О МОЕМ ОТЦЕ

22 марта 1919 г. в Реввоенсовет фронта, расположившийся в Белебее, небольшом южноуральском городке, вошел подтянутый светловолосый молодой человек с военной выправкой. Ему было 30 лет. Выглядел моложе. Из Реввоенсовета он вышел комиссаром 27-й дивизии. По соседству, в 25-й чапаевской дивизии, комиссарил Дмитрий Фурманов.

Первым делом вновь назначенного стал розыск пропавшей бригады.

Через неделю в Белебей придет известие о его гибели.

Рассказывали разное. Одни слышали, что он убит в бою. Другие – что попал в плен. Третьи – что, попав в плен, застрелился.

“Отделение истории Академии наук СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институт истории СССР АН СССР с глубоким прискорбием извещают, что 30 марта с.г. на 85-м году жизни после продолжительной болезни скончался выдающийся советский ученый-историк, ветеран ленинской партии, активный участник Октябрьской революции и гражданской войны, доктор исторических наук, профессор, член КПСС с 1912 г. Андрей Павлович Кучкин...”

Шел 1973-й год.

Комиссар и ученый – один и тот же человек. Мой отец.

Приносили телеграммы, письма. Подписи: “Красный боец, друг и боевой соратник Андрея Павловича Нижник Емельян Макарович”, “А. Ефремов, доброволец 240-го стрелкового Тверского полка 27-й стрелковой дивизии 5-й Красной Армии”...

Боец Нижник писал: “Выражаю свое глубокое и сердечное соболезнование о кончине бывшего нашего любимого комиссара 27-й Омской дивизии, во главе с которым мы, бойцы ее, в 1919 г. громили Колчака”. Доброволец Ефремов: “Помню, какую теплую отцовскую заботу проявлял наш комиссар Андрей Павлович, давая указания командирам и комиссарам полков дивизии – воевать не числом, а умением, и сохранять жизнь красноармейца. Комиссар не раз говорил: за каждого убитого красноармейца командир и комиссар отвечают. Все красноармейцы-добровольцы 27-й дивизии любили своего комиссара Андрея Павловича Кучкина”.

Прошли годы...

Двадцать лет назад я написала пьесу “Иосиф и Надежда, или Кремлевский театр”, в которой попыталась исследовать характеры Надежды Аллилуевой и Иосифа Сталина. В журнале, где публиковалась пьеса, попросили детские – “сталинские” – фотографии и напечатали. На одной – группа из семи школьников, над ними рукописный плакатик: “Es lebe genosse Stalin!” Так дети учили немецкий.

Помню слезы 5 марта 1953 г. строгой ортодоксальной девочки-отличницы, не сомневавшейся ни в государственных, ни в партийных установках, впрочем нисколько ими и не интересовавшейся. Запойное чтение – содержание жизни: Пушкин и Лермонтов, Толстой и Чехов, Блок и Маяковский, Катаев и Каверин. Но, к тому же, и Дойльд-Михайлик, и Бубеннов, и тьма серых советских писателей. До Ахматовой и Цветаевой, Булгакова и Платонова, не говоря уже о Мандельштаме с Набоковым, надо было дожить и дорасти.

Сменилась эпоха...

Сломалось привычное течение времени.

Дочь красного комиссара, старого большевика, я смотрю на то, что произошло в революцию, в гражданскую войну и далее в XX в., иначе, чем смотрел мой отец, чем смотрела в детстве, отрочестве, юности, и даже в зрелости. Новая информация, новые повороты, совершаемые жизнью, новые составляющие действительности не дают застыть на одной незыблемой константе. Сомнение – двигатель мышления – совершает свою работу. Созидательную или разрушительную? Зависит не только от реаль-

ности, от преобладающего в ней начала, но также и от внутренних критериев, от честности, с какой ведешь разговор с собой.

Свойства эти, в той или иной степени, заложены отцом.

* * *

Он был решительным и мужественным человеком, ответственность принимал на себя, а не перекладывал на кого-то. Ни в своей военной, ни в своей мирной жизни. Созвездием Тухачевского называли ближайших соратников легендарного командарма. В списке созвездия были: Вострецов и Эйхе, Путна и Павлов, Грязнов и Нейман, Корицкий и Азарх, Гайлит и Лапин, Блажевич и Хаханьян, Березовский и Сокк, Кучкин и Гончаров.

Многие – начиная с командарма – репрессированы и убиты.

Среди репрессированных – Сергей Галкин, служивший в той же 27-й дивизии, что и Андрей Кучкин. После публикации в 1988 г. в “Собеседнике” моих записок, озаглавленных “Отец и дочь”, пришло письмо от сына Сергея Галкина – Михаила. Он писал: “Когда вы в своем очерке говорите о помощи, которую А.П. Кучкин оказывал своим друзьям в трудные годы, начиная со сталинских времен, Вы, может быть, подразумевали и моего отца. Если нет, то знайте, что А.П. Кучкин поддерживал моего отца и сыграл большую роль в его реабилитации и восстановлении в партии (мой отец С.Т. Галкин в 1938 г. был арестован и осужден особым совещанием по 58 ст.)...”

Этой истории я не знала. Знала другие. В частности, относившуюся к Сорину.

Из дневника Кучкина: “С 1934 по 1939 г. я руководил сектором Ленина в институте Маркса–Энгельса–Ленина и под моим непосредственным руководством и редакцией происходили за этот период допечатки всех томов Сочинений Ленина”.

Два историка трудились рядом – В. Адоратский и В. Сорин. На собрании, на котором “чистили” Сорина, Кучкин выступил в его защиту, хотя это уже было очень опасно. Защита не помогла: Сорина “вычистили” из партии, убрали из института и арестовали. Кучкина уволили. Каждую ночь он ждал, что за ним придут.

* * *

Но до института Маркса-Энгельса-Ленина далеко...

Пока что в Сибири формируется колчаковское движение. Моего отца как бывшего солдата, участника Первой мировой войны, большевика с 1912 г., мобилизуют на гражданскую войну.

В начале марта 1919 г. Колчак начинает мощное наступление по всему Восточному фронту, как он назывался в Москве, или

Западному, как значился в картах омского правителя. Против 5-й армии “красных” встанет самая сильная армия “белых” – генерала Ханжина. 27-я дивизия вынуждена сражаться с противником, впятеро превосходящим ее по численности. 20 марта, за два дня до назначения нового комиссара, Реввоенсовет фронта отсылает Главкому доклад, в котором ничего не скрывает и не приукрашивает. “Обстановка на фронте 5-й армии, – говорилось в докладе, – сложилась весьма неблагоприятно. Противник глубоко охватил левый фланг 27-й дивизии...”

О докладе Главного командования Красной Армии в центр, в Реввоенсовет Республики, комиссар Кучкин не узнает, держа путь именно на этот левый фланг в поисках пропавшей бригады. Он прочитает документ гораздо позже – уже в качестве историка: “В настоящее время все части 5-й армии отходят, не сражаясь, и отходят всюду, где только обозначается нажим противника”. В документе проанализированы причины неудач. Первая – неопытные командные кадры при хорошо подготовленных и испытанных в боях минувшей мировой войны кадрах Колчака. Вторая – отсутствие дисциплины здесь и строгая военная дисциплина там. Третья – техническая оснащенность там и отсутствие ее здесь. Четвертая – активная пропаганда в тылу. Пример удачной пропаганды – так называемый “воткинский мятеж”, когда на сторону “белых” перешли не какие-то “отсталые” крестьяне, а сознательные заводские рабочие.

Но комиссару и не надо было читать никаких документов. Как, скажем, донесения генерала Ханжина Колчаку еще от 10 марта: “Сопrotивление 5-й армии сломлено”. Или статей в “New York Times” под заголовками: “Разгром красных на востоке”, “Колчак побеждает – дни Советской власти сочтены”. Или секретной телеграммы белогвардейского представителя в Вашингтоне Угета, отосланной в колчаковский МИД чуть позже: “Только что имел продолжительную беседу с Полком о возможности отправки в Сибирь 278 950 ружей...” Это оружие должно было присоединиться к тем сотням тысяч винтовок, сотням миллионов патронов, сотням орудий, тысячам пулеметов, что уже посланы Соединенными Штатами Колчаку. А еще посылали Англия, Франция, Япония, Италия...

Комиссару не требовалось письменных подтверждений того, что он понимал, знал, видел собственными глазами. Колчак прижимал к Волге, до нее оставалось всего километров 60. Рывок – и соединение с Деникиным, после чего обе армии двинутся на Москву. Комиссару говорили, что уже видели эшелоны “белых”, на которых красовалась победоносная надпись: “Курган–Уфа–Москва”.

Получи комиссар приказ о назначении, когда удача улыбалась им, а не противнику, настроение было бы совсем другим. Оно и было другим еще полгода назад, когда командующий 2-й армией Шохин получил распоряжение штурмовать Ижевск, и Кучкин, тогда начальник политотдела армии, был в рядах наступающих. 7 ноября в Совнарком ушла телеграмма: “Доблестные войска 2-й армии шлют горячее поздравление с Великим Октябрем и подносят город Ижевск. Сего числа в 7 часов 40 минут город Ижевск взят штурмом”.

Но ведь и тогда не с победного рапорта начиналось. Им кончилось. А до него – все та же неразбериха, неувязки, слабость частей. Приходилось самоотверженно трудиться, чтобы нарастить силу. Значит, задача остается прежней: взяться за самое трудное звено, чтобы вытянуть всю цепь, – любимый образ комиссара, сопровождавший его жизнь до последнего часа.

Факт потери бригады кажется обескураживающим. А между тем, он был не единственным. Буквально несколькими днями раньше, 16 марта, начштаба соседней 26-й дивизии Матиясевич докладывал начштаба 5-й армии Ермолину: “Что делается к западу от ж.д. – неизвестно, и средств осветить этот район нет. 2-я бригада 26-й дивизии отошла на стерлитамакский тракт, и пребывание ее неизвестно. 2-й Петроградский кавалерийский полк тоже не разыскан. 2-я бригада 27-й дивизии отходит в район Ташлы Ниж. и Верх. И без значительного отдыха совсем небоеспособна. Таким образом, мне командовать нечем, задача, возложенная на меня, исполнена быть не может...”

В тот год на Южном Урале стояли сильные морозы, выпал обильный снег, боевые сводки, помимо данных об убитых и раненых, пестрели сведениями об обмороженных. Зима и не думала отступать. Санний путь комиссара едва не пересекся с вражеской разведкой. Пришлось углубиться в тыл. Остановились в селе, где было неясно, за кого жители – за “красных” или “белых”. Да и жители не знали, чего ждать от этих пришлых. Все опасались друг друга. В ходу были приказы вроде того, что в начале апреля издаст генерал Ханжин: “1. Всем гражданам сел, деревень и станиц немедленно арестовывать и доставлять военным властям всех бунтарей-большевиков и агитаторов[...] 4. Войскам приказываю беспощадными мерами водворить порядок и спокойствие в селах, деревнях и станицах. 5. Жители, которые будут виновны в укрывательстве, участии в восстании или хранении военного оружия, будут расстреляны, а их имущество и дома сожжены”.

Это были не пустые угрозы. Вот свидетельство того времени об Уфе под “белыми”: “В одну ночь все овраги наполнились трупами, много было трупов и на улице. Прежде чем расстреливать, избивали, кололи штыками. У некоторых трупов не было пальцев, видимо, снимали кольца”.

В Белебеевском уезде, куда двигался комиссар, только за месяц с 13 марта по 15 апреля “белые” расстреляют 7 тыс. пленных солдат и 4 тыс. крестьян. В с. Ивановское, в том же уезде, с отрядом белогвардейцев вернется бывший хозяин имения. Он ничего не простит крестьянам. После арестов и пыток расстреляют каждого пятого, а крестьянское село подожгут.

* * *

Крестьянским назывался 241-й полк, один из трех, которые ехал разыскивать Кучкин. Полк был сформирован совсем недавно из крестьян-добровольцев. Где он? Кто в нем верховодит? Против кого направлены его штыки? Могло быть всякое. Все исполнено неизвестности.

29 марта в 3 часа утра в с. Татарская Тумборла, где остановились на ночевку, комиссар был разбужен громким шумом на улице.

Из его записок: “Скрипели полозья, ржали кони, кричали и неистово ругались люди. Я решил, что в деревню вступили белые. Скрипнули ворота. Кто-то стал приближаться к дому. Я выхватил наган и приготовился к защите”.

Оказалось, прибыл батальон 241-го Крестьянского полка. Военный комиссар Панишко доложил обстановку: “Полк был атакован неприятелем с трех сторон. Соседний 242-й Волжский полк отступил, не предупредив нас. Связь с ним и со штабом бригады потеряна. Мы вынуждены были отступить. Противник гнался за нами по пятам”. На вопрос, где командир, Панишко отвечал, что в д. Репьевка, в пяти километрах отсюда. Комиссар задал еще ряд вопросов. Из ответов вытекало, что все не совсем так, а возможно, и совсем не так, как рассказывают. Очень скоро он был в Репьевке. Политкомиссар 2-го батальона Кондратьев заканчивал завтрак, когда ему сообщили, что прибыл комиссар дивизии. Кучкин сходу попросил собрать бойцов. Обрисовав общую обстановку, он начал колючую атаку: не струсил ли бойцы, не заражены ли паникой, подумали ли о других подразделениях, которых, быть может, подвели своим отступлением?

Поднялся крик. “Я доброволец! – распахнув драный полушубок, бил себя кулаком в грудь молодой парень. – Дрался на Укра-

ине! Давно дерусь на этом фронте! Не раз ранен! Никогда дезертиром не был! За что оскорбляешь?”

То, что к комиссару подступали едва ли не с кулаками, его не испугало. Напротив, почти обрадовало. За единодушным порывом батальона ему почудилась сила, которая могла быть гарантией перелома ситуации. Увы. В паре километров показались подводы: с них спрыгнули лыжники и рассыпались цепью. Кто-то крикнул: “Белые! Спасайсь!” Бойцы бросились кто куда. Напрасно комиссар и командиры пытались их остановить. Про лыжников в “белой армии” было известно, что они самый отчаянный народ, и красноармейцы просто-напросто струхнули. Это был классический пример паники.

Когда выяснилось, что подводы принадлежат отходившему обозу 3-й бригады, а “белыми лыжниками” оказалась вереница крестьян, возвращавшихся с крестин из церкви, что располагалась в соседнем селе (они пересекли путь обозу, а издали казалось, что они спрыгивают с подвод), ни один не мог смотреть в глаза другому – настолько было стыдно.

* * *

В первую же свободную минуту комиссар сел за докладную записку в Реввоенсовет армии: “Красноармейцы в беседе заявляли о крайней нужде в кожаной обуви, в белье, просят пополнений, заявляли о неполучении жалованья... о неполучении табака, чая, сахара, масла...” Комиссар понимал, что без сапог и продовольствия много не навоюешь.

Найдя через два дня 242-й Волжский полк, он увидел, что это подразделение не отступает, удерживается на месте, сохраняя между собой и противником расстояние в 4–5 километров, и услышал, как подвел этих молодцов 241-й. “Он отступил, не предупредив нас, и противник зашел во фланг, – рассказал молодой командир полка Александр Зайцев. – Было жарковато”.

Стало быть, комиссар кое-что угадал про настроения 241-го Крестьянского полка.

Поступили сведения, что штаб пропавшей бригады находится в Бугульме.

Комиссар отправляет свою подводу с кучером, бойцом Альшевским, обратно в Белебей, а сам пересаживается на коня и движется в Бугульму. Штаба там не обнаруживает. А ночью распространяется известие, что “белые”, обойдя левый фланг 3-й бригады, приближаются. Началось массовое бегство. Ночной город стал похож на разворошенный муравейник. В уездном военкомате комиссара уговаривали проявить благоразумие: разыскивать в этих усло-

виях штаб бригады – значит непременно попасть под пули “белых”. Кучкин молча покидает военкомат. Он давно знает, что храбрый умирает один раз, а трус – ровно столько, сколько раз встречается с опасностью, и давно решил для себя, что умрет лишь однажды.

Возможно, тогда и разнеслась весть о его гибели.

Спустя два месяца, когда “белых” уже погонят, Кучкин вместе со своим боевым товарищем выедет верхом на большой Мензелинский тракт. Впереди за лесом увидят цепь. Предположив, что это свои, болтающиеся в тылу, Кучкин, подъехав, громко спросит: “Что за часть?” И получит ответ: “Штурмовой егерский полк...” “Белые”. Не моргнув глазом, без малейшей заминки, Кучкин бросит несколько одобрительных слов егерям и повернет обратно. Товарищ последует за ним. По счастью, на них так же, как и на егерях, не было никаких знаков отличия. Это их спасло. Следует добавить, что в это время комиссар испытывал сильное недомогание – у него была очередная вспышка туберкулеза, заработанного в царской армии.

Он нашел разыскиваемый штаб в д. Акбаш.

Толкнул дверь деревянной избы, спросил, кто командир. В записках он так рисует облик комбрига Блажевича: “Небольшого роста, плечи угловатые, гладко причесанные волосы, нос приплюснут, губы растягиваются в слегка виноватую улыбку”. Выниться было в чем. Прежде всего, встал вопрос о связи. “Все отступаем, поэтому и нет связи, – оправдывался Блажевич. – Только остановимся и прикажу натянуть нитку, как снова придется отступать”. Впрочем, выяснилось, что, потеряв связь с начдивом, Блажевич начал получать приказы непосредственно от командарма и выполнял поставленные им задачи. “Именно благодаря его умелому командованию, с одной стороны, и стойкости красноармейцев, с другой, – читаем в записках Кучкина, – Колчаку так и не удалось сбросить бригаду с линии железной дороги, зайти в тыл 5-й армии и уничтожить ее”. Если учесть, что против 3 тысяч, составляющих бригаду Блажевича, действовали 19 лишним тысяч, составляющие 2-й Уфимский корпус “белых”, картина получается впечатляющая. Блажевич, Вострецов, Сокк навсегда останутся для Кучкина товарищами и героями.

Встреча бойцов 241-го Крестьянского полка с политкомдивом 27-й стала для них рубежной. С этого дня они воевали не за страх, а за совесть.

В позднейшем донесении комиссара 3-й бригады Вайнера военкомдиву говорилось: “Части бригады вели бои с противником в течение двух суток... В результате противник был обращен в бегство. Бойцы 241-го Крестьянского полка бросались нагнать его. Они скидывали с себя одежду и обувь...”

Выполнив задание и вернувшись с театра военных действий, комиссар Кучкин напишет 20 апреля 1919 г. приказ № 1 (бумага сохранится в его личном архиве):

“Когда наша армия была под Ново-Троицком и угрожала Златоусту, Колчак собрал в кулак лучшие свои силы и бросил на нашу армию, дабы спасти свое положение, ибо наступал конец его белогвардейским замыслам.

Дрогнули под сильным натиском врага усталые, поредевшие в непрерывных боях наши ряды. Началось отступление.

Этим моментом воспользовались враги Советской власти, проникшие под видом красноармейцев в нашу армию, и начали творить свое гнусное, предательское дело. Их цель – разрушить, деморализовать оплот пролетарской революции – Красную Армию...

Мы обращаемся к вам, товарищи, честным борцам за революцию, с просьбой помогать нам вылавливать преступный элемент и искоренять его из наших рядов. Пора встряхнуться! Пора начать уже оздоровление нашей дивизии, очистку его от негодного, трусливого элемента, дабы скорей перейти от поражения к победе. Победа будет! Колчак со своими бандами будет разбит насмерть – в этом нечего сомневаться!..”

Другое содержание, другая интонация, если сравнивать с приказом “белого” генерала Ханжина.

Но ведь Колчак и был разбит.

История была тогда на стороне “красных”.

Весной 1998 года встал вопрос о реабилитации Колчака.

И не прошел.

Вновь встал в 2004 г.

И опять реабилитация не состоялась.

Не будучи специалистом-историком, не возьмусь во всей полноте судить о проблеме. Как человек, не могу принять ни однозначную правоту “белых”, ни правоту “красных”.

В детстве видела дома страшную фотографию: огромное количество замороженных трупов людей, сложенных штабелями, как дрова. Это то, что колчаковцы сделали с “красными” в Сибири. Думаю, что “красные” делали примерно то же. При этом ни по публикациям, ни по документам, ни по личным дневникам отца не нахожу ни малейших следов жестокости в его поведении. Стало быть, можно было и в бесчеловечных условиях оставаться человеком.

Кто за что сражался в той войне? Чтобы понять это, следует обратиться к началу. Хотя бы тому, которое положила революция. Сперва февральская, потом октябрьская. Ленинская формула: низы не могли, а верхи не хотели жить по-старому. Можно отвергать и Ленина, и его формулу, считая это большевистской правдой. Но вот правда антибольшевистская, высказанная Зинаидой Гиппиус: только революция могла очистить всю накопившуюся грязь. Царь, царские министры, общество в целом довели дело до революции. Ленин воспользовался ситуацией, которую создали другие – важный урок для “других”, любой власти и любого общества.

Мой отец был из бедных крестьян. И не потому, что в его роду все такие ленивцы или дураки. Так сложились обстоятельства, возможно, многовековые. Его отец уже работал на заводе, мой – кузнечил. Путь от кузнеца до ученого-историка сам по себе есть красноречивое отрицание лени или глупости. В руках отца любое дело спорилось, помню это отлично. Но стать, кем он стал, без Октября ему вряд ли удалось бы. Возможно, для страны было бы лучше, оставаясь он при кузнечном деле, зато библиотека Блока не была бы разгромлена, а усадьба не была бы сожжена, зато пара “философских кораблей” не уплыла бы за границу, а навязшее в зубах советское сравнение с 1913 г. никогда бы не стало актуальным. Если б существовал такой прибор, на котором можно все было бы перемерить, перебрать исторические варианты и выбрать наилучший, убеждена: мой отец примкнул бы к этому выбору и принял бы свою судьбу. Хотя, полагаю, он и тогда лично преодолел бы сопротивление среды, и путь его был бы незауряден – под стать уму, воле и характеру. Как известно, история не знает сослагательного наклонения...

“Белые” выражали интересы огромной части населения. Но и “красные” выражали интересы огромной части населения. Мой отец, плоть от плоти народа, как тогда говорилось, по существу, на деле, искренне ощущал эту связь. О его жизни можно говорить как о бескорыстном служении. Вина или беда его, что он попал в *тот переплет истории*, как мы попали в *этом*?

* * *

Выучившегося грамоте деревенского парня 1888 г. рождения послали на фронт. Там он завел свой первый дневничок.

“1914. Военная жизнь. Идем по тракту. На тракте грязь, колокольцы замирают, мелькнула мельница, в растворенные ворота – телега, на ней раскинутый полог. Воет ветер. Кормежка в башкирской деревне. Татарка с девочкой и стариком из Уфим-

ского уезда. Идут на богомолье в Троицк. Осень. Лес раздевается, и печальный мальчик-работник с башкирами – плачет.

1915. Тоскливо в грязном бараке. Иду на улицу. Кругом красивая природа: поля, перерезанные группами леса, вдали смыкаются горы. Ширь, простор. Но тяжело, душно. Робко из-за туч выглядывает солнце. Хмурится серое небо. Вьется полотно железной дороги. То и дело мчатся поезда. И хочется лечь под поезд, так, без желания умереть и жить, с полным равнодушием ко всему.

1916. 15 января. В воинском до Уфы – смотрю с моста. Едут на позицию с 6-недельным образованием. Безусые, цветущие. Не унывают. Спокойные, равнодушные. На смерть идут и как бы не чувствуют дыхания ее, что похоже на баранов, гонимых на бойню. Вот как быстро приспосабливается человек к условиям. Жалкие...

1917. 14 октября. Жизнь тяжела. Та, какую приходится жить в настоящем. Груба, безжалостна действительность. Многие тягостятся, многие плачутся. У многих это связано с материальным состоянием. Но теряется и душа, лучшие ее качества: топчутся, гибнут великие задатки человека... Ах, как бы я хотел разорвать, уничтожить эту действительность”.

Уже здесь в свернутом виде – мотивы, из которых в дальнейшем разовьется не только общая “музыка революции”, как определял это Блок, звавший слушать ее, но и личная “музыка” индивидуального и общественного человека, какому сужден был свой срок на земле.

* * *

Туберкулез, о котором упоминалось, отец станет лечить в Ялте и в Сухуми в конце 1920-х годов. В 1927 г. он будет в ялтинском санатории, когда полуостров сильно потряхнет. О знаменитом крымском землетрясении он напишет исполненную драматизма книжку “Раненый Крым”.

Попытку стать писателем отец предпримет несколько раз в жизни. В его архиве сохранится письмо Серафимовича с характерным отзывом о первой повести “Данилка”:

«Сухум, Санаторий им. Ленина, 1-й корпус белого здания, А. Кучкину от А. Серафимовича, Москва, 1-й Дом Советов, комн. 319.

Здравствуйте, дорогой товарищ! “Данилку” Вашего я прочитал. По-моему, он в “Октябре” не может быть напечатан (это мое личное мнение, в редакцию я не давал читать. Из “Октября” я вышел, и вопрос решит только редакция. Вы мне сообщите, передать ли рукопись в редакцию).

Вот какие недостатки:

Все повествование сосредоточено на одном лице, как будто кругом никого не было, как будто он – в безвоздушном пространстве. Ни товарищей, ни крас-

ноармейцев, ни крестьян. Ни событий. Только в конце обрисован хорошо расстрелявший его Семенов. От этого повесть однообразна, элементарна. Это – просто биография отдельного лица, состоящая из описаний подвигов его. Как биография, она читается с интересом, чувствуется документальность, правда.

Вы все-таки разрешите передать рукопись в “Октябрь” без моего мнения. Быть может, они возьмут – у нас нередко мнения расходились.

Завидую Вам, завидую морю, солнцу, горам. А ехать не могу – так сложилось. Буду жить под Москвой.

Жму руку.

Ваш А.Серафимович.

Рукопись Вашу передал в “Октябрь” без своего отзыва. А.С.».

Повесть “Данилка” не была напечатана. Напечатаны – “Раненый Крым” и “Чевереv”. Обе вещи Серафимович прочел и одобрил.

Из дневников Кучкина:

29 июня 1927 г. Белорецк. Моя рукопись о Чиркове попала в руки Серафимовича. Сказали, что он очень хвалит рукопись и выразил якобы горячее желание познакомиться со мной. По прибытии из Ялты в Москву я был представлен 27 мая Полей Александровой Серафимовичу. Переступаю порог его дома. В маленькой комнатке, забитой кроватью, столом, книгами и пр., сидел старик. Украдкой стал рассматривать его. Внимание приковала лысина, о которой читал накануне в письмах к нему Л. Андреева. Действительно, лысина большая и привлекающая. Лицо – высеченное резцом скульптора. Фигура старика – крепкая. Слушает – не смотрит на собеседника, а – в пол. Узнав, кто и что я, заговорил:

«Когда принесли мне вашу рукопись, я не хотел ее читать тут же, так как было некогда: на заседание надо было. Но открыл первую страницу, взглянул и – не оторвался, пока не прочел всю. На заседание так и не пошел. Хорошо написано... Конечно, машину (теорию литературы) надо знать: вот это – колеса, это – маховик, это – рычаг. Но теорию будешь знать, а работать не сумеешь. Нужна прежде всего практика. Надо посмотреть, как работают и другие. Читайте классиков: Чехова – особенно его, Толстого, Горького, Достоевского. Прочтите Гладкова, Фадеева (очень талантливый), Ляшко – “Доменная печь”, журналы “Красная Новь”, “Новый мир”, “Октябрь”. Критику читайте. На одной теории словесности не выучишься. Учиться надо, например, у Чехова. Читать вдумчиво, смотреть, как строит сочинение, какой стиль... Пишите, не бросайте. Выработаетесь. Но не смотрите на литературную работу как на средство к существованию: беда будет. Пройдет месяц – жрать надо, а денег нет. Ну и будете под дамочловым мечом писать, вытягивать из себя...»

Просил заходить, держать с ним связь, присылать вновь написанное на прочтение.

2 октября. 11-й год революции. Москва. Как необходимо человеку бодрящее слово другого человека! Вот сегодня у меня чрезвычайно хорошее настроение!

Был у Серафимовича. Старик радуется моим успехам (сегодня заключен договор с “ЗИФом” на “Чеверева”). Хвалит мой “Раненый Крым”, попутно указав на недостатки. Настаивает на вступлении членом в ВАПП или МАПП. Я отказался, прося лишь помочь мне проникать на писательские творческие вечера и в кружки, где бы я мог поучиться.

– “А почему вы не хотите в ВАПП?” – с некоторым удивлением спросил он.

– “Я не писатель. Писатель – звание высокое, и его должен носить только тот, кто достоин этого”.

Серафимович: “А когда можно удостоиться звания писателя?”

– “Тогда, когда будет напечатано несколько книг”.

Серафимович: “Сколько?”

– “Ну, штук пять”.

Серафимович: “А четыре?”

– “Можно и на четырех сойтись”.

Серафимович: “А три?”

– “Нет, мало”.

Серафимович: «А одну, да вот такую, как “Тихий Дон»?»

– “А-а-а! Тогда дело другого рода. Тут – качество! У меня же качество плохое, поэтому бью на количество...”

Литература осталась за бортом жизни отца, хотя в конце ее он написал и издал еще одну книгу – “В боях и походах от Волги до Енисея”.

Судьбой стала наука “история”...

А туберкулез хватал за горло неоднократно. В 1941 г., когда началась Великая Отечественная война, он, в свои 53 года, пошел добровольцем на фронт. В первые три дня температура выше сорока, кровь горлом – госпиталь, эвакуация.

Видимо, воевать – в буквальном смысле слова – ему было уже поздно.

* * *

“Я беру стакан воды, потому что то, что хочу сказать, к сожалению, без волнения я сказать не могу. Свое выступление, которое я наметил, в десять минут не могу уложить, но вынужден буду уложиться в десять минут...”

Так начинается стенограмма выступления старшего научного сотрудника Института истории АН СССР, доктора исторических

наук, профессора Андрея Павловича Кучкина на общем институтском собрании 14 марта 1956 г.

В десять минут он не уложился. Одобрительными возгласами из зала речь его поддержали и дали выступать столько, сколько нужно. Он говорил о Сталине, и чувствовалось, как он потрясен. Всех тогда перевернул закрытый доклад Хрущева на XX съезде Коммунистической партии о культе личности Сталина. Это был переворот в мировоззрении сотен тысяч людей. Единицы могли сказать: “А мы знали!” Но даже если знали или догадывались, то молчали. Те, кто хотел оставаться на свободе, должны были выражать согласие с режимом. Несогласные проводили время в других местах или уже не проводили его никак.

Отец говорил: “Вся партия в целом, весь Центральный Комитет партии возвеличивал Сталина. Вся партия виновата в этом, а не только мы, пропагандисты и отдельные лица. Но все равно никакими усилиями нельзя возвеличить человека до положения иконы, если бы дела у него были плохие. Значит, у Сталина дела были такие, за которые народ любил его и отдавал свои жизни. Сталин продолжал дело Ленина. Под его руководством были разгромлены троцкисты, бухаринцы, построен социализм. Все это было. Но, товарищи, было и другое. Всему народу известно, что за этими хорошими качествами Сталина, за тем, что за Сталиным шел народ, – всем известна и та кровавая полоса, тот кровавый хвост, который тянулся за Сталиным. Все мы недоумевали и были огорошены: чем объяснить такое жесточайшее истребление лучших кадров, лучших сынов нашей партии, Родины? Все мы думали: знает ли об этом Сталин? Как враги проникли туда, в НКВД? Неужели неизвестно все это Сталину? И вот, товарищи, на XX съезде партии дан ответ. Я не знаю, товарищи, как на других, а я много ночей не спал, продумывал: как же все то мрачное случилось? Ведь это ужасно, когда весь советский народ, и не только советский народ, а и за границей, говорили: Сталин – знамя, Сталин – честь, Сталин – свет, – и вдруг, как гром среди бела дня... Ведь если прямо, честно, откровенно говорить... то надо назвать Сталина палачом лучших кадров советского народа...”

Следует знать твердость убеждений людей тех лет, воспитанных в *однозначности* режима, чтобы понять, какой внутренней драмой обернулась *иная, многозначная* правда, открывшаяся им. Я говорю о честных людях – не о карьеристах и циниках, каких во все времена хватает.

Оценкой Сталина отец не ограничился.

«Теперь я хочу сказать то, о чем говорят партийцы на ухо друг другу, то, что многие думают, но не осмеливаются сказать, потому что страх крутой расправы, которая была при Сталине,

еще силен среди нас. Что же говорят партийцы друг другу на ухо, что говорят беспартийные массы, что говорит народ? Все они говорят: где же были члены ЦК, члены Президиума? Передо мной тоже встает этот вопрос... На съезде выступали члены ЦК, соратники Ленина, соратники Сталина, но все они, в порядке самокритики, не сказали ни слова, что и мы виноваты... Получилось такое впечатление, как будто бы люди пришли со стороны: “Ничего не знаем, мы новые люди, вот только что познакомились с докладом и убедились в том, кем был Сталин”... Чем объяснить такое молчание, я спрашиваю себя?.. Почему люди не восстали против этого кровавого дела, против террора?..»

Оратор пошел дальше дозволенного, указав на ростки нового культа личности, теперь уже по отношению к Хрущеву: “опять элементы подыгрывания”; “всем нам хорошо известно, как некоторые аппаратчики ЦК умели избивать кадры, как умели расправляться с неугодными им (не по деловым признакам) и как развито среди них подхалимство”.

Сталин был мертв. Хрущев был жив...

* * *

“Речь эта прогремела, что называется, на всю Москву”, – вспоминал академик АН СССР, историк Павел Волобуев.

Судя по “справке”, которую Кучкину пришлось дать в конце собрания, ему здорово досталось за дерзость. В результате что-то уточнялось, от чего-то вынужден был уклониться, от чего-то отказать. В обстановке тех лет, при формально разрешенной свободе высказывания, на деле по-прежнему разрешалось одно: развитие идей вышестоящих товарищей, и только. Мой отец преступил правило, как делал это неоднократно. Мне представляется, у него не было прорывных идей. И он мог не принять таковые, если они казались ему ошибочными. Прочитав в 1965 г. остро полемическую книгу Александра Некрича “1941. 22 июня”, он записал для себя: «Почему она вредная? Да потому что она возводит хулу, клевету на руководство партии и Сов. Пр-ва. Потому что она выставляет, выпячивает английских (Черчилль) и американских (Рузвельт) империалистов, как радетелей, защитников Советского Союза... Сталин нарисован так, что читатель может задать себе вопрос: “Что, Сталин круглый дурак, идиот? Или он предатель?..”»

Кучкина и Некрича разводила, помимо прочего, разница возрастов. Некрич был моложе ровно на столько, на сколько младшее поколение историков было свободнее старшего: эти окончательно “развелись” со Сталиным – тех продолжало цеплять “сталинское” прошлое.

Но уж если Кучкин был убежден в своей правоте, никакие официальные догматы не могли ему помешать.

Его знаменитое выступление на совещании преподавателей общественных наук в том же 1965 г. передавали из уст в уста.

XX съезд остался далеко позади. На повестке дня стоял поворот вспять. Идеологи партии вновь наводили порядки сталинскими методами, активно обеляя обожаемого вождя. Особенно усердствовал заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК партии Сергей Трапезников, фигура крайне одиозная, выученик “серого кардинала” Михаила Суслова, главного идеолога страны. Дело шло к тихому восстановлению культа личности Сталина, к реабилитации его теории и практики. Историкам давались официальные поручения вновь переписывать историю, не допуская никакого либерализма. В особо трудное положение попали несколько молодых ученых: Константин Тарновский, Лев Иванов, Илья Гиндин, Александр Аврех, Виктор Данилов. Они не желали в своих работах возвращаться к сталинским схемам, пытались самостоятельно исследовать сложнейшие моменты советской истории.

Трапезников «принялся нажимать на меня, требуя, если называть вещи своими именами, предать эту группу, и применял при этом политику кнута и пряника – от соблазнов до запугивания, – писал тогдашний директор института истории Павел Волобуев и продолжал, – настоящая атака началась сперва в виде жестокой критики трудов, больше походившей на донос, чем на критику. В этих обстоятельствах единственным человеком, вступившим в идеологический бой с малообразованным, но мстительным начальником, был А. Кучкин. Мне известно несколько документов, с которыми он выступил: письмо М. Суслову, письмо В. Гришину, а также приложенная к ним статья “О недопустимых методах в научной критике”».

Я видела и читала эти письма. Они прямые и резкие. А в дневниках воспроизведена речь на том самом совещании 1965 г. В ней, в частности, отец говорил: «Тов. Трапезников сравнил современное состояние общественных наук с их состоянием в 30-х годах. Тогда-де в этих науках были разброд, шатания, извращения, и теперь, мол, наблюдаем то же самое. Он не сказал, кто тогда и каким методом навел “порядок” в общественных науках. Его навел Сталин. Именно после этого “порядка” стали за малейшие ошибки приклеивать ярлыки, прорабатывать, исключать из партии, а затем последовало уничтожение кадров, последовали незаконные репрессии. Так не к этому ли курсу, не к этим ли методам в наведении порядка призываете Вы? Не такой ли готовите поворот?.. Тов. Трапезников говорил, что стали огульно кри-

тиковать сочинения Сталина, что такая критика означает-де критику Ленина. Не есть ли это ступенька к восстановлению формулы: “Сталин – это Ленин сегодня”?...»

Запись заканчивается следующим абзацем: «Такова была моя речь. Ее слушали... По окончании заседания ряд товарищей, среди которых были мне не известные, подходили, жали благодарно мне руку и говорили: “Молодец!” А один сказал: “Многие, если не большинство присутствующих, думают так же, как вы, но выступить не осмеливаются, не хватает мужества”. Возможно, что за мою смелость придется расплачиваться ПОТОМ, партийные чиновники и карьеристы будут мстить. Поживем-увидим».

Времена были, как сказала Анна Ахматова, вегетарианские. “Месть” партийных чиновников состояла в том, что отец, представленный к званию Героя Социалистического Труда, звания не получил. Но это было уже не так страшно.

Коллега и младший товарищ Павел Волобуев о его научном и человеческом мужестве отозвался так: “У Андрея Павловича его хватило. И, быть может, оно было еще более высокой пробы, нежели то, какое ему приходилось проявлять на фронтах гражданской войны”.

Павел Васильевич говорил мне, что речь отца оттянула на год расправу над ним как директором института, что дало им всем возможность еще целый год проводить свои идеи, выступая против возрождения старых схем сталинского “Краткого курса истории ВКП(б)”.

* * *

Отец болел, когда пришло письмо от его учеников: “Знаете, Андрей Павлович, в будничной жизни люди обычно не склонны выражать свои чувства друг к другу. Но сейчас, когда Ваша болезнь выбила Вас из обычной колеи и оторвала на время от коллектива, хочется Вам сказать все то, что чувствуешь сердцем всегда, а сейчас почувствовали острее обычного. Мы, молодежь, любим Вас, Андрей Павлович, глубоко уважаем, ценим как старшего друга, который всегда готов чутко отозваться на все наши вопросы и сомнения... Дорогой Андрей Павлович, мы просим Вас: слушайте врачей, проявите свойственную Вам дисциплинированность...”

Это было в 1953 г.

Тогда отец поправился...

Н.В. Иллерицкая

**ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ ИЛЛЕРИЦКИЙ.
ПУТЬ В НАУКЕ**

Творческая жизнь Владимира Евгеньевича Иллерицкого пришлось на сложные и судьбоносные времена советской исторической науки. Вся его научная деятельность была связана с проблематикой отечественной историографии. В.Е. Иллерицкий всегда находился в гуще дискуссий, определявших вектор научной жизни. Неслучаен был и его интерес к только нарождающейся молодой научной дисциплине – отечественной историографии. Весьма робкие попытки определить предмет и содержание историографии, предпринятые в отечественной науке в 30–40-е годы XX в. свидетельствовали, что дальнейшее поступательное движение исторической науки будет неизбежно связано с развитием историографии. С энтузиазмом молодости В.Е. Иллерицкий вступил на этот тернистый путь. Его творчество представляет сегодня интерес не только с точки зрения конкретного содержания трудов, превратившихся в историографические факты. Оно привлекает внимание и потому, что не так уж много было у нас ученых, оказавшихся столь преданными избранному пути в науке. В его работах сохранился дух времени, звучат голоса его коллег-историков. В.Е. Иллерицкий был неутомимым тружеником на ниве историографии и свою смерть встретил, завершая очередную монографию. Возможно, она стала бы его лучшим трудом, представляя собой наиболее актуальный в то время научный жанр – историографию отечественной историографии 30–60-х годов XX в. Однако самый живой интерес на протяжении всей своей жизни он проявлял к теоретическим проблемам историографии: определению ее предмета, структуры и периодизации. Поэтому считаю себя в праве посвятить данную статью выяснению значения историографического творчества В.Е. Иллерицкого в контексте все продолжающейся дискуссии историографов о содержании предмета историографии и институализации отечественной историографии в современном интеллектуальном пространстве. Этим замыслом определяются внутренняя логика статьи, ее структура и критерии отбора историографических источников.

* * *

Востребованность историографической проблематики в начале активной научной деятельности В.Е. Иллерицкого диктовалась потребностями решения назревших научных проблем. Необходи-

мость создания учебников на основе нового понимания истории как истории гражданской привела к критике теоретических установок М.Н. Покровского и его учеников. Решение новых и столь сложных для отечественных историков задач не обошлось без крайностей. В двухтомнике “Против исторической концепции М.Н. Покровского” (1939) и “Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского” (1940) было допущено много конъюнктурных перегибов, а тон критики был неоправданно груб. Причем критиковали Покровского и его учеников вовсе не за их реальные ошибки: высокомерное аннулирование всякой ценности классической историографии, внедрение в живую ткань дореволюционной науки примитивного идеологизированного классового подхода, введение понятий дворянской и буржуазной историографии, надуманность определения предмета историографии, необоснованность и узость самой историографической проблематики – нет, их критиковали за недостаточное освоение марксистско-ленинского теоретического наследия. Поэтому особого смысла в разборе статей этих двух сборников сегодня нет, ибо они отразили определенный, отнюдь не лучший, период советской историографии.

Историографическое значение этого двухтомного труда состоит в другом: в процессе его критики произошла переориентация проблематики историографических исследований. Началось медленное, боязливое, но все же освобождение от огульно нигилистического отношения к дореволюционному историческому наследию. Покровский и его ученики оценивали дореволюционные исторические концепции преимущественно с позиций их классовой направленности, да и это делали весьма упрощенно. Историки стали обращать внимание на обогащение дореволюционной историографии новыми для своего времени фактами, на совершенствование методики их изучения, на постановку оригинальных проблем и расширение диапазона научных интересов, на углубление исследовательских теоретических принципов. Более того, выявилась узость понимания историками-марксистами самого предмета исторической науки. Представление об истории России как о гражданской истории требовало изучение государственного строя, его учреждений, внутренней и внешней политики, общественного движения и его идей. Важно было показать роль выдающихся общественных деятелей, чтобы история России не выглядела безликой. На первых порах стали переиздавать труды дореволюционных историков – “Курс русской истории” В.О. Ключевского (1937), “Материалы для биографии Петра I” М.М. Богословского (1940), монографию С.Ф. Платонова о “Смуте” (1937), а также труды Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.Е. Преснякова, П.Г. Любомирова.

В это же время наметился поворот к более внимательному изучению истории исторической науки со времени ее зарождения и ранних этапов, а не только с XIX в., как это делали Покровский и его ученики. В журнале “Историк-марксист” были опубликованы статьи М.Н. Тихомирова о В.Н. Татищеве¹, статья Б.Д. Грекова о М.В. Ломоносове как историке², статья С.В. Юшкова “А.С. Пушкин и вопрос о феодализме в России”³ и статья С.К. Бушуева об исторических взглядах революционеров-демократов⁴. Конечно, эти работы были написаны на разном исследовательском уровне. Но важно другое: в марксистской историографии закреплялась традиция выхода за пределы академической науки, что, разумеется, противоречило определению предмета историографии как истории исторической науки, но зато спасительно расширяло горизонты исторической мысли. Профессиональная историческая наука XIX в., как известно, была лишена революционной составляющей, абсолютно необходимой советским историкам для выстраивания своей модели с главным критерием истинности – классовым подходом. Искусственно втягивая в сферу историографии публицистику и художественную литературу, советские историки таким образом конструировали для себя необходимое поле деятельности.

Данная тенденция в понимании содержания историографии закрепилась с выходом знаковой книги Н.Л. Рубинштейна “Русская историография”⁵. Труд этот хорошо известен современным исследователям. Поэтому остановлюсь лишь на наиболее важных историографических моментах.

Специальный курс русской историографии был введен в учебный план элитного тогда Московского института философии, литературы и истории еще в первой половине 1930-х годов, что было весьма симптоматично, а на истфаках МГУ и ЛГУ этот курс читался с момента их образования. Из этого спецкурса в МИФЛИ и МГУ и вырос впоследствии исследовательский труд “Русская историография” Н.Л. Рубинштейна, который автор защитил в качестве докторской диссертации в 1940 г. Все это свидетельствовало о возросшем интересе к историографии, о ее необходимости для поднятия теоретического уровня советской исторической науки.

“Русская историография” была новшеством в тогдашней историографической литературе, поскольку впервые представляла систематический курс, а не разрозненные характеристики отдельных историков. Хронологические рамки книги довольно широкие – с древнейших времен до начала советской исторической науки. Принципиально важным было то, что труд Н.Л. Рубинштейна открывался введением, где автор определял предмет рус-

ской историографии и ее периодизацию. Среди советских историков это делалось впервые. Предмет историографии был сформулирован следующим образом: ее задача – “дать историю развития русской исторической науки в условиях русской истории, в связи с общим развитием общественной и научной мысли и с непосредственным ростом конкретного исторического знания”⁶. Рациональным в этом определении было то, что подчеркивалась необходимость изучать “историю русской исторической науки”. Однако границы этой науки неоправданно размывались, идентифицируясь с исторической мыслью, отнюдь не профессиональной, что было, конечно, в духе времени, но лишь усиливало почву для будущих споров вокруг предмета историографии.

“Русская историография” Н.Л. Рубинштейна своим замыслом, структурой и даже центральными идеями была связана с интеллектуальной моделью классической историографии, а точнее – с трудом П.Н. Милюкова “Главные течения русской исторической мысли”. Для П.Н. Милюкова историография – это история исторической мысли, что объясняет широкие хронологические рамки его работы. В монографии Н.Л. Рубинштейна такой точности и осмысленности нет.

Разделы монографии, которые были посвящены историографии второй трети XIX – началу XX в., Н.Л. Рубинштейн разработал с известной рыхлостью. Но марксистское переосмысление излагаемого материала ему не удалось, за что Рубинштейна нещадно критиковали в 1948 г. и обвиняли в буржуазном объективизме. Его оппоненты и критики интуитивно уловили, что образ научности для автора идентифицировался с позитивистской моделью классической историографии.

“Великими русскими просветителями” назвал Рубинштейн Чернышевского и Добролюбова, закрепив как традицию включение их исторического наследия, наряду с трудами историка-профессионала А.П. Шапова, в круг обязательных проблем советской историографии. Сама тенденция вывести на первый план историческую составляющую русской революционной мысли окончательно возобладала в ходе критики “Русской историографии”. Именно в этом направлении развернулись историографические разработки 40–50-х годов XX в. Теперь русской революционной мысли будут придавать совершенно особое значение, выискивать в ней судьбоносные прозрения мыслителей-публицистов, которые реально использовали исторические сюжеты в сугубо политических целях. И подходы к конструированию этого особого направления отечественной историографии станут поистине всеобщей моделью идеологизации советской историографии.

Нельзя сказать, что изучению воззрений русских просветителей, революционных деятелей ранее не уделялось внимание. Общественно-политические взгляды А.Н. Радищева, декабристов, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.П. Огарёва, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Н.В. Шелгунова освещались в дореволюционной литературе. Но эти деятели рассматривались как представители общественной мысли. Для советской исторической науки их труды стали объектами конструирования передовой революционной исторической мысли. Именно поэтому со второй половины 1940-х годов об исторических воззрениях революционных деятелей стали публиковаться первоначально статьи⁷, а затем и монографии. Схемы статей во многом были сходные. На материале отдельных высказываний избранного революционного деятеля рассматривался определенный круг вопросов: о месте исторических воззрений в системе взглядов, их классовой и политической направленности; суждения о закономерностях исторического процесса; о восприятии западноевропейской и отечественной истории. Сквозь призму этой модели, сориентированной в первую очередь на навязывание объектам изучения определенных классовых и политических пристрастий, будет восприниматься затем вся литература о революционных демократах.

Первой историографической монографией по революционно-демократической тематике стала книга В.Е. Иллерицкого «Исторические взгляды В.Г. Белинского», изданная в 1953 г.⁸ В монографии автор ставил своей задачей осветить процесс формирования исторических воззрений В.Г. Белинского в его движении от просветительства к революционному демократизму, раскрыть социально-политические и теоретические основания его исторических взглядов. Подчеркивалось знакомство Белинского с самыми передовыми теориями своего времени – с философией истории Гегеля, со взглядами французских историков периода Реставрации. Специальная глава в книге посвящена оценке Белинским основных этапов всемирной истории, его повышенному интересу к проблемам новейшей истории Западной Европы, в особенности к опыту Великой Французской революции конца XVIII в. и к действиям якобинцев, а также самостоятельное осмысление им опыта революции 1830 г. во Франции. Завершающая и самая обширная глава монографии рассматривает разработку Белинским проблем истории России, начиная с высказываний о событиях древней и средневековой ее истории и кончая новой. Реформам Петра I было уделено особое внимание.

Конечно, на содержании книги лежит отпечаток времени ее создания и степени научной зрелости автора. К недостаткам ав-

торской конструкции следует отнести определенную рыхлость структуры и явную перегруженность цитатами. Текст монографии закрепит все стереотипы советской историографии того времени: идею о решающей роли народа в историческом процессе, оценку политики Ивана Грозного как прогрессивной и положительную роль русского централизованного государства, утверждение тезиса об ограниченности реформ Петра I. В заключении автор подчеркнул влияние, которое оказал Белинский на своих продолжателей – Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова – и подтянул исторические взгляды революционных демократов к социал-демократии, сознательно игнорируя место и роль народничества в революционном процессе. Тем не менее монография В.Е. Иллерицкого выглядела более фундаментально, чем труды его коллег по сходной проблематике.

Однако несмотря на уже сделанные попытки определиться, что такое историография, содержание ее предмета оставалось по-прежнему неясным. В спорах и дискуссиях, в творческом процессе развития историографических исследований выстраивалось в советской науке понимание предмета историографии⁹.

Историография, как известно, возникла позже превращения исторических знаний в науку. Но ни С.М. Соловьев, ни В.О. Ключевский, первыми начавшие разрабатывать историографические проблемы, еще не давали определение предмета историографии. Еще до В.О. Ключевского появилась книга М.О. Кояловича. Полагая, что в истории “область объективных истин весьма невелика, а все остальное субъективно и неизбежно субъективно”, Коялович видел задачу историографии в том, чтобы “разобраться в разного рода субъективизмах по изучению русской истории”¹⁰.

П.Н. Миллюков подверг концепцию М.О. Кояловича осуждению и сформулировал свою задачу: “дать общую картину развития и взаимной смены тех теорий и общих взглядов, которые осмысливали для предшествующих поколений специальную работу над русской историей”. Миллюков заключил, что “общее течение русской историографии всегда обуславливалось некоторыми основными взглядами, теориями и системами и всегда находилось в более или менее тесной связи с развитием общего мировоззрения”, т.е. западноевропейского. Он даже обнаружил “естественный антагонизм, который существует между работой специального исследователя и разработкой общей теории”. В результате “не столько ученая работа сама по себе, не столько ее положительные результаты, сколько направлявшие ее теоретические побуждения составляют предмет наших последующих наблюдений”¹¹. Однако в своей статье “Историография” (в словаре Брок-

гауза и Ефрона) П.Н. Милюков характеризовал этот термин как недостаточно определенный.

Начиная с середины 30-х годов XX в. молодая советская историческая наука предложила несколько вариантов решения вопроса о предмете историографии. В 1940 г. О.Л. Вайнштейн издал курс лекций под весьма характерным названием – “Историография средних веков до наших дней”. Таким образом, автор проводил грань между историографией и исторической мыслью. Для него историография – совокупность литературы по данной проблеме. Но эту литературу Вайнштейн рассматривал в историческом развитии, выдвигая на первый план ход исторической мысли и исторические теории.

Значительно позже (в 1963 г.) увидел свет курс лекций по той же теме Е.А. Косминского. Он начал читать его в Московском университете еще осенью 1938 г. “Историография с марксистской точки зрения, – говорил он, – одна из отраслей истории общественной мысли, и она всегда ярко окрашена политикой... Для нас более ценно и важно расширение сферы тех фактов, которыми оперирует историография, уточнение методики, развитие исследовательской техники. Это то, чему можно учиться у историков предшествующих поколений”¹². Таким образом, Е.А. Косминский выдвинул на первый план вполне утилитарную задачу – “чему можно учиться у предшествующих поколений историков”, – еще не формулируя задач историографии и содержания ее предмета.

Возникал вопрос – является ли историография частью исторической науки, самостоятельной наукой или частью истории общественной мысли?

Споры охватили широкий круг проблем: какие компоненты составляют историю исторической науки, каковы ее источники, входят ли сюда только книги, исследования в различных формах или также “устные традиции”, т.е. лекционные курсы, дискуссии, доклады и выступления в прениях, переписка ученых? В какой мере и как могут использоваться архивные материалы; какое место занимает весь комплекс материалов по истории политики в области исторической науки, как все эти вопросы сочетаются с историей исторических концепций? Как влияет форма и структура организации науки на процесс ее развития?

В “Очерках истории исторической науки в СССР” (1955. Т. 1) и в курсе лекций Л.В. Черепнина “Русская историография до XIX века” (1957) была дана развернутая характеристика предмета историографии. В этих трудах отмечались следующие основные черты предмета историографического исследования: 1) изучение процесса накопления знаний о человеческом обществе; 2) исто-

рия введения в научный оборот ранее неизвестных источников и историографических памятников; развитие методов исторического исследования, совершенствование техники анализа исторических источников; 3) история борьбы различных течений в исторической науке, смены проблематики исторических исследований, классовая обусловленность теории исторического процесса¹³. Как особо важный компонент историографии выделялось изучение и раскрытие связи исторических теорий с философскими и политическими взглядами, характерными для данной эпохи.

Под непосредственным влиянием академических “Очерков...” задачи историографии были сформулированы в первом послевоенном учебном пособии для студентов по историографии истории СССР, подготовленном на кафедрах Московского государственного историко-архивного института и вышедшем в 1961 г. под редакцией В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. В 1971 г. это пособие стало первым учебником по историографии истории СССР.

Во введении к этому труду отмечается, что под историографией подразумевается “особая научная дисциплина, изучающая историю исторической науки”, содержание которой таково: “изучение процесса накопления знаний о развитии человеческого общества и превращении их в науку, характеристика различных взглядов на исторические явления, рассмотрение процесса совершенствования методов исторического исследования. Именно таким пониманием историографии ограничивались буржуазные историки...”¹⁴ Далее подчеркивается, что “история каждой науки имеет две неразрывно связанных между собой стороны: историю накопления знаний и историю развития взглядов, т.е. историю того, как осмысливались и обобщались накопленные фактические знания, – историю сменяющихся концепций, теорий. Применительно к исторической науке первая из названных ее сторон является предметом специального изучения источниковедения, поскольку фактические знания получили свое отражение в источниках (история публикации которых, в свою очередь, специально изучается археографией), вторая же сторона является предметом изучения историографии, как это вытекает из определения ее задач и содержания”¹⁵. Эта особенность историографии сближает ее с историей философии, социологии, историей общественно-политической мысли. Таким образом, В.Е. Иллерицкий (автор введения) вывел за рамки историографии историю накопления фактов, полагая ее задачей источниковедения.

Перед авторским коллективом учебного пособия стояли не малые трудности, поскольку отобрать огромный материал истории исторической науки в нашей стране было делом нелегким.

Такой важный раздел, как развитие исторической науки в конце XIX – начале XX в. обобщенно еще нигде не излагался (в “Русской историографии” Н.Л. Рубинштейна это сделано весьма неудачно). Нужно было также обработать и дать в соответствующем для учебного пособия изложении результаты новейших исследований в области историографии. В целом коллектив авторов и редакторов с этими задачами, для своего времени, справился успешно. Получилось компактное, весьма содержательное пособие, необходимое для учебного процесса. Главной своей задачей авторы издания считали постоянное внимание к вопросам идейно-политического содержания исторических концепций и это в начале 60-х годов XX в. в СССР расценивалось как их несомненная заслуга. Поэтому в книге уделено большое внимание революционно-демократической исторической мысли (автор В.Е. Иллерицкий).

Материал многих разделов книги умело отобран и обдуман. Так, в главах, посвященных русской историографии первой половины XIX в. (автор Н.Л. Рубинштейн), нет ничего лишнего и в то же время сказано все, что необходимо для характеристики методологических особенностей различных направлений в историографии. То же следует сказать о главе, раскрывающей исторические взгляды декабристов (автор В.Е. Иллерицкий). Удачной является глава о Н.М. Карамзине, автор которой (И.А. Кудрявцев) сумел показать то новое, что внес этот историк в науку. Каждая глава снабжена кратким указателем основной литературы по теме, что дает возможность студентам более глубоко изучить материал.

Следует особо отметить, что этот учебник во многом был детищем В.Е. Иллерицкого. Он был вдохновителем самой идеи создания первого учебного пособия по историографии в нашей стране, он же стал одним из его редакторов, его перу принадлежат введение и 10 глав (из 30).

В научной среде учебное пособие по отечественной историографии вызвало большой интерес и дискуссию. В основной рецензии на него, написанной А.М. Сахаровым¹⁶, были отмечены спорные моменты. Первое, на что обращалось критическое внимание автора рецензии, была периодизация истории дореволюционной историографии, положенная в структурную основу учебного пособия. Сахаров справедливо упрекал авторов, что они прибегли к общеисторической периодизации, которая не может совпадать с историко-научной. Внимание к этому вопросу привлекалось еще и потому, что в научной периодической литературе как раз в это время началась оживленная дискуссия о периодизации истории исторической науки.

Многие претензии, высказанные в рецензии, воспроизводить не стоит, поскольку они были данью времени и сейчас потеряли всякий научный смысл. Следует лишь отметить, что указание Сахарова на скорее источниковедческий, чем историографический характер первых двух глав пособия, посвященных историческим знаниям V–XVI вв., представляется справедливым. В заключении своей развернутой рецензии А.М. Сахаров подчеркнул, что он так критично проанализировал содержание учебного пособия лишь по одной причине: оно должно как можно скорее превратиться в учебник.

В связи с тем, что единого понимания историографии в советской исторической науке не складывалось, возникла проблема предмета и содержания университетского курса историографии истории СССР. В 1962 г. со статьи А.М. Сахарова “Предмет и содержание университетского курса истории СССР”¹⁷ начинается дискуссия по этому вопросу.

А.М. Сахаров подверг критике то определение предмета историографии, которое давалось В.Е. Иллерицким во введении учебного пособия. Он был не согласен со сближением историографии с историей философии, поскольку оно не учитывало, по его мнению, специфику изучаемого предмета. В отличие от теоретической дисциплины – философии, история есть наука конкретная. История общественно-политической мысли тоже имеет специфический предмет – историю политических идей. И совсем непонятно для А.М. Сахарова стало сближение историографии с социологией, хотя вот здесь-то связь просматривается наиболее ясно. Смысл в том, что редакторы и авторы учебного пособия точно уловили внутреннюю тенденцию развития науки: все более расширительное истолкование предмета историографии. Интенционально они проводили параллель между советским (позитивистским по содержанию) этапом исторической науки и классической историографии: тогда тоже история воспринималась как поставщик фактов для социологии, призванной заниматься обобщениями.

Очевидно, что такая позиция стала неприемлема для А.М. Сахарова по нескольким причинам. Во-первых, он разделял точку зрения Л.В. Черепнина, а именно: «понятие “историография” имеет более широкое и глубокое значение – значение науки, которая изучает развитие исторической науки в целом в какой-либо стране или в ряде стран, выясняя, как постепенно складывались представления о прошлом человечества, о развитии человеческого общества»¹⁸.

Во-вторых, А.М. Сахарова возмущало определение марксистской науки, данное в учебном пособии по историографии исто-

рии СССР, как «представление о том, что марксистская наука – это буржуазная историография плюс что-то “еще сверх того”, – не отражает глубокого качественного различия между марксистско-ленинской и буржуазной наукой»¹⁹.

С моей точки зрения авторский коллектив и редакторы учебного пособия на деле проявили известную прозорливость, весьма содержательно рассмотрев период русской классической историографии. Поэтому В.Е. Иллерицкий во введении не стал концентрировать внимание на определении марксистской исторической науки. Но это только одна причина. Главное заключается в том, что дать научное, а не политизированное определение феномена советской историографии, не представлялось тогда возможным. Достаточно привести суждение по этому вопросу, высказанное в ряде работ М.В. Нечкиной применительно к советской, т.е. марксистской исторической науке: “Историческая наука всегда была мощным идеологическим оружием, живым участником общественных битв, важным элементом идейной борьбы, силой, формирующей мировоззрение”²⁰. Поэтому В.Е. Иллерицкий прибег к столь неопределенной и обтекаемой характеристике марксистской исторической науки. Сам же А.М. Сахаров в 1962 г. дал крайне политизированное определение предмета историографии: “Историография является особой областью исторической науки, имеет свой предмет, свою проблематику, свои приемы исследования и обобщения материала, вытекающие из общих принципов марксистско-ленинской методологии изучения исторических явлений и процессов...”²¹

В начале 1960-х годов в литературе стало распространяться более широкое понимание истории исторической науки. Так, А.Л. Шапиро сформулировал следующую дефиницию: “История всякой науки – это прежде всего новые научные открытия и их внедрения в жизнь и практику”²². Эту позицию поддержал и развил С.О. Шмидт: “Предмет историографии включает в себя и историю создания исторических сочинений, и биографии историков... и историю распространения исторических знаний. Следовательно, историография – это и история проникновения знаний об историческом процессе в среду тех, для кого историк создает свои труды”²³. Рассматривая историографию как “часть истории общественной мысли, как форму социального сознания”, С.О. Шмидт считал необходимым еще более расширить предмет историографии, вплоть до “отражения исторических представлений в памятниках исторической мысли”²⁴.

Опыт, накопленный советской историографией, был обобщен в статье М.В. Нечкиной “История истории. (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки)”²⁵. В ста-

тье были очерчены важнейшие задачи историографического исследования, рассмотрен весь комплекс источников, поставлен вопрос об историографическом факте.

Практика историографических работ стала соответствовать расширительному толкованию историографии. Теоретическое обоснование такого подхода предложил Л.В. Черепнин, опубликовавший в 1968 г. монографию “Исторические взгляды классиков русской литературы”. Во введении он сделал чрезвычайно характерное и симптоматичное замечание: “Было время, когда предметом историографии считались лишь труды так называемых академических историков, т.е. специалистов-профессионалов... Но этот этап уже пройден нашей отечественной историографией, и сейчас она включает в круг своего рассмотрения труды декабристов, революционеров-демократов, народников, наконец, революционеров-большевиков. Вся эта историческая литература далеко выходит за рамки так называемой академической науки, но именно она-то и прокладывала новые пути в понимании исторического развития, ибо создавалась в процессе борьбы за переустройство общественных отношений”²⁶.

Эволюция понимания предмета историографии в советской исторической литературе шла в направлении от сведения историографии к разновидности истории общественно-политической мысли до самого широкого охвата всех возможных произведений культуры на историческую тему; от историографии (истории исторической мысли) – к историографии (истории исторической науки) и от последней – к историографии – истории исторических знаний, взятых во всех их формах и проявлениях.

Если первые шаги советской историографии ограничивались созданием портретной галереи историков, то на следующем этапе была сделана попытка разработки исторических концепций. Рамки истории академической и университетской науки стали тесны и на первый план вышла проблема вклада в науку историков революционно-демократического направления. Здесь советская историография стала открывать новые страницы истории науки.

Именно в контексте все расширяющегося и усложняющегося понимания историографии были написаны две крупные монографии В.Е. Иллерицкого. Монография “История России в освещении революционеров-демократов” (1963) явилась второй частью докторской диссертации “Революционно-демократическое направление в русской историографии 40–60-х годов XIX в.”, защищенной автором в Институте истории АН СССР в 1962 г. Эта работа стала итогом многолетней научной деятельности В.Е. Иллерицкого. Она нашла свое выражение в многочисленных публика-

циях в журнале “Вопросы истории”, в “Очерках истории исторической науки”, в монографии “Исторические взгляды В.Г. Белинского”, в большой статье в “Трудах Московского государственного историко-архивного института” (1958. Т. XI) “Вопросы древней русской истории в освещении революционеров-демократов”, а также в главах о В.Г. Белинском, А.И. Герцене, Н.Г. Чернышевском, Н.А. Добролюбова и их соратниках, о А.П. Шапове в вузовском учебном пособии “Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции” (1961).

Во введении к монографии изложены вопросы о научном значении темы, методологических принципах ее разработки, историографии проблемы и дана характеристика состава и специфики источников для ее исследования. В девяти главах работы поставлены вопросы, посвященные формированию и теоретическим основам исторических взглядов революционеров-демократов, их суждениям об источниках и историографии русской истории, о древнерусской истории, о проблеме образования и укрепления древнерусского государства и развитии крепостнических отношений, о Русском государстве XVII в., о преобразованиях в России в первой четверти XVIII в., о “последпетровском” или “новом” периоде русской истории, возникновении революционной общественной мысли и начале освободительного движения в России и, наконец, вопросам современности в исторической концепции революционеров-демократов.

Следует отметить, что монография В.Е. Иллерицкого получила широкий резонанс среди научной общественности. Наиболее интересной и квалифицированной была рецензия В. Твардовской в журнале “Новый мир”²⁷. Автор рецензии, весьма положительно оценив монографию, сделал два замечания принципиального свойства. Первое сводилось к пониманию соотношения между идеологией революционеров-демократов 40–60-х годов XIX в. и идеологией революционных народников. В. Твардовская считала, что в монографии имеет место противопоставление идеологии шестидесятников и идеологии революционных народников. По сути рецензент был прав: позиция В.Е. Иллерицкого заключалась в том, что он рассматривал идеологию шестидесятников и идеологию революционных народников как принципиально единую, революционно-демократическую, выражающую, как он считал, интересы крестьянских масс. Но эта единая идеология имела черты своеобразия и даже существенных различий в условиях дореформенной и пореформенной России, особенно с 70-х годов XIX в. Были значительные расхождения в воззрениях Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, с одной стороны, и

идеологов революционного народничества 70-х годов – с другой. По мнению В.Е. Иллерицкого, исторические взгляды первого поколения революционеров-демократов были более глубокими, у второго же поколения сильные стороны их исторических воззрений были обесценены.

Второе замечание В. Твардовской касалось структуры работы. Она полагала, что структуру работы следовало строить “в связи с теми проблемами, которые являлись для них (идеологов демократического движения в России. – *Н.И.*) центральными при обращении к истории”²⁸. В.Е. Иллерицкий признавал, что проблема выбора структуры работы действительно сложна. Но у него были свои аргументы. Автор подчеркивал, что в каждой из глав отмечалось, какие именно вопросы и по каким причинам привлекали внимание идеологов русской демократии, но превратить их в структурную основу книги, по его мнению, было бы неверно, поскольку пропадало представление о единстве русского исторического процесса. Выделение принципиально общего в понимании основных этапов и крупнейших проблем истории России снимало пестроту индивидуального подхода характеризующих деятелей.

В начале 70-х годов XX в. вышел целый ряд работ по отдельным проблемам историографии русской общественной мысли, и новая монография В.Е. Иллерицкого “Революционная историческая мысль в России” (1974) заняла среди них свое особое место. Она представляла собой первое обобщающее исследование, посвященное анализу исторических взглядов представителей революционной России от Радищева до Лаврова. В монографию вошли многие конкретные наблюдения и выводы, сделанные автором в предшествующих трудах в отношении исторических взглядов Белинского, Герцена, Огарёва, Добролюбова, Шелгунова. Кроме того, новая монография была шире по хронологии и охвату материала: в ней имелись специальные главы о Радищеве, декабристах, петрашевцах, революционных демократах 60-х и 70-х годов XIX в.

Поставленные в новом исследовании задачи – раскрыть сущность революционной исторической мысли и установить ее периодизацию – определили его композиционную структуру. Вместо тематического расположения материала, как это было в предыдущей монографии об исторических взглядах революционных демократов, здесь подразделение на главы соответствует или конкретным лицам (Радищев, Белинский, Герцен и Огарёв, Чернышевский и Добролюбов), или определенным направлениям (декабристы, петрашевцы, революционные демократы). Внутри самих глав изложение открывается краткой, но содержательной

историографической справкой и далее ведется по проблемам. Такое решение вопроса представляется обоснованным и удачным.

Исследования В.Е. Иллерицкого исходят из четко сформулированного стержневого тезиса: историческая мысль неразрывно связана с общественной мыслью, она всегда являлась ее важным слагаемым, хотя и имела свою специфику, поскольку представляла собой осмысление и оценку исторического опыта. По мнению автора, наиболее выразительной особенностью русской революционной мысли было обращение к теоретическим проблемам, позволявшее вскрыть логику исторического процесса. Представители революционной мысли России, как правило, использовали такую форму исторических сочинений, как публицистические статьи и рецензии. По наблюдению В.Е. Иллерицкого, «публикация статей в журналах давала возможность непосредственного обращения к передовому читателю...»²⁹

Наибольший интерес представляют те главы, в которых автор продолжает исследование проблем, начатое в предыдущих трудах. Именно они определяют научное значение монографии – имеются в виду главы о Белинском, Герцене, Огарёве, Чернышевском и Добролюбове. Иллерицкий очень убедительно показывает, что идеологи революционной демократии, создавшие оригинальную систему исторических взглядов, во главу угла ставили задачу изучения жизни самого народа с учетом его социально-экономического положения. Автор привел в книге важнейшие высказывания Белинского, Чернышевского, Добролюбова о специфике и сущности самой исторической науки. При этом Иллерицкий подчеркивал тот факт, что все они придавали большое значение историческому опыту, осмысливая его связь с современностью. Автор так же утверждал, что Чернышевскому и Добролюбову принадлежит ведущая роль в обосновании методологических принципов демократической исторической мысли. Раскрывая огромный интерес, проявленный Белинским, Чернышевским, Добролюбовым к бурной эпохе Петра I и к личности самого царя, автор тонко анализирует их суждения об этом переломном периоде истории России. Пожалуй, стоило только отчетливее подчеркнуть то обстоятельство, что повышенное внимание Белинского и Герцена к Петру I подогревалось полемикой со славянофилами.

Глава «Проблемы истории в оценке революционных деятелей 60-х годов» написана ярко и полемично. Основным объектом критики В.Е. Иллерицкого явился тезис А.Н. Цамутали о том, что «затруднения, связанные с оценкой общественно-политического лица ряда деятелей русского демократического лагеря, возникает отчасти из-за того, что в нашей историографии принято исходить из довольно жестких определений «революционе-

ров”, “революционеров-демократов”, с одной стороны, и “либералов” – с другой”. По мнению А.Н. Цамутали, “правильнее было бы говорить о демократическом лагере, в котором наряду с убежденными сторонниками революционной борьбы была прослойка или категория лиц, придерживавшаяся более умеренных взглядов и не выступавшая за осуществление своих идеалов путем социального переворота”³⁰. В.Е. Иллерицкий несколько вольно истолковал этот текст и обвинил Цамутали в произвольном расширении тематических границ его монографии без необходимых объяснений.

Сейчас можно утверждать, что в тезисе А.Н. Цамутали заключалась мысль о существовании в эпоху отмены крепостного права широкого демократического лагеря. Если не признать тот факт, что среди участников освободительного движения 50–60-х годов были лица, настроенные демократически, но не стремящиеся к политической и социальной ломке строя России, то совершенно не объяснимой будет позиция Н.А. Мордвинова, И.С. Тургенева, А.М. Унковского, А.П. Шапова и др.

Можно понять авторское стремление В.Е. Иллерицкого найти оптимальное решение вопроса – кого из шестидесятников принять за эталон выразителя взглядов революционной демократии, приемника и идейного наследника Герцена и Чернышевского. Он остановился на Д.И. Писареве и Н.В. Шелгунове. Этот выбор имел свой смысл: и тот и другой сыграли видную роль в разработке теоретических положений о характере и задачах исторической науки. Конструирование исторических представлений Писарева и Шелгунова автор осуществляет более чем квалифицированно, с глубоким пониманием специфики привлекаемых исторических текстов. Важно отметить, что Иллерицкий не только тщательно изучил печатные труды Писарева и Шелгунова, но и привлек архивные материалы (тексты статей, запрещенных цензурой) из фонда Петербургского цензурного комитета, что значительно обогатило корпус историографических источников монографии.

Проблема историографического источника, активно дискутировавшаяся в то время в среде профессиональных историографов, несомненно, занимала В.Е. Иллерицкого. Именно в таком контексте он сформулировал в монографии актуальную идею расширения источникового поля историографических исследований за счет документов личного происхождения, что давало возможность реконструировать антропологический аспект историографических исследований. В.Е. Иллерицкий писал: “Для изучения революционной исторической мысли определенное значение имеют письма революционных деятелей, их дневники, мемуары, а также показания на следствиях...”³¹

Здесь же следует упомянуть важную для историографической интерпретации проблему соотношения революционной и демократической мысли с профессиональной и учебно-академической исторической мыслью. В исследовании В.Е. Иллерицкого эта проблема освещается главным образом в плане борьбы с официальной историографией. В книге А.Н. Цамутали “Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х годов XIX в.” содержатся попытки проследить взаимное влияние носителей революционных и либеральных взглядов. И та и другая постановка вопроса имела право на существование: вполне возможно проследить как влияли, к примеру, Белинский и Герцен на Градовского, Чернышевский и Добролюбов – на Кавелина и Костомарова в определении тематики исследований, установить вклад непрофессиональных историков в развитие исторической науки. Вот так и вырисовывалась перспектива дальнейших исследований.

В целом же монография В.Е. Иллерицкого “Революционная историческая мысль в России” сразу же была признана коллегами “первым систематизированным исследованием, дающим целостное представление об особом направлении отечественной историографии”³².

Выход в свет монографии В.Е. Иллерицкого в 1974 г. совпал с новым всплеском дискуссии о содержании и структуре предмета историографии. Этой же проблеме была посвящена и последняя работа А.М. Сахарова “Историография истории СССР. Досоветский период” (М., 1980). Автор дает суммарную характеристику задач историографического исследования. Творческим дополнением этой схемы стало выдвижение и серьезное обоснование А.М. Сахаровым положения о научной концепции как главном факторе в истории науки и итоговой цели историографического изучения. Поэтому предметом особо тщательного рассмотрения явились внутренние, в авторском понимании, факторы развития науки – проблематика, источниковая база, методология и концепции. При этом наиболее отличным явилось освещение А.М. Сахаровым революционно-демократического направления. И дело здесь не только в том, что характеристике этого направления в его книге отведено гораздо меньше места, чем во втором издании учебника “Историография истории СССР” (1971) или в “Курсе лекций по русской историографии (до конца XIX в.)” В.И. Астрахана (1965). Главное различие в другом. А.М. Сахаров полагал, что при определении роли деятелей русского революционного движения в исторической науке следует заниматься не собиранием разновременных и разнохарактерных по происхождению и значению высказываний революционных мыслителей в

одну как бы концепцию истории России, а анализом их мировоззрения в целом, понимания характера исторического процесса, приемов достижения выводов и оценок исторического прошлого. Однако реализовать в исследовательской практике этот подход без сознательного конструирования исторической концепции революционеров-демократов из разрозненных высказываний А.М. Сахарову все же не удалось.

Наиболее важным было то, что А.М. Сахаров еще раз привлек внимание к вопросу предмета историографии. М.В. Нечкина в свое время справедливо подчеркивала, что “вопрос о предмете историографии еще долго будет привлекать внимание историков”³³. И в 80-е годы XX в. продолжилась дискуссия по уточнению содержания предмета историографии. Единства взглядов достигнуть не удалось и задачей первостепенной важности стало уточнение понятия “история исторической науки”.

К середине 1970-х годов предмет историографии можно было трактовать как историю идей и с этих позиций просматривались известные перспективы. Присоединение к данной конфигурации с подачи Е.Н. Городецкого следующих компонентов, а именно: 1) как складывается организация науки на каждом из этапов ее развития; система научных институтов, эволюция их структур; научные общества; историческая периодика, роль и значение всех этих компонентов в процессе развития науки; 2) каковы социальные функции исторической науки; историческое обоснование партийных программ; пропаганда исторических знаний; 3) кадры исторической науки, их структура, распределение по отраслям науки; историческое образование; учебники; эволюция системы исторического образования; обратное влияние системы образования на историческую науку³⁴ – создавало совершенно иную исследовательскую ситуацию. Внимание переключалось с науковедческих теоретических проблем на научно-организационные сюжеты.

Такое “переведение стрелок” было вполне понятно для проблематики марксистской историографии, где просто не существовало теоретического уровня, но было совершенно непродуктивно применительно к периоду классической историографии. Однако стало очевидно, что историография сформировалась в специальную отрасль исторической науки со своим предметом исследования и классификацией рубрик. Отсюда и более сложные временные срезы, которые отличают историографические исследования от исторических. В данном контексте совершенно правомерно выглядит предложение А.М. Сахарова понимать под термином “историография” анализ литературы по какой-либо проблеме, а историографию в смысле “истории исторической науки” именно так и называть.

В целом следует подчеркнуть, что именно во все расширяющемся понимании содержания предмета историографии проявился скрытый интеллектуализм советской исторической науки. В условиях господства марксистской парадигмы и существования “железного занавеса”, когда возможности гуманитариев были чрезвычайно ограничены, только историографические дискуссии давали советской исторической науке определенный заряд энергии. В них проявлялась внутренняя потребность исторической науки в осмыслении своих возможностей и новом прочтении исторического, столь характерном для мирового интеллектуализма в последней трети XX в. Борьба с выводным знанием в европейской и североамериканской гуманитаристике привела к большим переменам в исторической науке. Исторический источник обрел новые очертания вместилища образа прошлого, что актуализировало проблему интерпретации в историческом исследовании. Все это породило новое отношение к историографии как самоценному опыту прочтения прошлого.

В советской исторической науке расширение и усложнение предмета историографии преследовали ту же цель поглощения теоретического уровня исторической науки. Наиболее полное выражение эта тенденция нашла в 80-е годы XX в. в разработке сюжетов историографии “второй степени” – истории историографии, приоритетное место в которой занимает анализ истории исторического познания, сознания и мышления.

В этом контексте особое значение приобретает публикация монографии В.Е. Иллерицкого “Сергей Михайлович Соловьёв” (М.: Наука, 1980). Работа написана в жанре научной биографии, т.е. как раз представляет собой историографию “второго уровня”. Этим объясняется логика научного конструирования текста книги. Во введении сформулирована основная системообразующая идея автора: представить научное творчество С.М. Соловьёва не только как завершение процесса формирования историографии в России, но и как вершину русской исторической мысли. Замысел монографии таким образом выстраивался вокруг тезиса о центральном месте исторического творчества С.М. Соловьёва в русской классической историографии. Для советской историографии это была новая постановка вопроса, поскольку в ней было закреплено особое отношение к творчеству В.О. Ключевского вследствие того, что главной ценностью был интерес к экономической и социальной стороне исторического процесса. По убеждению В.Е. Иллерицкого, прогресс науки определяется рефлексией, а не фактографией, первична концепция, формирующая конфигурацию аргументов. С.М. Соловьёв – философ истории. Его интеллектуальная модель русской

истории четка и даже излишне жестка, но она определила весь дальнейший путь русской исторической науки. Движение идей в пространстве русской историографии второй половины XIX – начала XX в. определялось дискуссиями вокруг того образа русской исторической науки, какой сконструировал С.М. Соловьёв.

Воплощению этого замысла подчинена вся структура книги: обширный историографический обзор во введении, обосновывающий исследовательский выбор, жизненный путь С.М. Соловьёва, теоретические основания его научных изысканий, историографический смысл его крупнейшего труда “История России с древнейших времен” и специальных научных исследований. Труды С.М. Соловьёва анализируются в контексте современного ему европейского интеллектуализма, а конфигурация исследовательской проблематики отслеживается как результат внутренних научных и внешних общественных потребностей.

В.Е. Иллерицкий применяет микроаналитический метод при создании текста монографии. Этот метод действительно приносит максимальный эффект, поскольку нацелен на актуализацию через научную биографию историка всех вызовов времени и представляет варианты ответов на них. В поле зрения исследователя оказываются не только результаты профессиональной деятельности историка, но и его творческая лаборатория, исследовательская психология и практика. Поэтому предметное поле научной биографии можно определить как “историю историографии в человеческом измерении”.

В заключении В.Е. Иллерицкий приходит к обоснованному выводу, что историческая концепция С.М. Соловьёва в главнейших своих чертах определила вектор развития всей последующей русской историографии. Перефразируя известное изречение Ф.М. Достоевского «Вся русская литература второй половины XIX века вышла из “Шинели” Гоголя», – В.Е. Иллерицкий утверждает, что русская историография вышла из “Истории России...” С.М. Соловьёва. “Говоря образно, – пишет автор, – Соловьёв поднимал историческую целину и первый ее обрабатывал. Труд его продолжателей был значительно легче. Они взрыхляли подготовленную почву, засевали ее новыми культурами, имея в виду разработку частных проблем, и даже “выращивали розы”, как это делал талантливейший из продолжателей Соловьёва В.О. Ключевский – несравненный среди русских историков художник слова и замечательный стилист”³⁵.

Последняя прижизненно опубликованная монография В.Е. Иллерицкого “Сергей Михайлович Соловьёв” стала поистине знаковой для последующего развития историографии в нашей

стране. Не столько конкретная фактография, сколько стиль историописания определил значение этого труда. Научная биография как историографический жанр приобретала особое значение для освобождения исторической науки от навязчивого догматизма. Она давала возможность автору выразить самого себя через интеллектуальные искания своего времени. Подтверждением этого стала посмертная публикация труда Л.В. Черепнина "Отечественные историки. XVIII–XX вв." (М., 1984), который был написан практически в то же время, что и последняя монография В.Е. Иллерицкого. Труд Л.В. Черепнина представлял собой жанр историографических записок, в которых автор постарался рассказать о себе и своем трудном времени через научные биографии историков-классиков, а также своих современников.

До самого последнего дня своей жизни В.Е. Иллерицкий бескомпромиссно шел по тому пути в науке, который определил для себя в молодости, когда это была лишь неприметная стежка, перспективы которой были весьма туманны. Но он не просто шел по этому пути, а улавливал все новое, что могло стать полезным для науки и старался воплотить это в своем творчестве. Он был убежден, что историки не только должны уметь писать профессионально, но они должны всегда писать профессионально, а задача историографии создать такую интеллектуальную ситуацию, чтобы иначе и быть не могло.

¹ См.: Историк-марксист. 1940. № 6. С. 52–70.

² Там же. № 11. С. 29–44.

³ Там же. 1937. № 1. С. 39–51.

⁴ Там же. 1940. № 8. С. 20–31.

⁵ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ См.: *Иллерицкий В.Е.* Исторические взгляды В.Г. Белинского // *Вопр. истории.* 1948. № 7; *Сладкевич Н.Г.* Исторические взгляды Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова // Там же. 1949. № 2; *Виленская Э.С.* Исторические взгляды А.Н. Радищева // Там же. № 9; *Волк С.С.* Исторические взгляды декабристов // Там же. 1950. № 12; *Иллерицкий В.Е.* Исторические взгляды А.И. Герцена // Там же. 1952. № 10.

⁸ *Иллерицкий В.Е.* Исторические взгляды В.Г. Белинского. М., 1953.

⁹ См.: *Шмидт С.О.* О предмете советской историографии и некоторых принципах ее периодизации // *История СССР.* 1962. № 1; *Нарочницкий А.Л.* О преподавании историографии в высшей школе // *Вопр. истории.* 1973. № 6.

¹⁰ *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884. С. VI–VIII.

¹¹ См.: *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. 2-е изд. М., 1898. Т. 1. С. 1–4.

¹² *Косминский Е.А.* Историография средних веков. М., 1963. С. 7–9.

¹³ См.: *Очерки истории исторической науки в СССР.* М., 1955. Т. 1. Введение; *Черепнин Л.В.* Русская историография до XIX века. М., 1957. С. 4–5.

- 14 *Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под. ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. М., 1971. С. 3.*
- 15 Там же. С. 7–8.
- 16 См.: *Вопр. истории. 1962. № 4. С. 142–145.*
- 17 См.: *Сахаров А.М. Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР // Вопр. истории. 1962. № 8; Он же. О предмете историографических исследований // История СССР. 1974. № 3. С. 90–112.*
- 18 *Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. С. 3–4.*
- 19 *Сахаров А.М. Указ. соч. С. 114.*
- 20 *Нечкина М.В. К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1962. № 2. С. 60–61.*
- 21 *Сахаров А.М. Указ. соч. С. 112.*
- 22 *Шапиро А.Л. Некоторые замечания о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1961. № 3. С. 81.*
- 23 *Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Тр. МГИАИ. М., 1965. Т. 11. С. 4–5.*
- 24 Там же. С. 5.
- 25 *Нечкина М.В. История истории: некоторые методол. вопросы истории ист. науки // История и историки: историография истории СССР. М., 1965. С. 9.*
- 26 *Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968. С. 3.*
- 27 См.: *Твардовская В. Историческая концепция революционных демократов // Новый мир. 1963. № 9. С. 249–251.*
- 28 См.: Там же. С. 250.
- 29 *Иллерицкий В.Е. Революционная историческая мысль в России. М., 1974. С. 17.*
- 30 *Цамутали А.Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х годов XIX в. Л., 1971. С. 27.*
- 31 *Иллерицкий В.Е. Революционная историческая мысль в России. С. 18.*
- 32 См. об этом: *Порох И.В. (рец.). Иллерицкий В.Е. Революционная историческая мысль в России. М., 1974 // Вопр. истории. 1975. № 6. С. 188–192.*
- 33 *Нечкина М.В. К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1962. № 2. С. 8.*
- 34 См.: *Горюдецкий Е.Н. Историография как специальная отрасль исторической науки // История СССР. 1974. № 4. С. 100.*
- 35 *Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьёв. М., 1980. С. 176.*

А.В.Игнатьев

АЛЕКСАНДР ДАВИДОВИЧ МАЛЯВСКИЙ

В августе 1961 г. в Институт истории АН СССР был принят кандидат исторических наук А.Д. Малявский. Почти полностью лишенный зрения, он приходил на работу всегда в сопровождении жены – маленькой худенькой женщины. Она вела его под руку и при встрече знакомых говорила: “Саша! Это такой-то” или

“Саша! С тобой здороваются”. Напряжение на лице Александра Давидовича сменялось приветливой улыбкой, он крепко пожимал руку коллеги, справлялся о здоровье, о делах... Новому младшему научному сотруднику было 35 лет, за плечами уже немало испытаний, преодоленных благодаря силе духа, поддержке близких и доброжелательному отношению окружающих.

Александр Давидович родился в 1926 г. в Москве. Его родители – интеллигентные люди, экономисты по профессии, были хорошими знатоками литературы, театра, музыки, живописи и с детства привили сыну любовь к этим высоким ценностям. В 1941 г. Александр Давидович окончил 8 классов средней школы и мечтал стать врачом. Ураган Великой Отечественной войны изменил его жизнь и планы. Последовала эвакуация в Казань. Здесь, в возрасте 15 лет, он стал готовиться к защите Родины: был включен в группу допризывников, которые при военной школе осваивали специальность снайпера. Но в 1942 г. в результате болезни Александр Давидович потерял зрение. Операция и лечение не принесли результата.

Вся семья помогала Саше не пасть духом. Вскоре он нашел в себе силы продолжать учебу, и в 1944 г. отлично окончил среднюю школу. В следующем году он поступил на исторический факультет Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. Во время учебы Александр Давидович, преодолевая трудности, связанные со зрением, был отличником. Он проявлял также способности к научной работе. Большую помощь в учебе ему оказывали однокурсники.

Среди них была Дора Петровна Плоткина. В декабре 1948 г. она стала женой, другом и верным помощником Александра Давидовича на всю дальнейшую жизнь. В 1949 г. А.Д. окончил институт с отличием. Понимая, что его недуг является серьезным препятствием к работе в средней школе, Александр Давидович усиленно готовился к поступлению в аспирантуру, что давало право преподавать в высшем учебном заведении. Для осуществления этого замысла ему пришлось преодолеть немало трудностей, обращаться за поддержкой в Министерство просвещения РСФСР и даже писать письмо И.В. Сталину. Настойчивое стремление победило, и в 1950 г. он стал аспирантом кафедры истории СССР МГПИ.

Научным руководителем Александра Давидовича был известный историк-аграрник Евгений Алексеевич Луцкий. В декабре 1953 г. Малявский защитил кандидатскую диссертацию на тему “Ликвидация помещичьего землевладения и первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства во Владимирской губернии в 1917–1918 гг.” Эту диссертацию ему удалось

позднее опубликовать в виде ряда статей. Сохранившиеся материалы обсуждения диссертации свидетельствуют, что ее автор изучил и сумел критически оценить имеющуюся литературу, впервые ввел в научный оборот материалы Государственного архива Владимирской области, умело использовал местную прессу.

По окончании аспирантуры Малявский был направлен на работу в Курский педагогический институт старшим преподавателем кафедры истории. Там, кроме общего курса отечественной истории, подготовил новый для него курс историографии отечественной истории периода империализма. Добросовестно готовясь к лекциям, он ночами заучивал текст наизусть. Одновременно занимался научной работой. Подготовил труд «Крестьянское движение в Курской губернии в революции 1905–1907 гг.» Эта работа вышла отдельным изданием в Курске в 1959 г. Она базировалась на архивных источниках и свидетельствовала об устойчивости научных интересов автора, о его приверженности к проблематике крестьянского движения в революционные периоды отечественной истории.

Чтение лекций в педагогическом институте и научная работа, по свидетельству самого Малявского, давали ему удовлетворение и позволяли забыть о тяжелом недуге. Все же через два года работу в Курске пришлось оставить, так как институт не мог выделить ему даже места в общежитии, приходилось снимать угол в комнате, где жила еще одна семья.

По возвращении в Москву Александр Давидович работал внештатным преподавателем на кафедре истории СССР Заочного педагогического института на условиях почасовой оплаты. Он вел спецсеминар и руководил практическими занятиями студентов, что для него оказалось нелегким делом. В поисках заработка Малявский приобрел вторую специальность преподавателя основ научного атеизма. Но он не бросал и научной работы, а это требовало дополнительных средств на оплату чтиц. Помогала и семья, но такое положение тяготило Александра Давидовича, да и не могло продолжаться долго.

Между тем у него родился замысел разработать историю совхозов в СССР. Этот замысел получил поддержку в Институте истории АН СССР. Вопрос об устройстве туда на работу упирался, однако, в отсутствие в институте свободных штатных единиц. Малявский настойчиво боролся за право и возможность продолжать любимую работу, жить на собственный заработок и использовать полученную квалификацию с пользой для общества. Одним из свидетельств этих усилий стало его письмо к секретарю ЦК КПСС Е.А. Фурцевой. Наконец, в 1961 г. вопрос получил благоприятное разрешение, хотя и не в той форме, о которой ду-

мал Малявский. Академик И.И. Минц, занимавшийся подготовкой большого труда по истории Великого Октября, обратился в Президиум АН СССР с ходатайством о выделении для него референта. Его просьба была удовлетворена, и Минц взял на полученную ставку Александра Давидовича.

Начался новый период в жизни Александра Давидовича. Он почувствовал себя значительно уверенней. К тому времени жена А.Д. получила степень кандидата философских наук и звание доцента, удалось разрешить материальные проблемы. Малявский стал сотрудником возглавлявшегося Минцем Научного совета АН СССР по комплексной проблеме “История Великой Октябрьской социалистической революции”. Там работала группа молодых способных историков, таких как Г.З. Иоффе, А.П. Ненароков, В.И. Миллер, Г.И. Злоказов, А.В. Игнатъев, а также представители старшего поколения – Г.Е. Рейхберг, С.М. Кляцкин, позднее Ю.И. Кораблев. А.Д. Малявский участвовал в научных конференциях, организуемых Советом, писал статьи в сборники и бюллетени, издаваемые Советом.

Но его главной работой была помощь академику И.И. Минцу в подготовке обобщающего труда, посвященного революционным событиям 1917–1918 гг. Издание трех томов этой работы завершилось только в 1982 г. Малявский довольно много сделал для выполнения этой работы, вероятно, больше других помощников Минца, кроме разве Г.З. Иоффе, редактировавшего все три тома. Малявскому приходилось не только собирать материал, но и писать по указанию академика тематические справки. Таких справок Александр Давидович подготовил, по его собственному свидетельству, около двух десятков. Некоторые из них достигали объема в несколько печатных листов. Заметим, что И.И. Минц, при всей своей демократичности и вежливости, умел быть требовательным и добиваться от своих сотрудников полной отдачи. Проблематика, выпавшая на долю Малявского, была разнообразной и, помимо центральной – крестьянского движения и аграрных преобразований – включала возникновение и деятельность Советов, а также, хотя и в меньшей степени, – национально-освободительное и рабочее движение, начало социалистического строительства. Труд Минца был, как известно, удостоен Ленинской премии и, при всех его недостатках, содержал огромный фактический материал и стоял на уровне исторической науки того времени.

Настоящий ученый, а Малявский, по нашему мнению, был таковым, он добросовестно исполняя обязанности референта, не отказался от самостоятельного научного творчества. Это требовало от него большого напряжения. Трудовой день Александра

Давидовича длился с утра до позднего вечера, так как после 8 часов работы с чтителями надо было еще обдумать прослушанный материал, сделать заметки или писать новый текст. Постоянная тяжелая нагрузка сказывалась на здоровье. У Александра Давидовича было несколько инфарктов.

Тем не менее в рассматриваемое время он написал три больших статьи, самая значительная из них – “Борьба крестьян за внепашенные арендные земли в марте–октябре 1917 г.” – была опубликована в 1978 г. в таком солидном издании, как “Исторические записки”. В этой работе Александр Давидович показал движение трудового крестьянства за расширение сельскохозяйственного производства, имевшее важное значение в противодействии “костлявой руке голода”, которой помещичий класс хотел задушить революцию. Та же тема в несколько ином ракурсе раскрывалась в другой статье Малявского, вошедшей в сборник “Исторический опыт Великого Октября” (М., 1975). Третья статья, вышедшая в 1982 г., открывала новую в творчестве Александра Давидовича проблематику борьбы политических партий России по аграрному вопросу (см. сборник “Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: материалы конференции”. М., 1982).

В силу специфического положения Малявского в Институте (в должности многолетнего референта) продвижение его по служебной лестнице шло медленно. Все же его 50-летний юбилей был отмечен благодарностью дирекции. А в 1980 г. он стал старшим научным сотрудником – в то время это было высшей ступенью.

Самым большим достижением Малявского стала его объемная монография “Крестьянское движение в России в 1917 г. Март – октябрь”, вышедшая в издательстве “Наука” в 1981 г. Этот труд получил признание специалистов в виде ряда положительных рецензий. В нем крестьянское движение кануна Великого Октября рассматривается как составная часть общего революционного движения в России, в ходе которого осуществлялось перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. В новую историческую эпоху сложились объективные предпосылки союза рабочего класса и трудящегося крестьянства: только в результате победы пролетариата крестьянство могло получить помещичьи земли, в значительной мере заложенные и перезаложенные в банках; только в союзе с беднейшим крестьянством городской пролетариат мог свергнуть власть капитала. В работе показана связь между борьбой беднейшего и среднего крестьянства и пролетарскими выступлениями, в финале кото-

рых “штурм” рабочими и солдатами власти буржуазии происходит на фоне массового крестьянского восстания за землю и народо-властие. При этом крестьянство заимствует некоторые формы организации и борьбы рабочего класса.

Малявский анализирует аграрные программы различных политических партий, а также их связи с деревней, уделяя особое внимание работе большевиков. Он показывает, как агитация и пропаганда большевиков и большевистски настроенных рабочих и солдат активизировали борьбу крестьян с помещиками, делали ее сознательной и организованной.

Автор уделил значительное внимание деятельности крестьянских организаций – крестьянских съездов и комитетов. Он опроверг расхожее в зарубежной историографии и советской литературе 1920–1950-х годов мнение о стихийном, преимущественно разрушительном характере крестьянского движения, показал, что оно было не только массовым, но и достаточно организованным. Через волостные комитеты трудящееся крестьянство захватило и обработало часть пустующих помещичьих земель, несколько улучшив свое продовольственное положение и ослабив угрозу надвигавшегося голода. Арендная плата фактически была отменена. Крестьянские комитеты запрещали помещикам распродажу инвентаря, чем обеспечивали его сохранность и частичное использование. Вводимый крестьянскими комитетами контроль над эксплуатацией лесов содействовал прекращению их хищнической вырубке и в тоже время удовлетворению насущных нужд крестьянства в лесе. Деятельность крестьянских комитетов принесла не только полезные общественно-экономические результаты. Крестьянский контроль подготовил быструю и организованную ликвидацию помещичьего землевладения после Октябрьской революции.

Малявский тщательно проанализировал формы крестьянского движения. Он выделил 44 вида крестьянской активности и сгруппировал их в шесть групп, отличающихся направленностью и социальным составом участников. Автор провел также статистическое исследование размаха крестьянского движения, дав наиболее полную по сравнению с предшественниками картину как по числу выступлений (16 298), так и по охвату территории (84 губернии). Помесячные данные позволили ему сделать обоснованные выводы о динамике движения.

В работе показана роль сельскохозяйственных рабочих в развернувшейся борьбе в деревне. Они по примеру пролетариата города вводили 8-часовой рабочий день, добивались повышения заработной платы. В некоторых случаях сельскохозяйственные рабочие брали в свое заведование фактически брошенные помещи-

чьих имения, приобретая при этом опыт управления. Батраки вместе с деревенской беднотой боролись против экономического и политического преобладания кулачества.

Пожалуй, самым спорным в исследовании Малявского является вопрос о соотношении борьбы крестьян против помещиков и против сельской буржуазии. Автор приходит к заключению, что вторая социальная война “в целом за март–октябрь несколько превышала первую социальную войну” (с. 325). Между тем представляется вряд ли правомерным включение в статистику антикулацкой борьбы всех выступлений крестьян против хуторян и отрубников, большинство которых были середняками или даже бедняками. Этот вопрос, как признавал и сам Малявский, требовал дополнительного изучения, но сама постановка его и разработка методики статистического изучения крестьянского движения представляли несомненную заслугу автора.

Большое значение имеют Приложения к книге, содержащие сводные данные о крестьянском движении по месяцам и губерниям, об участии большевиков в крестьянских съездах 1917 г., о деятельности крестьянских съездов и волостных комитетов по губерниям и уездам. Все таблицы (их восемь) тщательно обоснованы архивными источниками, документальными изданиями и литературой.

Монография Малявского послужила основой его докторской диссертации, с успехом защищенной в 1983 г. Оппонентами на защите выступали видные историки – доктора исторических наук, профессора В.П. Наумов, И.М. Ионенко и Г.А. Герасименко.

Вскоре наступило время горбачевской “перестройки”. Научный совет по комплексной проблеме “Истории Великой Октябрьской революции” оказался в сложном положении. Александр Давидович пострадал одним из первых. В мае 1986 г. аттестационная комиссия Института рекомендовала перевести его на пенсию по возрасту (60 лет) и состоянию здоровья. Он не смирился с предстоявшим увольнением и подал апелляцию. В ней ученый писал, что за 25 лет работы в Институте он, несмотря на инвалидность, выполнял всю возложенную на него работу и не имел ни одного замечания. Подчеркивал, что для него “научная работа – единственная форма трудовой деятельности и смысл существования”. Малявский просил о переводе его на должность старшего научного сотрудника-консультанта с тем, чтобы иметь возможность завершить задание академика Минца и работу над монографией “Классы и политические партии России в борьбе за крестьянство в 1917 году”. Ходатайство Малявского, поддержанное Научным советом и его председателем, было удовлетворено, и Александр Давидович проработал в Институте еще несколько

лет в качестве старшего научного сотрудника-консультанта. Решение на эту работу приходилось ежегодно продлевать.

В 1987 г. вышла статья А.Д. Малявского “Вторая социальная война в российской деревне в 1917 г.” (см. “Великий Октябрь: проблемы истории”. М., 1987), где он учел критику по ряду вопросов, что было важно для будущей монографии. Работа над ней осталась на стадии сбора материала и составления подробного плана. Александр Давидович написал также целую серию статей для Советской исторической энциклопедии, Большой Советской энциклопедии и Малой Советской энциклопедии по аграрной проблематике, истории Советов и первых социалистических преобразований.

В 1988 г. Минц был освобожден от заведования Научным советом, а 30 марта 1989 г. Малявский был уволен из Института, где трудился почти 30 лет. Попытки найти другую работу успеха не имели.

Последней радостью в профессиональной жизни Малявского явилось присвоение ему в 1997 г. звания “Ветеран труда”. 6 марта 2000 г. Александра Давидовича не стало.

ПУБЛИКАЦИИ

*

ПИСЬМА М.С. КОРЕЛИНА В.И. ГЕРЬЕ*

Письма известного русского историка конца XIX в. Михаила Сергеевича Корелина (1855–1899) к его учителю Владимиру Ивановичу Герье освещают важные вехи творческого пути историка, его исследовательскую лабораторию, работу над источниками в русских и заграничных научных центрах, творческие контакты с европейскими специалистами по темам исследования. В научный оборот вводится комплекс документов, представляющий большой интерес для освещения проблем изучения всеобщей истории в дореволюционной России¹.

Письма Корелина представляют важный и ценный материал для специалистов по истории русских дореволюционных университетов. Они повествуют о повседневной жизни университетских преподавателей, ритме их профессиональной деятельности, освещают вопросы их семейного быта, раскрывают характер корпоративных отношений в среде профессуры Московского университета.

Письма Корелина – это поучительная история долгих и довольно плодотворных отношений учителя и ученика: В.И. Герье и М.С. Корелина. История взаимоотношений Герье² и Корелина началась в 1876 г., когда Корелин поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В начале учебы Корелин находился под влиянием радикальных идей Д.И. Писарева и П.Л. Лаврова (с таким интеллектуальным багажом в этот период в университет приходили почти все выпускники гимназий).

* Письма хранятся в Отделе рукописей РГБ (Ф. 70. Карт. 45. Ед. хр. 14–17). Составитель Д.А. Цыганков.

¹ См. например: *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М.; Л., 1929–1931. Ч. 1–2; *Сафронов Б.Г.* Историческое мировоззрение Б.Г. Вишпера и его время. М., 1976; *Он же.* Вопросы исторической теории в работах М.С. Корелина. М., 1984; *Он же.* Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995.

² О Герье см.: *Цыганков Д.А.* Профессор Московского университета В.И. Герье (1837–1919) // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 219–230.

Большое влияние на Корелина-студента оказал специальный курс по творчеству Данте и итальянскому Возрождению профессора всеобщей литературы Н.И. Стороженко. Погружение в эпоху Ренессанса заставило Корелина принять активное участие в семинарах по всеобщей истории профессора В.И. Герье, где студент почувствовал вкус к историческому исследованию. В семинаре Герье Корелин сделал доклады по средневековой и новой истории: “Преступление и наказание по Салической правде”, “Разбор жизнеописания Генриха IV”, “Разбор мемуаров маркиза де-Ферьера”, “Разбор мемуаров американского посла в Париже Морриса” и др. Герье заинтересовался Корелиным, подолгу беседовал с ним об особенностях труда историка, роли и значении учителя в жизни ученика. Он приглашал его на домашний семинар, в работе которого принимали участие как корифеи университетской науки (например, В.О. Ключевский), так и старшие ученики Герье (например, Н.И. Кареев).

По окончании университета в 1880 г. Герье предложил Корелину остаться для продолжения ученых занятий на кафедре всеобщей истории; выхлопотал ученику именную стипендию им. Т.Н. Грановского, затем – большую стипендию Министерства народного просвещения. В 1885 г. Герье добился для Корелина заграничной научной командировки, в ходе которой молодой ученый посетил Германию, Австро-Венгрию, Швейцарию, Италию, Великобританию.

Корелин получал от своего учителя душевную теплоту и академическое покровительство. Он делился со своим учителем не только своими творческими победами, но и сомнениями, опасениями, тревогами, т.е. всем тем, без чего немислима научная работа.

Это многолетнее сотрудничество двух ученых Московского университета ярко отражено в публикуемой переписке.

Я нарочно не спешил писать Вам, многоуважаемый Владимир Иванович, потому что хотелось за раз представить Вам свою программу лекций на курсах и поделиться различными мыслями по поводу книг, прочитанных мною за это время. Летние занятия я начал статью о Тассо и написал около 2 печатных листов¹. Книга Чекки Луониса² служила мне только поводом изложить собственное понимание Возрождения, как сложилось оно у меня под влиянием прошлогодних занятий³; я не прилагал содержания книги, а только пользовался ее материалом, который, как мне казалось, отлично подтверждает положения, взятые не у Чекки. Самая характеристика поэта в моей статье сделана с иной точки зрения, чем в разобранной книге: когда я писал о Тассо, у меня перед глазами носились фигуры Лютера⁴ и Мильтона⁵ и напрашивались на сравнение их сходства и различия, по-моему, характерны для времени. Понятно, что я с нетерпением жду Вашего отзыва (а может быть, нагоняя за легкомыслие). Возрождение продолжает интересовать меня по-прежнему; за лето я настолько изучил итальянский язык, что теперь, правда со словарем, читал без затруднения статью Naosu⁶ о Л. Валле. Но эпоха при всей своей занимательности и обилии материала чрезвычайно трудна для изучения, потому что книг мало, и вопрос о религиозных воззрениях гуманистов продолжает для меня оставаться наиболее трудным из всей магистерской программы. Наиболее времени отнимает у меня, конечно, Греция вообще и курсовая программа, мне никак не удалось построить курс, который по единству и систематичности изложения напоминает Ваш курс о переходе Римской республики в империю или хотя бы мой прошлогодний. Сначала я хотел положить в основание отношение Греции к Востоку – в введении – развитие восточной цивилизации, затем влияние ее на Грецию в доисторическую эпоху, далее развитие и перерождение элементов чуждой культуры в классическую, потом столкновение обеих культур в V веке и, наконец, эллинизм. Но при подобном рассмотрении плана оказалась целая масса неудобств и затруднений, как в содержании, так и, в особенности, в

¹ Напеч.: Ист. вестн. 1883. № 7–9.

² Torquato T. Il pensiero e le belle lettere ital. nel sec. XVI. Флоренция, 1877.

³ Один из вопросов магистерского экзамена по всеобщей истории у Корелина был посвящен Возрождению.

⁴ Лютер (1483–1546) – церковный реформатор.

⁵ Милтон (1608–1674) – классический английский поэт, в творчестве которого преобладают библейские образы.

педагогическом отношении. Вопрос о раннем влиянии Востока, напр., оказался до такой степени спорным, что необходимо самостоятельное изучение источников для того, чтобы только стать на ту или другую сторону; а, кроме того, если такое влияние было, то оно касалось только области внешней и внутренней культуры, так что при изменении барышни могли бы оказаться не только без Ликурга, но даже и без Солона. Здесь мне попала статья Herthals'a *Der Durchbruch der subjectiven Personlichkeit bei den Griechen*⁶ – превосходная тема для курса классикам IV курса, чтобы просветить их в специально знакомой мне области, но для наших барышень и это не годится. В конце концов, я остановился на повествовательном курсе, хотя и здесь распределение материала оказалось для меня не без трудностей. В вступительной лекции я буду говорить об особенностях греческой цивилизации и об ее отношении к новой; потом о природе Греции, ее населении, о пеласагах и их быте; Восток буду рассматривать только в связи с Грецией, как один из факторов ее цивилизации. Египет и Ассиро-Вавилония будут рассмотрены как творцы той культуры, из которой через финикийцев, а позже и непосредственно могли влиять на Грецию, постараюсь в 3–5 лекциях проследить судьбу этих трех народов. Относительно персов еще не решил: собственно говоря, их роль объединителей Востока служит подготовлением развития эллинизма, но столкновение с греками заставляет изложить их историю раньше македонского периода, и я думаю поместить их историю перед персидскими войнами. Китайцев и евреев оставлю в стороне, а относительно индусов жду от Вас окончательного решения: мне кажется, что о них должен говорить Лопатин⁷ и Стороженко⁸. Затем изложение пойдет по отделам. 1. Религия и в связи с ней мирозерцание. Здесь барышни познакомятся с развитием прелестных мифов, с постепенным уничтожением восточных элементов в этой области и с углублением религиозных воззрений. Хронологическим пунктом первого периода будет эпоха Перикла. 2. Развитие национального самосознания у греков. Сюда войдут кочевания и переселения греческих племен, амфикистия⁹ и другие элементы соединения; противоположности доризма и ионизма и борьба за гегемонию. Хроноло-

⁶ Формирование субъективной личности у греков.

⁷ Лопатин Л.М. (1855–1920) – философ, профессор Московского университета, преподавал на ВЖК.

⁸ Стороженко Н.И. (1836–1906) – филолог, профессор Московского университета, преподавал на ВЖК.

⁹ Так назывался у греков союз различных племен. Они собирались на празднества при святилище какого-либо известного бога, обсуждали при этом общие дела союза и улаживали споры между отдельными его членами.

гическим пунктом здесь будет окончание пелопонесских войн. 3. Развитие государственности в Греции. Здесь рассмотрю постепенное развитие политических учреждений в Спарте, смены форм в Афинах, борьбу аристократии и демократии и окончу также эпохой пелопонесской войны. Следующий отдел – упадок греческих учреждений будет разделен также на 3 части: упадок язычества, падение греческих учреждений и падение национальной независимости, причем македонская монархия будет рассмотрена подробно, если позволит время, и в связи с ней будет изложена эпоха эллинизма. Христианство до окончательной победы над язычеством принадлежит, по моему мнению, древней истории, как ее завершение, но его удобнее излагать в конце римской, а не греческой истории, поэтому оно не входит в мой расчет; кроме того, и на изложенную сейчас программу нужно, по меньшей мере, 45 лекций. Таков план, на котором я теперь остановился; у меня он написан подробно, набросано даже несколько лекций, но я тем более нуждаюсь в Ваших замечаниях, что этот план далеко не удовлетворяет даже своего автора. В сущности, он компромисс первоначальных стремлений с хронологическим изложением и включает в себе недостатки именно вследствие этого примирения. Правда, такое изложение не будет страдать односторонностью, почти неизбежной при первом приеме, и меньшею отрывочностью, чем во втором случае, зато у меня непременно будут встречаться повторения. Гизо¹⁰ требует от историка, чтобы он собрал все факты, осветил их взаимные отношения и представил прошлую жизнь так, как будто бы она совершалась перед нашими глазами – мой курс будет удовлетворять отчасти первому требованию; для удовлетворения второй задачи неизбежны, кроме разных других условий, при моем плане повторения; что же касается до воссоздания живой и полной картины прошлого, оно невозможно для меня не только по недостатку таланта, но и по распределению материала: о современных явлениях в различных областях жизни придется говорить в разное время. Как видите, недостатки сознаю, а исправить их не хватает сил... Кроме Греции и Возрождения, занимаюсь теперь вопросом о германских вечах, прочел нужные места у Вайца¹¹ и Эйхгорна¹² теперь сижу за Даном¹³. Хотел также и у Зиккеля¹⁴ прочесть

¹⁰ Гизо Ф.-П.-Г. (1787–1874) – французский историк и государственный деятель.

¹¹ Вайц Г. (1813–1886) – немецкий историк.

¹² Эйхгорн К.Ф. (1781–1854) – немецкий юрист, один из основателей школы исторического права.

¹³ Дан Ф. – известный немецкий поэт, историк, юрист.

¹⁴ Зиккель (Theodor von Sickel) (1826–?) – историк, профессор истории в Вене.

только некоторые главы, но заинтересовался и прочел все. Преинтересная в некоторых отношениях книга. Зиккель не только до конца исчерпывает свои скудные источники, переворачивая их во все стороны, но пытается пополнить пробелы дедуктивным путем. Не зная характера какого-нибудь исторического явления, он старается из условий той эпохи воссоздать то, о чем умалчивают источники. Пользуясь таким приемом, он написал 200 больших убористых страниц о “свободном государстве”, как он называет исторический быт германцев до усиления франкской монархии и даже ранее. Несмотря на многочисленные парадоксы, обильные противоречия, которые уменьшают и иногда и совсем уничтожают ценность выводов Зиккеля, мне его прием нравится. Мне кажется, что таким путем можно достигнуть гораздо большего, чем форсированной интерпретацией какого-нибудь союза в единственной фразе уцелевшего источника, кроме того, выводы, полученные таким путем, будут отличаться математической точностью. Вопрос о вечах теперь для меня ясен за исключением двух пунктов – образования веча из родовых отношений и связи его с франкскими сеймами. В 1 1/2 месяца, следовательно, можно с доскональностью изучить сравнительно крупный вопрос в политической истории, а с гуманистами вожусь второй год; историческая анатомия и физиология оказываются не в пример легче психологии, но за то и менее интересны. Вероятно, их сравнительною легкостью и объясняется обилие крупных исторических работ в этой области; сравнительный метод, толкование источников, издание новых материалов – все направлено в эту область. Мне кажется, что и на историографии, как и на других проявлениях умственной и художественной жизни, отражаются общее реальное, если не материалистическое направление. Пример Кареева¹⁵ характерен в этом отношении: прежде его занимали вопросы внутренней культуры, его статьи в “Знании” и “Филологических записках”¹⁶ касались духовной истории человечества, а диссертация¹⁷ представляет, по моему мнению, результат бессознательного увлечения духом времени. В разговорах даже с серьезными историками мне случалось замечать, что под научными работами они разумеют только сочинения по исторической анатомии и физиологии; эта односторонность и попытки людей бо-

¹⁵ Кареев Н.И. (1855–1932) – русский историк, ученик В.И. Герье.

¹⁶ Кареев Н.И. Главные антропоморфические боги славянского язычества // Филолог. зап. Воронеж, 1872. № 3–5; Космологический миф // Там же. 1873. № 1; Мифологические этюды // Там же. № 1, 3, 4, 6; 1874. № 1/2, 5.

¹⁷ Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века: ист. дис. Н. Кареева. М., 1879.

лее смелых и легкомысленных свести все явления исторической жизни к Magentrage¹⁸ словно аналогичны с реализмом и натурализмом в искусстве и беллетристике. Какой-нибудь Любавич, выводящий реформацию из городского движения исключительно, или Иванов, утверждающий, что христианство не имело исторического явления, родные братья с Зола и Ко.

Кроме этих постоянных занятий, часа 3 в неделю (не каждую, к сожалению) посвящаю на исполнения обещания Павлу Гавриловичу¹⁹ написать изложение содержания его книги в Ист. Вестник²⁰. Я не знаю, что выйдет еще при моих замечаниях. Мне по двум причинам хотелось бы написать большую критическую статью о его книге: во-первых, она сама по себе ее заслуживает, а, во-вторых, пора же наконец ввести в русскую литературу критику sine ira et studio (в нравственном смысле), что от наших журналов ждать трудно. 3 вопроса моей программы подведут меня довольно близко к содержанию его книги (германское вече, французский феодализм и английский парламент), просмотрю Павла Дьякона и законы Ротариса. Но если и удастся выполнить мое намерение, напечатаю заметку только после своего экзамена, дабы не дать повода злоязычным толкам, хотя панегирика писать и не намерен. Мне кажется, напр., что Виноградов напрасно не предпослал изложения быта германцев по Цезарю и Тациту²¹, как он это сделал с империей и остготами. Может быть, и эти главы как 2 и 3 из его книги, остались бы вне связи с содержанием, но зато для читателя были бы одинаково ясны основания и романистов, и германистов в их построениях феодализма. Но прежде чем все это написать, надо еще много подумать, что я откладываю до более благоприятного времени. По праздникам и после обеда почиываю отзыв Маколея²², Карлейля²³ и книгу Стасюлевича²⁴. Маколею от души завидую, такие блестящие характеристики, что прощаешь иногда слишком заметное пристрастие, разбросанные кое-где замечания общего свойства, по-моему, стоят иногда целого трактата. Опыты мне представляются гораздо более талантливыми, блестящими и поучительными, чем его большие со-

¹⁸ нуждам желудка.

¹⁹ Виноградов П.Г. (1854–1925) – русский историк, ученик В.И. Герье.

²⁰ См.: Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880.

²¹ Цезарь Юлий. “Записки о галльской войне”; Тацит. “Германия”.

²² Маколей Т.Б. (1800–1858) – английский историк.

²³ Карлейль Т. (1795–1881) – английский историк.

²⁴ Стасюлевич М.М. (1826–1891) – общественный деятель, издатель, историк. Имеется в виду книга “Опыт исторического обзора главных систем философии истории”.

чинения, в которых повествовательный элемент слишком силен и лиризма слишком много для настоящего исследования. Недостатки Карлейля еще более значительны: он скорее романист, в духе Гюго, чем историк. Что же касается до книги Стасюлевича, она производит чрезвычайно неблагоприятное впечатление (не подумайте, что я сержусь на автора за его обращение с моим “Фавустом”, хотя его упорное молчание странно даже для такого генерала, как Стасюлевич). Туманное и разгонистое введение представляет плохую популяризацию идей Гегеля, а в самой книге вообще нет следа умственной операции – это не особенно искусное изложение чужих мыслей без всякой критики. Такую диссертацию можно написать за полгода, но памятуя мудрое изречение о мудрости творчества и легкости критики, обращу свои взоры на собственную персону. И “с душевным прискорбием” замечу, что со времени окончания курса прошел уже год, а сделано весьма мало. Две статейки, из которой одной цена грош, а другой, может быть, и того меньше, около 40 литографированных довольно разгонисто лекций (перечитать которые, замечу, кстати, не хватает духу, до того гнусно они изданы), скромное количество прочитанных книг, довольно ясное общее понимание значения и рода двух-трех крупных событий, таково же знакомство с несколькими вопросами магистерской программы – вот все, что дал год. Кое-чему научил своих учеников и учениц, может быть, уяснил немного историческое понимание пятка или десятка слушательниц, но все это не входило в круг моих, так сказать, главных обязанностей, за которые мне университет заплатил 400 рублей. При таком ходе дела пойти будущей весной на магистерский экзамен с таким настроением, с каким хотелось бы, едва ли будет возможным. А ведь год был в высшей степени благоприятный: я ни разу не был болен по настоящему. Успокаивает несколько только то соображение, что в моем распоряжении остается еще, по меньшей мере, четверть века, и что за это время я успею исполнить все свои намерения и расплатиться с всевозможными долгами.

Новостей из общественной жизни за Ваше отсутствие много. Николай²⁵ посетил университет, говорил очень мало, может быть, поэтому не сказал ни одной глупости, подобно своему предшественнику. На профессоров произвел различное впечатление. Одни остались довольны, что он обещал сохранить устав 63 года, другие обиделись, что при представлении не давал руки. Затем министр посетил пустые гимназии и говорил Лебеву о

²⁵ Николай А.П. – государственный деятель, в 1881–1882 – министр народного просвещения.

поддержании дисциплины, посему никаких надежд не возбудил. В университете по обычаю классики (Цветаев²⁶) предложили оставить при университете еще троих бездарностей (Радецкого, Строгальцова и Сумарокова), что неудивительно, а Тихонравов²⁷ оставил моего товарища Рузского, работающего, но неспособного и, кажется, еще нахального невежду Тимофеева – этого я понять не могу. Наиболее способный из оставленных, без сомнения, Варшер²⁸. Курьезно относятся к этому делу некоторые из профессоров. Недалеко от меня живет Буслаев²⁹; я иногда встречаюсь с ним и беседую или нехотя слушаю его рассуждения на разные темы вроде того, как следует произносить фамилию Потебня³⁰ с ударением на е или на я, или что при католицизме возможны всякие формы правления, а в православии только самодержавие, п.ч. в церкви читают “благочестивого, самодержавнейшего” и т.д., и что он ни за что не перейдет в католицизм, хотя бы об этом мечтали иезуиты и т.д. Когда я спросил его, как случилось, что он не приготовил себе преемника, он ответил, что это дело не его, а университета. Сведения об оставленных при университете сообщил мне Высотский³¹, с которым я познакомился здесь на даче и очень изумился, как быстро сумел он освободиться от научных интересов до такой степени, что по его разговорам не только нельзя заключить, что он держал магистерский экзамен, но даже и не сразу догадаешься, что имеешь дело с кандидатом. Может быть, Вам будет интересно узнать судьбу Ваших учеников нынешнего и отчасти прошлого выпуска. Беркут получил место в частной гимназии Воскресенского, Шамонин – в Коломне, Анциферов – у Фадлера, а прочие, кажется, без места. Виппер³², по всей вероятности, будет давать уроки истории в школе живописи и ваения, куда его отец поступил инспектором, а Гиацинтов живет у мамыши. Что касается до Вашего покорного слуги, то он от души желает Вам такого же настроения духа, каким пользуется теперь сам; в результате благодушия и умеренных трудов (часов 7 в среднем, причем иногда сижу и по 11) значительно растолстел, так что в моем возрасте и в моих чинах физической солидности могло бы быть и помень-

26 Цветаев И.В. (1844–1913) – филолог-классик, профессор Московского университета.

27 Тихонравов Н.С. (1832–1893) – филолог, профессор Московского университета.

28 Варшер С.А. (1854–1889) – историк литературы.

29 Буслаев Ф.И. (1818–1897) – филолог, профессор Московского университета.

30 Потебня А.А. (1835–1891) – филолог.

31 Ученик В.И. Герье.

32 Виппер Р.Ю. (1859–1954) – историк, ученик В.И. Герье.

ше. Уроки в институте³³ получу почти наверняка, не знаю только, в каком количестве. Прощение подал Кананову³⁴, причем он мне сказал, что на место умершего А. Попова метит Бессонов³⁵. Только одно меня немного огорчает: министерство отказало мне в стипендии, хотя и поставило на вид университету, что при повторении представления в конце нынешнего года оно может внести в свою смету лишних 500 рублей на мою долю.

Однако письмо приняло такие размеры, что я боюсь затруднить Вас своею болтовней. Пока, до свидания. Покорнейше прошу передать мой поклон Авдотье Ивановне³⁶, жена свидетельствует свое почтение.

Глубоко и искренно уважающий Вас

М. Корелин

Если вздумается письменно сделать мне замечания на программу или вообще найдете время чиркнуть мне строки две три о вашем житье в деревне, то доставите мне удовольствие. Мой адрес. По Ярославской железной дороге, Мамонтовская платформа, дер. Листвяны.

Константиновское. 14 июля (1882)

Поездка по Вене, с которой я вернулся несколько дней тому назад, помешала мне раньше писать к Вам, многоуважаемый Владимир Иванович. Между тем, мне очень хочется, и я считаю своей обязанностью сообщить Вам итоги прошедшего рабочего года. Я очень рад, что могу сделать это в письме, а не в официальном отчете, потому что таким образом представляется возможным не только перечислить заглавия и содержание книг, прочитанных мною для экзамена, но и коснуться вообще моей скромной деятельности на поприще науки и просвещения. Делаю это тем с большой охотой, что успешность приготовления к экзамену оставляет желать очень многого. На самом деле, прошлой зимой я получил, строго говоря, один вопрос из моей программы – “афинские учреждения до Перикла”, правда, и сдавал это основательно, и много думал и прочитал больше, чем требовалось. Зато вопрос об источниках Перикла готов только вчерне, т.е. есть вообще представление эпохи, деятелей, характер источников, но частности еще остаются. Вопрос о германском вече

³³ Имеется в виду Лазаревский институт восточных языков в Москве.

³⁴ Кананов (?-?) – директор Лазаревского института.

³⁵ Бессонов П.А. (1828–1898) – историк-славист.

³⁶ Жена В.И. Герье.

также еще не закончен, вот я прочитал и Weutza и Eichorna etc, факты и подробности конспектированы, но общего воззрения, определенной и ясной картины еще нет. То же самое можно сказать о средневековых еретиках и мистиках. Происхождение, смысл и значение этого явления мне понятен, но внешняя история, взаимное отношение ересей еще отнимут у меня достаточно времени. Итак, со времени окончания курса прошло уже 2 года, а из 15 вопросов моей программы 7 остаются еще нетронутыми. Это обстоятельство не раз повергало меня в глубокое уныние, а особенно при расстроенных нервах: появлялись сомнения и в способности работать, и в средствах для достижения цели, и в возможности добросовестно и с пользой исполнять свои обязанности в будущем. Не раз начинались размышления на ту тему, что и хороший бухгалтер лучше хорошего профессора. Но молодость легкомысленна, а в особенности, когда она обретается в великом здравии, и мне теперь сдается, что в сентябре 83-го года программа будет выполнена удовлетворительно. Утешением в медленности работы были для меня курсовые лекции, но они мне служили источником новых сомнений. Знаний для курса было мало, а главное трудно было выбрать систему, так чтобы изложение было стройное, чтобы слушательницы моего курса удержали в памяти общий курс греческой истории, чтобы они могли оценить значение нового факта, который встретился им в книгах. Ни Грот¹, ни Курциус², ни Шеманн³ не только не дают плана, но даже иногда не отвечают на вопрос, который особенно нужен для данной лекции. Ходишь, бывало, целыми часами по комнате, выдумываешь план и угадываешь смысл того или иного явления. Наконец, что-нибудь выйдет, но на этом не кончается. Нужно еще проверить, действительно существует вновь открытая Америка? Читать специальные монографии (напр., о религии) некогда, да и не знаешь еще, в какой именно найдешь, что нужно; приставать к Вам, вечно занятому, совестно; в авторитет Павла Гавриловича⁴ плохо верится, ловишь, бывало, на лекции Шварца, да его прямо спросить неловко, а начинаешь разговор издалека, о новой книге, и ведешь его так, чтобы заставить собеседника высказаться именно потому вопросу, который интересует в данное время. Правда, курс вышел продуманный, по-преимуществу, но еще какова-то его цена? Ответа на этот вопрос с нетерпением

¹ Грот Дж. – английский политический деятель, историк.

² Курциус Э. (1814–1896) – английский историк и археолог.

³ Шеманн Г.Ф. (1793–1879) – немецкий филолог, занимавшийся греческими древностями.

⁴ Виноградов П.Г. (1854–1925) – историк, профессор Московского университета.

жду от Вас и усерднейше прошу Вас не щадить самолюбия. Наконец, прежний вид моей деятельности, уроки в институте, точно также меня не удовлетворяют: результаты их очень скудны. Я еще не знаю, от чего это происходит: или неудовлетворительна программа или я неверно поставил задачу с самого начала. Начиная уроки, я имел в виду широкую цель – добиться знания учебника, понимания главнейших фактов и расширить несколько содержание Иловайского⁵, а на деле вышло совсем иначе: большинство знало учебник, весьма немногие его понимали, и никто не сделал шагу дальше. На это ушло все время. Постараюсь на будущий год вести дело по-другому. Что касается до истории занятий, то они начались недурно, хотя страшная жарница мешает работать. План курса в общих чертах готов, хотя подробности еще не выработаны. Теперь не сообщаю Вам, п.ч. говорил о нем еще до отъезда, а в окончательной форме пришлю в августе. До сих пор не прочитал Вгусе и Wallenbacha и очень Вам за них благодарен. Вгусе в первой половине очень полезен для меня, хотя начиная с Оттонов⁶ он слишком краток и повторяется в рассуждениях. Wallenbach – отличный конспект, дает наглядную картину общего рода внешней истории папства, но жидковат. Хотелось бы мне поговорить с Вами еще о моей литературной деятельности, но тороплюсь окончить письмо, п.ч. представляется хорошая оказия его отправить. Московских новостей не знаю, впрочем, о смерти Скобелева⁷ рассказывают такие подробности, какие, наверное, не войдут в его биографию. Прилагаю проект объявления о курсах; возвратите мне его в исправленном виде: так будет вернее и количество ошибок, которые в Ваше отсутствие мы с Николаем Ивановичем⁸ наделаем, уменьшится на одну. О моих приключениях сообщу в следующем письме, а теперь позвольте пожелать всего хорошего Вам и Авдотье Ивановне. Жена кланяется Вам и просит передать свой поклон Вашей супруге.

Искренно преданный Вам

М. Корелин

Адрес до 15 августа. Московско-Курская жел. дорога, станция Подольск, село Константиновское.

⁵ Иловайский Д.И. (1832–1920) – историк, автор гимназических учебников.

⁶ Династия немецких императоров.

⁷ Скобелев М.Д. – генерал, герой русско-турецкой войны. Скоропостижно скончался в ночь на 26 июня 1882 г. в Москве. По Москве ходили слухи, что генерал умер в постели любовницы.

⁸ Кареев Н.И. (1855–1932) – историк, ученик В.И. Герье.

Вчера я получил письмо Ваше, многоуважаемый Владимир Иванович, сегодня съездил в Москву и спешу дать отчет в исполнении поручений. Объявление на дверях музея и Вашей квартиры вывешены¹: публикации согласно Вашему письму заказаны у Печковской; только я нахожу, что слишком дорого: за первую серию придется уплатить 32 руб. Нужно ли давать еще раз во второй половине августа. Мне кажется, что сумма, на них истраченная, едва ли окупится, впрочем, в 20-х числах я все-таки сделаю публикацию, если ничего от Вас не получу. У Печковской сначала затруднялись принять объявление, так как не было Вашей подписи и печати, но когда я показал письмо и дал задаток, то сомнения исчезли. Из московских газет я не счел нужным публиковать в Телеграфе, который, после приостановки, обещал выйти 1-го августа, но до сих пор еще не вышел. Надеюсь, что мы от этого ничего не потеряли, потому что наши объявления и без того прочтут барышни и ретроградные, и либеральные, и радикальные, и бестолковые по преимуществу (в Совр. извест.); не узнают об нас только консервативные, если не читают современных газет. К сожалению, не побывал сегодня у Шварца² и вот почему. От Ключевского³ я узнал, что он живет в Черемушках (за Калужской заставой, верст 9–10, если не ошибаюсь), более подробного адреса мне не сказали и в университете, так что писать к нему нельзя, а придется лично отправляться на дачу...⁴ Так как дело не особенно спешное, а к 15 августа я перебираюсь с дачи на старую квартиру в Москву, то я решил соединить приятное с полезным и сделать из деловой поездки загородную прогулку, когда не будет такой бешеной жары, как нынче. О результате переговоров сообщу в свое время немедленно.

Курсовой год начинается при самых благоприятных auspiciis. Дама, заведующая конторой Печковской, обратилась ко мне с просьбою принять деньги за слушание курсов раньше 15 сентября, п.ч. ея знакомая Кундасова убедительно просит поскорее выслать ей билет на слушание лекций в деревню. Я сказал, что постараюсь исполнить ее желание.

Кроме того, в музее мне подали письмо, адресат которого “в канцелярию высших женских курсов профессора Герье”, штемпель 8 июля и загрязненный временем конверт заставили меня вскрыть его. Оказалось, что некая г-жа Юнгмейстер из Ко-

¹ Объявление о приеме слушательниц на ВЖК.

² Шварц А.Н. (1848–1915) – филолог, профессор Московского университета.

³ Ключевский В.О. (1841–1911) – историк, профессор Московского университета.

⁴ Неразборчиво.

стромы просит прислать ей “правила для поступления на курсы”. Надеюсь, Вы не посетуете на меня за превышение власти и ничего не будете иметь против, если я исполню просьбу.

Жена Вам свидетельствует почтение и мы оба просим передать глубокий поклон Авдотье Ивановне.

Преданный Вам Корелин

Простите великодушно несвязность и неопрятность письма. Я сегодня сделал 100 верст, целый день путешествовал по жаре и теперь чувствую страшную головную боль. Между тем ни отложить, ни переписать письмо некогда: теперь уже час ночи, а наша земская почта отходит по четвергам и понедельникам утром.

Москва. 17 октября (1882)

Надеюсь, что Вы, многоуважаемый Владимир Иванович, извините мне мое молчание. Причин было несколько: хоронил шурин, а потому сам, простудившись на похоронах, проболел несколько дней; главным же образом не торопился писать потому, что желанного выяснения курсовых дел до сих пор вполне не последовало. Отчет начал печатать; заметка о десятилетии курсов, переданная через Фортунатова¹ в “Русск. Вед.” появилась в них только сегодня, а в “Голосе” еще нет до сих пор. Кстати, о газетах. Нынешний номер “Рус. Вед.” сообщает, что В.А. Морозова пожертвовала на днях в пользу Высших Женских курсов в Москве 100 000 руб. сер. Ни я, ни Стороженко ничего о такой благодати не слышали; может, это простая газетная утка, а может быть сей в нас бросающийся дым предполагает, хоть искру чистого пламени. “От слова станется” – говорит народная примета, и если она сбудется в данном случае, то я прошу газетам все их утки на будущее время. Но по курсовым делам наряду с надеждами и упованиями у меня есть и огорчения или правильное одно огорчение – поведение Шварца. Я рассказывал, что уговаривал его в интересах дела взять лекции на курсах, потому что до сих пор он не заявил отказа и не начал курса. После первой субботы я заходил к нему и не застал дома; вчера написал письмо, и ответа пока не последовало. Если он не пришлет известия до субботы, то я поручу Стороженко сделать ему категоричный запрос. В случае отказа поступлю, как Вы говорили. Герца² забаллотировали, и его заменит, вероятно, Кондаков³, так что курсы не потерпят ущер-

¹ По всей видимости, А.Ф. Фортунатов.

² Герц К.К. (1820–1883) – историк искусства.

³ Кондаков Н.П. (1844–1925) – историк искусства.

ба. Удаление Герца сопровождалось забавным эпизодом: перед выборами он составил духовное завещание, по которому библиотеку завещал университету; но, узнав о результатах голосования, Карл Карлыч созвал своих душеприказчиков Попова и Цветаева, передал завещанное и оставил библиотеку в пользу музея. Неблагодарность лиц наказана ущербом заведению – Герц остался верным своей логике. Если бы не Шварц мы бы благоденствовали – все читают, на курсах спокойствие, подписка идет не дурно – уже 144 билета выдано. Контролировал раз у Ключевского и словил ³⁴, как-нибудь еще отправлюсь на охоту, да сделаю облаву у Лопатина и Веселовского⁵. К Резанову заходил, но его можно застать только до 2; думаю, завернуть после лекций в пятницу. Библиотекой заведовать самому оказалось невозможным: книги нужны главным образом для семинария Веселовского, который бывает по понедельникам, а я мог заняться выдачей только в пятницу; поэтому я поручил это дело Кривоблоцкой. Из подписных денег еще положил 2300 рублей, из них 1500 без срока на 3%, а остальное – полгода⁶. Если все пойдет также гладко и на будущее время, то Вы будете счастливее Солона Афинского. До сих пор ничего опасного не предвидится, хотя на горизонте учебного мира начинают появляться зловещие точки. В Петерб. унив. идут беспорядки. Вы знаете, вероятно, что Поляков⁷ учредил студенческое общежитие, куда переданы были 100 Александровских стипендий и получавшим их студентам предоставлены были стол, квартира и отопление. Стипендиаты отказались на такую замену; состоялась сходка, на которой студенты-евреи согласились променять стипендию на общежитие; тогда началась страшная драка семитов с арийцами, так что потребовалось вмешательство полиции; кроме того, ректор отобрал 25 входных билетов, что вызвало новую сходку, за которой последовало закрытие юридического факультета. Я думаю, что эти волнения едва ли отзовутся в Москве: очень уж местная причина их вызвала; но изменение устава они, наверное, ускорят⁸. Уже в газетах появилось известие, что профессора ординарные будут получать 5000 руб., а прочие категории университетских преподавателей будут заменены приват-доцентами с государственным содержа-

⁴ Некоторые слушатели проходили на лекции без билета.

⁵ Веселовский А.Н. (1838–1906) – филолог.

⁶ Часть денег, получаемых от слушательниц ВЖК, помещалась в виде ценных бумаг или в банках.

⁷ Поляков С.С. – железнодорожный предприниматель, в 1882 г. пожертвовал 200 тыс. руб. на устройство общежития.

⁸ В 1879–1884 активно разрабатывались положения нового устава; принят в 1884 г.

нием и с добавкою из специальных средств; за то университетская автономия будет уничтожена. Рассказывают, что один из членов профессорской корпорации с радостью публично заявил: Бог с ней, с этой политикой, хорошо, что жалование увеличили. Хотелось бы мне выдержать фактический характер этого письма и сообщить Вам, что делается в Москве, но чувствую большое затруднение по недостатку материала. Два события занимают нашу интеллигенцию в настоящее время: сообщение Миклухи-Маклая⁹ и прощальная речь Амвросия¹⁰. На первом присутствовал и я. Торжество происходило в музее в присутствии всей Москвы – губернатора, 3 архиереев, головы, массы профессоров, но событие не соответствовало обстановке. Миклуха говорит хуже Пирогова¹¹, не умеет выбрать хоть сколько-нибудь интересные факты и отличается доходящим до наивности самохвальством. Против кафедры путешественника сидел наш родной папуас – о. Амвросий, который прощаясь на днях с паствою, в обширной речи изрек хулу на науку. Он заявил, что народ ненавидит науку и что Москва – столица русского разума. А Вы в Неметчину уехали! Зачем в России наука, когда ее народ ненавидит, архиерей проклинает, многие открыто, а еще более тайно, презирают и почти все поголовно игнорируют. Пока, до свидания; жена Вам и Авдотье Ивановне кланяется, прошу Вас передать и мой поклон Вашей супруге. Не забывайте нас, не оставляйте благовременными советами.

Искренно преданный Вам

М. Корелин

31 октября (1882)

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Не знаю, получили ли Вы мое первое письмо, или мою корреспонденцию и теперь будет преследовать такая же печальная участь, как нынешним летом. Если еще некоторое время не получу об этом никакого известия, то буду писать заказные письма, потому что писать для удовлетворения чужой любознательности не чувствую ни малейшей охоты. Курсовые дела идут вполне хорошо и, по-видимому, правильно; заметки о десятилетиях курсов появились в газетах; отчет печатается и скоро будет готов (прислать Вам экземпляр или потом?), манкировок нет,

⁹ Миклуха-Маклай Н.Н. (1846–1936) – русский ученый, этнограф, путешественник.

¹⁰ Амвросий (в миру – Ключарев А.И.) – в 1878–1882 г. – епископ Дмитровский, 1-й московский викарий.

¹¹ Пирогов Н.И. (1810–1881) – известный хирург.

даже Шварц начал свои лекции истории “средневекового” искусства, предварительно испортивши мне не мало крови. Отчаявшись получить от него какое-нибудь известие, я узнал, кроме того, что приглашение в Москву Кондакова замедлится, так как Тихонравов хотел предложить ему ординатуру Корша¹. Положение мне представляется критическим, так как Ваше поручение “преподавание и предмет” было мне не по силам. Вдруг 22 октября объявляется ко мне Шварц и говорит, что он замедлил начало лекций потому, что готовится к новому курсу, что 30-го он начнет (и действительно начал), и пропущенные часы возместит во втором полугодии. Я, конечно, выиграл духом, потому, во-первых, что очень почитаю Шварца и потому еще, что таким путем выхожу из затруднительного положения. Впрочем, есть несколько вопросов, решение которых зависит от Вас. Петрова просит позволения сдать весною экзамены по истории Рима и революции. Дозволите ли ей это и если позволите, то кому поручить экзамены? Брат Анохиной доставил мне от нея письмо, в котором она просит выдать ей или диплом, а если этого нельзя, то свидетельство о том, что она 3 года слушала лекции и сдавала экзамены. Богатова просит о бесплатном билете. Рихтер обратилась ко мне с просьбою назначить ей тему для сочинения по новой истории. Могу ли сделать это я сам и могу ли сам рассмотреть работу или и то и другое предоставить старшим преподавателям истории на курсах. Вот и все. Будьте так добры, сообщить Ваше решение по этим пунктам. О новостях русской жизни вообще и московской в особенности распространяться теперь не буду. Не могу только не порадоваться за Вас, что не совсем понятная для меня печальная история с Корфом разрешилась в Ваше отсутствие. Она, вероятно, расстроила бы и Вам нервы, п.ч. наделала много шума в Думе, в обществе и печати. Чичерина² бранят на всех перекрестках: одни за то, что он пригласил Корфа, другие за то, что он письмом просил его снять ящик, третьи за то, что не сделал этого лично, секретно, за стаканом чая. Словом, кто во что горазд, но тем не менее шум бури, происшедшей в стакане воды, звучит в унисон.

Что касается до моих личных занятий, то особым успехом похвалиться не могу. Зубная боль, затянувшаяся на некоторое время, вызвала сильное расстройство желудка, которое отразилось общим упадком сил; утомляюсь, поэтому, скоро и сильно. Кроме того, составление курса опять идет, как в прошлом году: друга неизменного на книжных полках не читаю; приходится довольст-

¹ Корш Ф.Е. (1843–1915) – филолог, профессор Московского университета.

² Чичерин Б.Н. (1828–1904) – историк, общественный деятель.

воваться следующими приличиями в переплетах и бумажных обложках. Поэтому каждый понедельник и четверг регулярно начинается погоней за фактами и фактиками и оканчивается усиленным старанием сделать все обобщения, как нужные для дела, так и случайные, но для девиц полезные. Проблемы, конечно, чувствуются здесь и там, но в конце концов эта фатальная необходимость еженедельно два раза обобщать целую серию исторических явлений и раз в год делать генеральное обобщение целой эпохи чрезвычайно плодотворна. Читая книгу по вопросу, о котором сам читал лекцию, чувствую себя значительно зреее, чем прежде. Но за лекциями и уроками остается мало времени для подготовки к экзамену; немногие свободные вечера и воскресенья я до сих пор посвящаю отчасти эллинизму, а главным образом русской истории. Любопытная она производит впечатление: занимаюсь каким-нибудь вопросом по всеобщей истории, постоянно чувствуешь *embrass des richesses*, а здесь я должен познакомиться с вечем; явление, кажется, крупное в древнерусской жизни, а литература в удивительном оскудении. Мне рекомендовали: Сергеевич³ – 120 страниц – краткое описание вечевого устройства вне времени и пространства. Вопрос о происхождении веча не затронут, точно также нет его истории, а о причинах падения сказаны две общие фразы. Кроме того, указаны Костомаров⁴ (как новгородских князей прогоняли да войны вели), Беляев⁵ (историю веча по этой книге так же удобно изучать, как историю немецких рейхстагов по Гейссеру⁶ или Д’Обиньи) и Ключевский. Об этой последней книге собираюсь побеседовать с Вами по душе, когда прочитаю ее всю.

Сейчас получил Ваше письмо и тороплюсь ответить на вопросы. Помощником у меня Павел с 11 октября. Юрьев⁷ читает правильно, хотя я его не видал, а деньги ему передал через Лопатина, которому передал Ваше желание. Впрочем, он мне говорил, что до Рождества будет читать историю психологии, а потом приступит к догматическому изложению. Контроль производил у Ключевского и Веселовского: у последнего безуспешно, а у В.О. трех словил, да одна, почтенная дама, удрала, пока

³ Сергеевич В.И. (1857–1910) – историк русского права.

⁴ Костомаров Н.И. (1817–1885) – русский историк.

⁵ Беляев И.Д. (1810–1873) – историк русского права.

⁶ Гейссер Л. (1818–1867) – немецкий историк.

⁷ Юрьев С.А. (1821–1888) – с 1853 по начало 1860-х годов – астроном-наблюдатель при обсерватории Московского университета, основал в своем имени народное училище, театр, переводил Шекспира, читал публичные лекции по истории драмы, в 1880 г. основал журнал “Русская Мысль”, с 1878 г. – председатель ОЛРС, участвовал в организации пушкинских торжеств в 1880 г.

я разговаривал с другими. Стипендиатов новых нет и без Вашего разрешения и не будет; только Козинская, как Вы сказали, из полустипендиатов получила бесплатный билет. Льготные те же, что в прошлом году – Городецкая и Захаровская. Поклон передал, кроме Стороженки, п.ч. ходить к нему теперь неудобно, как раз попадешь на крестины, а контролировать его аудиторию дело лишнее: и так с билетами то не особенно охотно его посещают. А со мною случился, кажется, неприятный казус. Варшер уверяет, будто Вы передали мне список книг, которых он должен прочитать к экзамену, а я в своих бумагах ничего подобного не нашел. Не помните-ли Вы, правда ли это? А если правда, то что же мне делать?

1 ноября.

Вчера помешали мне окончить письмо, и я отчасти этому рад, п.ч. имеется интересная новость. Сегодня в “Рус. Вед.” второй раз говорится о курсах; им посвящена передовая статья, в которой говорят разные хорошие вещи о Вас, о Соловьеве⁸, о барышнях, просят прав; но, между прочим, есть и следующее. “Мы можем только выразить сожаление, что на курсах проф. Герье почти не преподаются государственные науки, знакомство с которыми необходимо для каждого образованного человека”. Это называется служение общему благу путем печатного слова: очевидно, Гольцеву⁹ очень хочется прочитать у нас какую-нибудь государственную науку. Считаю нужным довести до Вашего сведения, так как Вы можете сделать уступку общественному мнению и предоставить, к удовольствию курсистки Ивановой, *literagatum regio* кафедре хотя бы феодального права.

Пока до свидания. Жена Вам кланяется и просит (и я то же очень прошу) передать свой поклон Авдотье Ивановне.

Искренно преданный Вам

М. Корелин

Прилагаю экземпляр отчета. Морлей куплен и в среду отправлю его к Вам.

25 ноября (1882)

Я получил на Ваше имя из статистического комитета бумагу с просьбой сообщить, сколько было учащихся в 1882 году. Что

⁸ Соловьев С.М. (1820–1879) – русский историк. Здесь имеется в виду торжественная речь при открытии ВЖК.

⁹ Гольцев В.А. (1850–1906) – магистр финансового права и политэкономии, в 1881–1882 гг. – приват-доцент Московского университета, председатель московского Юридического общества, редактор “Политического обозрения”.

ответить? Послать отчет за прошлый год или послать сведения о числе теперешних? Нужно ли послать отчет Солдатенкову¹?

С самого Вашего отъезда, многоуважаемый Владимир Иванович, я старался аккуратно сообщать Вам все, что делается здесь в Ваше отсутствие и отвел для переписки определенный день – воскресенье. Но за последнее время все как-то не удавалось взяться за перо: либо помешает кто-нибудь, либо настроение неподходящие, поэтому я решил воспользоваться первым свободным временем, чтобы поговорить с Вами о своих делах и обратиться с одной покорною просьбою.

Своими занятиями я, по обычаю, недоволен; времени мало, да и разбрасываться приходится – курсы и уроки, русская история и политическая экономия, а иногда, по юности лет, и в гости тянет, поболтать с приятелем о материях отвлеченных, то в театр захочется, то голова разболится – словом время летит быстро, а результаты плачевные. Ко всем этим препятствиям неукоснительного служения науки присоединяется еще одно и очень важное: мысль о диссертации. Спокойно и плодovито заниматься делом я могу только при том условии, чтобы вокруг меня царил порядок – начиная от письменного стола и кончая планами будущих работ, а этого-то последнего именно и нет. Обдумывая тему для диссертации я пришел к тому заключению, что работа, чтобы выйти даже в моих глазах порядочно, должна удовлетворять следующим условиям. Во-первых, она должна стоять в непосредственной связи с основной задачей нашей науки, служить хотя маленьким шагом вперед в деле открытия законов, управляющих прогрессом. Мне кажется, что теперь пишут очень мало исследований, по совершенно случайным побуждениям, при чем сами авторы не дают себе отчет в том, какое отношение имеет их работа к основным задачам науки. Результаты получаются или совсем неудовлетворительные, или же худшие, чем они были бы при правильной точки зрения на работу. Своей диссертацией я желал бы оказать посильную помощь при сооружении того здания, над которым работают историки всех стран и народов; я могу это сделать тем, что доставлю несколько новых кирпичей и сложу их в правильном порядке, чтобы обеспечить работу настоящего зодчего. Я боюсь, как бы вместо строительного материала не натащить всякого хлама или как бы не наложить кирпичи в таком порядке, что для надлежащего им пользования понадобится другая работа. Во-вторых, я желал бы написать *erschöpfende arbeit*², как говорят немцы. Пусть вопрос будет узкий, но он должен быть ис-

¹ Солдатенков К.Т. (1818–1901) – предприниматель, попечитель на ВЖК.

² исчерпывающая работа.

черпан всесторонне и с совершенною полнотою. В-третьих, мне хотелось бы взять тему по истории духовной культуры. Я не отрицаю важности политических учреждений и экономических явлений, но меня тянет к идее, в которой в конце концов выражается век, многообразные явления исторической жизни. В-четвертых, наконец, меня не привлекают работы чисто описательные; я предпочел бы изучить какое-нибудь явление в историческом развитии. Вы можете себе представить, как трудно мне было остановиться на какой-нибудь теме при этих условиях. Занимаясь эти 2 с половиною года всеобщей историей, я имел дело или с вопросами обширными (магистерский экзамен) или с целыми эпохами (курсовые лекции); остановиться на чем-нибудь, изучить досконально не было времени. Передо мною промелькнула целая масса тем, но остановиться на них без авторитетного указания я не рискую по недостатку знаний. Я мечтал избрать развитие рационализма или индивидуализма в Греции, но ведь это значило написать историю эллинской мысли, и так или иначе решить вопрос о влиянии идеи в истории. Даже мороз по коже от такой задачи; думал изучить отношение христианства к античной культуре, да и здесь убоился премудрости и церковной цензуры; меня интересовало развитие аскетизма и его виды, судьбы греко-римской образованности в Византии, отношение гуманизма к реформации в Германии и реформации к революции в Англии. Я решил проследить национальное движение в XIX веке, хотел изучить его отношение к революциям и т.д. Наконец, останавливался даже на учреждениях: являлась мысль о сравнительном изучении веча у европейцев. Даже совестно становится рассказывать об этом научном донжуанстве. После всех этих скитаний я решил обратиться к Вам с покорнейшею просьбою наставить меня на путь истинный. Вы знаете мои интересы, а также силы и способности, Вы едва ли затруднитесь в указании вопроса, п.ч. сами не мало писали, а еще больше читали и думали, надеюсь, воспользоваться вашей опытностью, чтобы спасти себя от бесполезной траты времени и сил на попытки, которые для меня могут стоить очень дорого.

Подготовка по русской истории идет ничего себе; один вопрос почти кончил (о веча). Огорчает только меня Попов³: пробовал я обратиться к нему с одним вопросом, который для меня не выяснился – о внутренней истории веча в течение 6 веков, но его это мало интересует и весь экзамен представляется простою формальностью. Наши отношения ограничиваются обменом книг.

³ Попов Н.А. (1833–1891) – историк, профессор Московского университета.

Что касается до текущих дел, они обстоят благополучно. Девицы было задумали торжественно отправлять празднование десятилетия курсов, но мне удалось их отклонить. Теперь скоро поднимется вопрос о спектакле. К сожалению, мой прежний план, о котором мы говорили перед Вашим отъездом, придется оставить, т.к. со Стороженкой спектакля не устроить. Если оставить это по-прежнему, то потрудитесь прислать мне подробную инструкцию, сколько денег для девиц и вообще как держать себя при этом предприятии. Затем, сколько дать швейцарам перед Рождеством. Плохо идет мой контроль: на лица у меня нет памяти, а всех пересмотреть нет возможности. Кроме того, по некоторым дням я не могу устраивать проверки, так как бываю в институте. Не найдете ли Вы полезным просто объявить, что вход без билета воспрещается и поставить швейцару в обязанности спрашивать билеты у входящих? Никаких нововведений без Вас не делается, хотя девицы жалуются стороною на меня, за надменность, ибо на все вопросы и требования я отвечаю, что спишусь с Вами; в таком случае обыкновенно желание берется назад. Лекции посещают пока усердно и кое-что почитывают. Мы с Кривоблоцкой приводили теперь в известность, каких книг не достает в библиотеке и за кем они числятся. Столновская и Богатова исчезли; Успенскую экзаменовали по Риму и поставили 4. Все поручения Ваши и поклоны не передал; Лопатин обещал писать в скором времени.

Жена Вам кланяется; передайте наш общий поклон Авдотье Ивановне.

Весь Ваш

М. Корелин

В последней книжке "Рус. Мысли" появились воспоминания о наших курсах Некрасовой.

Москва. 1-го января 1883 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович.

К сожалению, я не могу в нынешнем году лично, как прежде, принести Вам и Авдотье Ивановне поздравление с Новым годом и пожелать вам всевозможных благ и полного всестороннего счастья. Заменяя визит письмом, я желал бы точно формулировать свои пожелания, потому что, если их исполнение зависит от искренности желающего, то Ваша семья была бы самую счастливою из всех. Но здесь встречаются затруднения: глядя со стороны, Вам живется так хорошо, что не знаешь, что и пожелать Вам. Болезни — это, по моему мнению, единственная тем-

ная точка на вашем горизонте, поэтому я от души желаю самого цветущего здоровья Вам, Авдотье Ивановне и детям, а прочее приложить.

Ваше письмо доставило мне большее утешение. Если носить-ся над бездною неизбежной вроде развития зубных болезней у ребят, то что же доказать? Значит, не в личных недостатках коренится источник этого мучительного колебания. Мои старые темы все неудобны. Я позабыл о существовании Гардинера¹, который рассмотрел вопрос об отношении реформации к революции в Англии, взглянул на дело с правильной, по моему мнению, точки зрения. Мне пришлось бы, может быть, только внести некоторые поправки, указать влияние других факторов движения 1641-года, а этого как будто маловато. Что касается до Валлы, то против него говорит многое. Значение этого гуманиста заключалось в том, что он является первым представителем критического отношения к новому движению. После колебаний Петрарки, после бесшабашного отрицания всех форм средневековой жизни и слепого преклонения перед всем античным у дальнейших гуманистов, является в обществе попытка критически отнестись и к старому и к новому. Валла – критик по натуре, является одним из первых представителей этого течения, которое в дальнейшем развитии в Италии свело с ума Тассо (которого, заметим в скобках до сих пор не напечатал юнкер Шубинский, а генерал Стасюлевич не высылает денег за напечатанного Фауста. Обида!), а в других странах примирило античную культуру с реформированным христианством. Такое центральное положение моего героя заставляет обстоятельно изучить и предшествующую и последующие эпохи, а это поведет или к тому, что работа выйдет вроде Фауста – ни Богу свеча, ни черту кочерга, и доставит автору одни мучения, или к тому, что диссертация будет напечатана ко дню рождения старшей внучки. Кроме того, Валла был стилист и философ и в этой сфере впервые приложил свои критические способности, а это потребует обстоятельного изучения Квинтилиана² и латинской грамматики, к чему я чувствую священный ужас. Целесообразнее, должен признаться, Ваши темы и в особенности Карл Великий. Сделать эту работу не трудно можно прийти к поучительным выводам, если хватит таланта, и обнаружится критическое остроумие, если таковое имеется. Но только мне кажется, что весь научный интерес моей работы сводится к решению вопроса: составляют ли народные собрания К.В. видоизме-

¹ Гардинер (1829–1902) – английский историк, автор книги “The first two Stuarts and the puritan revolution”.

² Квинтилиан М.Ф. (ок. 35 г. н.э. –?) – римский педагог и литературный критик.

нение древнего веча или начало средневекового рейхстага – это вопрос существенно важный, но я не собираюсь заниматься средневековыми учреждениями и для меня диссертация имела бы случайное значение студенческого реферата. Что касается до легенды Мабли³, то ее, по-моему, и опровергать не стоит. А рiогi понятно, что если государь по капризу отказывается от абсолютной власти, то это не имеет исторического значения и кроме смуты ничего выйти не может; если же короли и даруют прочные конституции, то добровольность этого дара чисто формальная и легенда теряет свой пикантный смысл. Кроме того, достаточно прочитать письмо Гинкмар Реймского⁴, приведенное у Гизо⁵, чтобы вполне убедиться, что Карл, созывая сеймы, и не думал отказываться от своих прав. Впрочем, за неимением лучшей, я остановлюсь на этой теме, но только позвольте сначала поискать. Вторая Ваша тема мне менее нравится. Влияние климата в частностях исторической жизни вопрос будущего и довольно далеко; сначала еще надо решить, как он влияет на человека, а это дело не одних историков, потом надобно выбросить все прочие влияния, определить их относительную силу (степень и характер влияния на общий ход прогресса физических и рассовых свойств, идеалов и форм политических, экономических и социальных я назвал довольно неудачно в прошлом письме “законами, управляющими прогрессом”) и путем исключения определить степень влияния природы вообще и климата в частности. Трудная и опасная задача, на которой весьма легко впасть в фельетон. Бог с ней; она мне не по силам, а диссертация имеет значение предисловия, к сожалению, которое, может быть, будет иметь научное значение в XXI столетии. Когда я отправил к Вам последнее письмо, мне пришла в голову еще одна тема или, правильнее говоря, один вопрос, в области которого я желал бы поработать. Позвольте, Владимир Иванович, злоупотребить еще Вашим временем и глазами и обстоятельно изложить, может быть, легкомысленное мечтание: на семинариях Вы выслушивали от меня и более легкомысленные вещи. Дело вот в чем. Размышляя над диссертацией, я задал себе вопрос, в какой области исторического явления мог бы написать наиболее беспристрастную и в то же время интересную для себя работу. Сразу пришлось исключить политические и экономические вопросы; первые потому, что большой я

³ Мабли Габриель-Бонно (1709–1785) – аббат, один из наиболее популярных и влиятельных французских писателей XVIII в.

⁴ Гинкмар (806–882) – архиепископ Реймский, с 845 г. – один из выдающихся поборников прав галликанской церкви.

⁵ Гизо Ф. (1787–1874) – французский историк и государственный деятель.

поклонник политической свободы, вторые потому, что, наверное, скучать буду и вместо беспристрастия выйдет апатия. Удобнее всего с этой точки зрения для меня изучение идеи национальности во всех ее многообразных проявлениях. Чувство национальной исключительности и всевозможные “фильства” мне совершенно чужды: я вырос в центре, где нет национальной борьбы; мои занятия шли в таком направлении, что национальное самодовольство было парализовано в самом корне. В результате для меня нет ничего противнее, как презрительное отношение к какому бы то ни было из национальных предрассудков. Между тем, важность идеи национальности в исторических движениях, мне кажется, не может быть оспариваема и я ее вполне осознаю. Общий ход ее развития мне представляется так. В античном мире из родовой исключительности выросла идея сначала племенного единства, а потом благодаря некоторым учреждениям и главным образом внешним столкновениям не только идея национального единства, но и самой главной исключительности: ученье о зоологическом варваре. Во вторую половину древней истории начинается развитие космополитизма: софисты и философские школы в Греции, юристы и императоры в Риме действовали в этом направлении, а христианство довершило процесс. Наследие античного мира оказало сильное влияние в этом отношении на новые народы. Передовые люди варварского мира в роде Теодориха или Карла стоят на точке зрения космополитической церкви. В течение средних веков сознание национального единства нет у германцев. Часть их, во Франции, Англии и на полуостровах утрачивает родной язык; в самой Германии есть патриотизм саксонский, франконский и т.д., а нет немецкого. Только в начале новой истории появляется идея пангерманизма, ее вскормили немецкие гуманисты; она выражалась в рейхстагах Максимилиана и так окрепла в течение XVI в., что ни⁶ ... XVII, ни рационализм XVIII, ни космополитическая революция 89 г. не уничтожила ее, как это доказывают немецкие, итальянские и славянские движения XIX века. Вопрос о том, какую роль играла идея национального единства в движениях XIX в., имеет важное значение и остается, сколько мне известно, до сих пор открытым. Но для того, чтобы решить этот вопрос научно, необходимо изучить эту идею в ее первом проявлении, а для этого существенно определить национальный элемент в немецком гуманизме и реформации. Но такой вопрос слишком широк для диссертации. Патриотические стремления замечаются и в литературной, и в полити-

⁶ Неразборчиво написано.

ческой, и в религиозной сферах; придется ограничиться какой-нибудь или монографической формой (взять Вимперлинга⁷, Бебеля⁸ или Пиркгеймера)⁹, или одним вопросом, который можно разобрать с этой точки зрения (напр., патриотические стремления в немецкой историографии XV и XVI вв.). В этой области готов взять и политический вопрос, если Вы найдете это более удобным. Затруднений, конечно, масса предвидится; о самом понятии “нация” еще спорят. На днях в вагоне я прочитал брошюру Ренана *Qu'est-ce qu'une nation?*¹⁰, в которой автор доказывает, что национальные связи не составляют ни раса, ни язык, ни религия, ни географические условия... Если Вы благословите, я успокоюсь, тем не менее, на национальных стремлениях Германии в реформационную эпоху.

Мои теперешние занятия, кроме курса, по-прежнему отнимающего массу времени по русской истории. Читаю диссертацию Ключевского. Книга написана очень интересно, но если автор прав, то нам надо позабыть все, что мы читали по начальной русской истории. Русь начала IX в., оказывается, имеет громадное сходство с итальянскими городами в средние века. Родовые формы, если когда-нибудь и существовали, то пережитки во времена чрезвычайно отдаленные и на образование государства не имели ни малейшего влияния. Недавно мы беседовали с ним до 2 часов ночи на ту тему, может ли родовой строй целиком сохраниться в частной жизни, иметь полную силу в частных отношениях и в религии и в то же время бесследно исчезнуть из политической и социальной сферы. Не мог я согласиться также и с другим общим положением, что общественный класс слагается под влиянием или политических, или экономических условий. Восточное жречество и средневековая церковь доказывают противное. Меня удивляет, что до сих пор нет критической статьи на эту книгу специалиста. Собственно говоря, каждый, кто занимается русской историей нравственно даже обязан высказаться по этому поводу.

В заключение о Курсах. При занятиях мне часто приходится чувствовать Ваше отсутствие, но никогда я так не сожалел, что Вы далеко, как при объяснениях с профессорами (не всеми прочем) о курсовых делах. Представьте себе, если бы Московский государь XVI в., уезжая на богомолье, поручил председательство в думе скромному безродному подъячму, хотя бы дума и не собиралась в его отсутствие. Этот скромный подъячий – Ваш по-

⁷ немецкий гуманист.

⁸ Бебель Г. (1472–1518) – немецкий гуманист.

⁹ Пиркгеймер В. (1470–1530) – немецкий гуманист и государственный деятель.

¹⁰ Что такое “нация”.

корный слуга. По Вашему поручению, я предложил Веселов. 50 руб. на книги, он обиделся за что-то и сказал: “Я куплю и пришлю счет” таким тоном, как говорит Федотова¹¹ в роли Иоанны Безумной – дорогу королеве. Стороженко, тот требует от меня каких-то сведений и желает знать, какова его роль на курсах. Виноградов просит отсрочки публикации, чтобы в газетах было упомянуто, что он руководит семинарием, если Вы на это согласитесь, нельзя не исполнить желания, п.ч., если чего Боже храни, Пав. Гавр. сойдет с ума, то его формою помешательства будет *mania ambitiosa*. Летом это было бы смешно, а при расшатанных нервах противно. Семинарий, я думаю, Вы разрешите, хотя инициатива принадлежит курсисткам, которых чем-то огорчил Веселовский. Надеюсь, что и без Вас это не послужит прецедентом для дальнейших претензий. Что касается до отчета, то я внимательно держал корректуру по Вашему листку и не проверял его содержания. Впрочем, я, во всяком случае, не решился бы изъяснить что-нибудь, касающееся облигаций. В качестве отца семейства мне, к сожалению, еще не удалось с ними познакомиться, а как историк я твердо помню, что на православный рубль дают только две бусурманские марки. Отчет нигде не напечатан, современников я поставил о нем в известность через Стороженко, предоставив ему лишнюю прерогативу – раздавать экземпляры отчета преподавателям, но он, кажется, его позабыл воспользоваться. А для будущего историка Курсов мы исправили один листочек. (Кстати, об этих историках. Некрасова написала 2 статью о наших и врачебных курсах; я не читал ни той, ни другой, но видел в газетах, что медицинки послали адрес Ермоловой, бывшей инспектрисе, п.ч. деятельность неверно представлена Некрасовой.)

Надеюсь, что Вы не откажетесь сказать мнение о моем новом плане для диссертации. Буду терпеливо ждать, когда вы отнимите часок у занятий, чтобы пролить свет или прожечь лаписом, смотря по обстоятельствам, мои мечтания. Но черкните поскорее пару слов в ответе на мой вопрос, поставленный еще в прошлом письме: что послать мне в статистический кабинет, сколько было учащихся на курсах в 1882 году? Вчера меня вызывали в канцелярию попечителя и потребовали для обер-полицмейстера список слушательниц; но он будет не полон, п.ч. я не знаю, сколько билетов выдано Вами. Жена поздравляет Вас и Авдотью Ивановну с Новым годом, и мы оба шлем по низкому поклону.

Глубоко уважающий Вас

М. Корелин

¹¹ Федотова Г.Н. – (1846–1925) – актриса императорских театров.

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Давно уже собирался писать Вам, но все как-то не удавалось: то придет охота побеседовать, когда ждет срочная работа, то при свободном времени нет подходящего настроения; а сказать хочется многое, потому что Ваше письмо затрагивает наиболее интересные для меня вопросы. Начну с темы диссертации.

Я думаю остановиться на эпохе Карла Великого. Буду изучать источники, познакомлюсь основательно с литературой и при Вашей помощи что-нибудь изобрету. Время интересное и в политическом, и в культурной отношении; кроме того, личность, стоящая во главе тогдашнего общества, может служить лучшим представителем эпохи. Для курса мне пришлось кое-что почитать об этом времени и еще более подумать и мне выяснилось несколько вопросов, заняться которыми было бы очень интересно. В IX в. устанавливается та образованность, которая легла в основание средневекового умственного развития. Гизо видит в этом едва ли не главную заслугу Карла... Каков был характер этой цивилизации, что внесло в нее христианство, античный мир и варварская культура? – вот вопросы, по-моему, огромной важности, и их научное значение для современности будет иметь важное решение, или поможет общественному сознанию понять свою собственную культуру и отказаться от полумистических, полуневежественных бредней о разных самобытностях и “банных паки бытия”, состоящих из кваса и блинов. Я знаю, что Вы немедленно обольете меня холодной водой, заявив о необходимости предварительного изучения классиков с одной стороны и отцов церкви. Что же делать? Главнейшее почитаем, а в остальном можно удовольствоваться предшествующими обработками. Мне кажется, что изучение хотя бы одного политического института с точки зрения перехода от общинного строя к государственному едва ли будет легче. Чтобы не висеть в воздухе и не создать мыльного пузыря надобно хорошо познакомиться и с деревенским бытом, и с государственным, и с процессом перехода, который в Германии начался гораздо ранее Карла, а разве легко?

Что касается до второй темы, то я очень рад, что Вы позволяете на ней более не останавливаться, мне хотелось бы только оправдаться от обвинения, что я заставляю историка “держаться в хвосте филолога”. Я сказал, что влияние природы на массы в политическом и экономическом отношениях можно проследить только в самых общих чертах; но этим вопрос не исчерпывается: нужно определить еще влияние физических условий на “народ-

ную психологию”, а в этом-то и заключается особенная трудность и наиболее тесная связь с психологией индивидуальной. Что политическая раздробленность Греции обуславливалась, между прочим, расположением гор в Элладе – это понятно и без физиологии; но в какой степени эстетическое развитие грека и вообще его умственная и нравственная физиология зависели от физических условий страны – этот вопрос стоит в тесной связи с психологией. Это я и хотел сказать, заметив, что вопрос о физических влияниях дело не одного историка. Существование народной психологии в качестве отдельной науки, по-моему, нисколько не ободряет к решимости изучать вопрос о физических влияниях. У нее есть свои источники – язык, мифы, литература, искусство и даже философия, с помощью которой она хочет воссоздать форму данного народа в данное время и ее историческое развитие; о природе и ее влиянии представители этой науки говорят, сколько мне известно, весьма осторожно.

Ваше отношение, Владимир Иванович, к выбору мною темы из области национального вопроса привело меня в некоторое изумление. Вы меня издавна подозревали в наклонности к аксаковской¹ хлыстовщине; помню, однажды, когда я был еще на 1 курсе и попросил у Вас Дункера², Вы вскользь заметили: “всех вас на восток тянет”; я это запомнил. Другой раз по поводу мнения о Сарре Бернар, Вы опять упрекнули меня в московском патриотизме, и теперь в 3-й раз в письме Вашем Вы говорите, что мое намерение писать о немецкой национальности возбуждает в Вас опасение, как бы я не стал “лить воду в решето Аксакова”. Понять не могу, почему появилось у Вас столь обидное для меня подозрение? Я ниже ставлю Аксакова, чем даже Каткова³, потому что первый отрицает прогресс, а второй только хочет поставить его под надзор квартального надзирателя. Для историка прощительнее быть Георгиевским⁴, чем Аксаковым, потому что последнему все явления представляются наоборот действительности. От этого недостатка чувствую себя совершенно свободным, а в гимназии спорил даже с Карамзиным, утверждавшим, что “истинный космополит – существо метафизическое”. Дальнейшие возражения Ваши на мою тему чрезвычайно для меня интересны: позвольте кое в чем защититься и кое-чему поучиться. Во-первых, термин “пангерманизм” я употребил не совсем удачно; я не хотел

¹ Аксаков И.С. (1825–1886) – славянофил.

² Дункер М. (1811–1886) – немецкий историк.

³ Катков М.Н. (1818–1887) – редактор “Московского вестника”.

⁴ Георгиевский А.И. – один из идеологов среднего образования в министерстве Д.А. Толстого, автор работ по студенческому движению.

разуметь под ним все народы германского племени, а только то, что мы теперь называем немцами, и в этом смысле он существовал (у Пиркгемера или Бебеля подробно перечисляются те немецкие государства, которые должны войти в состав немецкой империи) и, по-видимому, теперь еще существует. Во-вторых, “идея пангерманизма появилась в начале новой истории; ее вскормили гуманисты”. Ход национального движения в Германии мне представляется (может быть, ошибочно: я еще только собираюсь об этом писать диссертацию) следующим образом. Тацитовская *civitas* – слабый военный союз, в котором каждый *pagus* – самостоятельное государство (Арминиевы херуски распадаются: некоторые паги за римлян, другие даже нейтральны). Столкновение с Римом, различные экономические причины, усиление королевской власти – образуют более обширные племенные союзы. В IX в. появляется идея национального государства и выражается в общем имени *deutch*. Сакс и франк начинают сознавать, что они немцы, но не делают из этого никакого политического вывода, не видно стремления создать одного государства. Здесь меня затрудняют первые немецкие короли до Оттона. Каково происхождение и основание их власти? Ответа на этот вопрос я не нашел в моих источниках и даже у Гизебрехта⁵. Основалась ли их власть на том принципе, по которому управлял франками Хлодвиг, т.е. что все германцы к востоку от Рейна выбирали себе одного короля, потому что признавали себя одним племенем, или это было наследственное владение потомков Карла (до Конрода I, по-моему, несомненно, это так), или признавали власть Конрада и Генриха ввиду отношений к соседям, как прежде повиновались Цивилису⁶. Если даже принять первое предположение, то стремление к политическому единству в это время было крайне слабо. Чем держались короли? Наследственными владениями, теми средствами, которые представляла им их принадлежность к известному племени. Герцоги были против них, а народ сочувствовал герцогам и воспевал их подвиги в песнях. Оставалось более мелкое дворянство, но его привязанность к королю объясняется боязнью герцогов. С Оттона I до XIII в. идея орического⁷ единства немцев поглощается идеей империи. До Рудольфа императоры хотели всемирной монархии, а герцоги – государственной власти. Космополитическое папство и церковь мешают развитию национальности. Борьба пап с императорами приводит к результатам, как раз противо-

⁵ Гизебрехт Ф.В.В. (1814–1889) – немецкий историк, автор работ по истории оттоновской Германии.

⁶ Вождь батавов в войне с римлянами во время восстания в 68–70 гг.

⁷ По происхождению.

положным идее политического объединения немцев. Прагматические санкции Фридриха II, уступки Рудольфа и золотая булла произвели полное историческое дробление немецкой национальности. С такими, как Генрих IV и с такими, как Венцель, империя была далека от того, чтобы сделаться национальным государством с твердым правительством. Немецкие рейхстаги до Максимилиана по своим стремлениям более напоминают Венский конгресс, чем национальное правительство. До начала новой истории я не знаю, чтобы высказывались стремления к историческому объединению немецкой нации. Так ход национального движения в Германии представляется мне в таком виде: сначала в IX в. развивается сознание национального единства, потом в XIV–XV вв. — стремление к политическому объединению на основании национального родства. Впервые, сколько мне известно, последнее проявилось в городской литературе антипапского направления, потом в рейхстаге, когда туда проникли города, затем в рыцарском, городском и отчасти в крестьянском восстаниях. Роль гуманистов в этом стремлении мне, казалось, значительною, и в наиболее чистом виде она выразилась у Пикгеймера и тогдашних историков. Должен сознаться, что чувствую некоторую априорность этого представления дела; но возможность именно такого хода в развитии национального движения внушила мне история Греции. Там сознание национального единства развилось задолго до Перикла, мысль же об образовании общеэллинского государства впервые появилась в V веке, а ее осуществления не увидела совсем история, если не считать всемирной монархии Александра. Если все это Вам кажется очень легкомысленным, не судите строго: у меня, по пословице, “на горшь аммуниции, а на рубль амбиции”, хочется при малых сведениях решать большие вопросы. Может, от юности это происходит.

Перехожу к дальнейшему оправданию моей фразы. Идея объединения германцев в одно государство, развитая гуманистами, формулированная в рыцарском и крестьянском движении (один Бог — один император) долго жила в разладе с действительностью. Попытка Карла V и его преемников, твердо державшихся католицизма, разъединила Германию, результаты Вестфальского мира были крайне плачевны для стремлений к политическому единству. XVIII век с его космополитизмом был враждебен всякому национальному движению. Но, не смотря на все эти неблагоприятные для национальности явления, идея немецких гуманистов о политическом объединении национальностей оказалась богатой жизненными силами. В XIX в. эти стремления снова появилась, и в Италии и в Германии нашли осуществление в действительности. На почве наци-

ональных отношений произошло объединение Италии и Германии. Тот же принцип, что этнографический состав населения, должен определять границы государства, сказался, по-моему, и в славянских движениях.

В заключение еще одно оправдание в неясности прошлого письма. Говоря, что я большой поклонник политической свободы, я хотел сказать вот что. Бывают такие эпохи в истории, когда в интересах прогресса необходимо, так сказать, осадное положение. Для примера можно привести хоть Людовиков XI и XIV, наших князей собирателей или из современной Франции закон Фери⁸ о высшем образовании. При изучении этих эпох для меня потребовалось бы сравнительно большее наблюдение над собою; для поклонника свободы может показаться террор там, где на самом деле только удовлетворение необходимой потребности. Я не считаю себя неспособным предохраняться от подобных увлечений, а говорю только о сравнительной трудности. Что касается до Флока⁹, то, я думаю, что остракизм для Современной Франции – злоупотребление. И вообще дела у Вашей соседки, которую я очень люблю и на которую до сих пор радовался, теперь меня очень огорчают. Ужели Гамбетта¹⁰ был Периклом?

На курсах все обстоит благополучно; лекции читаются исправно, девицы учатся, Богатова и Смолновская (?) исчезли, Иванова хлопчет о спектакле – все как следует. Стороженко чрезвычайно доволен полученной прерогативой и Ваше письмо служит для него источником прав и обязанностей. Двух он уже освободил от платы за 2-е полугодие, но я стараюсь сдерживать его филантропические порывы и довольно удачно. Особенно помогает предостережение, что излишняя щедрость может повести к отсутствию приплаты, которая сделалась хронической. Лекции будем читать до Пасхи, хотя в университете и гимназиях кончаются на 4-й или 5-й неделе поста. На днях Солдатенков прислал 100 рублей в пользу курсов. Присланные 150 р. из Сибири, о чем Вам писал Ник. Ильич, предназначены какой-то слушательнице Лубянских курсов. Слушательниц 3-го курса, уезжающих из Москвы, будем экзаменовать после Пасхи. Виноградову придется экзаменовать и второкурсниц. Отчет подробный о курсовых делах вышлю в мае.

Искренно благодарю Авдотью Ивановну за сочувствие и заботу обо мне. Жена просит передать Вам и Авдотье Ивановне

⁸ Фери Ж. (1756–1845) – французский политический деятель.

⁹ Флок Ш.Т. (1828–1896) – французский политический деятель.

¹⁰ Гамбетта Л.М. (1838–1882) – французский политический деятель.

свой поклон. Работы много, и порядочно утомился; тем не менее, 6-го апреля начну магистерский экзамен по русской истории. У Чупрова едва ли успею сдать до осени. Лето посвящу всеобщей истории безраздельно.

Искренно преданный Вам

М. Корелин

Суббота 16 апреля (1883)

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Прерываю спешную и скучную работу – поправки лекций, чтобы принести Вам и Авдотье Ивановне поздравления от себя и от жены. Праздники пройдут для Вас, конечно, очень хорошо потому, что Вы, как истинный мудрец, “все свое с собою носите”, а отсутствие визитов и визитеров едва ли может причинить какое-нибудь огорчение.

Позвольте посвятить сегодняшнее письмо рассказу о своих и курсовых делах; учебный год закончился, поэтому буду каяться в своих грехах и хвастаться своими добродетелями. 6 апреля сдал экзамен по русской истории; каков вышел ответ, Вы можете узнать из других источников, а вот факты: в протоколах написано весьма удовлетворительно, и Попов¹ говорил много комплиментов и выразил желание, чтобы также удачно прошли экзамены и по другим предметам. Я лично не доволен: источников не читал, поэтому отличие магистерского ответа от кандидатского заключалось только в том, что первый построен не по лекциям, а по различным пособиям, которые тут же были названы и характеризованы. Перед экзаменационным столом пришлось прочитать лекцию и не особенно стройную: вопрос был о ересь, и у меня была приготовлена характеристика Иосифа Волоцкого, русского поборника инквизиции. Когда я увидел, что ассистирует Иванцов², и припомнил, что Иосиф – святой нашей церкви, то чувство некоторой неловкости заставило выпустить из ответа эту часть. В остальном все было ровно и гладко; не чувствовалось даже конфузливости, потому что члены факультета отнеслись ко мне тепло и радушно, как к старому знакомому. Мой второй подвиг, тоже далеко не Геркулесовский, это лекции на курсах. В нынешнем году я еще менее удовлетворен ими, чем в прошлом; знакомое чувство собственной слабости не оставляло

¹ Попов Н.А. – профессор кафедры русской истории.

² Иванцов-Платонов А.М. (1835–1894) – профессор кафедры истории Церкви.

меня и прошлую зиму; недостаток знаний постоянно чувствовался, а между тем, общий курс по средним векам гораздо труднее, чем по Греции. В результате курс, по-моему, и не глубок, и не полон. Задумал я его недурно, но для настоящего выполнения плана не хватило ни сил, ни времени. В начале я имел в виду изложить составные элементы средневековой цивилизации: варварский быт, результаты античной цивилизации и христианство, и взаимное отношение этих факторов, приведшее к установлению папства (католицизма) и империи (феодализма). Затем должно было идти изложение средневековой истории по такому плану: сначала история образования общественных классов параллельно по всем материкам, затем история политических учреждений по странам и, наконец, средневековое просвещение. А вот что вышло. (Позвольте познакомить Вас полнее с программой; может быть, Вы найдете возможным сообщить мне несколько замечаний.) Первая лекция – коронование Карла и его историческое значение. На этом факте проследил все составные элементы средневековой цивилизации. Три следующие лекции посвящены изложению быта галлов и германцев до столкновения с Римом. 5 и 6 лекции – влияние языческого Рима на галлов и германцев. Затем – изменение античного мира под влиянием христианства (4! лекции) (чувствую, что Вы меня порицаете: увлекся Лекки³ и эпохой). Здесь рассмотрел состояние религии и морали – в эпоху империи, проследил отношение христианства к языческой образованности, положение нравственных идеалов и установление аскетизма. Следующие 4 лекции – установление папства и его история до IX века, причем рассмотрел внутреннее положение церкви за этот период, ее отношение к Византии, влияние на папство, нападение варваров на Италию и распространение христианства на западе. От 15–17 – установление империи и Карл Великий. В 18 лекции – образование национальных государств, 19 – характеристика феодализма, 20 и 21 – теория папской и императорской власти (предчувствую возражения и маленький нагоняй). Изложивши первую половину курса, я убедился в невыполнимости моей программы и пришел в отчаяние. Как в сказках, мне предстояло три пути – социальная, политическая и культурная история; я чувствовал бессилие уместить все это при моих знаниях в 20 лекций и придумал следующий исход. В 11 лекциях изложить борьбу папства и империи, причем излагать причины успехов и поражений, отмечать важные факты и культурной, и социальной истории; а для истории Франции выбрал наи-

³ Лекки В.Э.Г. – английский историк.

более характерные явления – развитие королевской власти и расказал об этом в 10 лекциях, закончил Людовиком XI.

Нынешний год заканчивает первый цикл моей преподавательской деятельности на курсах. В общем, это было очень тяжелое для меня время; недостаток времени для подготовки к лекциям отражался на их содержании; недовольство собой было постоянным, а иногда являлось мучительное сомнение в своих силах и способностях; казалось, по временам, что нужно бросить выбранный путь и пойти по другой дороге. Бывали, как всегда, недовольные в аудитории, и их голоса раздавались и доводились до моего сведения разными “приятелями”; противоположные мнения я пропускал мимо ушей: до сих пор меня много хвалили и слишком мало порицали, так что я перестал ценить одобрения, а весьма часто и вторить им, а упреки, наоборот, преувеличивались мнительным воображением. В результате тяжелое настроение духа, и иногда, каюсь, жалоба на Вас за непосильный труд. Семья оказалась мне спасением и огромной поддержкой в этом случае. Теперь, когда это “время минуло, когда я обдумал и выяснил все следствия лекций на курсах, я должен сказать, что эта деятельность имела на меня чрезвычайно благоприятное действие, принесла большую пользу, а потому вместо жалоб приношу Вам искреннюю благодарность. Нет сомнения, что непосредственный переход со студенческой скамьи на профессорскую кафедру создал для меня общую репутацию, ниже способностей; но за то чтение 3 курсов дало мне понимание и систематическое знакомство с тремя крупными эпохами всемирной истории. Без лекций трудно, а для меня и не мыслимо, так усвоить предмет, так продумать исторические процессы, так систематизировать отрывочные знания. Они ввели меня в самостоятельное занятие эпохой, что не сделает никакой магистерский экзамен. Быть может, без лекций я сдал бы экзамен год или полтора назад, но эта отсрочка не потеря, а выигрыш времени, потому что у меня есть три выработанных курса, которые пригодятся мне в будущем. Кроме образовательной пользы, чтение лекций доставило мне и другую – нравственную. С первого же года меня начали упрекать в элементарности (т.е. отсутствии широких обобщений) и сухости (т.е. отсутствии лирических отступлений и пикантных намеков). Я тогда же уразумел, что стал на верную дорогу, что лавры Гольцевых⁴ легко приобрести, но не стоят они гроша ломанного и, решившись учить, а не забавлять, изгнал из курса все, кроме науки. Для успокоения совести, для проверки своих мыслей я и попро-

⁴ В замечании Корелина сквозит традиционное пренебрежительное отношение историков к юристам как к мастерам фразы.

сил Вас в прошлом году просмотреть курс, который был моим по преимуществу, и Ваш отзыв показал, что я был прав, и придал мне много бодрости на нынешний год.

Внешние и внутренние дела на курсах обстояли вполне благополучно; мне показалось даже, что курсистки были усерднее прошлогоднего; дело обошлось без спектакля, без распорядительницы. Манкировки были умеренные и в большинстве случаев выполнялись; только Шварц пропустил лекций 6 и предлагает мне вычесть у него из жалованья, но я отказался за неимением прецедента. Лопатин не хотел было экзаменовать из психологии, но я его убедил пока производить экзамены, а потом списаться с Вами. Ваши распоряжения в последнем письме выполнил не вполне. Павел непременно хотел приехать после Пасхи и прослужить апрель, хотя я его и хотел отпустить: “после праздников барышни на чай дают, и я набираю до 20 рублей”. Я решил, что было бы несправедливостью лишать нашего Ричарду безгрешных доходов. В заключение представляю Вам краткий отчет о состоянии курсов без Вас. Всех слушательниц было 180; на 1 курсе – 70 из них 5 – на 2-е полугодие, на 2 – 29, на 3 – 21, остальных предметов – 60, из них 5 – на 2-е полугодие. В этом числе стипендиатов – 6, полустипендиатов (с освобожденными Стороженко от платы за 2-е полугодие) – 4; не доплативших взноса – 7 и слушательницы отдельных предметов. Доходы были следующие:

С 98 слушательниц полный сбор	4200
С 16 – половинный	400
С 60 слушательниц отдельных предметов	1177
Сбор на библиотеку	44
От К.Т. Солдатенкова	100
Проценты от лежащего в банках капитала, взятого на жалование преподавателям	3200
За диплом с Асобедиль	6
<hr/>	
Расход	6659 р.
Жалованье преподавателям (мой 100 р.)	3300
На книги для библиотеки	133,47
Павлу, Василию и швейцарам	115,50
Гербовые марки при вкладах	1,20
Книга для записи выданных книг	1
Объявления	109 р. 50
Поправка столов	17
Отчет и распределение	8,50
Остаток 29 722 р. 83 к.	3686 р. 17 к.

Деньги положены в банк в разное время и на разные сроки, 23 апреля я переложу их на полгода, кроме 500 рублей, которые я положил на 6 месяцев 16 декабря, думая, что Вы приедете в июне. Рублей на 200 мы Вас перещеголяли сравнительно с про-

шлым годом. Я очень счастлив, что Ваше отсутствие не испортило дело – значит, учреждение стоит прочно, хотя и не имеет юридического существования. Из более близкого знакомства с курсовыми делами я убедился в целесообразности некоторых перемен. Во-первых, в выдачи книг нужно завести больший порядок, который гарантировал бы целостность нашей скудной библиотеки. У нас много сочинений и таких лиц, которые больше и глаз на курсы не покажут, а некоторые книги в безвестном отсутствии. Это можно устранить, потребовав в качестве залога документы. Во-вторых, экзамены. Это самое слабое место на курсах. Надобно экзаменовывать в одно определенное время – весною или осенью, по окончании или до начала лекций, притом сразу, а не растягивать на месяцы и даже года; и это можно устроить только в том случае, если будут экзаменационные листы или списки; иначе преподаватели по свойственной им мягкости всегда будут делать уступки. Списки будут храниться у Вас, а без отметки в них экзамен не действителен. Если бы Вы, Владимир Иванович, решили эти вопросы до будущего года, то летом можно бы было заказать списки и при публикации о подписке назначить срок экзаменам. Третье важное и самое трудное дело – контроль. Мне известно, что даже при Вас была масса контрабанды, а у меня, наверное вдвое больше, а ее результат и материальный ущерб курсам и возможность присутствия в аудитории черт знает каких элементов. Нужно придумать какие-нибудь меры.

Жена Вам кланяется; передайте наш общий поклон Авдотье Ивановне. Я очень благодарен за память о моей семье и о дочке в частности. Моя жизнь с этой стороны сложилась удачно; семейная жизнь никогда еще не причиняла мне огорчений, наоборот, здесь за чаем с женой или в возне с дочуркой забываются очень скоро житейские дрязги. Мелочи, из которых якобы состоит жизнь (т.е. пересоленный суп, недожаренная котлета, невычищенные сапоги, междуусобия домашней демократии), я переносу с философским спокойствием. Единственный источник серьезного домашнего горя – болезни, слава Богу, крайне редки. Жена и дочка и последняя в особенности пользуются превосходным здоровьем. Она давно уже бегаёт, говорит, кроме обычных детских слов, еще немногие, но для своего возраста невероятные (очки, часы, три, десять и т.д., а не умеет произнести о, у). Воспитание со стороны матери сводится к внушению элементарных правил приличия, а я искореняю в ней любовь к книгам и внушаю к ним почтительное уважение, хотя должен сознаться без особенного успеха: чтобы спасти литературу, жертвую разными каталогами, прејскурантами и т.п. Писать карандашом по книге, а потом истребить вместе с карандашом и текст, и коммента-

рии составляют для нее большое удовольствие. Мир Божий знает из окошка, очень на него радуется, дай Бог, чтобы такое настроение осталось навсегда. В заключение извольте сообщить мне немного о ранних браках (помню один разговор у Вас за обедом). Они представляют одну огромную опасность – возможность легкомысленного выбора – тогда жизнь загублена; если же нет этой ошибки, то, по-моему, при наших нравах это почти единственная возможность сохранить и свежесть чувств, и нравственную порядочность.

Искренно преданный Вам

Ваш М. Корелин

PS. Маленькое возражение на Ваше прошлое письмо. Я никогда не отказывался смотреть С. Бернар и не предпочитаю Островского западным великанам. Я утверждаю только, что французская артистка ниже своей репутации и не производит цельного впечатления и не проводит никаких параллелей. В Островском я вижу только талантливого жанриста-этнографа, который создал не русскую драму, а несколько типов, имеющих только временное и местное значение. Он не Шекспир, и не Гоголь, но заслуживает почетное место в нашей литературе.

3 июля (1885)

Многоуважаемый Владимир Иванович.

М-те Барановская уполномочила меня объявить в газете, что при курсах устраивается общежитие, и просила только упомянуть в объявлении, что помещение будет устроено для ограниченного числа слушательниц. Она жертвует на это дело единовременно 3 тысячи и обещает привлечь и других лиц к единовременным или постоянным субсидиям. Я не совсем доволен таким решением и желал бы большей прочности учреждению, но, мне кажется, этих денег слишком достаточно на один год, а потом дефицит можно будет покрывать пожертвованиями и концертами без особого отягощения курсового бюджета. Большую трудность представляет квартира; до сих пор нет почти ничего подходящего.

Наиболее удобное помещение и по цене (около 1200), и по расположению комнат я видел в доме Лапина на Покровском бульваре; но место, по моему, совсем не годится: рядом, в соседнем доме, ночлежный приют; против казармы и в двух шагах – Хитров рынок. Как Вы думаете? Барановская просила меня также составить правила, но это успеется, и я напишу их в августе, когда Вы вернетесь. Вообще придется, должно быть, самому в

конце концов искать квартиру и расставлять девицам умывальники, потому что барыни и этого делать не умеют.

Если проездом пожелаете меня видеть, то или заверните, или напишите, я к Вам приеду. Дома меня не будет от 4 до 10 июля и между 25 июля и 3 августа. Моя командировка решена от 1 октября.

Ваш М. Корелин

Вырубово
близ станции Одинцово
по Московско-Брестской ж.д.

16 июля (1885)

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Вчера получил Ваше письмо и очень огорчился, что не удалось повидаться с Вами. Мне очень бы хотелось поговорить с Вами о некоторых подробностях устройства общежития, относительно которого я отчасти разделяю Ваше недоверие. Ассигнованные 3000 рублей я считаю также важными, как если бы они были у меня в руках; но мы с барыней можем наделать массу промахов при найме квартиры и при устройстве обстановки, так как ни я, ни она не имеем в этом деле желательной опытности. Отобрать у нея 3000 рубл. и положить их в банк мне кажется делом крайне трудным и для меня неловким; по крайней мере, в настоящую минуту я решительно не могу придумать более или менее благовидного предлога для этого. Кроме того, при полной обеспеченности обещанной суммы, это едва ли будет и практично: сама устроивши приют, она будет интересоваться им, как своим детищем и привлекать деньги на его содержание. Во всяком случае я постараюсь, нанявши квартиры, отложить устройство до Вашего приезда; но и относительно этого я желал бы иметь некоторые указания: какой минимум комнат следует нанять, должно общежитие занимать дом-особняк или оно может быть устроено на манер частной квартиры.

Что касается до объявления о курсах, то и здесь встречаются затруднения. Во-первых, я не знаю, найдете ли Вы удобным с самого начала лично записывать слушательниц, или начну прием я, а Вы будете его только продолжать, или, наконец, Вы поручите это дать кому-нибудь другому. От решения этого вопроса зависит место приема подписки. Будет ли на курсах в следующем году психология, политическая экономия и история русского языка, а также нужно ли упоминать о французском и немецком языках. В-третьих, Шварц или Быковский будут читать историю христианского искусства. В-четвертых, следует ли упоминать

нать в объявлении о начале экзаменов и общежитии и если последнее нужно, то в какой форме. В-пятых, на первой или на последней страницах делать объявления в газетах, что составит значительную разницу в ценах. Вы сделали бы мне большое удовольствие, если бы, как прежде, прислали мне форму объявления. Простите, что беспокою Вас такими пустяками, но мне очень хотелось бы вполне точно и удовлетворительно исполнить Ваше поручение.

Передайте, пожалуйста, мой поклон Авдотье Ивановне; жена свидетельствует свое почтение Вам и Вашей супруге.

Искренно Ваш

Мих. Корелин

22 июля (1885)

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Только вчера вернулся из своего недельного путешествия и спешу сообщить Вам результат моего посещения Троицкого. Одиссея началась не без затруднений: на подробной карте в Мало-Архангельском уезде оказалось целых 4 Троицких, из которых три, по справкам, оказались принадлежащими или принадлежавшими Скарятиным; определить их расстояние от Орла в точности было невозможно, а от Ливен все они отстояли верст на 30–60, особенно же затрудняло меня то, что по близости от них (3 версты по моей инструкции) не было села Никольского. Тем не менее я решил поехать в одно из них, которое лежало от Ливен верст за 40, а от моего местопребывания – 50, на том основании, что это село было главное поместье Скарятиных и теперь еще принадлежит им. После восьмичасового путешествия на довольно плохих лошадях я прибыл в Троицкое прямо к священнику; молодой батюшка ничего не знал, и я уже начинал приходить в отчаяние, как в комнату вошел священник, тесть теперешнего, который более 40 лет живет в Троицком. Он хорошо помнит, что здесь жил механик Франц Иванович, что его племянник Август Иванович женился здесь и после свадьбы уехал в Орел, что его жена Пелагея Яковлевна, дочь...¹ из соседнего села Красного тоже исчезла из села Троицкого вслед за мужем и более туда не возвращалась; слышал он, что она затеяла с мужем процесс в Орле, и что суд обязал его выплачивать жене ежемесячное содержание. Более старый священник ничего не знал, и его матушка посоветовала сходить в богадельню и расспросить там двух старух, которые были прислугой у Скарятиных, жили в Петербурге и недавно за старостью поме-

¹ неразборчиво написано.

щены были в богадельню. От них я узнал, что Пелагея Яковлевна живет в Петербурге у какого-то доктора, что у нея есть один взрослый сын Александр, от которого она судом требовала себе содержания, но ничего не получила, п.ч. сын сказался больным и объявил себя неспособным к работе. Вот все, что я узнал, и буду очень рад, если Вам на что-нибудь пригодятся эти сведения.

Лето у нас дождливое, на исходе к моему крайнему сожалению; от разных курсов, московских и иногородних, появляются в газетах обширные, широковещательные рекламы: пора и нам сделать публикацию. В начале августа, по примеру прошлых лет, я сделаю какую-нибудь публикацию, в которой упомяну о начале экзаменов; не знаю только, как быть с политической экономией. Я не знаю, будет ли читать Виноградов; в Москве ходит слух, будто Юрьеву запрещено читать лекции, а необходимость в Чупрове зависит от количества лекций на курсах. Кроме того, едва ли мы можем рассчитывать на Шварца. Бедного Александра Николаевича положительно преследует судьба: только что выехал из дому после первой болезни, как на другой же день заполучил воспаление брюшины и в начале июля (теперь я об нем не имею сведений) находился в крайне опасном положении. Он не мог даже переехать на дачу и целое лето оставался в Москве, что само по себе стоит хорошей болезни. В виду этого мне бы очень хотелось знать до публикации, как Вы порешите с Чупровым. Своими занятиями я не совсем доволен: сделал гораздо менее, чем предполагал: кое-что почитал для курса, да и здесь увлекся не имеющей для меня большого значения историей греческой литературы, да работал над Валлой, который меня продолжает привлекать. Я более не опасуюсь, что не достанет материала для диссертации и что работа будет носить чисто описательный характер. Генетическая связь Валлы с предшествовавшим поколением дает много материала для исследования, а описательная часть работы – выяснение мирозерцания Валлы и его критических приемов – сама по себе интересна для других и поучительна для меня. Она введет меня в детальное изучение гуманизма, который и теперь еще представляется как движение однородное в течение двух столетий, описывается как одно явление и не изучен еще исторически, как процесс, начало и конец которого далеко не одинаковы. С другой стороны, она заставит меня вдуматься в критические приемы исторических исследований и изложения, а это важно для моего образования.

Жена Вам кланяется; передайте наш общий поклон Авдотье Ивановне.

Искренно Ваш

М. Корелин

Московско-Брестская жел. д., станция Одинцово, д. Вырбуво

Многоуважаемый Владимир Иванович. Почти две недели как я в Берлине, до известной степени ориентировался, почти совсем вошел в колею и хочу теперь поделиться с Вами своими впечатлениями. Очень может быть, что они легкомысленны, по всей вероятности, односторонни, но Вы не требуйте слишком многого от первого взгляда. Начну с университета, студентом которого состою в настоящее время. С первого же раза я очень огорчился: думал найти здесь “конstellation” (по выражению Павла Гаврилловича) исторических знаменитостей, а нашел одного Курциуса. Зибель¹ и Вайц не занесены даже в расписание, а о Моммзене² знаю только из газет, что он не только есть *sehr kindersegneter*, но и *enkelgesegneter Hausvater*, ибо одна из его дочерей, супруга проф. Wilamowisz-Möllendorf’a, имевшая уже много детей, празднует теперь еще *Geburt ernes Zwillingssparchens*³. Вследствие этого ли или по какому другому случаю Моммзена нет в Берлине. Но обилие профессоров и даже знаменитых по родственным наукам меня утешило, и я решил заплатить 10 марок Курциусу и слушать кого вздумается (*schwänzen*, как говорят здесь студенты). Первую неделю делал это довольно усердно, да и теперь часа на два захожу ежедневно. Из историков посещал, кроме Курциуса, Трейчке⁴, Козера⁵, Дельбрюка⁶. Два последних профессора читают совсем элементарные курсы (реформации и новейшей истории), причем Дельбрюк притворяется, будто он объясняет события. Так, говоря о терроре, он задает себе вопрос – почему же он не был прекращен с самого начала, после продолжительного пустословия торжественно отвечает: буржуазия еще не имела политической опытности. Но особенно характерен Трейчке. Его курс (*privatum*) называется *Politik* и предназначается, по-видимому, для политического воспитания юношества. На лекции, которую я слушал, изображался идеал настоящего, национального политика, который должен иметь в виду только одну цель – выгоды государства и ради этого не останавливаться ни перед чем – гуманность, справедливость, право – все это сантиментальность, “публицистика” – ибо государственная выгода освящает все (*Macht ist Recht*⁷ – на одной лекции было прямо формулировано). Трейч-

¹ Зибель (1817–1895) – немецкий историк.

² Моммзен Т. (1817–1903) – немецкий историк.

³ отец... глава семейства... празднует рождение близняшек.

⁴ Трейчке фон Г. (1834–1896) – немецкий историк и публицист.

⁵ Козер Р. (1852–?) – немецкий историк.

⁶ Дельбрюк (1848–1929) – военный историк.

⁷ сила – это право.

ке оправдывает обращение с сипаями и допускает гуманность, если только она выгодна (хвалит великого курфюрстра за гугенов). Все это говорится без знаков препинания, с восторгом, так что кажется, что Тр. не заикается, а захлебывается от полноты чувств, причем аудитория время от времени стучит ногами вместо аплодисментов. Все это далеко от настоящей науки, что производит очень тяжелое впечатление. Зато отдыхаешь душою у Целлера⁸ или у Курциуса, тут то же одушевление, но совсем другого сорта. От старческой фигуры Целлера веет такой любовью к своему делу, такою искренностью и уверенностью в его святости, что независимо от содержания наслаждаешься его лекцией. Курциус немножко смешон: он постоянно танцует на лекции, представляет⁹... но все это совершенно искренно. Его лекции я думаю посещать систематически: один его курс *Quellenkunde* – полезен для меня, другой – по истории искусства, хотя и болтлив, то же представляет известный интерес. Слушал я также Гнейста¹⁰ (*Deutsches Staatsrecht*¹¹) – хорошее изложение, но чисто фактическое, *Kaufmann*'a¹² – о сущности различных политических форм – бойкое, немножко театральное изложение и знаменитого Вагнера¹³, который мне напомнил Трейчке. Самый популярный здесь теперь профессор – Паульсен¹⁴. Его собственная философия (если только она у него есть) не глубока. Он придерживается позитивных воззрений, а в морали – утилитаризма; но очень тонкий критик и хороший лектор, поэтому его курс (*Einleitung in die Philosophie*) довольно интересен. Вообще мне кажется, что теперь в Берлинском университете три сорта профессоров: 1) старики – настоящие ученые, идеалисты, относящиеся к своему делу с любовью, почти с религиозным благоговением, которые хотят воспитать в своих слушателях беспредельное почтение к науке и любовь к истине, 2) ученые-публицисты, созданные последними победами, которые стараются возбуждать в слушателях шовинистический патриотизм невысокого качества и проповедуют взамен прежнего немецкого романтического идеализма самый противный политический материализм. 3-й тип – жида и позитивисты на немецкой почве. Его сущность мне не совсем ясна. Довольно близко сошелся я и с некоторыми немецкими студентами – народ любопытный, но об них после.

⁸ Целлер Э. (1814–1908) – историк философии.

⁹ неразборчиво.

¹⁰ Гнейст Г.Р. (1816–1895) – ученый, публицист.

¹¹ Немецкое государственное право.

¹² Кауфманн Р. С. 1850 г. – профессор в Берлине (вероятно).

¹³ Вагнер А.Г.Г. – профессор Берлинского ун-та (вероятно).

¹⁴ Паульсен Ф. – профессор философии и педагогики в Берлинском ун-те.

Теперь о себе, если позволите. Живется мне очень и очень не дурно, работа идет хорошо, отдых также очень полезен, это то же изучение истории, только не Ренессанса. Берлином и немцами вообще очень доволен – чувствуется, как все здесь пропитано культурой, и это действует очень хорошо. Музеи и университеты (своими средствами и порядками) возбуждают даже зависть. От внешней стороны Берлина я ожидал большего: довольно плохое освещение, мало движения, попадаются даже в центре и оборванцы, и клячи – вообще город имеет несколько мрачный вид, хотя военщины на улицах не особенно много. А особенно плоха погода; супы – только аппетит отбивают. Совсем еще не был в театрах – уж очень вечеров жаль – хорошо работается. Пока до свидания. Передайте мое задушевное приветствие Авдотье Ивановне.

Ваш М. Корелин

Что новенького у Вас в Москве, в университете, на курсах, в общезнании? (Дразню немцев, что у них курсов нет.) Забыли было. К Баркани пока меня не тянет, а другой Вашей рекомендацией хотел было воспользоваться, да взяло сомнение. Вы сказали, что этот профессор Менцель и редактор Н.З.; но редактор Н.З. Zübel и Kozer, кроме того, в Берлине есть профес. Meitzen, а Менцеля нет. Что-нибудь я напутал.

29/10 Берлин. (1885)

Письмо Ваше, многоуважаемый Владимир Иванович, доставило мне удовольствие не только самым фактом своего существования. Жена мне писала, что у Вас были больны дети, и я отчасти этим обстоятельством объяснял Ваше продолжительное молчание. Оказывается, что только дочка Вас перепугала, а прочие благоденствуют (а как покончились головные боли Саши?). Очень рад также результатам Вашего экзамена: более десятка хороших письменных ответов на 57 слушателей – это очень недурно; по-видимому, и прочие написали удовлетворительно, так как в общем Вы испытаниями довольны. Только одно меня смущает, были ли эти работы действительно для студентов extempore и в какой степени пользовались они разными эксцерптами и квинт-эссенциями из литографий. Бывшие гимназисты – народ прожженный, а новая форма экзамена – дело трудное. Но будущее покажет, конечно, изменилась ли русская аудитория к лучшему сравнительно с предшествующими годами, которые приводили профессоров в отчаяние. Курсовые дела обстоят тоже благополучно, хотя уменьшение слушательниц произведет неблаго-

приятное впечатление на будущего историка женского образования в России, появлению у нас Анучина¹ вполне сочувствую, потому что это закругляет нашу программу.

Но в Вашем письме есть и печальные для меня вести. Позднее появление ассигновки и притом неполной – вещь очень неприятная. Я пока не понимаю, что это означает. По моим соображениям командировка должна начинаться с 1 октября, но тогда двухмесячная ассигновка уже совершенно непонятна. Я поручил Карееву разъяснить все эти пункты в министерстве и не написал прямо туда сам, чтобы не произвести большей путаницы. Министерство во всяком случае будет высылать деньги в правление до тех пор, пока я не пошлю туда своего адреса: следовательно, в начале января Вы получите их в правлении. Вообще Петербург меня огорчает: Стасюлевич, поместивший мою статью в декабрьском № “Вестника Европы” приделал к ней свое собственное заглавие “Возрождение и германофилы”, вместо моего: “Новая книга об эпохе Возрождения”. Я недоволен этим потому, что суть моей рецензии заключалась совсем в другом: я хотел сказать, что, хотя проповедь благочестия, любви к родине и нравственности дело вполне почтенное, но научное исследование должно иметь свои цели и что превращать ученый кабинет в ораторскую трибуну нельзя без вреда для науки. Но делать нечего, приходится молчать. Павла Гавриловича мне искренно жаль. В предпоследний раз, когда я его видел у себя, он с таким одушевлением и с такой надеждой говорил о сравнительной легкости для него довести свои доходы до 3 1/2 тысячи и оградить себя и семью от материальных стеснений, что мне не хотелось возражать и разрешать этих иллюзий. Я очень хорошо знаю цену таких бюджетных смет; а здесь такой непредвиденный расход. Искренно его сожалею, но вполне понимаю, что он не принял предложение Мальма. Подобные подписи всегда носят полуобязательный характер и возбуждают много толков, которые во всяком случае не могут быть приятны семье, тем более, что о покойниках, вопреки предписанию, говорят менее сдержанно, чем о живых начальниках.

Перехожу к своим Берлинским впечатлениям. Прежде всего, попрошу Вас разъяснить некоторые непонятные для меня вещи в Вашем письме. Мне не совсем ясно, что значит “вжиться в условия и интересы изучаемых народов”. Значит ли это понять психологическую основу интересов и их историческое происхождение и причины, их необходимость в данное время? Или – это значит войти в жизнь народа, проникнуться его интересами, радоваться его радостями и страдать от горя – словом, из зрителя сделаться

¹ Анучин Д.Н. (1843–1923) – антрополог.

актером? Пример Ц. объясняет мало. Вы говорите, что он имеет охоту и терпение войти в быт студентов; нет не охоту и терпение, а восторг и наслаждение. Он видит в этих корпорациях перл создания, утверждая, что *corps* составляет основу, на которой держится академическая свобода (это здесь то, где каждая прачка понимает значение науки лучше, чем в других местах). Люди, специально к ней представленные, чем в других местах дюди, ибо без них невозможно развитие личного достоинства, что дуэли неспособны к культурному развитию. Он переродился и обнаружил все характерные признаки прозелита. Я понимаю его психологию очень хорошо, но не придаю его взглядам особого значения: когда начались знаменитые *Ausweisungen*, он назвал пруссаков шайкой разбойников, которую нужно выгнать из Европы для блага человечества. Я лично думаю, что вжиться – значит только понять и что другое вживание в событие, в эпоху не приносит особенной пользы историку. И Мишле², и Блан³, и Тэн⁴ вживались в события, но мои симпатии на стороне Токвиля⁵, который наблюдал и понимал, я стараюсь это делать[...] Немецкая жизнь достойна внушать уважение главным образом двумя своими сторонами. 1. Глубоким уважением к науке, пониманием ее общественной важности, которое здесь чувствуется на каждом шагу, которое вошло в общественное сознание. Меня недавно умилила одна вывеска на *Leipziger St.*, которая гласила, что здесь общество *wissenschaftlicher Zuschneidekunst*⁶. 2. Безустанной и неуклонной культурной работой, которая тоже чувствуется повсюду. Здесь настоящий культ культуры, если так можно выразиться. Эти два явления и служат для меня меркой для оценки здешней жизни. Если Вы находите эту оценку неверной, значит я не понимаю того, что у меня перед глазами, или под влиянием антипатий уклоняюсь от наблюдения. Но последнее обвинение совершенно несправедливо: я стараюсь не пропустить ни одного случая, где можно наблюдать общественную жизнь: бываю в рейхстаге, на публичных лекциях (слышал *Shöcker*'а в *Verein*'е христианских дам), на коммерсах основательно познакомился с научными корпорациями студентов и выбрал научные с особенною целью, хожу на лекции больше для профессоров, чем для науки, бываю в театрах. Свой отдых даже стараюсь утилизировать в этом

² Мишле Ж. (1798–1874) – французский историк.

³ Блан Л. – французский публицист и историк.

⁴ Тэн И. (1828–1893) – французский историк.

⁵ Токвиль А. (1805–1859) – французский историк.

⁶ Научное общество кройки и шитья.

⁷ коммерс (от лат. *commercium*) – общение, в немецком студенческом быту – торжественные пирушки, сопровождающие университетский праздник.

смысле: обедаю в немецкой компании. Наконец, читаю газеты всех партий и направлений. Единственное ограничение, которое удерживает меня, к крайнему сожалению, эта работа, которая остается первою целью моего путешествия и исполнение которой есть мой нравственный долг. Вот мой день в Берлине: с 9 до 12 или до часу – на лекциях и в Leschalle – для просмотра газет; с 12–3 – в королевской библиотеке, с 5–8, 9–12 – дома занимаюсь. Больше одного вечера в неделю я не могу тратить, а потому, напр., был только два раза в театре, п.ч. хотелось поближе познакомиться с коммерсами; а тут еще музеи, галереи, куда постоянно тянет и где тратишь достаточно времени. Приходится рассчитывать каждый час, чтобы потом не краснеть перед самим собою, чтобы иметь право сказать, что сделал все возможное. Что же касается до оценки того, что я вижу, позволю себе утверждать, что не поддаюсь антипатиям, да это и нетрудно, потому что их немного. Я Вам писал, кажется, что Берлин меня разочаровал; но это произошло от того, что мне его уж очень восторженно описывали: он не соответствует моему представлению о западноевропейском, составленном а priori. Посмотрим другие города. Университет поражает количеством научных сил, привлекает свободой преподавания, но опять не удовлетворяет вследствие элементарности курсов. Прежде всего, я попал на лекцию Козера о Констанцком соборе, сравнение напрашивается невольно; щадя Вашу скромность, я не выскажу его результатов, но мы с Виппером в одно слово формулировали их одной русской пословицей. Наконец, Трейчке и Клип. Должен признаться, что здесь в Берлине я впервые ясно понял особенности западноевропейского патриотизма и его важную роль в культурной работе и тесную связь с ней, но понял это не благодаря Трейчке, о преподавательской деятельности которого остаюсь при старом мнении. Вы судите о Трейчке по сочинениям, но это совсем другое дело. Я читал 1-й том его большой работы⁷: она производит даже приятное впечатление по той теплоте чувства, которое проникает книгу, не вредя ее научности, о нем нельзя судить даже и по другому курсу, который он здесь читает (история Пруссии) – он очень приличен и талантлив, но слушателей мало. Чтобы судить о направлении его патриотизма, нужно послушать его “Политику”. Я Вам приводил перлы из его изречений, а вот еще несколько. О К. Фогте он говорит так: Фогт, который, к сожалению, еще жив до сих пор, или начинает лекцию характеристикой своего учителя Дальмана⁸, которого представляет добрым

⁷ Немецкая история в XIX веке. Лейпциг, 1879–1884. Т. 1–5.

⁸ Дальман (?–?) – немецкий историк.

человеком, по-детски неопытным, почти дурачком, и изукрашенный благородными рубцами корпорант изображает на своей дурацкой роже презрительную снисходительную улыбку. Такие выходки, по-моему, и непатриотичны, и некультурны, и безнравственны. Вот этому оттенку современного Берлинского патриотизма, которому я не могу придумать другого названия, кроме солдатско-материалистического, я приписываю новейшее происхождение. Я не могу признать это культурным явлением и с тем большим почтением отношусь к здешним старикам, которые не утратили столь симпатичного для меня старого немецкого идеализма. Я не возводил, кажется, такого же обвинения против Козера и Дельбрюка по недостаточности улики: их курсы слишком элементарны, да им не хватает таланта Трейчке; но Дельбрюк занимается на семинаре тактикой и разбирает с стратегической точки зрения разные битвы.

Однако уже очень поздно. Если Вас не очень раздражают мои письма, черкните несколько строк, укажите, на что следует обратить здесь особенное внимание. Не понимаю я вполне смысла *freisinnige Partei*⁹ и ломаю над ней голову. Как Вы о ней думаете? Напишите, занимались ли Вы в Берлинском университете, если да, кого и в каких аудиториях слушали. Это будет очень приятно. На Новый год желаю Вам одного: встречать его столько же раз, сколько раз Вы его уже встречали и желаю этого не только для Вас и близких Вам людей. Хотелось бы мотивировать это желание, но боюсь, что будет похоже на лесть, а посему умолкаю. Передайте мое душевное приветствие Авдотье Ивановне и поздравьте ее за меня с Новым годом.

Искренно преданный Вам

М. Корелин

NB. Чувствую себя в Берлине очень недурно: тоски по родине не ощущаю; только ребятишки возраста моей дочурки несколько нарушают спокойствие, когда их встречаешь на улице. А Вы мне с умыслом не ответили на счет *Menzel* я или *Meizen* а. Мой адрес Вы пишете не совсем верно: я живу не *Neue Ziegelstrasse*, а просто *Ziegelstv N* – обозначает *Nord* – почтовый участок, на которые разделен Берлин.

15/27 февраля. (1886)

Ваше письмо, многоуважаемый Владимир Иванович, доставило мне большое удовольствие. Я очень рад, что мое замечание о патриотизме соответствует Вашим взглядам на этот предмет.

⁹ Либеральная партия.

Но не совсем мне ясны только Ваши слова относительно культуры и истории. Образчик (ужасно интересный, над которым я долго ломал голову, хотя стихия мне как будто знакома), мне кажется, свидетельствует только или о наивности автора, или о его крайне одностороннем понимании культуры (в смысле земледелия; такое понимание у нас действительно распространено: один ученый мне говорил, что вся история сводится к мужицкому брюху), потому что герои, а таковые бывали и между помпадурками, принадлежат культуре не меньше, чем истории. Замечание Ваше принимаю к сердцу особенно близко потому, что культура, как Вам небезызвестно, составляет предмет моего особенного интереса. По моему мнению, в изучении прошлого культура не может заслонять историю вот почему. Она есть совокупность явлений духовной жизни народа – религия, мораль, наука, искусство, литература, политические, общественные и даже экономические идеалы; поэтому всякий исторический факт подлежит изучению историка культуры, как ее проявление и как причина того или другого направления. Разве может историк, напр., русской культуры обойти такой экономический факт, как крепостное право или такое политическое событие, как нашествие татар? И я не знаю ни одного историка культуры, который игнорировал историю в смысле политического и экономического процесса. А наоборот бывает сплошь и рядом, а теперь в особенности, когда реакция против идеалистической философии пытается выпихнуть из истории всякую идею. Может быть, Вы имеете в виду оценку исторических явлений и современной действительности. Но тогда под культурой разумеют осуществление в обществе начала гуманности и справедливости и т.п. В этом случае одностороннее извлечение может, конечно, загородить историю и повести к доктринерству в политике. Но бывает и весьма часто наоборот, как это доказывает современная политика германского канцлера.

Чем больше знакомлюсь я с немецкой жизнью, тем более и более внушает мне глубокое уважение культурность немцев. Я посещаю в последнее время митинги и ремесленные фереины, и они приводят меня в совершенный восторг, производят более сильное впечатление, чем рейхстаг и ландтаг. Какое там удивительно ясное сознание своих прав и обязанностей, какое умение стоять на легальной почве и достигать своих целей законными средствами, какое уважение к общему порядку и к индивидуальной свободе, какое умение излагать свои мысли не только свяно, но и в изящной форме. Чувствуется, что под современными политическими формами лежит прочный фундамент и что немцы сумеют сохранить образцовый порядок и при большей сво-

боде, чем та, которую им представляет теперь Бисмарк. Столяр Пусскаммер говорит в своем фереине не менее трезво и разумно, чем Pusskammer-Exellens в ландтаге. Относительно freisinnig я с Вами согласен отчасти: они доктринеры только до тех пор, пока в оппозиции и пока правительственная политика улий очень резко расходится с требованиями гуманности. Но, сделавшись большинством или войдя в состав в министерства, они, насколько я понимаю немцев-прусаков, не увлекались бы теориями. Предшествующая история истинно-просвещенного абсолютизма воспитала в них, как мне кажется, кроме почтения к культуре и политическую трезвость. Едва ли точно, с другой стороны, также и то, что они в хвосте клерикалов; дело, по-моему, стоит как раз наоборот, и вожди центра получили недавно выговор от Его Святейшества за излишний либерализм. Невыгодное впечатление производят на меня немецкие женщины. В костюме, на сцене, на художественной выставке и даже в литературе (впрочем, я очень мало читал произведений женского пера) они казались мне кухарками, в лучшем случае очень трудолюбивыми и сентиментальными. Но на днях я был в фереине переплетчиц и вынес самое отрадное впечатление. Кухарочье, так сказать, чувствовалось и здесь, но это были такие разумные, такие культурные и красноречивые кухарки, что только патриотизм удерживает меня от невыгодного сравнения. Вся обстановка – стол для Vorstand, а и ораторская трибуна рядом со столиком для полицейских – так и напоминает политический seminar. Но ученики уже настолько преуспели, что для представителей государственной власти нет надобности выходить из пассивной роли. Пришлось мне на днях познакомиться и с другой стороной немецких нравов, с любезной готовностью ученых оказать зависящее от них содействие. В Берлине есть классик Vahlen, который издал с учеными введением Apusculatria Валлы и написал путную брошюру о моем герое. Мне хотелось навести справки о рукописном материале, который находится в Германии, и спросить, какая из немецких библиотек наиболее богата сочинениями по гуманизму, и я отправился к нему безо всякой рекомендации, просто в приемные часы. Прием я встретил очень радужный: Vahlen расспрашивал меня о плане работы, одобрил его, хотя с горечью заметил, что культурными вопросами теперь не интересуются в Германии и на его Opusculatria никто не обратил внимания. Сказать он мне многого не мог, потому что Валлой занимался мимоходом и поместил в предисловии все, что знал об этом предмете; но сообщил некоторые практические указания и, между прочим, о бумагах Бернайса. Бернайс был его друг, интересовался Валлой, но никаких материа-

лов по этому вопросу в Боннском университете нет. Несколько писем этого гуманиста, списанных Бернайсом, находятся у Vahlen, и он готовит их к изданию. Вместо Бонна он мне посоветовал Мюнхен, а на всякий случай рекомендовал поговорить с директором королевской библиотеки Вильмансом. У Вильманса такой же прием. Он познакомил меня с директором рукописного отдела dr. Rose, который немедленно представил мне рукописный каталог манускриптов, и послал на верх в lese-saal нужную для меня рукопись. Вил также посоветовал мне Мюнхен и пригласил к себе на квартиру, чтобы сообщить свои заметки об итальянских библиотеках. Итак, лето проведу вместо Бонна в Мюнхене и очень этим доволен. Там и наука, и искусство, а, кроме того, чрезвычайно интересно познакомиться с южно-немецкой жизнью. В Берлине я останусь недолго, вероятно, до 15 марта, когда немного потеплеет, хотя уезжать отсюда и не хочется. Маршрут предполагаю такой: через Магдебург, Виттенберг, Галле, Лейпциг и Мейссен в Дрезден, где пробуду недели две ради галереи, хотя там есть и библиотека. Затем через Прагу поеду в Вену, где есть неизданные письма Баллы, а также чтобы ознакомиться немного с Австрией. Там останусь около месяца, а потом через Зальцбург в Мюнхен. Хотелось бы рассказать Вам об общей постановке исторического преподавания в Германии и о семинариях, но до следующего письма. Передайте мой глубокий поклон Авдотье Ивановне. Искренно преданный Вам

М. Корелин

20 февраля/4 марта (1886)

Многоуважаемый Владимир Иванович.

На днях показали мне две клеветы в Московских ведомостях, из которых одна направлена на личность, которую искренно и глубоко уважаю, уважаю как немногих, почти как никого, — а другая на учреждение, которое дорого мне и по теоретическим соображениям, и по той роли, которую оно играло в моей личной жизни. Сегодня получил от жены письмо, из которого узнал правду, не менее возмутительную, чем газетная клевета. Говорить о том, какое впечатление произвели эти известия на меня, считаю излишним: один день мучительный и беспорядочный пришлось вычеркнуть из жизни. Я убежден, что такое же приблизительно впечатление произвел этот факт и на всех порядочных людей. Жена пишет мне между прочим: “свой комментарий не делаю, потому что, здравого суждения произнести не в состоянии. Со вчерашнего дня хожу, как потерянная, нер-

вы расходились до невероятности. Я никогда не думала, что Курсы дороги мне, как родное детище. Что будет дальше не знаю, верю только в одно: на что захрюкала свинья, тому несдобровать, кажется, в этом убеждены все". Я настроен более оптимистически и надеюсь, что практических последствий этот эпизод иметь не будет; но меня занимает другое, работающий в интересах истинного просвещения и настоящей культуры, кроме грязи с одной стороны и травли с другой: ничего ожидать не может. Единственным утешением, кроме осознания исполненного долга, остается сочувствие и уважение порядочных людей, которых у нас очень и очень немного. Во всей этой истории трудно решить, кто лучше? Растрепанная ли идиотка, фиалка из букета русской культуры, или та публика, среди которой особенно распространена газета, считающая пасквиль и шантаж своей любимой специальностью, или, наконец, те "патриоты своего отечества", которые служат своему карману и мракобесию. Этим последним следовало бы видеть немножко дальше своего носа, хотя бы в интересах их собственного quasi-патриотизма. Из "Моск. Вед." ложь и клевета перешли в немецкие газеты, причем одна из них "Berliner Tagblatt", на днях совершившая победоносный поход в Москву (причем, русские поляки должны были восстать в интересах Германии, а железная дорога от Бреста до Москвы легко прикрывалась армией), рассказывает, что в Москве ученицы höhere Töchterschule (т.е. женской гимназии, по здешней терминологии) произвели нигилистическое возмущение. Любопытно знать, для кого особенно вреден весь этот вздор?

Трудно выполнять свой долг на родине, и эта трудность особенно живо чувствуется, когда живешь при других условиях, видишь совсем иные порядки, но тем выше ценность людей, которые имеют гражданское мужество выполнять то, что они считают своим делом при самых неблагоприятных обстоятельствах. Чтобы выразить еще раз свое глубокое уважение, я и решился написать Вам, Владимир Иванович, эти строки.

Крепко жму Вашу руку

М. Корелин

Мой поклон Авдотье Ивановне. В Берлине я решил остаться до 1-го апреля (нового стиля) по многим соображениям, а главное потому, что живется хорошо и хорошо работается: смущают только головные боли да вести с родины. Удивительное дело: запад гниет, а из Москвы кроме всяческого смрада ничего не доносится. Странная игра природы.

Ваше письмо, многоуважаемый Владимир Иванович, навело меня на самые печальные размышления, а тотчас после прочтения причинило настоящую боль. Что это за ужасная среда, в которой и на которую приходится нам действовать? Я и не подозревал, что во главе “движения” стояла Соколова, а ее штаб составляли такие персоны, как Блеклова и С. Даже, в нашей курсовой оппозиции регресс: прежде эти девицы хоть некоторой благовоспитанностью обладали и на экзамене обнаруживали некоторую способность понимать то, что им читают. А теперь – посмотрите в нашу экзаменационную книгу – там первый год пребывания г-жи Соколовой на курсах ознаменован двойкой по истории Греции, это значит, что я не имел никакого повода надеяться, что она когда-нибудь обнаружит способность к членораздельным звукам. Прежние дуры молчали, а теперь они в деятели следуют – уж не дурь ли это времени? Я вполне понимаю возмутительность этого эпизода *an und für sich*¹, но он совершенно нетерпим, когда его виновницей является насекомое, которое с большой натяжкой можно назвать человеком, и я бы на Вашем месте устранил это существо посредством Василия, приказавши ему сделать горизонтальный жест рукой и соответствующее движение ногой. При таких нравах полиция слишком культурное средство.

Не менее тяжелое впечатление произвело на меня отношение к делу тех лиц, которых Вы не по заслугам величаете “добряками-радикалами”. Какие они радикалы – они просто добряки. Чтобы быть радикалами, надо иметь какие-нибудь убеждения, какую-нибудь философию, хоть для домашнего употребления, а они в этом отношении невиннее моей Надюшки. Эти господа правнуки Рудина, на которых с особенной наглядностью проявились законы вырождения. “Глаголом жечь сердца людей” они не в состоянии, а маленькие способности к делу атрофировались от безделья – в результате остались нули, которые только в нашей печальной действительности производят оптический обман и признаются за положительные величины. Кроме доброты, немножко распушенной, которая делает их сносными и даже приятными в обращении, они обладают еще двумя качествами – ленью и самолюбием и по всем этим причинам совершенно неспособны к какому бы то ни было делу, и смогут только занимать место. Впрочем, в их оправдание можно сказать то, что порядочная общественная деятельность у нас сплошной ряд мучений, а кому же

¹ самого по себе.

охота быть героем. Что касается до К., то мне достоверно известно из документальных данных, что он в этом деле был на Вашей стороне, хотя оно, по-видимому, было ему не вполне уместно, поэтому его мнение о правилах имело, вероятно, тот смысл, что при их существовании легче проделывать описанную мною выше операцию. Правила не могут, конечно, устранить ответственной личной деятельности, но могут сделать более лаконичными разговоры и излишними всякие объяснения. (Кстати, о нем. Из Берлина я написал ему письмо, правда, перед самым отъездом и не получил ответа. Мне очень хотелось бы знать, отчего это произошло, письмо ли пропало или просто он поленился ответить или, наконец, как я имею некоторые основания думать, обиделся за мое продолжительное молчание. В первых двух случаях я бы написал ему еще раз, так как было бы нелишне получить некоторые сведения от итальянской жизни, хотя я имею рекомендации от Wilmanns'a в Милан и Флоренцию. Не можете ли Вы вывести меня из недоумения и в случае надобности сообщить его летний адрес.) В составе курсовых преподавателей и в их отношении к делу заключается, по моему, главная опасность для курсов, когда Вы устанете и захотите отдохнуть, а тучи, о которых Вы пишете, вероятно, пройдут благополучно, по крайней мере, московские. Дамский университет в Умановском переулке – вещь совершенно удивительная. Я совсем не понимаю, откуда они возьмут субъект и объект обучения, выражаясь стилем покойного Дювернуа². Субботние радения с вознесением лампад и с участием преосвященного – самое большое, что может выйти из этой затеи в руках таких предпринимателей. А из новых педагогических курсов выйдет либо двойная глупость, либо глупость в квадрате, смотря потому, насколько усердно будут хлопотать учредители. Чтобы покончить о российских делах, два слова о Кананове. Я на него нисколько не сержусь, и доказательством тому может служить письмо, которое я ему недавно отправил по одному делу; я знаю, что к детям он относится гуманно, и это его наилучшее качество, которое, к сожалению, не может, так сказать, дезинфицировать его остальных свойств. Но я не сожалею, что не присутствовал на юбилее, потому что одушевление большинства из моих сослуживцев не могло быть ни чем иным, кроме фальши: их отношение я очень хорошо знаю.

Теперь позвольте поделиться с Вами Венскими впечатлениями. Я не раскаиваюсь, что поехал в Австрию, и напишу Вам длинное письмо о здешних порядках, но Вена пленила меня очень на-

² Дювернуа А.Л. (1840–1886) – профессор славянских наречий Московского университета.

долго. Туристу она должна подкупать своею наружностью. Здания, действительно, чудесные, глаз оторвать не хочется; кроме того, католический культ в особенности на страстной и святой недели весьма занятен; но потом становится скучно после Берлина. Политической и общественной жизни здесь почти совсем не видно: фрейеры носят замкнутый характер, и постороннего не пускают, разные *Versammlungen* редки и представляют из себя поток слов, декламацию, часто фальшивую, рассчитанную на чувства и совсем непоучительную. Университет, прелестнейшее здание с восхитительными аудиториями, не имеет ничего общего с Берлинским ни по богатству научных сил, ни по составу преподавателей. Лучший здешний историк *Büdinge*³, которого я знал по книжке об английской конституции, читает настоящий вздор, сводит, например, все причины французской революции на американское влияние. Аудитории нашего факультета почти совершенно пусты – сидеть стыдно. В библиотеках порядки ужасные: в университетской мне приходилось, прождавши два часа, самому отыскивать сначала директора, а потом нужную книгу; дело пошло лучше, когда я дал одному чиновнику гульден, а двум другим – по 50 крейцеров. Королевскую библиотеку вдруг закрыли, потому что там все развалилось, и сегодня я, заручившись бумагами от посла, просидел два часа у директора *Virka*, чтобы услышать от него, что в залы проникнуть нельзя. Разговор, впрочем, был очень назидательный: он сказал мне, между прочим, что 30 лет занимался гуманизмом, только все материалы отданы *Voigt*⁴ и *Vahlen*⁵. До свидания. Мой глубокий поклон Авдотье Ивановне. Где Вы проводите лето. Я останусь в Вене еще с месяц до 15 июня нового стиля, а потом в Мюнхен.

Хотелось бы еще написать, да уже 3 часа.

Искренно преданный Вам

М. Корелин

Munchen, 7 июля (1886)

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Замедлил ответом на Ваше письмо по двум причинам: хотелось сообщить более или менее постоянный адрес, а главное, сказать по правде, тяжело было говорить о Ваших чувствах¹.

³ Бюдингер М. (1828–1902) – историк.

⁴ Фогт Георг (1827–1891) – профессор Лейпцигского ун-та, автор работы “Возвращение классической древности”.

⁵ Вален Иоганн (?) – филолог, автор работ, посвященных Лоренцо Валле.

¹ 12 мая 1886 г. запрещался прием на ВЖК новых слушательниц.

Не прошло это чувство и теперь, наоборот, чем больше думаю, тем печальнее становится на душе. Не говоря о возмутительности самого факта, в особенности бесит бессмысленность мотивов, его вызвавших. Из того, что в Харькове сблудили 28 девиц (да еще, может быть, статистику собирала сплетня), можно было бы вывести необходимость контроля, даже медицинского освидетельствования, назначить какую-нибудь полицейскую Диану – словом, что угодно, кроме того, что вывела холопская логика. В силу таких соображений ради последовательности следовало бы закрыть монастыри и разогнать ту толпу, которая поближе и которая развратила харьковских курсисток, потому что она грешит и в те годы, когда можно без особенного труда спастись. Я с Вами согласен, что в курсах было много ненормального; только где же у нас нормальность-то; не в Катковском же лицее? Нельзя требовать от учреждения того, чего нет в окружающей его среде; а, кроме того, курсы были детищем новым и имели массу врагов, которые охально клеветали и сплетничали. Я очень рад, что Вы успокоились, потому что для Вас эта катастрофа личная, напому Вам еще одно соображение, в силу которого лично Вы можете и должны быть спокойны: если курсы погибнут, не Вы в этом виноваты; если в них есть здоровый элемент, то Вы более, чем кто-либо, содействовали его развитию, во всяком случае, сделали все, что можно было сделать. Поэтому я и не затруднюсь изложить свое сомнение на счет будущего Вашего детища. “Если в курсах есть живучесть, пишите Вы, – они возродятся в более нормальном и зрелом виде”. Да, но когда? Я убежден, что время “чинов” пройдет, как прошло время татар, печенегов и прочей “поганщины”, потому что существует прогресс и для России. Но такие времена не проходят даром, а ожидать от чинов культурного века не вижу никаких оснований. Для нормальности и зрелости курсов нужно, во-первых, чтобы улучшилась среда, из которой выходит их состав, а во-вторых, чтобы нашлись руководители. Но позволительно сомневаться, чтобы девицы “заменивши алгебру рукоделием”, сделались благовоспитанней, а что касается до будущих учредителей, то сомнения в их доброкачественности еще основательнее. Вы возлагаете обязанность на наше поколение призвать к жизни курсы, но мы ни к чему подобному неспособны. Для общественной деятельности, в особенности у нас и в этом направлении, необходим героизм и некоторая опытность в общем деле, а в нас нет идеализма, составляющего подкладку первого свойства, и нам негде было приобретать привычки и наклонности к общественной работе. Ваше поколение было поставлено выгоднее: Вы воспитывались в идеалистических традициях и вступали в жизнь в ту пору, когда к общечеловеческой

инициативе не относились с презрением или и усмешкой, а много ли из Ваших сверстников вышло деятелей? Стыдно признаться, что у Вас уже готовый план для осуществления прежней задачи — организация публичных курсов. Я живо представляю, как Вы будете тянуть за фалды Ваших сотоварищей, которых нелегко было удерживать и за готовым делом; наше поколение, насколько я знаю, к этому совершенно неспособно.

Оставил я, наконец, Вену и снова в Германии. Пребыванием своим в Австрийской столице в общем доволен, хотя заниматься было не совсем удобно и погода стояла отвратительная. Удивительное государство эта Австрия! Я прежде думал, что в России менее патриотов (кроме искусственных и официальных), чем где-либо. Вся наша литература, изящная и не изящная, занимается отчасти нашими слабостями и недостатками; в образованном обществе то же направление. И вдруг в Австрии встречаю то же направление в несравненно более сильной степени. Переезд из ультрапатриотичной Германии еще более усиливает это впечатление. В Праге мне отвечали по-немецки только тогда, когда узнавали, что я немец, в Вене есть местный патриотизм, но австрийский патриот такая же редкость, как и швейцарский адмирал. Славяне не хотят знать Австрии. Венгрию в Вене называют *Ausland*, а немцы тайно или открыто мечтают о присоединении к империи. Теперешняя немецкая оппозиция в парламенте распадается на две партии: одна, немецко-национальный клуб, исповедующий доктрину *Scherer'*, а другая, немецко-австрийский клуб, судя по их органу — за австрийское благоденствие. Мне очень хотелось найти образованного немца из этой партии, чтобы познакомиться с австрийским патриотизмом, и когда, наконец, удалось, то я услышал от него, что дни Австрии сочтены, что ее столица с каждым годом падает и что от старой веселой Вены осталось одно воспоминание. В конце концов мне же пришлось утешать огорченного австрийца. Я, впрочем, думаю, что у Австрии есть будущее, хотя национальная вражда там теперь в полном ходу. Мне кажется, что когда национальности приобретут то, к чему они стремились, из Австрии выйдет вторая Швейцария. Мешает этому размежеванию главным образом то, что у всех тамошних народов исторические традиции, не имеющие ничего общего с Австрией. Отсюда целый ряд курьезов, начиная с эпизода Янского в Пеште и кончая восстанием в Лайбахе из-за памятника *Ap. Grün'y*¹. Впрочем, в этом партикуляризме есть своя хорошая сторона для культуры. Из Вены я съездил в Пешт на денек. Ка-

¹ Анастасий Грюн — псевдоним графа Ауэршпорга Антона Александра (1806—1876), немецкий поэт и политический деятель.

кой это прекрасный городок. Живой, модный и в то же время чистый, уютный; видно, что его усердно холят, чтобы не упасть в грязь лицом. Очень сожалею, что поспешил временем и не заехал в Краков и Лемберг. Очень любопытно бы было посмотреть, что делается в этих центрах. Интересно, что в национальной борьбе, которая происходит теперь в Австрии, видную роль играет католическое духовенство. Удивительная у попов тактика: они охотно соединяются с популярными течениями, если надеются при этом пожитьяся. Выиграют ли они от этого – вопрос; но они очень ловко сумели подменить чехам Непомука² вместо Гуса³, и теперь громче всех галдят о немецких притеснениях. Вообще, политическая роль теперешнего католицизма очень меня занимает. За этим отчасти еду я теперь и в Мюнхен, кое-что поприглядеть, но об этом после.

Жена Вам кланяется, и мы вместе шлем привет Авдотье Ивановне. Устроились здесь недурно; Надюшка в восторге от Английского сада и блаженствует там в так называемом русском костюме, который, впрочем, немки называют *alt deutsch*.

Искренно весь Ваш

М. Корелин

Munchen. Neso-strass. 21, I

10 августа (1886)

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Ваше письмо доставило мне большое удовольствие своим тоном: видно, что вам хорошо и спокойно живется в Воронежских лесах. От души радуюсь, но нисколько не завидую. Мне тоже очень хотелось бы побеседовать с Вами, только не на Курлаке¹, а где-нибудь здесь, за границей. В темах недостатка не было бы, потому что немецкая жизнь становится все более интересной по мере того, как ее узнаешь. Но прежде, чем сообщить Мюнхенские впечатления, два слова о Валле. У него есть враги, только не совсем там, где Вы предполагаете. Жена и девочка мне нисколько не мешают: мы видимся в ресторане за обедом да вечером за чаем, где за отсутствием теперь театра (Поссарта² здесь показывают за 3 марки, и я этим пользовался, а жена в особенности). Надечка представляет мне живые картины на темы из пинакотеки. Они у меня народ самостоятельный и чувствуют себя здесь

² Непомук Иоанн – католический патрон Чехии.

³ Гус Ян (1369–1415) – богослов, лидер национального движения.

¹ река в Воронежской губернии.

² Поссарт Э. (1841–1921) – немецкий актер.

очень хорошо. Валле вредит до сих пор внешняя жизнь, от которой тем трудней оторваться, что подолгу не живу на одном месте. А, кроме того, моя притязательность... Впрочем, об этом позвольте написать после, зимою. Дело в том, что в отношении к своей диссертации я нахожусь или в депрессивно-отчаянном настроении, или в восторженном: писать неудобно в обоих случаях: или Вас преждевременно разогорчишь, или нахвастаешь. Но бывают иногда *momenta lucida*³, когда я в состоянии здраво смотреть на это дело, и, конечно, Вам первому напишу, что я сделал для книги и что должен сделать. Обстоятельный разбор книги Гейгера⁴ будет у меня в предисловии; я читал ее давно и заметок теперь искать долго. Общее впечатление такое: в ней нет ни истории гуманистов, ни характеристики отдельных личностей. К тому, что мы знали о гуманистах до Гейгера, он не прибавляет ровно ничего; как справочная книжка то же не годится, потому что слишком коротко. Чтобы покончить с личными делами, позвольте сообщить Вам мои планы ближайшего будущего. В Мюнхене останусь до 1-го сентября (нового), причем отсюда собираюсь сделать один маленький Rundreise (Регенбург, Нюрнберг, Варцбург, Гейдельберг, Страсбург, Штутгарт, Ульм, Аугсбург); затем на месяц поеду отдыхать в Швейцарию, потому что порядочно устал, а главное головные боли начали донимать; сегодня, например, ед-ва вожу пером.

Жена передала мне, что Вы предостерегали нас от мюнхенского климата; но я еще в Берлине порешил пожить в наиболее крупном центре немецкого клерикализма. Мне не совсем была понятна партия Вингорста⁵. Несомненно было, что центр прикрывался только либеральными принципами в оппозиции Бисмарку: делать это было не трудно, так как все последние меры канцлера представляли много удобных случаев для нападения именно с этой стороны. Несомненно, было также, что таким путем рассчитываются (и как оказалось верно) сплошь майские законы; но мне хотелось выяснить, какую роль играют в центре сепаратистские стремления, которые тщательно скрывались. Странно было думать, чтобы немцы после 15-летнего единства послали в рейхстаг такую сильную партию сепаратистов. Поэтому в Мюнхене я хотел выяснить два вопроса: насколько силен здесь капитализм и сепаратичен ли он по существу. Впечатление получилось сильное. В Берлине церкви пусты или заняты благо-

³ просветление.

⁴ Гейгер Л. – немецкий историк, специалист по Возрождению. Написал книгу "Renaissance und Humanismus in Italien u. Deutschland" (в издании Онкена, 1881).

⁵ имеется в виду Виногорст.

честивыми старушками, здесь они совершенно переполнены. Там проповедают о том, как приятно иметь Бога, которому можно говорить “ты” и разные назидания, весьма водянистые о сладостях различных домашних добродетелей; здесь внушают презрение и ненависть ко всему некаатолическому и предсказывают гибель неверных и торжество католицизма. Далее в университете я встретил такие лекции, какие мне казались невозможными в XIX веке. В большой аудитории при массе слушателей поп Ацберг (или что-то в этом роде) читает целый курс о папской непогрешимости, доказывая, что это общее верование христианства с древнейших времен. Если бы Вы слышали, что он делал с историей. А какая рожа – восторг. Затем другая лекция о дарвинизме. Здесь уже не поп, а настоящий немец с усами начинает лекцию тем, что развивает какую-то пародию на Дарвина и целый час пытается острить. Просто, стыдно слушать. От этих господ отправился слушать старого католика Фридриха. К крайнему сожалению, я попал сюда к концу семестра и не имел времени выяснить себе точку зрения этого направления, о котором я знаю очень мало. Лекция, которую я слышал, посвящена была реформам Иосифа II и Фридриха. Говорил о них с большим сочувствием. Из свободных мыслителей я слушал несколько лекций историка Рия (это лучшее, что я слышал в Германии) и философа Pransl’я. Это очень характерная фигура. При начале курса, как мне с ужасом рассказывал один студент, он заявил, что его лекции не имеют ничего общего с откровенной истиной, и без смеха (фыркает, как ребенок) не может говорить о церкви. Как он смеялся над католицизмом, что он теперь не может сжигать пантеистов, как сжег Бруно. В этих лекциях и в аудиториях я искал проявление сепаратизма, но его там очень мало или совсем нет. Познакомившись поближе с западными газетами, я было пришел к такому выводу: либеральные направления в борьбе с клерикальным опираются на национально-патриотические чувства и в силу этого стоят за единство. Мелкая печать здесь (разные Vaterland’ы, Münchenez, Deutes) вся клерикальна и враждебна к Пруссии; единственная либеральная газета “Neueshe Nachrichten”⁶ мало говорит об этом вопросе и говорит сдержанно, а министерская “Algemaime Zeitung”⁷, которую я постоянно читаю, резко пруссофильская, даже до сервиллизма. Наконец, здесь был Бисмарк, и ему накричали Ноч. Словом, мне казалось, что торжество либерализма в Германии самый верный залог (нравственный, по крайней мере) немецкого единства. Но недавно я заподозрил

⁶ “Немецкие ведомости”.

⁷ “Всеобщая газета”.

свои выводы. Бавария, ландтаг которой обладает клерикальным большинством, посылает в рейхстаг трех социалистов, и один из них v. Vollmar давал отчет своим избирателям. Собрание происходило в плохеньком кабачке zu den lieben Schiraben Schwabing⁸, публика была архидемократически радикальная, тем не менее оратор, забавляясь над папой и клерикалами, жестоко нападал на Пруссию; правда, против единства ничего не говорил, но в тоне слышалось совершенно ясно, отчего бы не играть выдающейся роли в империи Баварии. Очевидно, что такие стремления симпатичны бесштанной публике. В этом кабачке говорилось, между прочим, и о России, которая, по мнению оратора, “представляет собою самое вероломное государство, какое знает новая история”. Положим, в устах Vollmar’a это не особенно оскорбительно; но что меня ужасно изумляло в Германии и чего я до сих пор не понимаю – это трогательное согласие всех партий в этом отношении. Россию поразительно не знают и возмутительно на нее клеветают. Мне было бы крайне интересно знать Ваше мнение на этот счет. Самый факт не подлежит для меня сомнению, но объяснить его я решительно не умею.

Жена просит меня передать Вам и Авдотье Ивановне свой поклон, передайте и мое приветствие Вашей супруге.

Искренно Вам преданный

М. Корелин

Montreux, 23 сентября (1886)

Ваше письмо, многоуважаемый Владимир Иванович, застало меня в Интерлакене при самом выезде в Монтре, из которого завтра рано утром уезжаю в Люцерн, где самое большое проживу неделю. Одиночество пока для меня не наступило: я решил в Мюнхене сделать себе месячный отдых и провести его в семье, поэтому в Швейцарию мы отправились вместе. Теперь чувствую себя в физическом отношении прекрасно, потому что швейцарской природой воспользовался превосходно. Из Мюнхена через Констанц, Шафгаузен и Цюрих мы прибыли в Интерлакен, где прожили две недели, затем неделя в Монтре и столько же в Люцерне, откуда семья поедет в Москву, а я – в Милан. Из всех остановок я делал целую массу прогулок, куда можно с дамами, а то один и пешком. Видел все, что можно при моих капиталах, делал такие переходы, что даже чужие проводники называли меня laufer, а это большая похвала. Во время одной из прогулок на

⁸ название кабачка.

bealenberg'e около Interlakena за Table d'hôh'ом весьма плохенькой гостиницы встретил Пассовера, а в Montreux обедал вместе с Солдатенковым, который производит на меня очень благоприятное впечатление.

Проболтавшись три недели, могу смотреть на своего Валлу некоторым образом из прекрасного далеко и объективно отнестись к будущему детищу. Прежде всего ответ на Ваши вопросы: в окончательной форме написано листов 15–20 печатных: во-первых, исторические, философские и моральные воззрения Валлы и разбор его философских трактатов и истории Фердинанда, отца Альфонса Неаполитанского, и, во-вторых, разбор некоторых сочинений по этой эпохе и отдельные характеристики двух-трех современников Валлы. Что касается до 2-го Вашего вопроса, что я нашел в Германии для Валлы, то позвольте сообщить сначала, чего я искал и в чем заключались и заключаются мои огорчения. С самого начала я решил написать характеристику-биографию Валлы в связи с современной ему эпохой, но, ознакомившись поближе с делом, я увидел полную невозможность ограничиться первой половиной XV века вследствие того, что в современном ему гуманизме было несколько течений, выяснить которые и привести к одному источнику я не могу; это был какой-то отрывок, совершенно непонятный без начала. В силу этого мне предстояло выбрать 2 пути: или написать нечто вроде алексеевского Маккиавели, т.е. только о Валле и на основании одного Валлы, или проследить основные течения гуманизма от Петрарки до половины XV в.

Первую работу я мог бы сделать в один год, но она не удовлетворила бы меня самого и на русском языке была бы почти совсем бесполезна. Я остановился на второй задаче, как субъективно для меня единственно возможной, и теперь по временам, трепещу перед ее трудностями, которых очень много.

Во-первых, большинство из массы сочинений гуманистов, в рукописях, что все-таки замедляет чтение; даже Петрарка не весь издан. Во-вторых, монографий мало, предварительных работ по истории самого направления совсем нет. Отсюда, напр., обстоятельства такого рода. Для характеристики того круга, среди которого развивался Валла, мне нужно было составить себе представление о некоем A. Loschi, папском секретаре и выдающимся в своем кружке человеке. Сочинений нет, монографий о нем тоже, напечатаны 2–3 стихотворения, шаблонные и незначительные. Ф. говорит, что в Венской библиотеке есть его рукописная речь на Базельском соборе: читал целую неделю – и ничего, кроме фразеологии, даже для ученого самолюбия процитировать нечего. В-третьих, почти все, что написано о Возрождении, мне

не нравится, и это меня весьма огорчает. Я предположу диссертацию историографическое введение, при разборе книг и статей старательно выискиваю их достоинства и в конце концов “весьма недоволен”. Вы себе представить не можете, как мучителен для меня этот результат. По временам мне кажется, что я совсем утратил критическое чутье, не умею отличать хорошее от дурного, а следовательно, сам напишу дрянь совершенную. Но что же делать. Читаю, напр., переписку Л. Бруни: передо мной живое лицо с очень определенной нравственной философией; обращаюсь у Vortgi’у – там все наоборот; я бы охотно признал его авторитет, но у меня цитаты, а там все голословно. Есть об нем длинная статья одного итальянца – та же бездоказательность, только в лирическом возвышенном духе. Или еще хуже. Книга Sheferd’a о Поджио, переведенная и дополненная Topelli, считается очень хорошей. Действительно, биографический материал собран старательно, фактических данных много; но во что верил Поджио, какая у него была мораль, какие философские и политические взгляды? – об этом в двухтомном сочинении либо две строчки, либо ничего. Говорят, что книгу нужно ценить за то, что в ней есть, а не потому, чего нет, ну а если нет существенного? Или, может быть, то, что мне кажется существенным вовсе неважно? То же самое и о Петрарке. Прочитавши его прозу, я пришел в ужас от пустоты его биографии по самым интересным пунктам. Итак, тема моего сочинения: Л.В. и основные течения ит. гуманизма до половины XV века, а план приблизительно такой. 1) Историографическое введение, которое постараюсь осбвить культурно-исторически, расположивши материал или по эпохам, или по национальностям. 2) Биография В. до первых его сочинений в связи с историей папского гуманизма. 3) Философские воззрения гуманистов до половины XV века. Валла. 4) Их этика за этот период. Хочется дать картину материального состояния эпохи, в которую зародился и окреп гуманизм. 5) Их политические воззрения в связи с современной им действительностью. 6) Исторические взгляды и заслуги для историографии. Может быть, добавлю главку об искусстве, если это окажется целесообразным. Когда будет готова книга или 1-й том ея, напишу Вам к новому году из Италии. Вы пишете, что Валла стоит головных болей; я другого на этот счет мнения. Мне кажется, что, если я осилю свою задачу, может выйти нечто удобочитаемое и безынтересное; а, кроме того, мне хочется достигнуть работой и практических результатов – почитать на лаврах я не собираюсь, но работать по спокойному, по нормальному было бы очень желательно. Стыдно признаться, но длинный и довольно беспокойный путь от комлевской мукомольной мельницы до того перепутья, на котором

я теперь стою, порядочно утомил... Простите, что вдаюсь в лиризм: так, к слову пришлось.

Впечатления, которые Вы вынесли из читанных книг по реформации, очень интересны. Относительно Циммермана¹ я с Вами совсем согласен, хотя читал его для лекций, т.е. искал такого фактического материала, а не освещения фактов, но мне жаль, что в Гагене² Вы как будто разочаровались. По-моему, это лучшая книга по истории самой реформации, так как Ранке написал историю Германии в эту эпоху и в его книге изображено превосходно проявление религиозного движения в политических и социальных отношениях. В силу этого Гаген остается незаменимым. О Янсене³ судить не берусь, п.ч. знаю только 1-й том (Кстати, о нем. Я читал в газетах, что какой-то американец назначил премию в 8(5?)000 долларов за научное опровержение этой книги и выбрал судьей Берлинский университет.) Что касается до Вашего намерения или желания написать что-нибудь по этой эпохе, то его осуществление было бы в высшей степени желательно и, мне кажется, возможно в России. Было бы, по-моему, весьма полезно напечатать Ваш курс, так как читать его в прежнем объеме Вам не придется по новому уставу. А, кроме того, строго говоря, до сих пор нет биографии Лютера (лучше всего, по моему, у Гагена); а для меня лично было бы особенно приятно, если бы Вы взяли тему из 2-й половины реформационной эпохи. Причины успеха католической реакции – один из любопытнейших вопросов за этот период.

Однако пора и честь знать. Жена кланяется Вам и Авдотье Ивановне, и я с большим удовольствием делаю то же самое. Мой адрес: Милан Post restante. Не сообщите ли о курсах: сколько слушательниц, как прошли экзамены, как распределены лекции. Теперь начинается настоящее одиночество; надеюсь, что Вы не забудете искренно преданного Вам М. Корелина.

(Окончание следует)

¹ Циммерман В. (1807–1878) – историк.

² Гаген К. (1810–1864) – немецкий историк.

³ Янсен И. (1829–1891) – католический священник, его исторические работы вызвали острую дискуссию.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>Н.Ф. Бугай.</i> Проблемы репрессированных национальных меньшинств в российской историографии	3
<i>Д.В. Карнаухов.</i> Формирование исторического образа Руси в польской хронографии XV–XVI вв. (Источники и историография исследования)	53
<i>А.С. Ряжев.</i> Вероисповедная политика русского “просвещенного абсолютизма”: история изучения	84
<i>А.Г. Гачева.</i> Философия истории Н.Ф. Федорова	126

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

<i>В.Г. Кошкидько.</i> Представительная власть в России в начале XX в. в дореволюционной отечественной историографии	154
--	-----

*Материалы международной конференции
“Управление Россией. Опыт. Традиции. Новаторство”.
Москва. 12 декабря 2004 г.*

<i>В.В. Трепавлов.</i> Особенности и закономерности “национальной политики” в России XVI–XIX вв.	172
<i>А.П. Корелин.</i> Проблемы местного управления в России на рубеже XIX–XX вв.	183
<i>А.А. Данилов.</i> Политические реформы в России на рубеже XX–XXI вв. в свете исторического опыта страны	203

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

<i>Л.П. Лантева.</i> Николай Владимирович Ястребов (1869–1923) как исследователь истории Чехии	212
--	-----

Воспоминания учителей и коллег

<i>О.А. Кучкина. О моем отце</i>	252
<i>Н.В. Иллерицкая. Владимир Евгеньевич Иллерицкий. Путь в науке</i>	269
<i>А.В. Игнатьев. Александр Давидович Малявский</i>	290

ПУБЛИКАЦИИ

Письма М.С. Корелина В.И. Герье (подг. Д.А. Цыганков).....	298
---	------------

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ
2005

Историографический вестник

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Л.М. Кузнецова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.Н. Резникова*
Корректоры *А.Б. Васильев,*
Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 22.05.2006
Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 23,0. Усл.кр.-отт. 23,0. Уч.-изд.л. 25,0
Тираж 550 экз. Тип. зак. 3358

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-035069-9

9 785020 350694